

Астрид Линдгрен

**ТРИ ПОВЕСТИ
О МАЛЫШЕ
И КАРЛСОНЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Детская литература»

Астрид Линдгрен

**ТРИ ПОВЕСТИ
О МАЛЫШЕ
И КАРЛСОНЕ**

Перевод со шведского

Astrid Lindgren
LILLEBROR OCH KARLSSON Paa TAKET.
Stockholm, Rabén — Sjögren, 1955.
KARLSSON PAA TAKET ELYGER IGEN.
Stockholm, Rabén — Sjögren, 1962.
KARLSSON PAA TAKET SMYGER IGEN.
Stockholm, Rabén — Sjögren, 1968.

П Е Р Е В О Д А Н И Е

В эту книгу вошли три повести известной шведской писательницы Астрид Линдгрэн про обыкновенного мальчика Сванте Свантесона, по прозвищу Малыш, и его необыкновенного друга Карлсона.

Перевела со шведского

Л. З. Лунгина

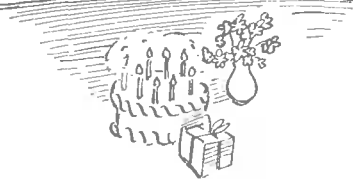
Послесловие *А. Исеевой*

Рисунки

Илун Викланд

Оформление *А. Ременника*

**МАЛЫШ
И КАРЛСОН,
КОТОРЫЙ
ЖИВЁТ
НА КРЫШЕ**

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ

В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная шведская семья, по фамилии Свэнте-сон. Семья эта состоит из самого обыкновенного папы, самой обыкновенной мамы и трёх самых обыкновенных ребят — Боссе, Бетан и Малыша.

— Я вовсе не самый обыкновенный мальчиш,— говорит Малыш.

Но это, конечно, неправда. Ведь на свете столько мальчишек, которым семь лет, у которых голубые

глаза, невымытые уши и разорванные на колёнках штанишки, что сомневаться тут нечего: Малыш — самый обыкновенный мальчик.

Боссе пятнадцать лет, и он с большей охотой стоит в футбольных воротах, чем у школьной доски, а значит — он тоже самый обыкновенный мальчик.

Бетан четырнадцать лет, и у неё косы точь-в-точь такие же, как у других самых обыкновенных девочек.

Во всём доме есть только одно не совсем обыкновенное существо — Карлсон, который живёт на крыше. Да, он живёт на крыше, и одно это уже необыкновенно. Быть может, в других городах дело обстоит иначе, но в Стокгольме почти никогда не случается, чтобы кто-нибудь жил на крыше, да ещё в отдельном маленьком домике. А вот Карлсон, представьте себе, живёт именно там.

Карлсон — это маленький толстый самоуверенный человечек, и к тому же он умеет летать. На самолётах и вертолётах летать могут все, а вот Карлсон умеет летать сам по себе. Стоит ему только нажать кнопку на животе, как у него за спиной тут же начинает работать хитроумный моторчик. С минуты, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достой-

ным видом, словно какой-нибудь директор, — конечно, если можно себе представить директора с пропеллером за спиной.

Карлсону прекрасно живётся в маленьком домике на крыше. По вечерам он сидит на крылечке, покуривает трубку да глядит на звёзды. С крыши, разумеется, звёзды видны лучше, чем из окон, и поэтому можно только удивляться, что так мало людей живёт на крышах. Должно быть, другие жильцы просто не догадываются поселиться на крыше. Ведь они не знают, что у Карлсона там свой домик, потому что домик этот спрятан за большой дымовой трубой. И вообще станут ли взрослые обращать внимание на какой-то там крошечный домик, даже если и споткнутся о него?

Как-то раз один трубочист вдруг увидел домик Карлсона. Он очень удивился и сказал самому себе:

— Странно... Домик?.. Не может быть! На крыше стоит маленький домик?.. Как он мог здесь оказаться?

Затем трубочист полёз в трубу, забыл про домик и уж никогда больше о нём не вспоминал.

Малыш был очень рад, что познакомился с Карлсоном. Как только Карлсон прилетал, начинались необычайные приключения. Карлсону, должно быть, тоже было приятно познакомиться с Малышом. Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да ещё в таком, о котором никто и не слышал. Грустно, если некому крикнуть: «Привет, Карлсон!», когда ты пролетаешь мимо.

Их знакомство произошло в один из тех неудачных дней, когда быть Малышом не доставляло никакой радости, хотя обычно быть Малышом чудесно. Ведь Малыш — любимец всей семьи, и каждый балует его как только может. Но в тот день всё шло шиворот-навыворот. Мама выругала его за то, что он

оня́ть разорва́л штаны́, Бе́тан кри́кнула ему́: «Вы́три нос!», а па́па рассерди́лся, потому́ что Ма́лыш по́здно пришёл из шко́лы.

— По у́лицам слоня́ешься! — сказа́л па́па.

«По у́лицам слоня́ешься!» Но ведь па́па не знал, что по до́роге до́мой Ма́лышу́ повстреча́лся щено́к. Ми́лый, прекра́сный щено́к, кото́рый обню́хал Ма́лыша́ и привё́тливо завиля́л хвостом, сло́вно хоте́л стать его́ щенко́м.

Если бы э́то зави́село от Ма́лыша́, то жела́ние щенка́ осуществи́лось бы тут же. Но беда́ заключа́лась в том, что ма́ма и па́па ни за что не хоте́ли держа́ть в до́ме соба́ку. А кро́ме того́, из-за угла́ вдруг появи́лась кака́я-то тётка и закрича́ла: «Ри́ки! Ри́ки! Сюда́!» — и тогда́ Ма́лышу́ ста́ло соверше́нно я́сно, что э́тот щено́к уже́ никогда́ не ста́нет его́ щенко́м.

— Похо́же, что так всю жизнь и прожи́вёшь без соба́ки, — с го́речью сказа́л Ма́лыш, когда́ всё оберну́лось про́тив него́. — Вот у тебя́, ма́ма, есть па́па; и Бо́ссе с Бе́тан то́же всегда́ вме́сте. А у меня́ — у меня́ никогó нет!..

— Дорого́й Ма́лыш, ведь у тебя́ все мы! — сказа́ла ма́ма.

— Не зна́ю... — с ещё́ бо́льшей го́речью произнёс Ма́лыш, потому́ что ему́ вдруг показа́лось, что у него́ действите́льно никогó и ничегó нет на све́те.

Впро́чем, у него́ была́ своя́ ко́мната, и он туда́ отпра́вился.

Стоя́л я́сный весе́нный ве́чер, о́кна бы́ли откры́ты, и бе́лые занаве́ски ме́дленно раска́чивались, сло́вно здоро́ваясь с ма́ленькими бле́дными звёздами, то́лько что появи́вшимися на чи́стом весе́нном небе́. Ма́лыш облокоти́лся о подоко́нник и стал смотре́ть в о́кно. Он ду́мал о том прекра́сном щенке́, кото́рый повстреча́лся ему́ се́годня. Быть мо́жет, э́тот щено́к лежи́т

сейчас в корзинке на кухне и какой-нибудь мальчик — не Малыш, а другой — сидит рядом с ним на полу, гладит его косматую голову и приговаривает: «Рики, ты чудесный пёс!»

Малыш тяжело вздохнул. Вдруг он услышал какое-то слабое жужжание. Оно становилось всё громче и громче, и вот, как это ни покажется странным, мимо окна пролетел толстый человек. Это и был Карлсон, который живёт на крыше. Но ведь в то время Малыш ещё не знал его.

Карлсон окинул Малыша внимательным, долгим взглядом и полетел дальше. Набрыв высоту, он сделал небольшой круг над крышей, облетел вокруг трубы и повернул назад, к окну. Затем он прибавил скорость и пронёсся мимо Малыша, как постоянный маленький самолёт. Потом сделал второй круг. Потом третий.

Малыш стоял не шелохнувшись и ждал, что будет дальше. У него просто дух захватило от волнения и по спине побежали мурашки — ведь не каждый день мимо окон пролетают маленькие толстые человечки.

А человек за окном тем временем замедлил ход и, поравнявшись с подоконником, сказал:

— Привёт! Можно мне здесь на минуточку приземлиться?

— Да, да, пожалуйста, — поспешно ответил Малыш и добавил: — А что, трудно вот так летать?

— Мне — ни капельки, — важно произнёс Карлсон, — потому что я лучший в мире летун! Но я не советовал бы увальню, похожему на мешок с сеном, подражать мне.

Малыш подумал, что на «мешок с сеном» обижаться не стоит, но решил никогда не пробовать летать.

— Как тебя зовут? — спросил Карлсон.

— Малыш. Хотя по-настоящему меня зовут Свante Свантесон.

— А меня, как это ни странно, зовут Карлсон. Просто Карлсон, и всё. Привет, Малыш!

— Привет, Карлсон! — сказал Малыш.

— Сколько тебе лет? — спросил Карлсон.

— Семь, — ответил Малыш.

— Отлично. Продолжим разговор, — сказал Карлсон.

Затем он быстро перекинул через подоконник одну за другой свои маленькие толстенные ножки и очутился в комнате.

— А тебе сколько лет? — спросил Малыш, решив, что Карлсон ведёт себя уж слишком ребячливо для взрослого дяди.

— Сколько мне лет? — переспросил Карлсон. — Я мужчина в самом расцвете сил, больше я тебе ничего не могу сказать.

Малыш в точности не понимал, что значит быть мужчиной в самом расцвете сил. Может быть, он тоже мужчина в самом расцвете сил, но только ещё не знает об этом? Поэтому он осторожно спросил:

— А в каком возрасте бывает расцвет сил?

— Влюбом! — ответил Карлсон с довольной улыбкой. — Влюбом, во всяком случае, когда речь идёт обо мне. Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!

Он подошёл к книжной полке Малыша и вытащил стоявшую там игрушечную паровую машину.

— Давай запустим её, — предложил Карлсон.

— Без папы нельзя, — сказал Малыш. — Машину можно запускать только вместе с папой или Боссе.

— С папой, с Боссе или с Карлсоном, который живёт на крыше. Лучший в мире специалист по

паровым машинам — это Карлсон, который живёт на крыше. Так и передай своему папе! — сказал Карлсон.

Он быстро схватил бутылку с денатуратом, которая стояла рядом с машиной, наполнил маленькую спиртовку и зажёл фитиль.

Хотя Карлсон и был лучшим в мире специалистом по паровым машинам, денатурат он наливал весьма неуклюже и даже пролил его, так что на полке образовалось целое денатуратное озеро. Оно тут же загорелось, и на полированной поверхности зашлясали весёлые голубые язычки пламени. Малыш испуганно вскрикнул и отскочил.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и предостерегающе поднял свою пухлую ручку.

Но Малыш не мог стоять спокойно, когда видел огонь. Он быстро схватил тряпку и прибил пламя. На полированной поверхности полки осталось несколько больших безобразных пятен.

— Погляди, как испортилась полка! — озабоченно произнёс Малыш. — Что теперь скажет мама?

— Пустяки, дело житейское! Несколько крошечных пятнышек на книжной полке — это дело житейское. Так и передай своей маме.

Карлсон опустился на колени возле паровой машины, и глаза его заблестели.

— Сейчас она начнёт работать.

И действительно, не прошло и секунды, как паровая машина заработала. Фут, фут, фут... — пыхтела она. О, это была самая прекрасная из всех паровых машин, какие только можно себе вообразить, и Карлсон выглядел таким гордым и счастливым, будто сам её изобрёл.

— Я должен проверить предохранительный клапан, — вдруг произнёс Карлсон и принялся крутить

какую-то маленькую ручку.— Когда не проверишь предохранительные клапаны, случаются аварии.

Фут-фут-фут... — пыхла машина всё быстрее и быстрее. Футфутфут!.. Под конец она стала задыхаться, точно мчалась галопом. Глаза у Карлсона сияли.

А Малыш уже перестал горевать по поводу пятен на полке. Он был счастлив, что у него есть такая чудесная паровая машина и что он познакомился с Карлсоном, лучшим в мире специалистом по паровым машинам, который так искусно проверил её предохранительный клапан.

— Ну, Малыш, — сказал Карлсон, — вот это действительно «фут-фут-фут»! Вот это я понимаю! Лучший в мире спе...

Но закончить Карлсон не успел, потому что в этот момент раздался громкий взрыв и паровой машины не стало, а обломки её разлетелись по всей комнате.

— Она взорвалась! — в восторге закричал Карлсон, словно ему удалось проделать с паровой машиной самый интересный фокус.— Честное слово, она взорвалась! Какой грохот! Как здорово!

Но Малыш не мог разделить радость Карлсона. Он стоял растерянный, с глазами, полными слёз.

— Моя паровая машина... — всхлипывал он.— Моя паровая машина развалилась на куски!

— Пустяки, дело житейское! — И Карлсон беспечно махнул своей маленькой пухлой рукой.— Я тебе дам ещё лучшую машину, — успокаивал он Малыша.

— Ты? — удивился Малыш.

— Конечно. У меня там, наверху, несколько тысяч паровых машин.

— Где это у тебя там, наверху?

— Наверху́, в моём до́мике на кры́ше.

— У тебя́ есть до́мик на кры́ше? — переспроси́л Ма́лыш. — И не́сколько ты́сяч паровы́х маши́н?

— Ну да. Уж со́тни две наверняка́.

— Ка́к бы мне хоте́лось побыва́ть в твоём до́мике! — восклицнул Ма́лыш.

В это́ было́ трудно́ повери́ть: ма́ленький до́мик на кры́ше, и в нём живёт Ка́рлсон...

— Подума́ть то́лько, дом, наби́тый паровы́ми маши́нами! — восклицнул Ма́лыш. — Две со́тни маши́н!

— Ну, я в то́чности не счита́л, ско́лько их там оста́лось, — уточни́л Ка́рлсон, — но уж ника́к не ме́ньше не́скольких дю́жин.

— И ты мне дашь одну́ маши́ну?

— Ну конечно́!

— Пря́мо сейча́с!

— Нет, спача́ла мне на́до их немно́жко посмотре́ть, провери́ть предохраните́льные кла́паны... ну, и тому́ подобно́е. Споко́йствие, то́лько спокóйствие! Ты по́лучишь маши́ну на дня́х.

Ма́лыш приня́лся собира́ть с по́ла куски́ того́, что ра́ньше было́ его́ парово́й маши́ной.

— Предста́вляю, как рассе́рдится па́па, — озабо́ченно пробормота́л он.

Ка́рлсон удиви́ленно по́днял брови́:

— Из-за парово́й маши́ны? Да ведь это́ же пустя́ки, де́ло жите́йское. Сто́ит ли волнова́ться по тако́му по́воду! Так и переда́й своему́ па́пе. Я бы ему́ это́ сам сказа́л, но спешу́ и по́тому не могу́ здесь заде́рживаться... Мне не уда́стся сего́дня встре́титься с твои́м па́пой. Я до́лжен слета́ть домо́й, посмотре́ть, что там де́лается.

— Это́ о́чень хоро́шо, что ты попа́л ко мне, — сказа́л Ма́лыш. — Хотя́, конечно́, парова́я маши́на... Ты ещё когда́-нибу́дь залети́шь сюда́?

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и нажал кнопку на своём животё.

Мотор загудёл, но Карлсон всё стоял неподвижно и ждал, пока пропеллер раскрутится во всю мощь. Но вот Карлсон оторвался от пола и сделал несколько кругов.

— Мотор что-то барахлит. Надо будет залететь в мастерскую, чтобы его там смазали. Конечно, я и

сам мог бы это сделать, да, беда, нет времени... Думаю, что я всё-таки загляну в мастерскую.

Малыш тоже подумал, что так будет разумнее.

Карлсон вылетел в открытое окно; его маленькая толстенькая фигурка чётко вырисовывалась на весеннем, усыпанном звёздами небе.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон, помахал своей пухлой ручкой и скрылся.

КАРЛСОН СТРОИТ БАШНЮ

— Я ведь вам уже говорил, что его зовут Карлсон и что он живёт там, наверху, на крыше, — сказал Малыш. — Что же здесь особенного? Разве люди не могут жить, где им хочется?..

— Не упрямясь, Малыш, — сказала мама. — Если бы ты знал, как ты нас напугал! Настоящий взрыв. Ведь тебя могло убить! Неужели ты не понимаешь?

— Понимаю, но всё равно Карлсон — лучший в

мире специалист по паровым машинам, — ответил Малыш и серьёзно посмотрел на свою маму.

Ну как она не понимает, что невозможно сказать «нет», когда лучший в мире специалист по паровым машинам предлагает проверить предохранительный клапан!

— Надо отвечать за свои поступки, — строго сказал папа, — а не сваливать вину на какого-то Карлсона с крыши, которого вообще не существует.

— Нет, — сказал Малыш, — существует!

— Да ещё и летать умеет! — насмешливо подхватил Боссе.

— Представь себе, умеет, — отрезал Малыш. — Я надеюсь, что он залетит к нам, и ты сам увидишь.

— Хорошо бы он залетел завтра, — сказала Бетан. — Я дам тебе крону, Малыш, если увижу своими глазами Карлсона, который живёт на крыше.

— Нет, завтра ты его не увидишь — завтра он должен слетать в мастерскую смазать мотор.

— Ну, хватит рассказывать сказки, — сказала мама. — Ты лучше погляди, на что похожа твоё книжная полка.

— Карлсон говорит, что это пустяки, дело житейское! — И Малыш махнул рукой, точь-в-точь как махал Карлсон, давая понять, что вовсе не стоит расстраиваться из-за каких-то там пятен на полке.

Но ни слова Малыша, ни этот жест не произвели на маму никакого впечатления.

— Вот, значит, как говорит Карлсон? — строго сказала она. — Тогда передай ему, что, если он ещё раз сунет сюда свой нос, я его так отшлёпаю — век будет помнить.

Малыш ничего не ответил. Ему показалось ужасным, что мама собирается отшлёпать лучшего в мире специалиста по паровым машинам. Да, ничего хоро-

шего нельзя было ожидать в такой неудачный день, когда буквально всё шло шиворот-навыворот.

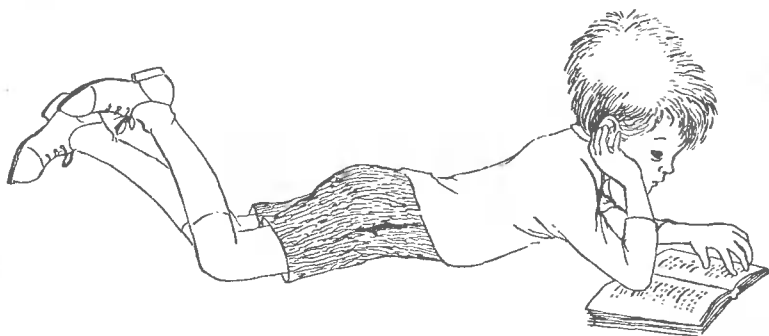
И вдруг Малыш почувствовал, что он очень соскучился по Карлсону — бодрому, веселому человечку, который так потешно махал своей маленькой рукой, приговаривая: «Неприятности — это пустяки, дело житейское, и расстраиваться тут нечего».

«Неужели Карлсон больше никогда не прилетит?» — с тревогой подумал Малыш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал себе Малыш, подражая Карлсону. — Карлсон ведь обещал, а он такой, что ему можно верить, это сразу видно. Через денёк-другой он прилетит, наверняка прилетит.

...Малыш лежал на полу в своей комнате и читал книгу, когда снова услышал за окном какое-то жужжание, и, словно гигантский шмель, в комнату влетел Карлсон. Он сделал несколько кругов под потолком, напевая вполголоса какую-то веселую песенку. Пролетая мимо висящих на стенах картин, он всякий раз сбавлял скорость, чтобы лучше их рассмотреть. При этом он склонял набок голову и прищуривал глазки.

— Красивые картины, — сказал он наконец. — Необычайно красивые картины! Хотя, конечно, не такие красивые, как мои.

Мальш вскочил на ноги и стоял, не помня себя от восторга: так он был рад, что Карлсон вернулся.

— А у тебя там, на крыше, много картин? — спросил он.

— Несколько тысяч. Ведь я сам рисую в свободное время. Я рисую маленьких петухов и птиц и другие красивые вещи. Я лучший в мире рисовальщик петухов, — сказал Карлсон и, сделав изящный разворот, приземлился на пол рядом с Мальшом.

— Что ты говоришь! — удивился Мальш. — А нельзя ли мне подняться с тобой на крышу? Мне так хочется посмотреть твой дом, твои паровые машины и твои картины!..

— Конечно, можно, — ответил Карлсон, — само собой разумеется. Ты будешь дорогим гостем... как-нибудь в другой раз.

— Поскорей бы! — воскликнул Мальш.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я должен сначала прибраться у себя в доме. Но на это не уйдёт много времени. Ты ведь догадываешься, кто лучший в мире мастер скоростной уборки комнат?

— Наверно, ты, — робко сказал Малыш.

— «Наверно»! — возмущился Карлсон. — Ты ещё говоришь «наверно»! Как ты можешь сомневаться! Карлсон, который живёт на крыше, — лучший в мире мастер скоростной уборки комнат. Это всем известно.

Малыш не сомневался, что Карлсон во всём «лучший в мире». И уж наверняка он самый лучший в мире товарищ по играм. В этом Малыш убедился на собственном опыте... Правда, Кристер и Гунилла тоже хорошие товарищи, но им далеко до Карлсона, который живёт на крыше! Кристер только и делает, что хвалится своей собакой Ефрой, и Малыш ему давно завидует.

«Если он завтра опять будет хвастаться Ефрой, я ему расскажу про Карлсона. Что стоит его Еффа по сравнению с Карлсоном, который живёт на крыше! Так я ему и скажу».

И всё же ничего на свете Малыш так страстно не желал иметь, как собаку...

Карлсон прервал размышления Малыша.

— Я бы не прочь сейчас слегка поразвлечься, — сказал он и с любопытством огляделся вокруг. — Тебе не купили новой паровой машины?

Малыш покачал головой. Он вспомнил о своей паровой машине и подумал: «Вот сейчас, когда Карлсон здесь, мама и папа смогут убедиться, что он в самом деле существует». А если Боссе и Бетан дома, то им он тоже покажет Карлсона.

— Хочешь пойти познакомиться с моими мамой и папой? — спросил Малыш.

— Конечно! С восторгом! — ответил Карлсон. — Им будет очень приятно меня увидеть — ведь я такой красивый и умный... — Карлсон с довольным видом прошёлся по комнате. — И в меру ушительный, — добавил он. — Короче, мужчина в самом расцвете сил. Да, твоим родителям будет очень приятно со мной познакомиться.

По доносившемуся из кухни запаху жарящихся мясных тефтелей Малыш понял, что скоро будут обедать. Подумав, он решил свести Карлсона познакомиться со своими родными после обеда. Во-первых, никогда ничего хорошего не получается, когда маме мешают жарить тефтели. А кроме того, вдруг папа или мама вздумают завести с Карлсоном разговор о паровой машине или о пятнах на книжной полке... А такого разговора ни в коем случае нельзя допускать. Во время обеда Малыш постарается втолковать и папе и маме, как надо относиться к лучшему в мире специалисту по паровым машинам. Вот когда они пообедают и всё поймут, Малыш пригласит всю семью к себе в комнату.

«Будьте добры, — скажет Малыш, — пойдёте ко мне. У меня в гостях Карлсон, который живёт на крыше».

Как они изумятся! Как будет забавно глядеть на их лица!

Карлсон вдруг перестал расхаживать по комнате. Он замер на месте и стал принахиваться, словно ищётка.

— Мясные тефтели, — сказал он. — Обожаю сочные, вкусные тефтели!

Малыш смутился. Собственно говоря, на эти слова Карлсона надо было бы ответить только одно: «Если хочешь, останься и пообедай с нами». Но Малыш не решился произнести такую фразу. Невозможно привести Карлсона к обеду без предваритель-

ного объяснения с родителями. Вот Кристера и Гуниллу — это другое дело. С ними Малыш может примчаться в последнюю минуту, когда все остальные уже сидят за столом, и сказать: «Милая мама, дай, пожалуйста, Кристеру и Гунилле горохового супа и блинов». Но привести к обеду совершенно незнакомаго маленького толстого человечка, который к тому же взорвал паровую машину и прожог книжную полку, — нет, этого так просто сделать нельзя!

Но ведь Карлсон только что заявил, что обожает сочные, вкусные мясные тефтели, — значит, надо во что бы то ни стало угостить его тефтелями, а то он ещё обидится на Малыша и больше не захочет с ним играть... Ах, как много теперь зависело от этих вкусных мясных тефтелей!

— Подожди минутку, — сказал Малыш. — Я сбегу на кухню за тефтелями.

Карлсон одобряюще кивнул головой.

— Неси скорей! — крикнул он вслед Малышу. — Одними картинками сыт не будешь!

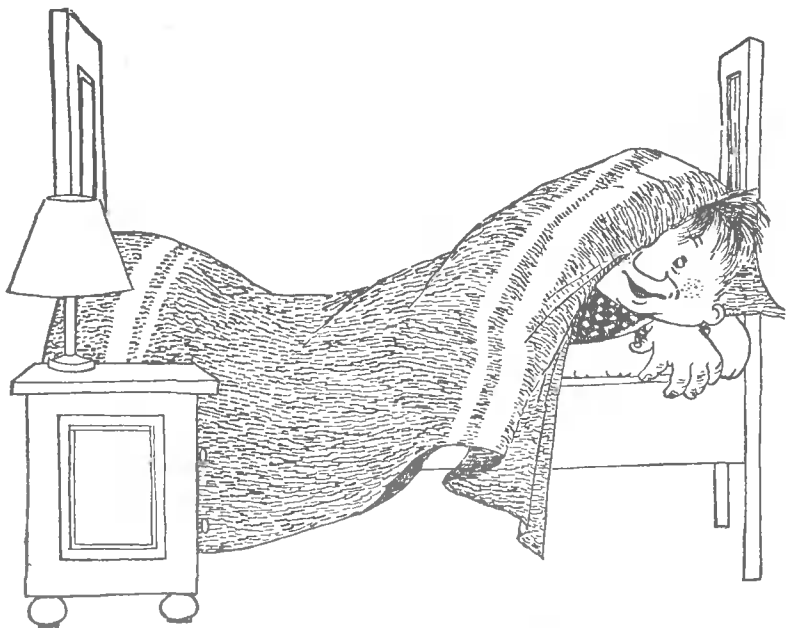
Малыш примчался на кухню. Мама в клетчатом переднике стояла у плиты и жарила превосходные тефтели. Время от времени она встряхивала большую сковородку, и плотно уложенные маленькие мясные шарики подскакивали и переворачивались на другую сторону.

— А, это ты, Малыш? — сказала мама. — Скоро будем обедать.

— Мамочка, — произнёс Малыш самым вкрадчивым голосом, на который был только способен, — мамочка, положи, пожалуйста, несколько тефтелек на блюдец, и я отнесу их в свою комнату.

— Сейчас, сынок, мы сядем за стол, — ответила мама.

— Я знаю, но всё равно мне очень нужно... После обеда я тебе объясню, в чём дело.

— Ну ладно, ладно, — сказала мама и положила на маленькую тарелочку шесть тэфтелей. — На, возьми.

О, чудесные маленькие тэфтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные — словом, такие, какими и должны быть хорошие мясные тэфтели!

Мальш взял тарелку обеими руками и осторожно понёс её в свою комнату.

— Вот и я, Карлсон! — крикнул Мальш, отворяя дверь.

Но Карлсон исчез. Мальш стоял с тарелкой посреди комнаты и оглядывался по сторонам. Никакого Карлсона не было. Это было так грустно, что у Мальша сразу же испортилось настроение.

— Он ушёл, — сказал вслух Мальш. — Он ушёл! Но вдруг...

— Пип! — донёлся до Малыша какой-то странный писк.

Малыш повернул голову. На кровати, рядом с подушкой, под одеялом, шевелился какой-то маленький комок и пищал:

— Пип! Пип!

А затѣм из-под одеяла выглянуло лукавое лицо Карлсона.

— Хи-хи! Ты сказал: «он ушёл», «он ушёл»... Хи-хи! А «он» вовсе не ушёл — «он» только спрятался!.. — проищал Карлсон.

Но тут он увидел в руках Малыша тарелочку и миглом нажал кнопку на животѣ. Мотор загудѣл, Карлсон стремительно спикировал с кровати прямо к тарелке с тефтелями. Он на лету схватил тефтельку, потом взвился к потолку и, сделав небольшой круг под лампой, с довольным видом принялся жевать.

— Восхитительные тефтельки! — воскликнул Карлсон. — На редкость вкусные тефтельки! Можно подумать, что их делал лучший в мире специалист по тефтелям!.. Но ты, конечно, знаешь, что это не так, — добавил он.

Карлсон снова спикировал к тарелке и взял ещё одну тефтельку.

В этот момент из кухни послышался мамин голос:

— Малыш, мы садимся обедать, быстро мой руки!

— Мне надо идти, — сказал Малыш Карлсону и поставил тарелочку на пол. — Но я очень скоро вернусь. Обещай, что ты меня дождёшься.

— Хорошо, дождусь — сказал Карлсон. — Но что мне здесь делать без тебя? — Карлсон спланировал на пол и приземлился возле Малыша. — Пока тебя не будет, я хочу заняться чём-нибудь интересным. У тебя правда нет больше паровых машин?

— Нет, — отвётил Малыш. — Машин нет, но есть кубики.

— Покажи, — сказа́л Ка́рлсон.

Малыш доста́л из шкафа, где лежа́ли игра́шки, ящик со строительным набором. Это был и в са́мом де́ле великоле́пный строительный ма́териал — разноцветные де́тали различной фо́рмы. Их мо́жно бы́ло соединя́ть друг с дру́гом и стро́ить всевозмо́жные ве́щи.

— Вот, играй, — сказа́л Малыш. — Из э́того набора мо́жно сде́лать и автомоби́ль, и подьёмный кран, и всё, что хо́чешь...

— Неужели лу́чший в ми́ре строите́ль не знаёт, — прерва́л Малыша́ Ка́рлсон, — что мо́жно постро́ить из э́того строите́льного ма́териала!

Ка́рлсон су́нул себе́ в рот ещё́ одну́ тефте́лку и кину́лся к ящику́ с кубиками.

— Сейча́с ты уви́дишь, — проговори́л он и вы́валил все кубики на́ пол. — Сейча́с ты уви́дишь...

Но Малышú надо было идти́ обедать. Как охóтно он остáлся бы здесь понаблюдáть за работой́ лúчшего в мíре строителя! С поро́га он ещё́ раз огляну́лся на Кáрлсона и уви́дел, что́ тот уже́ сидит на полу́ вóзле горы́ кúбиков и радóстно напева́ет себе́ под нос:

Ура́, ура́, ура́!
Прекра́сная игра́!
Кра́сив я и умён,
И ло́вок, и си́лен!
Люблю́ игра́ть, люблю́... жевáть.

После́дние слова́ он проше́л, проглоти́в четвёртую тефте́лку.

Когда́ Малыш вошёл в столо́вую, ма́ма, па́па, Бóссе и Бётан уже́ сидели за столóм. Малыш шмыгну́л на своё́ мёсто и повязáл вокрúг ше́и салфе́тку.

— Обеща́й мне одну́ вещь, ма́ма. И ты, па́па, то́же,— сказа́л он.

— Что́ же мы должны́ тебе́ обеща́ть? — спроси́ла ма́ма.

— Нет, ты ра́ньше обеща́й!

Па́па был прóтив того́, что́бы обеща́ть вслепýю.

— А вдруг ты о́пять попроси́шь соба́ку? — сказа́л па́па.

— Нет, не соба́ку,— отве́тил Малыш.— А кста́ти, соба́ку ты мне то́же мо́жешь обеща́ть, е́сли хочешь!.. Нет, это́ совсе́м друго́е и ниско́лечко не опа́сное. Обеща́йте, что́ вы обеща́ете!

— Ну ла́дно, ла́дно,— сказа́ла ма́ма.

— Знача́ит, вы обеща́ли,— радóстно подхвати́л Малыш,— ниче́го не говори́те насчё́т паровóй маши́ны Кáрлсону, кото́рый живёт на кры́ше...

— Интере́сно,— сказа́ла Бётан,— как о́ни мо́гут что́-нибудь сказа́ть и́ли не сказа́ть о паровóй маши́не Кáрлсону, раз о́ни никогда́ с ним не встрéтятся?

— Нет, встрѣтятся,— спокойно отвѣтил Малыш,— потому что Карлсон сидит в моей комнате.

— Ой, я сейчас подавлюсь! — воскликнул Боссе.— Карлсон сидит в твоей комнате?

— Да, представь себе, сидит! — И Малыш с торжествующим видом поглядѣл по сторонам.

Только бы они поскорѣе пообедали, и тогда они увидят...

— Нам было бы очень приятно познакомиться с Карлсоном,— сказала мама.

— Карлсон тоже так думает! — отвѣтил Малыш.

Наконец дошли компот. Мама поднялась из-за стола. Настал решающий миг.

— Пойдите все,— предложил Малыш.

— Тебе не придется нас умищать,— сказала Бетан.— Я не успокоюсь, пока не увижу этого самого Карлсона.

Малыш шѣл вперед.

— Только исполните, что обещали,— сказал он, подойдя к двери своей комнаты.— Ни слова о паровой машинке!

Затѣм он нажал дверную ручку и открыл дверь.

Карлсона в комнате не было. На этот раз по-настоящему не было. Нигде. Даже в постели Малыша не шевелился маленький комок.

Зато на полу возвышалась башня из кубиков. Очень высокая башня. И хотя Карлсон мог бы, конечно, построить из кубиков подъемные краны и любые другие вещи, на этот раз он просто ставил один кубик на другой, так что в конце концов получилась длинная-предлинная, узкая башня, которая сверху была увенчана чем-то, что явно должно было изображать купол: на самом верхнем кубике лежала маленькая круглая мясная тефтелька.

КАРЛСОН ИГРАЕТ В ПАЛАТКУ

Да, это была для Малыша очень тяжёлая минута. Маме, конечно не понравилось, что её тефтелями украшают башни из кубиков, и она не сомневалась, что это была работа Малыша.

— Карлсон, который живёт на крыше... — начал было Малыш, но папа строго прервал его:

— Вот что, Малыш: мы больше не хотим слушать твои выдумки про Карлсона!

Боссе и Бетан рассмеялись.

— Ну и хитрец же этот Карлсон! — сказала Бетан. — Он скрывается как раз в ту минуту, когда мы приходим.

Огорчённый Малыш съел холодную тефтельку и собрал свои кубики. Говорить о Карлсоне сейчас явно не стоило.

Но как плохо поступил с ним Карлсон, как плохо!

— А теперь мы пойдём пить кофе и забудём про Карлсона, — сказал папа и в утешение потрепал Малыша по щеке.

Кофе пили всегда в столовой у камина. Так было и сегодня вечером, хотя на дворе стояла тёплая, ясная весенняя погода и ли-

пы на улице уже оделись маленькими клейкими зелёными листочками. Малыш не любил кофе, но зато очень любил сидеть вот так с

ма́мой, и па́пой, и Боссе, и Бетан перед огнём, горящим в камине...

— Ма́ма, отвернись на мину́тку, — попросил Ма́лыш, когда ма́ма поставила на ма́ленький сто́лик перед ками́ном подно́с с кофе́йником.

— За́чем?

— Ты же не мо́жешь ви́деть, как я грызú са́хар, а я сейча́с возьму́ кусо́к, — сказал Ма́лыш.

Ма́лышу́ на́до было́ че́м-то утешиться. Он был о́чень огорче́н, что Ка́рлсон удрал. Ведь действитель-но нехорошо́ так поступи́ть — вдруг исче́знуть, ниче́го не оста́вив, кро́ме ба́шни из кубиков, да ещё с мяс-ной тефте́лкой наверху́!

Ма́лыш сидел на своём любимо́м ме́сте у ками́на — так бли́зко к огню́, как то́лько возмо́жно.

Вот э́ти мину́ты, когда́ вся семья́ после обе́да пи-ла ко́фе, бы́ли, пожа́луй, са́мыми приятными за весь день. Тут мо́жно было́ споко́йно погово́рить с па́пой и с ма́мой, и о́ни терпели́во выслу́шивали Ма́лыша́, что не всегда́ случало́сь в друго́е вре́мя. Заба́вно бы́ло следи́ть за тем, как Боссе и Бетан подтру́нивали друг над дру́гом и болта́ли о зубре́жке. Зубре́жкой, должно́ быть, называ́лся друго́й, бо́лее сло́жный спо́соб пригото́вления уро́ков, чем тот, кото́рому учи́ли Ма́лыша́ в нача́льной шко́ле. Ма́лышу́ то́же о́чень хоте́лось расска́зать о своих шко́льных дела́х, но ни-кто́, кро́ме ма́мы и па́пы, э́тим не интере́совался. Боссе и Бетан то́лько смея́лись над его́ расска́зами, и Ма́лыш замолка́л — он боя́лся говори́ть то, над чем так оби́дно смею́тся. Впро́чем, Боссе и Бетан стара́лись не дразни́ть Ма́лыша́, потому́ что он им отвеча́л тем же. А дразни́ть Ма́лыш уме́л прекра́сно, — да и как мо́жет быть ина́че, когда́ у тебя́ тако́й брат, как Боссе, и тако́я сестра́, как Бетан!

— Ну, Ма́лыш, — спроси́ла ма́ма, — ты уже́ вы́учил уроки?

Нельзя сказать, чтобы такие вопросы были Малыш по душе, но раз уж мама так спокойно отнеслась к тому, что он съел кусок сахара, то и Малыш решил мужественно выдержать этот неприятный разговор.

— Конечно, выучил, — хмуро ответил он.

Всё это время Малыш думал только о Карлсоне. И как это люди не понимают, что пока он не узнает, куда исчез Карлсон, ему не до уроков!

— А что вам задали? — спросил папа.

Малыш окончательно рассердился. Видно, этим разговорам сегодня конца не будет. Ведь не затем же они так уютно сидят сейчас у огня, чтобы только и делать, что говорить об уроках!

— Нам задали алфавит, — торопливо ответил он, — целый длиннющий алфавит. И я его знаю: сперва идёт «А», а потом все остальные буквы.

Он взял ещё кусок сахара и снова принялся думать о Карлсоне. Пусть себе болтают о чём хотят, а он будет думать только о Карлсоне.

От этих мыслей его оторвала Бетан:

— Ты что, не слышишь, Малыш? Хочешь заработать двадцать пять эре?¹

Малыш не сразу понял, что она ему говорит. Конечно, он был не прочь заработать двадцать пять эре. Но всё зависело от того, что для этого надо сделать.

— Двадцать пять эре — это слишком мало, — твёрдо сказал он. — Сейчас ведь такая дороговизна... Как ты думаешь, сколько стоит, например, пятидесятиэровый стаканчик мороженого?

— Я думаю, пятьдесят эре, — хитро улыбнулась Бетан.

— Вот именно, — сказал Малыш. — И ты сама

¹ Эре — мелкая монета в Швеции.

прекрасно понимаешь, что двадцать пять эре — это очень мало.

— Да ты ведь даже не знаешь, о чём идёт речь, — сказала Бетан. — Тебе ничего не придётся делать. Тебе нужно будет только кое-чего не делать.

— А что я должен буду не делать?

— Ты должен будешь в течение всего вечера не переступать порога столовой.

— Понимаешь, придёт Пелле, новое увлечение Бетан, — сказал Боссе.

Мальш кивнул. Ну ясно, ловко они всё рассчитали: мама с папой пойдут в кино, Боссе — на футбольный матч, а Бетан со своим Пелле проворкуют весь вечер в столовой. И лишь он, Мальш, будет изгнан в свою комнату, да ещё за такое ничтожное вознаграждение, как двадцать пять эре... Вот как к нему относятся в семье!

— А какие уши у твоего нового увлечения? Он что, такой же лопоухий, как и тот, прежний?

Это было сказано специально для того, чтобы позлить Бетан.

— Вот, слышишь, мама? — сказала она. — Теперь ты сама понимаешь, почему мне нужно убрать отсюда Мальша. Кто бы ко мне ни пришёл — он всех отпугивает!

— Он больше не будет так делать, — неуверенно сказала мама; она не любила, когда её дети ссорились.

— Нет, будет, наверняка будет! — стояла на своём Бетан. — Ты что, не помнишь, как он выгнал Клааса? Он уставился на него и сказал: «Нет, Бетан, такие уши одобрить невозможно». Ясно, что после этого Клаас и носа сюда не кажет.

— Спокойствие, только спокойствие! — проговорил Мальш тем же тоном, что и Карлсон. — Я остаюсь в своей комнате, и притом совершенно бесплатно.

но. Если вы не хотите меня видеть, то и ваших денег мне не нужно.

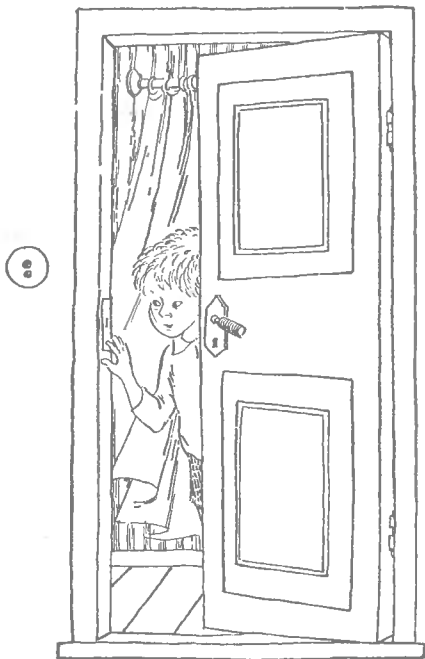
— Хорошо, — сказала Бетан. — Тогда поклянись, что я не увижу тебя здесь в течение всего вечера.

— Клянусь! — сказал Малыш. — И поверь, что мне вовсе не нужны все твои Пелле. Я сам готов заплатить двадцать пять эре, только бы их не видеть.

И вот мама с папой отправились в кино, а Боссе умчался на стадион. Малыш сидел в своей комнате, и притом совершенно бесплатно. Когда он приоткрывал дверь, до него доносилось невнятное бормотание из столовой — там Бетан болтала со своим Пелле. Малыш постарался уловить, о чём они говорят, но

это ему не удалось. Тогда он подошёл к окну и стал вглядываться в сумерки. Потом посмотрел вниз, на улицу, не играют ли там Кристер и Гунилла. У подъезда возились мальчишки, кроме них, на улице никого не было. Пока они дрались, Малыш с интересом следил за ними, но, к сожалению, драка быстро кончилась, и ему опять стало очень скучно.

И тогда он услышал божественный звук. Он услышал, как жужжит моторчик, и минуту спустя Карлсон влетел в окно.

— Привёт, Мальш! — беззаботно произнёс он.

— Привёт, Карлсон! Откуда ты взялся?

— Что?.. Я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Да ведь ты исчез, и как раз в тот момент, когда я собирался тебя познакомить с моими мамой и папой. Почему ты удрал?

Карлсон явно рассердился.

Он подбоченился и воскликнул:

— Нет, в жизни не слышал ничего подобного! Может быть, я уже не имею права взглянуть, что делается у меня дома? Хозяин обязан следить за своим домом. Чем я виноват, что твои мама и папа решили познакомиться со мной как раз в тот момент, когда я должен был заняться своим домом?

Карлсон оглядел комнату.

— А где моя башня? Кто разрушил мою прекрасную башню и где моя тефтелька?

Мальш смутился.

— Я не думал, что ты вернёшься, — сказал он.

— Ах так! — закричал Карлсон. — Лучший в мире строитель воздвигает башню, и что же происходит? Кто ставит вокруг неё ограду? Кто следит за тем, чтобы она осталась стоять во веки веков? Никто! Совсем наоборот: башню ломают, уничтожают да к тому же ещё и съедают чужую тефтельку!

Карлсон отошёл в сторону, присел на низенькую скамеечку и надулся.

— Пустяки, — сказал Мальш, — дело житейское! — И он махнул рукой точно так же, как это делал Карлсон. — Есть из-за чего расстраиваться!..

— Тебе хорошо рассуждать! — сердито пробурчал Карлсон. — Сломать легче всего. Сломать и сказать, что это, мол, дело житейское и не из-за чего расстраиваться. А каково мне, строителю, который воздвиг башню вот этими бедными маленькими руками!

И Карлсон ткнул свои пухленькие ручки прямо

в пос Малышú. Потóм он снóва сел на скамéечку и надúлся пúще прéжнего.

— Я прóсто вне себя,— проворчáл он,— ну прóсто выхожú из себя!

Малыш совершенно растерялся. Он стоял, не зная, что предпринять.

Молчáние длéлось дóлго.

В концé концóв Кáрлсон сказáл грустным гóлосом:

— Если я получú ка-кой-нибудь небольшой подарóк, то, быть мóжет, опýть повеселéю. Прáвда, ручáться я не могу, но, возмóжно, всё же повеселéю, ёсли мне чтó-нибудь подарят...

Малыш подбсжáл к столú и нáчал рытьсá в ящичке, где у него хранились сáмые драгоценные вéщи: коллéкция мáрок, разноцвётные морские кáмешки, цветные мелки и оловянные солдáтики.

Там же лежáл и малёнький элeктрический фóнарик. Малыш им óчень дорожéл.

— Мóжет быть, тебе подарить вот это? — сказáл он.

Кáрлсон метнул бýстрый взгляд на фóнарик и оживился:

— Вот-вóт, чтó-то в это́м рóде мне и нúжно, чтóбы у меня испрáвилось настроéние. Конéчно, моя бáшня была кудá лúчше, но, ёсли ты мне дашь это́т фóнарик, я постараюсь хоть немнóжко повеселéть.

— Он твой,— сказа́л Ма́лыш.

— А он зажига́ется? — с сомне́нием спроси́л Ка́рлсон, нажима́я кно́пку. — Ура́! Горит! — вскрича́л он, и глаза́ его́ то́же загоре́лись. — Подума́й то́лько, когда́ тёмными осе́нными вечера́ми мне приде́тся и́дти к своему́ ма́ленькому до́мику, я зажгу́ э́тот фона́рик. Тепе́рь я уже́ не бу́ду блужда́ть в потёмках среди́ труб,— сказа́л Ка́рлсон и погла́дил фона́рик.

Эти слова́ доста́вили Ма́лышу́ большо́ую ра́дость, и он мечта́л то́лько об одно́м — хоть раз погуля́ть с Ка́рлсоном по кры́шам и поглядéть, как э́тот фона́рик бу́дет освеща́ть им путь в темноте́.

— Ну, Ма́лыш, вот я и сно́ва ве́сел! Зови́ своих ма́му и па́пу, и мы познако́мимся.

— Они́ ушли́ в кино́,— сказа́л Ма́лыш.

— Пошли́ в кино́, вме́сто того́ что́бы встре́титься со мной? — изуми́лся Ка́рлсон.

— Да, все ушли́. До́ма то́лько Бе́тан и её по́вое увлече́ние. Они́ сидят в столо́вой, но мне туда́ нельзя́ заходи́ть.

— Что я слы́шу! — восклицну́л Ка́рлсон. — Ты не мо́жешь пойти́ куда́ хочешь? Ну, э́того мы не поте́рим. Вперёд!..

— Но ведь я покля́лся... — нача́л бы́ло Ма́лыш.

— А я покля́лся,— переби́л его́ Ка́рлсон,— что е́сли замечу́ ка́кую-нибудь несправедли́вость, то в то́т же миг, как ястреб, кинусь на неё!..

Он подошёл и похло́пал Ма́лыша́ по плечу́:

— Что же ты обеща́л?

— Я обеща́л, что меня́ весь ве́чер не уви́дят в столо́вой.

— Тебя́ никто́ и не уви́дит,— сказа́л Ка́рлсон. — А ведь тебе́ пебо́сь хочётся посмотре́ть на по́вое увлече́ние Бе́тан?

— По пра́вде говоря́, о́чень! — с жа́ром отве́тил Ма́лыш. — Пре́жде она́ дружи́ла с ма́льчиком, у ко-

того́ро у́ши бы́ли оттопы́рены. Мне ужа́сно хо́чется погляде́ть, каки́е у́ши у э́того.

— Да и я бы охóтно погляде́л на его́ у́ши,— сказа́л Ка́рлсон.— Подожди́ мину́тку! Я сейча́с придума́ю каку́ю-нибудь шту́ку. Лучши́й в ми́ре ма́стер на всевозможные проказы́ — э́то Ка́рлсон, кото́рый жи́вет на кры́ше.— Ка́рлсон внима́тельно огляде́лся по сторона́м.— Вот то, что нам ну́жно! — воскликнул он, указа́в голово́й на одея́ло.— Именно одея́ло нам и ну́жно. Я не сомнева́лся, что придума́ю каку́ю-нибудь шту́ку...

— Что же ты придума́л? — спроси́л Малы́ш.

— Ты покля́лся, что тебя́ весь ве́чер не уви́дят в столо́вой? Так? Но е́сли ты пакро́ешься одея́лом, тебя́ ведь никто́ и не уви́дит.

— Да... но... — попы́тался возрази́ть Малы́ш.

— Никаки́х «но»! — ре́зко оборва́л его́ Ка́рлсон.— Если ты бу́дешь накры́т одея́лом, уви́дят одея́ло, а не тебя́. Я то́же бу́ду накры́т одея́лом, поэ́тому и меня́ не уви́дят. Ко́нечно, для Бе́тан нет ху́дшего наказа́ния. Но поде́лом ей, раз она́ така́я глупа́я... Бе́дная, бе́дная мали́ютка Бе́тан, так она́ меня́ и не уви́дит!

Ка́рлсон стащи́л с кровати́ одея́ло и накинóл его́ себе́ на го́лову.

— Иди́ сюда́, иди́ скорей ко мне, — позва́л он Малы́ша.— Войди́ в мою́ пала́тку.

Малы́ш юркну́л под одея́ло к Ка́рлсону, и они́ оба ра́достно захихика́ли.

— Ведь Бе́тан ниче́го не говори́ла о том, что она́ не хо́чет ви́деть в столо́вой пала́тку. Все лю́ди раду́ются, когда́ ви́дят пала́тку. Да ещѐ такую́, в кото́рой горит огонѐк! — И Ка́рлсон заже́г фона́рик.

Малы́ш не был уве́рен, что Бе́тан уж о́чень обра́дуется, уви́дев пала́тку. Но зато́ стоя́ть ря́дом с Ка́рлсоном в темноте́ под одея́лом и свети́ть фона́риком

было так здорово, так интересно, что просто дух захватывало.

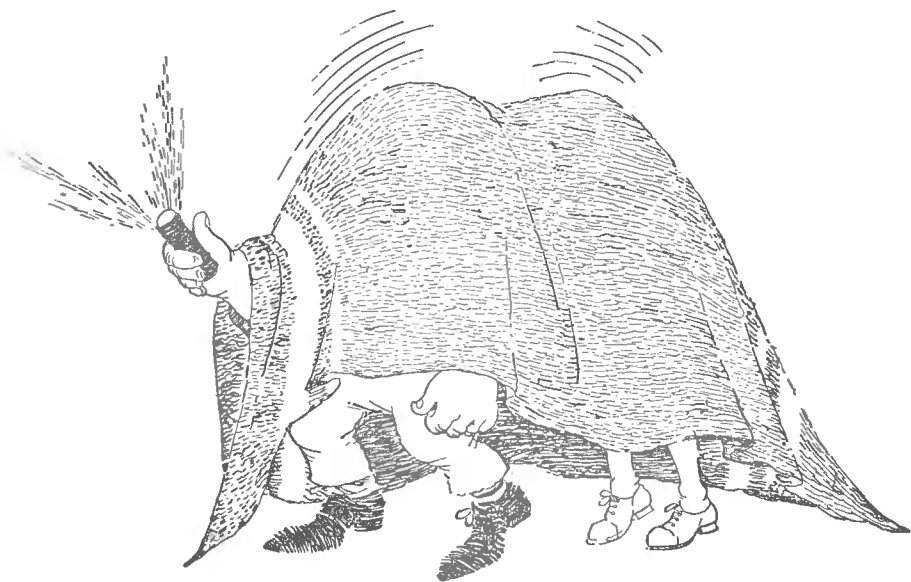
Мальш считал, что можно с тем же успехом играть в палатку в его комнате, оставив в покое Бэтан, но Карлсон никак не соглашался.

— Я не могу мириться с несправедливостью, — сказал он. — Мы пойдём в столовую, чего бы это ни стоило!

И вот палатка начала двигаться к двери. Мальш шёл вслед за Карлсоном. Из-под одеяла показалась маленькая пухлая ручка и тихонько отворила дверь. Палатка вошла в прихожую, отделённую от столовой плотной занавесью.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон.

Палатка неслышно пересекла прихожую и остановилась у занавеси. Бормотание Бэтан и Пелле слышалось теперь явственнее, но всё же слов нельзя было разобрать. Лампа в столовой не горела. Бэтан и Пелле сумерничали — видимо, им было достаточно света, который проникал через окно с улицы.

— Это хорошо, — прошептал Карлсон. — Свет моего фонарика в потёмках покажется ещё ярче.

Но пока он на всякий случай погасил фонарик.

— Мы поймемся, как радостный, долгожданный сюрприз... — И Карлсон хихикнул под одеялом.

Тихо-тихо палатка раздвинула занавесь и вошла в столовую. Бетан и Пелле сидели на маленьком диванчике у противоположной стены. Тихо-тихо приближалась к ним палатка.

— Я тебя сейчас поцелую, Бетан, — услышал Малыш хриплый мальчишечий голос.

Какой он чудной, этот Пелле!

— Ладно, — сказала Бетан, и снова наступила тишина.

Тёмное пятно палатки бесшумно скользило по полу; медленно и неумолимо надвигалось оно на диван. До дивана оставалось всего несколько шагов, но Бетан и Пелле ничего не замечали. Они сидели молча.

— А теперь ты меня поцелуй, Бетан, — послышался робкий голос Пелле.

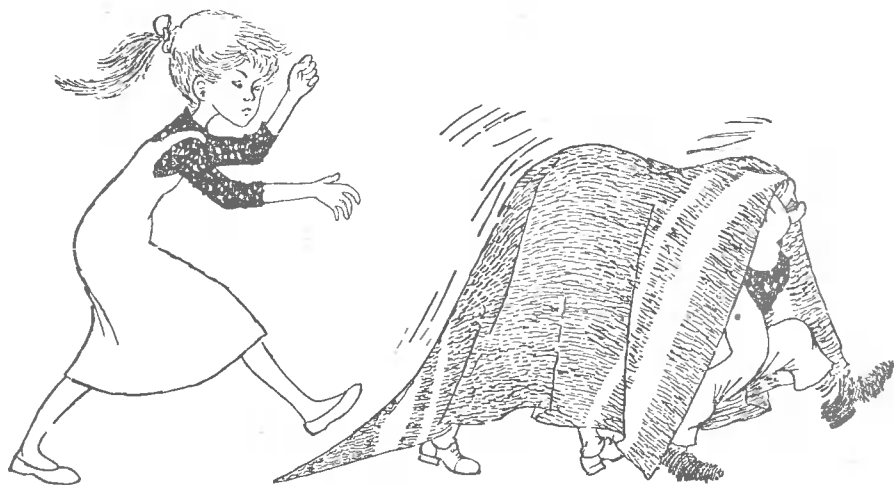
Ответа так и не последовало, потому что в этот момент вспыхнул яркий свет фонарика, который разогнал серые сумеречные тени и ударил Пелле в лицо. Пелле вскочил, Бетан вскрикнула. Но тут раздался взрыв хохота и топот ног, стремительно удаляющихся по направлению к прихожей.

Ослеплённые ярким светом, Бетан и Пелле не могли ничего увидеть, зато они слышали смех, дикий, восторженный смех, который доносился из-за занавеси.

— Это мой несносный маленький братишка, — объяснила Бетан. — Ну, сейчас я ему задам!

Малыш надрывался от хохота.

— Конечно, она тебя поцелует! — крикнул он. — Почему бы ей тебя не поцеловать? Бетан всех целует, это уж точно.

Потом раздался грóхот, сопровождаемый новым взрывом смеха.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал Карлсон, когда во время своего стремительного бегства они вдруг споткнулись и упали на пол.

Малыш старался быть как можно более спокойным, хотя смех так и kloкотал в нём: Карлсон свалился прямо на него, и Малыш уже не разбирал, где его ноги, а где ноги Карлсона. Бетан могла их вот-вот настичь, поэтому они поползли на четвереньках. В панике ворвались они в комнату Малыша как раз в тот момент, когда Бетан уж норовила их схватить.

— Спокойствие, только спокойствие! — шептал под одеялом Карлсон, и его коротенькие ножки стучали по полу, словно барабанные палочки. — Лучший в мире бегун — это Карлсон, который живёт на крыше! — добавил он, едва переводя дух.

Малыш тоже умел очень быстро бегать, и, право, сейчас это было необходимо. Они спаслись, захлопнув дверь перед самым носом Бетан. Карлсон тороп-

лѣво повернулъ ключъ и вѣсело засмеялся, в то время как Бѣтанъ изъ всѣхъ силъ колотила в дверь.

— Подожди, Малышъ, я ещё доберусь до тебя! — сердито крикнула она.

— Во всякомъ случаѣ, меня никто не видалъ! — отвѣтилъ Малышъ изъ-за двери, и до Бѣтанъ снова донёсся смехъ.

Если бы Бѣтанъ не такъ сердилась, она бы услышала, что смеются двое.

КАРЛСОН ДЕРЖИТ ПАРИ

Однажды Малышъ вернулся изъ школы злой, с шишкой на лбу. Мама хлопотала на кухнѣ. Увидев шишку, она, как и слѣдовало ожидать, огорчилась.

— Бѣдный Малышъ, что это у тебя на лбу? — спросила мама и обняла его.

— Кристеръ швырнулъ в меня камнемъ, — хмуро отвѣтилъ Малышъ.

— Камнемъ? Какой противный мальчишка! — воскликнула мама. — Что же ты сразу мне не сказалъ?

Малышъ пожалъ плечами:

— Что толку? Ведь ты не умеешь кидаться камнями. Ты даже не сможешь попасть камнемъ в стѣну сарая.

— Ах ты глупыш! Неужели ты думаешь, что я стану бросать камни в Кристеръ?

— А чемъ же ещё ты хочешь в него бросить? Ничего другого тебе не найти, во всякомъ случаѣ, ничего болѣе подходящаго, чемъ камень.

Ма́ма вздохну́ла. Бы́ло я́сно, что не оди́н Кри́стер при слúчае швыря́ется ка́мнями. Её́ люби́мец был ни́чуть не лу́чше. Как э́то полу́чается, что ма́ленький ма́льчик с та́кими до́брыми голу́быми гла́зами — дра-чún?

— Скажи́, а нельзя́ ли вооб́ще обо́йтись без дра́ки? Ми́рно мо́жно догово́риться о чём угод́но. Зна́ешь, Ма́льш, ведь, со́бственно гово́ря, на све́те нет та́кой ве́щи, о кото́рой нельзя́ бы́ло бы догово́риться, е́сли всё как сле́дует обсу́дить.

— Нет, ма́ма, та́кие ве́щи есть. Вот, напри́мер, вче́ра я как раз то́же дра́лся с Кри́стером...

— И совер́шенно на́прасно, — сказа́ла ма́ма. — Вы прекра́сно мо́гли бы разре́шить ваш спор слова́ми, а не кула́ками.

Ма́льш присе́л к ку́хонному столу́ и обхва́тил ру́ками свою́ разби́тую го́лову.

— Да? Ты так ду́маешь? — спроси́л он и неодоб́рительно взгляну́л на ма́му. — Кри́стер мне сказа́л: «Я мо́гу тебя́ отлу́пить». Так он и сказа́л. А я ему́ отве́тил: «Нет, не мо́жешь». Ну скажи́, мо́гли ли мы разре́шить наш спор, как ты гово́ришь, слова́ми?

Ма́ма не нашлась что отве́тить, и ей пришло́сь оборва́ть свою́ уми́ротворя́ющую про́поведь. Её́ дра-чún сын сиде́л совсе́м мра́чный, и она́ поспе́шила по-ста́вить перед ним ча́шку горя́чего шоко́лада и све́жие плю́шки.

Все́ э́то Ма́льш о́чень люби́л. Ещё на ле́стнице он улови́л сла́достный за́пах то́лько что испече́нной сдо́бы. А от ма́миных восхити́тельных плю́шек с ко́рицей жизнь де́лалась куда́ бо́лее терпи́мой.

Преиспо́бленный благода́рности, он откуси́л ку-со́чек. Пока́ он жева́л, ма́ма залепи́ла ему́ пла́стырем ши́шку на лбу. За́тем она́ тихонько поцелова́ла боль-но́е ме́сто и спроси́ла:

— А что вы не поделе́ли с Кри́стером сегóдня?

— Крістер и Гунілла говорят, что я всё сочинил про Карлсона, который живёт на крыше. Они говорят, что это выдумка.

— А разве это не так? — осторожно спросила мама.

Мальш оторвал глаза от чашки с шоколадом и гневно посмотрел на маму.

— Даже ты не веришь тому, что я говорю! — сказал он. — Я спросил у Карлсона, не выдумка ли он...

— Ну и что же он тебе ответил? — поинтересовалась мама.

— Он сказал, что, если бы он был выдумкой, это была бы самая лучшая выдумка на свете. Но дело в том, что он не выдумка. — И Мальш взял ещё одну

булочку.— Карлсон считает, что, наоборот, Кристер и Гунилла — выдумка. «На редкость глупая выдумка», — говорит он. И я тоже так думаю.

Мама ничего не ответила — она понимала, что бессмысленно разубеждать Малыша в его фантазиях.

— Я думаю, — сказала она наконец, — что тебе лучше побольше играть с Гуниллой и Кристером и поменьше думать о Карлсоне.

— Карлсон по крайней мере не швыряет в меня камнями, — проворчал Малыш и потрогал шишку на лбу. Вдруг он что-то вспомнил и радостно улыбнулся маме. — Да, я чуть было не забыл, что сегодня впервые увижу домик Карлсона!

Но он тут же раскаялся, что сказал это. Как глупо говорить с мамой о таких вещах!

Однако эти слова Малыша не показались маме более опасными и тревожными, чем всё остальное, что он обычно рассказывал о Карлсоне, и она беззаботно сказала:

— Ну что ж, это, вероятно, будет очень забавно.

Но вряд ли мама была бы так спокойна, если бы поняла до конца, что именно сказал ей Малыш. Ведь подумать только, где жил Карлсон!

Малыш встал из-за стола сытый, веселый и вполне довольный жизнью. Шишка на лбу уже не болела, во рту был изумительный вкус плюшек с корицей, через кухонное окно светило солнце, и мама выглядела такой милой в своём клетчатом переднике.

Малыш подошёл к ней, чмокнул её полную руку и сказал:

— Как я люблю тебя, мамочка!

— Я очень рада, — сказала мама.

— Да... Я люблю тебя, потому что ты такая милая.

Затѣмъ Малышъ пошѣлъ къ себѣ въ комнату и сталъ ждать Карлсона. Они должны были сегодня вместе отправиться на крышу, и, если бы Карлсон был только выдумкой, как уверяет Кристиер, вряд ли Малыш смог бы туда попасть.

«Я прилечу за тобой приблизительно часа в три, или в четыре, или в пять, но ни в коем случае не раньше шести», — сказал ему Карлсон.

Малыш так толком и не понял, когда же, собственно, Карлсон намеревается прилететь, и переспросил его.

«Уж никак не позже семи, но едва ли раньше восьми... Ожидай меня примерно к девяти, после того как пробьют часы».

Малыш ждал чуть ли не целую вечность, и в конце концов ему начало казаться, что Карлсон и в самом деле не существует. И когда Малыш уже был готов поверить, что Карлсон — всего лишь выдумка, послышалось знакомое жужжание, и в комнату влетел Карлсон, веселый и бодрый.

— Я тебя совсем заждался, — сказал Малыш. — В котором часу ты обещал прийти?

— Я сказал приблизительно, — ответил Карлсон. — Так оно и вышло: я пришел приблизительно.

Он направился к аквариуму Малыша, в котором кружились пестрые рыбки, окунул лицо в воду и стал пить большими глотками.

— Осторожно! Мои рыбки! — крикнул Малыш; он испугался, что

Карлсон нечаянно проглотит несколько рыбок.

— Когда у человека жар, ему надо много пить, — сказал Карлсон. — И если он даже проглотит две-три или там четыре рыбки, это пустяки, дело житейское.

— У тебя жар? — спросил Малыш.

— Ещё бы! Потрогай. — И он положил руку Малыша на свой лоб.

Но Малышу его лоб не показался горячим.

— Какая у тебя температура? — спросил он.

— Тридцать — сорок градусов, не меньше!

Малыш недавно болел корью и хорошо знал, что значит высокая температура. Он с сомнением покачал головой:

— Нет, по-моему, ты не болен.

— Ух, какой ты гадкий! — закричал Карлсон и топнул ногой. — Что, я уж и захворать не могу, как все люди?

— Ты хочешь заболеть?! — изумился Малыш.

— Конечно. Все люди этого хотят! Я хочу лежать

в постели с высокой-превысокой температурой. Ты придёшь узнать, как я себя чувствую, и я тебе скажу, что я самый тяжёлый больной в мире. И ты меня спросишь, не хочу ли я чего-нибудь, и я тебе отвечу, что мне ничего не нужно. Ничего, кроме огромного торта, нескольких коробок печенья, горы шоколада и большого-пребольшого куля конфет!

Карлсон с надеждой посмотрел на Малыша, но тот стоял совершенно растерянный, не зная, где он сможет достать всё, чего хочет Карлсон.

— Ты должен стать мне родной матерью, — продолжал Карлсон. — Ты будешь меня уговаривать выпить горькое лекарство и обещаешь мне за это пять эре. Ты обернёшь мне горло тёплым шарфом. Я скажу, что он кусается, и только за пять эре соглашусь лежать с замотанной шеей.

Малышу очень захотелось стать Карлсону родной матерью, а это значило, что ему придётся опустошить свою копилку. Она стояла на книжной полке, прекрасная и тяжёлая. Малыш сбегал на кухню за ножом и с его помощью начал доставать из копилки пятиэровые монетки. Карлсон помогал ему с необычайным усердием и ликовал по поводу каждой монеты, которая выкатывалась на стол. Попадались монеты в десять и двадцать пять эре, но Карлсона больше всего радовали пятиэровые монетки.

Малыш помчался в соседнюю лавочку и купил на все деньги леденцов, засахаренных орешков и шоколада. Когда он отдал продавцу весь свой капитал, то вдруг вспомнил, что копил эти деньги на собаку, и тяжело вздохнул. Но он тут же подумал, что тот, кто решил стать Карлсону родной матерью, не может позволить себе роскошь иметь собаку.

Вернувшись домой с карманами, набитыми сладостями, Малыш увидел, что в столовой вся семья — и мама, и папа, и Бетан, и Боссе — пьёт послеобеден-

ный кофе. Но у Малыша не было времени посидеть с ними. На мгновение ему в голову пришла мысль пригласить их всех к себе в комнату, чтобы познакомиться наконец с Карлсоном. Однако, хорошенько подумав, он решил, что сегодня этого делать не стоит, — ведь они могут помешать ему отправиться с Карлсоном на крышу. Лучше отложить знакомство до другого раза.

Малыш взял из вазочки несколько миндальных печений в форме ракушек — ведь Карлсон сказал, что печенья ему тоже хочется, — и отправился к себе.

— Ты заставляешь меня так долго ждать! Меня, такого больного и несчастного, — с упрёком сказал Карлсон.

— Я торопился как только мог, — оправдывался Малыш, — и столько всего накупил...

— И у тебя не осталось ни одной монетки? Я ведь должен получить пять эре за то, что меня будет кусать шарф! — испуганно перебил его Карлсон.

Малыш успокоил его, сказав, что приберёт несколько монет.

Глаза Карлсона засияли, и он запрыгал на месте от удовольствия.

— О, я самый тяжёлый в мире больной! — кричал он. — Нам надо поскорее уложить меня в постель.

И тут Малыш впервые подумал: как же он попадёт на крышу, раз он не умеет летать?

— Спокойствие, только спокойствие! — бодро ответил Карлсон. — Я посажу тебя на спину, и — раз, два, три! — мы полетим ко мне. Но будь осторожен, следй, чтобы пальцы не попали в пропеллер.

— Ты думаешь, у тебя хватит сил долететь со мной до крыши?

— Там видно будет, — сказал Карлсон. — Трудно, конечно, предположить, что я, такой больной и несчастный, смогу пролететь с тобой и половину пути. Но выход из положения всегда найдётся: если почувствую, что выбиваюсь из сил, я тебя сброшу...

Малыш не считал, что сбросить его вниз — наилучший выход из положения, и вид у него стал озабоченный.

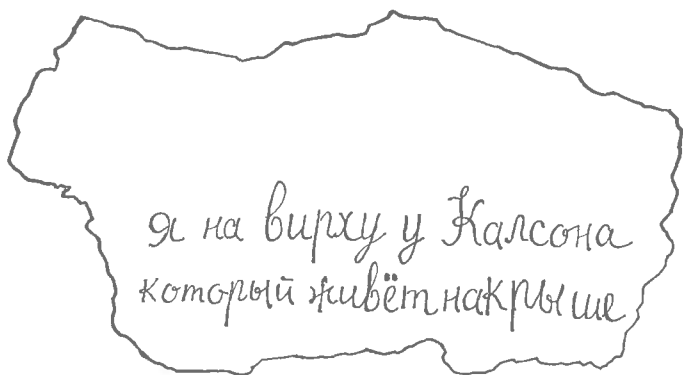
— Но, пожалуйста, всё обойдётся благополучно. Лишь бы мотор не отказал.

— А вдруг откажет? Ведь тогда мы упадём! — сказал Малыш.

— Безусловно упадём, — подтвердил Карлсон. — Но это пустяки, дело житейское! — добавил он и махнул рукой.

Малыш подумал и тоже решил, что это пустяки, дело житейское.

Он написал на клочке бумаги записку маме и папе и оставил её на столе:

Конечно, лучше всего было бы успеть вернуться домой, прежде чем они найдут эту записку. Но если его случайно хватятся раньше, то пусть знают, где он находится. А то может получиться так, как уже

было однажды, когда Малыш гостил за городом у бабушки и вдруг решил сесть в поезд и вернуться домой.

Тогда мама плакала и говорила ему:

«Уж если тебе, Малыш, так захотелось поехать на поезде, почему ты мне не сказал об этом?»

«Потому, что я хотел ехать один», — ответил Малыш.

Вот и теперь то же самое. Он хочет отправиться с Карлсоном на крышу, поэтому лучше всего не просить разрешения. А если обнаружится, что его нет дома, он сможет оправдаться тем, что написал записку.

Карлсон был готов к полёту. Он нажал кнопку на животё, и мотор загудел.

— Залезай скорее мне на плечи, — крикнул Карлсон, — мы сейчас взлетим!

И правда, они вылетели из окна и набрали высоту. Сперва Карлсон сделал небольшой круг над ближайшей крышей, чтобы испытать мотор. Мотор тарахтел так ровно и надёжно, что Малыш ни капельки не боялся.

Наконец Карлсон приземлился на своей крыше.

— А теперь поглядим, сможешь ли ты найти мой дом. Я тебе не скажу, за какой трубой он находится. Отыщи его сам.

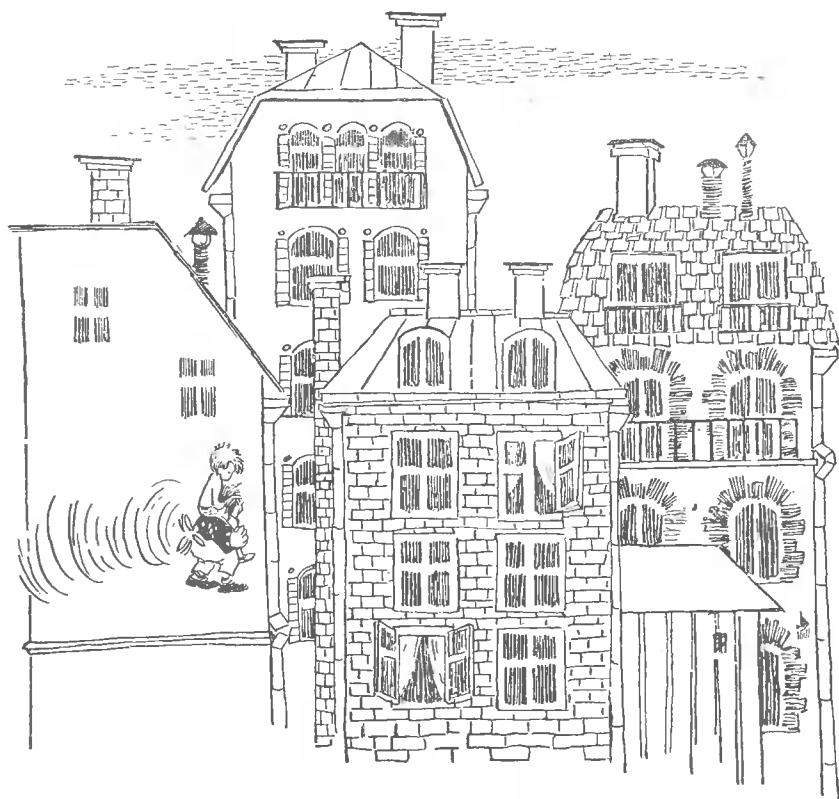
Малышу никогда не случалось бывать на крыше, но он не раз видел, как какой-то мужчина, привязав себя верёвкой к трубе, счищал с крыши снег. Малыш всегда завидовал ему, а теперь он сам был таким счастливецом, хотя, конечно, не был обязан верёвкой и внутри у него что-то сжималось, когда он переходил от одной трубы к другой. И вдруг за одной из них он действительно увидел домик. Очень симпатичный домик с зелёными ставенками и маленьким

крылечком. Малышú захотелось как мóжно скорée войти в этóт дóмик и своїми глазáми увидеть все паровые машíны и все картíны с изображéнием петухóв, да и вообще всё, что там находилось.

К дóмику была прибитá табличка, чтóбы все знáли, кто в нём живёт. Малыш прочёл:

Кáрлсон,
котóрый живёт на крыше

Карлсон распахнул настежь дверь и с криком: «Добрó пожаловать, дорогóй Карлсон, и ты, Малыш, тоже!» — пёрвым вбежал в дом.

— Мне нýжно немедленно лечь в постель, потому что я сáмый тяжёлый больно́й в ми́ре! — воскликнул он и брóсился на краснóй деревянный дивáнчик, котóрый стоял у стены.

Малыш вбежал вслед за ним; он готóв был лóпнуть от любопытства.

В до́мике Карлсона б́ыло о́чень у́ютно — это Малыш сра́зу заметил. Крóме деревянного дивáнчика,

в комнате стоял верстак, служивший также и столом, шкаф, два стула и камин с железной решёткой и таганком. На нём Карлсон готовил пирожки. Но паровых машин пока что-то не было видно. Малыш долго оглядывал комнату, но не мог их нигде обнаружить и наконец, не выдержав, спросил:

— А где же твои паровые машины?

— Гм... — промычал Карлсон, — мои паровые машины... Они все вдруг взорвались. виноваты предохранительные клапаны. Только клапаны, ничто другое. Но это пустяки, дело житейское, и огорчаться нечего.

Малыш вновь огляделся по сторонам.

— Ну, а где твои картины с петухами? Они что, тоже взорвались? — язвительно спросил он Карлсона.

— Нет, они не взорвались, — ответил Карлсон. — Вот, гляди. — И он указал на прибитый к стене возле шкафа лист картона.

На большóм, совершенно ч́истом листе́ в ни́жнем углу́ был нарисован кро́хотный крас́ный петушо́к.

— Картина называется: «Очень одино́кий пету́х»,— объясни́л Ка́рлсон.

Мальш посмотрел на э́того кро́шечного петушка́. А ведь Ка́рлсон говори́л о ты́сячах картин, на кото́рых изображены́ всевозмо́жные петухи́, и всё э́то, оказыва́ется, свелóсь к одной́ красненькой петухооб́разной козявке!

— Э́тот «Очень одино́кий пету́х» со́здан лу́чшим в ми́ре рисова́льщиком петухо́в,— продолжа́л Ка́рлсон, и го́лос его́ дро́гнул.— Ах, до чего́ э́та картина прекра́сна и печальна!.. Но нет, я не ста́ну сейча́с пла́кать, потому́ что от слёз поднима́ется температу́ра...— Ка́рлсон отки́нулся на поду́шку и схвати́лся за голову́.— Ты собира́лся ста́ть мне родно́й ма́терью, ну так де́йствуй,— престо́нал он.

Мальш то́лком не зна́л, с чего́ ему́ сле́дует нача́ть, и неуве́ренно спроси́л:

— У тебя́ есть како́е-нибудь лека́рство?

— Да, но я не хочу́ его́ принима́ть... А пятиэ́ровая моне́тка у тебя́ есть?

Мальш вы́нул моне́тку из карма́на штано́в.

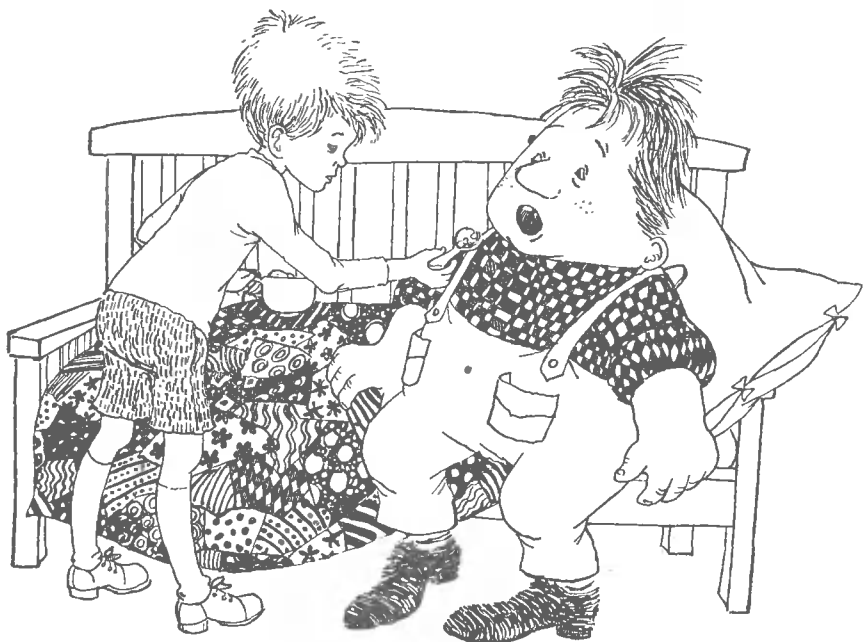
— Да́й сюда́.

Мальш протяну́л ему́ моне́тку. Ка́рлсон бы́стро схвати́л её и зажа́л в кулакё; вид у него́ был хи́трый и дово́льный.

— Сказа́ть тебе́, како́е лека́рство я бы сейча́с при́нял?

— Како́е? — поинтересова́лся Мальш.

— «При́торный порошо́к» по реце́пту Ка́рлсона, кото́рый живёт на крýше. Ты возьмёшь немно́го шоколада́, немно́го конфёт, доба́вишь такую́ же пор́цию печёнья, всё э́то истолчёшь и хороше́нько перемеша́ешь. Как то́лько ты пригото́вишь лека́рство, я приму́ его́. Э́то о́чень помогает от жа́ра.

— Сомневаюсь, — заметил Малыш.

— Давай поспорим. Спорю на шоколадку, что я прав.

Малыш подумал, что, может быть, именно это мама и имела в виду, когда советовала ему разрешать споры словами, а не кулаками.

— Ну, давай держать пари! — настаивал Карлсон.

— Давай, — согласился Малыш.

Он взял одну из шоколадок и положил её на верстак, чтобы было ясно, на что они спорят, а затем принялся готовить лекарство по рецепту Карлсона. Он бросил в чашку несколько леденцов, несколько засахаренных орешков, добавил кусочек шоколада, растолок всё это и перемешал. Потом раскрошил миндальные ракушки и тоже высыпал их в чашку. Такого лекарства Малыш ещё в жизни не видел, но

оно выглядело так аппетитно, что он и сам согласился бы слегка поболеть, чтобы принять это лекарство.

Карлсон уже привстал на своём диване и, как птенец, широко разинул рот. Малышу показалось совестным взять у него хоть ложку «приторного порошка».

— Сыпь в меня большую дозу, — попросил Карлсон.

Мальш так и сделал. Потом они сели и молча принялись ждать, когда у Карлсона упадёт температура.

Спустя полминуты Карлсон сказал:

— Ты был прав, это лекарство не помогает от жара. Дай-ка мне теперь шоколадку.

— Тебе? — удивился Мальш. — Ведь я выиграл пари!

— Ну да, пари выиграл ты, значит, мне надо получить в утешение шоколадку. Нет справедливости на этом свете! А ты всего-навсего гадкий мальчишка, ты хочешь съесть шоколад только потому, что у меня не упала температура.

Мальш с неохотой протянул шоколадку Карлсону, который мигом откусил половину и, не переставая жевать, сказал:

— Ничего сидеть с кислой миной. В другой раз, когда я выиграю спор, шоколадку получишь ты.

Карлсон продолжал энергично работать челюстями и, проглотив последний кусок, откинулся на подушку и тяжело вздохнул:

— Как несчастны все больные! Как я несчастен! Ну что ж, придётся попробовать принять двойную дозу «приторного порошка», хотя я и ни капельки не верю, что он меня вылечит.

— Почему? Я уверен, что двойная доза тебе поможет. Давай попробуем! — предложил Мальш.

Честное слово, теперь и Малышу было не грех

немно́жко схитри́ть. Он, коне́чно, соверше́нно не ве́рил, что у Ка́рлсона упаде́т температу́ра да́же и от тройно́й пор́ции «при́торного поро́шка», но ве́дь ему́ так хоте́лось на э́тот раз проспо́рить! Оста́лась ещё одна́ шокола́дка, и он её полу́чит, е́сли Ка́рлсон вы́игрывает спор.

— Что ж, дава́й поспо́рим! Пригото́вь-ка мне по́скорее́ двойну́ю до́зу «при́торного поро́шка». Когда́ ну́жно сбить температу́ру, ниче́м не сле́дует пренебрега́ть. Нам ниче́го не остаётся, ка́к испробовать все сре́дства и терпе́ливо жда́ть результа́та.

Мальи́ш смеша́л двойну́ю до́зу поро́шка и всы́пал его́ в широ́ко раскры́тый рот Ка́рлсона.

Зате́м они́ сно́ва усели́сь, замолча́ли и ста́ли жда́ть.

Полмину́ты спустя́ Ка́рлсон с сия́ющим ви́дом соскочи́л с дива́на.

— Сверши́лось чу́до! — кри́кнул он. — У меня́ упала́ температу́ра! Ты о́пять вы́играл. Дава́й сюда́ шокола́д.

Мальи́ш вздохну́л и о́тдал Ка́рлсону последи́нюю пли́точку. Ка́рлсон недово́льно взгляну́л на него́:

— Упря́мцы врёде тебя́ вообще́ не должны́ держа́ть пари́. Спо́рить мо́гут то́лько такие́, как я. Проигра́л ли, вы́играл ли Ка́рлсон, он всегда́ сия́ет, как начи́щенный пята́к.

Воцари́лось молча́ние, во вре́мя кото́рого Ка́рлсон доже́вывал свой шокола́д. Потом он сказа́л:

— Но раз ты тако́й лако́мка, тако́й обжо́ра, лу́чше всего́ бу́дет по-бра́тски поде́лить оста́тки. У тебя́ ещё́ есть конфё́ты?

Мальи́ш поша́рил в карма́нах.

— Вот, три шту́ки. — И он вы́тащил два заса́харенных оре́шка и один ледене́ц.

Три попола́м не де́лится, — сказа́л Ка́рлсон, — это зна́ют да́же ма́лые де́ти. — И, бы́стро схвати́в с

ладони Малыша леденец, проглотил его. — Вот теперь можно делить, — продолжал Карлсон и с жадностью поглядывал на оставшиеся два орешка: один из них был чуточку больше другого. — Так как я очень милый и очень скромный, то разрешаю тебе взять первому. Но помни: кто берёт первым, всегда должен брать то, что поменьше, — закончил Карлсон и строго взглянул на Малыша.

Малыш на секунду задумался, но тут же нашёлся:

— Уступаю тебе право взять первым.

— Хорошó, раз ты такой упрямый! — вскрикнул Карлсон и, схватив больший орешек, мигом засунул его себе в рот.

Малыш посмотрел на маленький орешек, одиноко лежавший на его ладони.

— Послушай, — сказал он, — ведь ты же сам говорил, что тот, кто берёт первым, должен взять то, что поменьше.

— Эй ты, маленький лакомка, если бы ты выбирал первым, какой бы орешек ты взял себе?

— Можешь не сомневаться, я взял бы меньший, — твёрдо ответил Малыш.

— Так что ж ты волнуешься? Ведь он тебе и достался!

Малыш вновь подумал о том, что, видимо, это и есть то самое разрешение спора словами, а не кулаками, о котором говорила мама.

Но Малыш не умел долго думать. К тому же он был очень рад, что у Карлсона упала температура. Карлсон тоже об этом вспомнил.

— Я напишу всем врачам на свете, — сказал он, — и сообщу им, какое лекарство помогает от жара. «Принимайте «приторный порошок», приготовленный по рецепту Карлсона, который живёт на крыше». Так я и напишу: «Лучшее в мире средство против жара».

Малыш ещё не съел свой засахаренный орешек. Он лежал у него на ладони, такой заманчивый, аппетитный и восхитительный, что Малышу захотелось сперва им немного полюбоваться. Ведь стоит только положить в рот конфетку, как её уже нет.

Карлсон тоже смотрел на засахаренный орешек Малыша. Он долго не сводил глаз с этого орешка, потом наклонил голову и сказал:

— Давай поспорим, что я смогу взять этот орешек так, что ты и не заметишь.

— Нет, ты не сможешь, если я буду держать его на ладони и всё время смотреть на него.

— Ну, давай поспорим, — повторил Карлсон.

— Нет, — сказал Малыш. — Я знаю, что выиграю, и тогда ты опять получишь конфету.

Малыш был уверен, что такой способ спора неправильный. Ведь когда он спорил с Боссе или Бетан, награду получал тот, кто выигрывал.

— Я готов спорить, но только по старому, правильному способу, чтобы конфету получил тот, кто выигрывает.

— Как хочешь, обжора. Значит, мы спорим, что я смогу взять этот орешек с твоей ладони так, что ты и не заметишь.

— Идёт! — согласился Малыш.

— Фокус-пюкус-филипюкус! — крикнул Карлсон и схватил засахаренный орешек. — Фокус-пюкус-филипюкус, — повторил он и сунул орешек себе в рот.

— Стоп! — закричал Малыш. — Я видел, как ты его взял.

— Что ты говоришь! — сказал Карлсон и поспешно проглотил орешек. — Ну, значит, ты опять выиграл. Никогда не видел мальчишки, которому бы так везло в споре.

— Да... но конфета... — растерянно пробормотал

Мальш. — Ведь её должен был получить тот, кто выиграл.

— Верно, — согласился Карлсон. — Но её уже нет, и я готов спорить, что мне уже не удастся её вернуть назад.

Мальш промолчал, но подумал, что слова — никуда не годное средство для выяснения, кто прав, а кто виноват; и он решил сказать об этом маме, как только её увидит. Он сунул руку в свой пустой карман. Подумать только! — там лежал ещё один засахаренный орех, которого он раньше не заметил. Большой, липкий, прекрасный орех.

— Спорим, что у меня есть засахаренный орех! Спорим, что я его сейчас съем! — сказал Мальш и быстро засунул орех себе в рот.

Карлсон сел. Вид у него был печальный.

— Ты обещал, что будешь мне родной матерью, а занимаешься тем, что набиваешь себе рот сладостями. Никогда ещё не видел такого прожорливого мальчишки!

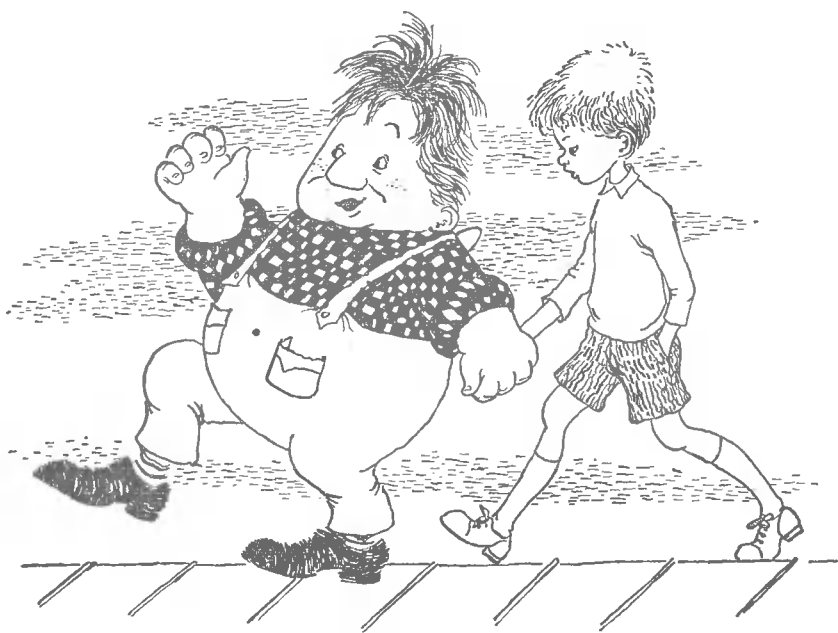
Минуту он просидел молча и стал ещё печальнее.

— Во-первых, я не получил пятиэровой монеты за то, что кусается шарф.

— Ну да. Но ведь тебе не завязывали горло, — сказал Мальш.

— Я же не виноват, что у меня нет шарфа! Но если бы нашёлся шарф, мне бы наверняка завязали им горло, он бы кусался, и я получил бы пять эре... — Карлсон умоляюще посмотрел на Мальша, и его глаза наполнились слезами. — Я должен страдать оттого, что у меня нет шарфа? Ты считаешь, это справедливо?

Нет, Мальш не считал, что это справедливо, и он отдал свою последнюю пятиэровую монетку Карлсону, который живёт на крыше.

ПРОДЕЛКИ КАРЛСОНА

— Ну, а теперь я хочу немного поразвлéчься, — сказа́л Ка́рлсон мину́ту спустя. — Дава́й побéгаем по крýжам и там уж сообрази́м, чем заняться.

Ма́лыш с ра́достью согла́сился. Он взял Ка́рлсона за́ руку, и они́ вме́сте вы́шли на крýшу. Нача́ло сме́ркаться, и всё́ вокрýг вы́глядело́ о́чень краси́во: не́бо бы́ло та́ким си́ним, ка́ким быва́ет то́лько весно́й; дома́, как всегда́ в су́мерках, ка́зались ка́кими-то та́йственными. Вни́зу зеле́нел парк, в кото́ром ча́сто игра́л Ма́лыш, а от высо́ких топо́лей, расту́щих во дворе́, поднимáлся чуде́сный, о́стрый за́пах листьвы́.

Этот вечер был прямо создан для прогулок по крышам. Из раскрытых окон доносились самые разные звуки и шумы: тихий разговор каких-то людей; детский смех и детский плач; звяканье посуды, которую кто-то мыл на кухне; лай собаки; бречание на пианино. Где-то загрохотал мотоцикл, а когда он промчался и шум затих, донёлся цокот копыт и тахтание телеги.

— Если бы люди знали, как приятно ходить по крышам, они давно бы перестали ходить по улицам, — сказал Малыш. — Как здесь хорошо!

— Да, и очень опасно, — подхватил Карлсон, — потому что легко сорваться вниз. Я тебе покажу несколько мест, где сердце прямо ёкает от страха.

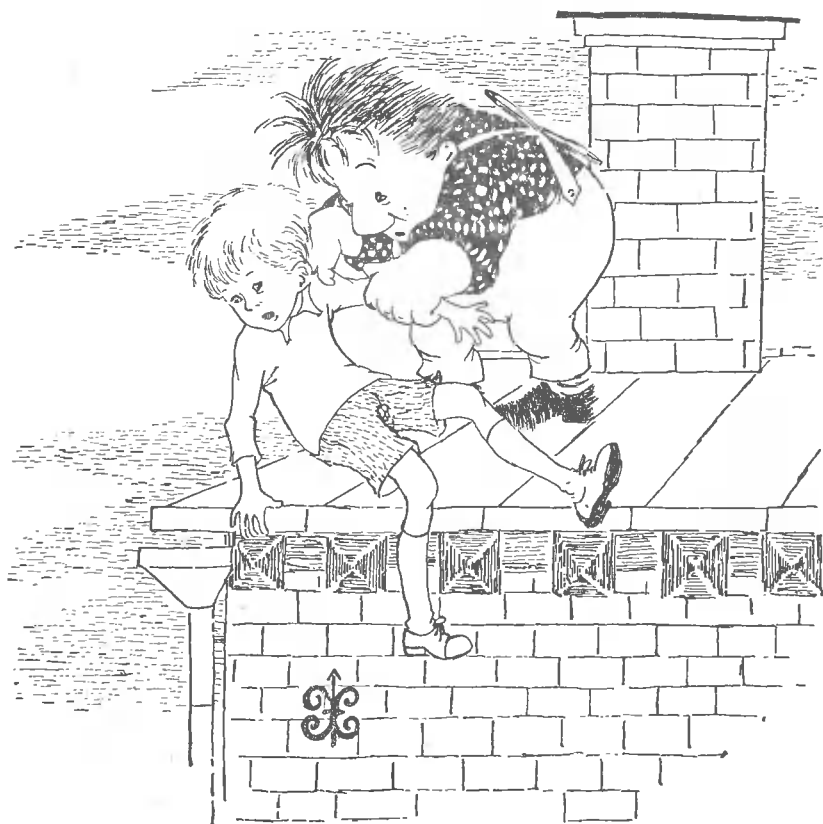
Домá так тесно прижались друг к другу, что можно было свободно перейти с крыши на крышу. Выступы, мансарды, трубы и углы придавали крышам самые причудливые формы.

И правда, гулять здесь было так опасно, что дух захватывало. В одном месте между домами была широкая щель, и Малыш едва не свалился в неё. Но в последнюю минуту, когда нога Малыша уже соскользнула с карниза, Карлсон схватил его за руку.

— Весело? — крикнул он, втаскивая Малыша на крышу. — Вот как раз такие места я и имел в виду. Что ж, пойдём дальше?

Но Малышу не захотелось идти дальше — сердце у него билось слишком сильно. Они шли по таким трудным и опасным местам, что приходилось цепляться руками и ногами, чтобы не сорваться. А Карлсон, желая позабавить Малыша, нарочно выбирал дорогу потруднее.

— Я думаю, что настало время нам немножко повеселиться, — сказал Карлсон. — Я частенько гуляю

по вечерам на крышах и люблю подшутить над людьми, живущими вот в этих мансардах.

— Как подшутить? — спросил Малыш.

— Над разными людьми по-разному. И я никогда не повторяю дважды одну и ту же шутку. Угадай, кто лучший в мире шутник?

Вдруг где-то поблизости раздался громкий плач грудного младенца. Малыш ещё раньше слышал, что кто-то плакал, но потом плач прекратился. Видимо, ребёнок на время успокоился, а сейчас снова принял-

ся кричать. Крик доносился из ближайшей мансарды и звучал жалостно и одиноко.

— Бедная малютка! — сказал Малыш. — Может быть, у неё болит живот.

— Это мы сейчас выясним, — отозвался Карлсон.

Он поползл вдоль карниза, пока не добрался до окна мансарды. Карлсон поднял голову и осторожно заглянул в комнату.

— Чрезвычайно заброшенный младенец, — сказал он. — Ясное дело, отец с матерью где-то бегают.

Ребёнок прямо надрывался от плача.

— Спокойствие, только спокойствие! — Карлсон приподнялся над подоконником и громко произнёс: — Идёт Карлсон, который живёт на крыше, — лучшая в мире нянька.

Малышу не захотелось оставаться одному на крыше, и он тоже перелез через окно вслед за Карлсоном, со страхом думая о том, что будет, если вдруг появятся родители малютки.

Зато Карлсон был совершенно спокоен. Он подошёл к кровати, в которой лежал ребёнок, и пощекотал его под подбородком своим толстеньким указательным пальцем.

— Плюти-плюти-плют! — сказал он шаловливо, затем, обернувшись к Малышу, объяснил: — Так всегда говорят грудным детям, когда они плачут.

Младенец от изумления на мгновение затих, но тут же разревелся с новой силой.

— Плюти-плюти-плют! — повторил Карлсон и добавил: — А ещё с детьми вот как делают...

Он взял ребёнка на руки и несколько раз энергично его встряхнул.

Должно быть, малютке это показалось забавным, потому что она вдруг слабо улыбнулась беззубой улыбкой.

Карлсон был очень горд.

— Как легко
развеселить крош-
ку! — сказа́л он. —
Лу́чшая в ми́ре ня-
нька — это...

Но зако́нчить
ему́ не уда́лось, так
как ребёнок о́пять
заплакал.

— Плю́ти-плю́ти-
плю́т! — раздра-
же́нно прорыча́л
Ка́рлсон и ста́л ещё
сильнее́ трясти де-
вочку. — Слы́шишь,
что я тебе́ говорю́?
Плю́ти-плю́ти-плю́т!
По́нятно?

Но де́вочка ора́ла во всю глотку, и Ма́лыш протя-
ну́л к ней ру́ки.

— Да́й-ка я её возьму́, — сказа́л он.

Ма́лыш о́чень любил маленьких дете́й и мно́го раз
проси́л ма́му и па́пу подарить ему́ ма́ленькую сест-
ре́нку, раз уж о́ни наотре́з отка́зываются купи́ть со-
ба́ку.

Он взял из рук Ка́рлсона крича́щий свёрток и
нежно́ прижа́л его́ к себе́.

— Не плачь, ма́ленькая! — сказа́л Ма́лыш. — Ты
ведь та́кая ми́лая...

Де́вочка затихла, посмотре́ла на Ма́лыша серьёз-
ными блестя́щими глаза́ми, зате́м снова улы́бнулась
свое́й беззубо́й улы́бкой и что́-то тихо́нько залепе-
тала.

— Это мой плю́ти-плю́ти-плю́т подёйствовал, —
произне́с Ка́рлсон. — Плю́ти-плю́ти-плю́т всегда́ дей-
ствует безотка́зно. Я ты́сячи раз проверя́л.

— Интересно, а как её зовут? — сказал Малыш и лёгонько провёл указательным пальцем по маленькой нежной щёчке ребёнка.

— Гюль-фия, — ответил Карлсон. — Маленьких девочек чаще всего зовут именно так.

Малыш никогда не слыхал, чтобы какую-нибудь девочку звали Гюль-фия, но он подумал, что уж кто-кто, а лучшая в мире нянька знает, как обычно называют таких малюток.

— Малышка Гюль-фия, мне кажется, что ты хочешь есть, — сказал Малыш, глядя, как ребёнок поворачивает губами его указательный палец.

— Если Гюль-фия голодна, то вот здесь есть колбаса и картошка, — сказал Карлсон, заглянув в буфет. — Ни один младенец в мире не умрёт с голоду, пока у Карлсона не переведутся колбаса и картошка.

Но Малыш сомневался, что Гюль-фия станет есть колбасу и картошку.

— Таких маленьких детей кормят, по-моему, молоком, — возразил он.

— Значит, ты думаешь, лучшая в мире нянька не знает, что детям дают и чего не дают? — возмутился Карлсон. — Но если ты так настаиваешь, я могу слетать за коровой... — Тут Карлсон недовольно взглянул на окно и добавил: — Хотя трудно будет протащить корову через такое маленькое окошко.

Гюль-фия тщётно ловила палец Малыша и жалобно

хныкала. Действительно, похоже было на то, что она голодна.

Малыш пошарил в буфете, но молока не нашёл: там стояла лишь тарелка с тремя кусочками колбасы.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. — Я вспомнил, где можно достать молока... Мне придётся кое-куда слетать... Привет, я скоро вернусь!

Он нажал кнопку на животе и, прежде чем Малыш успел опомниться, стремительно вылетел из окна.

Малыш страшно перепугался. Что, если Карлсон, как обычно, пропадёт на несколько часов? Что, если родители ребёнка вернутся домой и увидят свою Гюль-фию на руках у Малыша?

Но Малышу не пришлось сильно волноваться — на этот раз Карлсон не заставил себя долго ждать. Гордый, как петух, он влетел в окно, держа в руках маленькую бутылочку с соской, такую, из которой обычно пьют грудных детей.

— Где ты её достал? — удивился Малыш.

— Там, где я всегда беру молоко, — ответил Карлсон, — на одном балконе в Остермальме¹.

— Как, ты её просто стащил? — воскликнул Малыш.

— Я её... взял займы.

— Займы? А когда ты собираешься её вернуть?

— Никогда!

Малыш строго посмотрел на Карлсона. Но Карлсон только махнул рукой:

— Пустяки, дело житейское... Всего-навсего одна крошечная бутылочка молока. Там есть семья, где

¹ Остермальм — пригород Стокгольма.

родилась трóйня, и у них на балкóне в ведрé со льдом полнým-полнó таких бутýлочек. Онí будут тóлько рады, что я взял немно́го молока́ для Гюль-фий.

Гюль-фия́ протяну́ла свои ма́ленькие рúчки к бутýлке и нетерпеливо зачмо́кала.

— Я сейча́с погрéю молочко́,— сказа́л Ма́лыш и пе́редал Гюль-фию́ Ка́рлсону, кото́рый сно́ва стал вопи́ть плю́ти-плю́ти-плют и трясти́ ма́лютку.

А Ма́лыш тем вре́менем вклю́чил пли́тку и стал греть бутýлочку.

Не́сколько мину́т спустя́ Гюль-фия́ уже лежа́ла в своéй кровати́ и кре́пко спала́. Она́ была́ сыта́ и дово́льна. Ма́лыш суети́лся вокру́т неё. Ка́рлсон я́ростно раска́чивал кровати́ку и гро́мко распева́л:

— Плю́ти-плю́ти-плют... Плю́ти-плю́ти-плют...

Но, несмотря́ па весь э́тот шум, Гюль-фия́ засну́ла, потому́ что она́ нае́лась и уста́ла.

— А тепе́рь, пре́жде чем уи́ти отсю́да, дава́й прока́зничаем,— предло́жил Ка́рлсон.

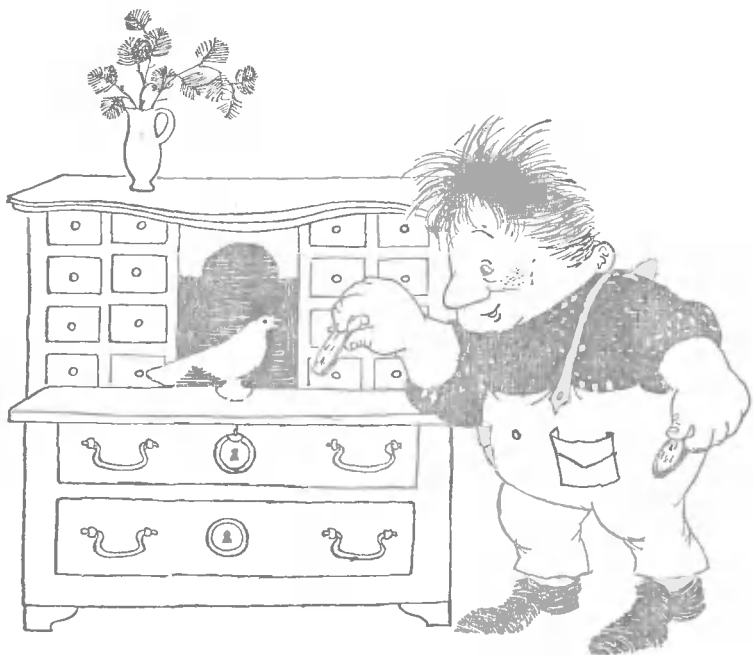
Он подошёл к буфе́ту и вы́нул тарелку́ с наре́занной колбасо́й. Ма́лыш следи́л за ним, широко́ раскрыв гла́за от удивле́ния. Ка́рлсон взял с тарелки́ о́дин кусо́чек.

— Вот сейча́с ты уви́дишь, что зна́чит прока́зничать.— И Ка́рлсон нацепи́л кусо́чек колбасы́ на дверну́ю рúчку.— Но́мер пе́рвый,— сказа́л он и с дово́льным ви́дом кивну́л голово́й.

Зате́м Ка́рлсон подбежа́л к шка́фчику, на кото́ром стоя́л краси́вый бе́лый фарфо́ровый го́лубь, и, пре́жде чем Ма́лыш успе́л вы́молвить сло́во, у го́лубя в клю́ве то́же оказа́лась колбаса́.

— Но́мер второ́й,— прогово́рил Ка́рлсон.— А но́мер тре́тий полу́чит Гюль-фия́.

Он схвати́л с тарелки́ послéдний кусо́к колбасы́ и суну́л его́ в рúчку спя́щей Гюль-фии́. Э́то и в са́мом де́ле вы́глядело́ о́чень смешно́. Мо́жно бы́ло поду́-

мать, что Гюль-фи́я сама́ вста́ла, взяла́ кусо́чек колбасы́ и засну́ла с ним.

Но Малыш всё же сказа́л:

— Прошу́ тебя́, не де́лай э́того.

— Споко́йствие, то́лько споко́йствие! — отве́тил Ка́рлсон. — Мы оту́чим её роди́телей убега́ть из до́му по вечера́м.

— Почему́? — удиви́лся Малыш.

— Ребе́нка, кото́рый уже́ ходит и берёт себе́ колбасу́, они́ не решатся оста́вить одно́го. Кто мо́жет предви́деть, что она́ захоче́т взять в друго́й раз? Быть мо́жет, па́пин воскре́сный га́лстук?

И Ка́рлсон прове́рил, не выпадет ли колбаса́ из ма́ленькой ру́чки Гюль-фи́и.

— Споко́йствие, то́лько споко́йствие! — продо́лжа́л он. — Я зна́ю, что де́лаю. Ведь я — лу́чшая в ми́ре ня́нька.

Как раз в этот момент Малыш услышал, что кто-то поднимается по лестнице, и подскочил от испуга.

— Они идут! — прошептал он.

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон и потащил Малыша к окну.

В замочную скважину уже всунули ключ. Малыш решил, что всё пропало. Но, к счастью, они всё-таки успели вылезти на крышу. В следующую секунду хлопнула дверь, и до Малыша долетели слова:

— А наша милая маленькая Сусанна спит себе да спит! — сказала женщина.

— Да, дочка спит, — отозвался мужчина.

Но вдруг раздался крик. Должно быть, папа и мама Гюль-фий заметили, что девочка сжимает в ручке кусок колбасы.

Малыш не стал ждать, что скажут родители Гюль-фий о продёлках лучшей в мире няньки, которая, едва слышав их голоса, быстро спряталась за трубу.

— Хочешь увидеть жуликов? — спросил Карлсон Малыша, когда они немного отдышались. — Тут у меня в одной мансарде живут два первоклассных жулика.

Карлсон говорил так, словно эти жулики были его собственностью. Малыш в этом усомнился, но, так или иначе, ему захотелось на них поглядеть.

Из окна мансарды, на которое указал Карлсон, доносился громкий говор, смех и крики.

— О, да здесь царит веселье! — воскликнул Карлсон. — Пойдём взглянем, чем это они так забавляются.

Карлсон и Малыш опять поползли вдоль карниза. Когда они добрались до мансарды, Карлсон поднял голову и посмотрел в окно. Оно было занавешено. Но Карлсон нашёл дырку, сквозь которую была видна вся комната.

— У жуликов гость,— прошептал Карлсон.

Малыш тоже посмотрел в дырку. В комнате сидели два субъекта, по виду вполне похожие на жуликов, и славный скромный малый вроде тех парней, которых Малыш видел в деревне, где жила его бабушка.

— Знаешь, что я думаю? — прошептал Карлсон. — Я думаю, что мои жулики затеяли что-то нехорошее. Но мы им помешаем... — Карлсон ещё раз поглядел в дырку. — Готов поспорить — они хотят обратить этого беднягу в красном галстуке!

Жулики и парень в галстуке сидели за маленьким столиком у самого окна. Они ели и пили.

Время от времени жулики дружески похлопывали своего гостя по плечу, приговаривая:

— Как хорошо, что мы тебя встретили, дорогой Оскар!

— Я тоже очень рад нашему знакомству, — отвечал Оскар. — Когда впервые приезжаешь в город, очень хочется найти добрых друзей, верных и надёжных. А то налетит на каких-нибудь мошенников, и они тебя мигом облапошат.

Жулики одобрительно поддакивали:

— Конечно. Недолго стать жертвой мошенников. Тебе, парень, здорово повезло, что ты встретил Филле и меня.

— Ясное дело, не повстречай ты Рулле и меня, тебе бы худо пришлось. А теперь ешь да пей в своё удовольствие, — сказал тот, которого звали Филле, и вновь хлопнул Оскара по плечу.

Но затем Филле сделал нечто такое, что совершенно изумило Малыша: он как бы случайно сунул свою руку в задний карман брюк Оскара, вынул оттуда бумажник и осторожно засунул его в задний карман своих собственных брюк. Оскар ничего не заметил, потому что как раз в этот момент Рулле стис-

нул его в своих объятиях. Когда же Рулле наконец разжал объятия, у него в руке оказались часы Оскара. Рулле их также отправил в задний карман своих брюк. И Оскар опять ничего не заметил.

Но вдруг Карлсон, который живёт на крыше, осторожно просунул свою пухлую руку под занавеску и вытащил из кармана Филле бумажник Оскара. И Филле тоже ничего не заметил. Затем Карлсон снова просунул под занавеску свою пухлую руку и вытащил из кармана Рулле часы. И тот тоже ничего не заметил. Но несколько минут спустя, когда Рулле, Филле и Оскар ещё выпили и закусили, Филле сунул руку в свой карман и обнаружил, что бумажник исчез. Тогда он злобно взглянул на Рулле и сказал:

— Послушай-ка, Рулле, давай выйдем в прихожую. Нам надо кое о чём потолковать.

А тут как раз Рулле полез в свой карман и заметил, что исчезли часы. Он, в свою очередь, злобно поглядел на Филле и произнёс:

— Пошли! И у меня есть к тебе разговор.

Филле и Рулле вышли в прихожую, а бедняга Оскар остался совсем один. Ему, должно быть, стало скучно сидеть одному, и он тоже вышел в прихожую, чтобы посмотреть, что там делают его новые друзья.

Тогда Карлсон быстро перемахнул через подоконник и положил бумажник в суповую миску. Так как Филле, Рулле и Оскар уже съели весь суп, то бумажник не намок. Что же касается часов, то их Карлсон прицепил к лампе. Они висели на самом виду, слегка раскачиваясь, и Филле, Рулле и Оскар увидели их, как только вернулись в комнату.

Но Карлсона они не заметили, потому что он залез под стол, накрытый свисающей до пола скатертью. Под столом сидел и Малыш, который, несмотря

на свой страх, ни за что не хотел оставить Карлсона одного в таком опасном положении.

— Гляди-ка, на лампе болтаются мои часы! — удивленно воскликнул Оскар. — Как они могли туда попасть?

Он подошёл к лампе, снял часы и положил их в карман своей куртки.

— А здесь лежит мой бумажник, честное слово! — ещё больше изумился Оскар, заглянув в суповую миску. — Как странно!

Рулле и Филле уставились на Оскара.

— А у вас в деревне парни, видно, тоже не промах! — воскликнули они хором.

Затем Оскар, Рулле и Филле опять сели за стол.

— Дорогой Оскар, — сказал Филле, — ешь и пей досыта!

И они снова стали есть и пить и похлопывать друг друга по плечу.

Через несколько минут Филле, приподняв скатерть, бросил бумажник Оскара под стол. Видно, Филле полагал, что на полу бумажник будет в большей сохранности, чем в его кармане. Но вышло иначе: Карлсон, который сидел под столом, поднял бумажник и сунул его в руку Рулле. Тогда Рулле сказал:

— Филле, я был к тебе несправедлив, ты благородный человек.

Через некоторое время Рулле просунул руку под скатерть и положил на пол часы. Карлсон поднял часы и, толкнув Филле ногой, вложил их ему в руку. Тогда и Филле сказал:

— Нет товарища надёжнее тебя, Рулле!

Но тут Оскар завопил:

— Где мой бумажник? Где мои часы?

В тот же миг и бумажник и часы вновь оказались на полу под столом, потому что ни Филле, ни Рулле

не хотѣли быть пойманными с поличным, если Оскáр поднимет скандал. А Оскáр уже начал выходить из себя, громко требуя, чтобы ему вернули его вещи. Тогда Филле закричал:

— Почём я знаю, куда ты дел свой паршивый бумажник!

А Рүлле добавил:

— Мы не видели твоих дрянных часов! Ты сам должен следить за своим добром.

Тут Карлсон поднял с пола сперва бумажник, а потом часы и сунул их прямо в руки Оскáру. Оскáр схватил свои вещи и воскликнул:

— Спасибо тебе, милый Филле, спасибо, Рүлле, но в другой раз не надо со мной так шутить!

Тут Карлсон изо всей силы стукнул Филле по ногé.

— Ты у меня за это заплатишься, Рүлле! — завопил Филле.

А Карлсон тем временем ударил Рүлле по ногé так, что тот прямо завыл от боли.

— Ты что, рехнулся? Чего ты дерёшься? — крикнул Рүлле.

Рүлле и Филле выскочили из-за стола и принялись тузить друг друга так энергично, что все тарелки попадали на пол и разбились, а Оскáр, до смерти перепугавшись, сунул в карман бумажник и часы и убрался восвояси.

Больше он сюда пикогда не возвращался.

Малыш тоже очень испугался, но он не мог убраться восвояси и поэтому, притаившись, сидел под столом.

Филле был сильнее Рүлле, и он вытолкнул Рүлле в прихожую, чтобы там окончательно с ним расправиться.

Тогда Карлсон и Малыш быстро вылезли из-под стола. Карлсон, увидев осколки тарелок, разбросанные по полу, сказал:

— Все тарелки разбиты, а суповая миска целая. Как, должно быть, одиноко этой бедной суповой миске!

И он изо всех сил трахнул суповую миску об пол.

Потом они с Малышом кинулись к окну и быстро вылезли на крышу.

Малыш услышал, как Филле и Рулле вернулись в комнату и как Филле сиротил:

— А чего ради ты, болван, ни с того ни с сего отдал ему бумажник и часы?

— Ты что, спятил? — ответил Рулле. — Ведь это же ты сделал!

Услышав их ругань, Карлсон расхохотался так, что у него затрясся живот.

— Ну, на сегодня хватит развлечений! — проговорил он сквозь смех.

Малыш тоже был сыт по горло сегодняшними проделками.

Уже совсем стемнело, когда Малыш и Карлсон, взявшись за руки, побрели к маленькому домику, притаившемуся за трубой на крыше того дома, где жил Малыш. Когда они уже почти добрались до места, то услышали, как, сигнала сиреной, по улице мчится пожарная машина.

— Должно быть, где-то пожар, — сказал Малыш. — Слышишь, проехали пожарные.

— А может быть, даже в твоём доме, — с надеждой в голосе проговорил Карлсон. — Ты только сразу же скажи мне. Я им охотно помогу, потому что я лучший в мире пожарный.

С крыши они увидели, как пожарная машина остановилась у подъезда. Вокруг неё собралась толпа, но огня что-то нигде не было заметно. И всё же от машины до самой крыши быстро выдвинулась длинная лестница, точь-в-точь такая, какая бывает у пожарных.

— Может, это они за мной? — с тревогой спросил Малыш, вдруг вспомнив о записке, которую он оставил у себя; ведь сейчас уже было так поздно.

— Не понимаю, чего все так переполошились. Неужели кому-то могло не понравиться, что ты отправился немного погулять по крыше? — возмутился Карлсон.

— Да, — ответил Малыш, — моей маме. Знаешь, у неё нервы...

Когда Малыш подумал об этом, он пожалел маму, и ему очень захотелось поскорее вернуться домой.

— А было бы неплохо слегка поразвлечься с пожарными... — заметил Карлсон.

Но Малыш не хотел больше развлекаться. Он тихо стоял и ждал, когда наконец доберётся до крыши пожарный, который уже лез по лестнице.

— Ну что ж, — сказал Карлсон, — пожалуй, мне тоже пора ложиться спать. Конечно, мы вели себя очень тихо, прямо скажу — примерно. Но не надо забывать, что у меня сегодня утром был сильный жар, не меньше тридцати — сорока градусов.

И Карлсон поскакал к своему домику.

— Привёт, Малыш! — крикнул он.

— Привёт, Карлсон! — отозвался Малыш, не отводя взгляда от пожарного, который поднимался по лестнице всё выше и выше.

— Эй, Малыш, — крикнул Карлсон, прежде чем скрыться за трубой, — не рассказывай пожарным, что я здесь живу! Ведь я лучший в мире пожарный и боюсь, они будут посылать за мной, когда где-нибудь загорится дом.

Пожарный был уже близко.

— Стой на месте и не шевелись! — приказал он Малышу. — Слышишь, не двигайся с места! Я сейчас поднимусь и сниму тебя с крыши.

Малыш подумал, что со стороны пожарного пре-

достерега́ть его́ было́ очень́ мило, но бессмы́ленно. Ведь весь́ ве́чер он разгу́ливал по крýшам и, уж ко-не́чно, мог бы́ и сейча́с сде́лать не́сколько шаго́в, что́бы подо́йти к ле́стнице.

— Тебя́ ма́ма посла́ла? — спроси́л Ма́лыш пожа́рного, когда́ тот, взяв его́ на́ руки, стал спуска́ться.

— Ну да, ма́ма. Ко́нечно. Но... мне пока́залось, что на крýше было́ два ма́леньких ма́льчика.

Ма́лыш вспо́мнил про́сьбу Ка́рлсона и серьё́зно сказа́л:

— Нет, здесь не́ было́ друго́го ма́льчика.

У ма́мы действи́тельно были́ «не́рвы». Она́, и па́па, и Бо́ссе, и Бе́тан, и ещё́ мно́го вся́ких чу́жых лю-де́й стоя́ли на у́лице и жда́ли Ма́лыша. Ма́ма кину́лась к нему́, обняла́ его́; она́ и пла́кала и смея́лась. Потом па́па взял Ма́лыша на́ руки и понёс до́мой, крѣ́пко прижима́я к себе́.

— Как ты нас напуга́л! — сказа́л Бо́ссе.

Бе́тан то́же запла́кала и проговори́ла скво́зь слѣ́зы:

— Нико́гда бо́льше так не де́лай. Запо́мни, Ма́лыш, нико́гда!

Ма́лыша тут же уложи́ли в кроват́ь, и вся́ семья́ собралась́ вокрýг него́, как бу́дто сего́дня был день его́ ро́ждения. Но па́па сказа́л очень́ серьё́зно:

— Неужели́ ты не понима́л, что мы бу́дем волну́ваться? Неужели́ ты не зна́л, что ма́ма бу́дет вне се-бя́ от трево́ги, бу́дет пла́кать?

Ма́лыш съѣжился́ в своѣ́й постѣ́ли.

— Ну, чего́ вы беспоко́ились? — пробормота́л он. Ма́ма очень́ крѣ́пко обняла́ его́.

— Подума́й то́лько! — сказа́ла она́. — А е́сли бы ты упал с крýши? Если́ бы мы тебя́ потеря́ли?

— Вы бы тогда́ огорчи́лись?

— А как ты ду́маешь? — отве́тила ма́ма. — Ни за ка́кие сокрови́ща в ми́ре мы не согласи́лись бы рас-ста́ться с тобо́й. Ты же и сам э́то зна́ешь.

— И да́же за сто ты́сяч миллио́нов крон? — спроси́л Ма́лыш.

— И да́же за сто ты́сяч миллио́нов крон!

— Зна́чит, я так до́рого сто́ю? — изуми́лся Ма́лыш.

— Ко́нечно, — сказа́ла ма́ма и обняла́ его́ ещё́ раз.

Ма́лыш ста́л размышля́ть: сто ты́сяч миллио́нов крон — кака́я о́грóмная ку́ча де́нег! Неужели́ он мо́жет сто́ить так до́рого? Ве́дь щенка́, настоя́щего, прекра́сного щенка́, мо́жно купи́ть все́го за пятьде́сят крон...

— Послу́шай, па́па, — сказа́л вдруг Ма́лыш, — е́сли я действите́льно сто́ю сто ты́сяч миллио́нов, то не могу́ ли я получи́ть сейча́с нали́чными пятьде́сят крон, что́бы купи́ть себе́ ма́ленького щеночка́?

КА́РЛСОН ИГРАЕТ В ПРИВИДЕ́НИЯ

То́лько на сле́дующий де́нь, во вре́мя обе́да, роди́тели спроси́ли Ма́лыша́, как он все́-таки́ попал на кры́шу.

— Ты что́ ж, проле́з че́рез слухово́е окно́ на чердаке́? — спроси́ла ма́ма.

— Не́т, я полете́л с Ка́рлсоном, кото́рый живёт на кры́ше, — отве́тил Ма́лыш.

Ма́ма и па́па перегляну́лись.

— Так да́льше продо́лжаться не мо́жет! — восклицнула́ ма́ма. — Э́тот Ка́рлсон сведёт́ меня́ с ума́!

— Послу́шай, — сказа́л па́па, — ника́кого́ Ка́рлсона, кото́рый бы жил на кры́ше, не существу́ет.

— «Не существу́ет!» — повто́рил Ма́лыш. — Вче́ра он, во вся́ком слу́чае, существува́л.

Ма́ма озабо́ченно покача́ла голово́й:

— Хоро́шо, что ско́ро начну́тся канику́лы и ты

уедешь к бабушке. Надеюсь, что там Карлсон не будет тебя преследовать.

Об этой неприятности Малыш ещё не думал. Ведь скоро его на всё лето пошлют в деревню к бабушке! А это значит, что он два месяца не увидит Карлсона. Конечно, летом у бабушки очень хорошо, там всегда бывает весело, но Карлсон... А вдруг Карлсон уже не будет жить на крыше, когда Малыш вернется в город?

Малыш сидел, опершись локтями о стол и обхватив ладонями голову. Он не мог себе представить жизни без Карлсона.

— Ты разве не знаешь, что нельзя класть локти на стол? — спросила Бетан.

— Следи лучше за собой! — огрызнулся Малыш.

— Малыш, уберй локти со стола, — сказала мама. — Положить тебе цветной капусты?

— Нет, лучше умереть, чем есть капусту!

— Ох! — вздохнул папа. — Надо сказать: «Нет, спасибо».

«Чего это они так раскомандовались мальчиком, который стоит сто тысяч миллионов», — подумал Малыш, но вслух этого не высказал.

— Вы же сами прекрасно понимаете, что, когда я говорю: «Лучше умереть, чем есть капусту», я хочу сказать: «Нет, спасибо», — пояснил он.

— Так воспитанные люди не говорят, — сказал папа. — А ты ведь хочешь стать воспитанным человеком?

— Нет, папа, я хочу стать таким, как ты, — ответил Малыш.

Мама, Боссе и Бетан расхохотались.

Малыш не понял, над чем они смеются, но решил, что смеются над его папой, а этого он уже никак не мог стерпеть.

— Да, я хочу быть таким, как ты, папа. Ты такой хороший! — произнёс Малыш, глядя на отца.

— Спаси́бо тебе́, мой ма́льчик, — сказа́л па́па. — Так ты действите́льно не хочешь цветно́й капу́сты?

— Нет, лу́чше умере́ть, чем есть капу́сту!

— Но ведь она́ о́чень поле́зна, — вздохну́ла ма́ма.

— Наверно́, — сказа́л Ма́лыш. — Я давно́ заме́тил: чем еда́ невку́снее, тем она́ поле́зней. Хотел́ бы я знать, почему́ все э́ти витами́ны соде́ржатся то́лько в том, что невку́сно?

— Витамии́ны, коне́чно, должны́ быть в шокола́де и в жевате́льной резинке, — состри́л Бо́ссе.

— Э́то са́мое разу́мное из всего́, что ты сказа́л за последи́нее вре́мя, — огрызну́лся Ма́лыш.

После́ обе́да Ма́лыш отпра́вился к себе́ в ко́мнату. Всем се́рдцем он жела́л, что́бы Ка́рлсон прилетел́ поскоре́е. Ведь на дня́х Ма́лыш уе́дет за́ город, по-э́тому тепе́рь они́ должны́ встре́чаться как мо́жно ча́ще.

Должно́ быть, Ка́рлсон почу́вствовал, что Ма́лыш его́ жде́т: едва́ Ма́лыш вы́сунул нос в око́шко, как Ка́рлсон уже́ был тут как тут.

— Сего́дня у тебя́ нет жа́ра? — спроси́л Ма́лыш.

— У меня́? Жа́ра?.. У меня́ никогда́ не быва́ет жа́ра! Э́то бы́ло внуше́ние.

— Ты внуши́л себе́, что у тебя́ жар? — удиви́лся Ма́лыш.

— Нет, э́то я тебе́ внуши́л, что у меня́ жар, — ра́достно отве́тил Ка́рлсон и засме́ялся. — Угада́й, кто лу́чший в ми́ре вы́думщик?

Ка́рлсон ни мину́ты не сто́ял на ме́сте. Разгова́ривая, он всё вре́мя кружи́л по ко́мнате, тро́гал всё, что попада́лось под руку, с любопы́тством открыва́л и закрыва́л ящи́ки и разгля́дывал ка́ждую вещь с больш́им интере́сом.

— Нет, сего́дня у меня́ нет ника́кого жа́ра. Сего́дня я здо́ров как бык и распо́ложен слегка́ поразвле́чься.

Мальш тоже был не прочь поразвлекаться. Но он хотел, чтобы прежде папа, мама, Боссе и Бетан увидели наконец Карлсона и перестали бы уверять Мальша, что Карлсон не существует.

— Подожди меня минуточку, — поспешно сказал Мальш, — я сейчас вернусь.

И он стремглав побежал в столовую.

Боссе и Бетан дома не оказалось — это, конечно, было очень досадно, — но зато мама и папа сидели у камина. Мальш сказал им, сильно волнуясь:

— Мама и папа, идите скорей в мою комнату!

Он решил пока ничего не говорить им о Карлсоне — будет лучше, если они увидят его без предупреждения.

— А может быть, ты посидишь с нами? — предложила мама.

Но Мальш потянул её за руку:

— Нет, вы должны пойти ко мне. Там вы увидите одну вещь...

Недолгие переговоры завершились успешно. Папа и мама пошли вместе с ним. Счастливый Мальш с радостью распахнул дверь своей комнаты — наконец-то они увидят Карлсона!

И тут Мальш едва не заплакал, так он был обескуражен. Комната оказалась пустой, как и в тот раз, когда он привёл всю семью знакомиться с Карлсоном.

— Ну, что же мы должны здесь увидеть? — спросил папа.

— Ничего особенного... — пробормотал Мальш.

К счастью, в эту минуту раздал-

ся телефонный звонок. Папа пошёл говорить по телефону, а мама вспомнила, что в духовке у неё сидит сладкий пирог, и поспешила на кухню. Так что на этот раз Малышу не пришлось объясняться.

Оставшись один, Малыш присел у окна. Он очень сердился на Карлсона и решил высказать ему всё начистоту, если тот снова прилетит.

Но никто не прилетел. Вместо этого открылась дверца шкафа, и оттуда высунулась лукавая физиономия Карлсона.

Малыш просто остолбенел от изумления:

— Что ты делал в моём шкафу?

— Сказать тебе, что я там высидивал цыплят? Но это было бы неправдой. Сказать, что я думал о своих грехах? Это тоже было бы неправдой. Может быть, сказать, что я лежал на полке и отдыхал? Вот это будет правда! — ответил Карлсон.

Малыш тотчас же забыл, что сердился на Карлсона. Он был так рад, что Карлсон нашёлся.

— Этот прекрасный шкаф прямо создан для игры в прятки. Давай поиграем? Я опять лягу на полку, а ты будешь меня искать, — сказал Карлсон.

И, не дожидаясь ответа Малыша, Карлсон скрылся в шкафу. Малыш услышал, как он там карабкается, забираясь, видимо, на верхнюю полку.

— Ну, а теперь ищи! — крикнул Карлсон.

Малыш распахнул дверцы шкафа и, конечно, сразу же увидел лежащего на полке Карлсона.

— Фу, какой ты противный! — закричал Карлсон. — Ты что, не мог сначала хоть немножко поискать меня под кроватью, за письменным столом или ещё где-нибудь? Ну, раз ты такой, я с тобой больше не играю. Фу, какой ты противный!

В эту минуту раздался звонок у входной двери, и из передней послышался мамин голос:

— Малыш, к тебе пришли Кристер и Гунилла.

Этого сообщения было достаточно, чтобы у Карлсона улучшилось настроение.

— Подожди, мы сейчас с ними сыграем штуку! — прошептал он Малышу. — Притвори-ка за мной поплотнее дверцу шкафа...

Малыш едва успел закрыть шкаф, как в комнату вошли Гунилла и Кристер. Они жили на той же улице, что и Малыш, и учились с ним в одном классе. Малышу очень нравилась Гунилла, и он часто рассказывал своей маме, какая она «ужасно хорошая». Кристера Малыш тоже любил и давно уже простил ему шишку на лбу. Правда, с Кристером они частенько дрались, но всегда тут же мирились. Впрочем, дрался Малыш не только с Кристером, а почти со всеми ребятами с их улицы. Но вот Гунилле он никогда не бил.

— Как это получается, что ты ещё ни разу не стукнул Гунилле? — спросила как-то мама.

— Она такая ужасно хорошая, что её незачем бить, — ответил Малыш.

Но всё же и Гунилла могла иногда вывести Малыша из себя. Вчера, например, когда они втроём возвращались из школы и Малыш рассказывал им о Карлсоне, Гунилла расхохоталась и сказала, что всё это выдумки. Кристер с ней согласился, и Малыш

был вынужден его стукнуть. В ответ на это Кристер и швырнул в него камнем.

Но сейчас они как ни в чём не бывало пришли к Малышу в гости, а Кристер привёл даже своего щенка Ёффу. Увидев Ёффу, Малыш так обрадовался, что совсем забыл про Карлсона, который лежал на полке в шкафу. «Ничего нет на свете лучше собаки», — подумал Малыш. Ёффа прыгал и лаял, а Малыш обнимал его и гладил. Кристер стоял рядом и совершенно спокойно наблюдал, как Малыш ласкает Ёффу. Он ведь знал, что Ёффа — это его собака, а не чья-нибудь ещё, так что пусть себе Малыш играет с ней сколько хочет.

Вдруг, в самый разгар возни Малыша с Ёффой, Гунилла, ехидно посмеиваясь, спросила:

— А где же твой друг Кáрлсон, который живёт на крыше? Мы думали, что застанем его у тебя.

И только теперь Малыш вспомнил, что Кáрлсон лежит на полке в его шкафу. Но так как он не знал, какую поделку на этот раз затеял Кáрлсон, то ничего не сказал об этом Кристеру и Гунилле.

— Вот ты, Гунилла, думаешь, что я всё сочинил про Кáрлсона, который живёт на крыше. Вчера ты говорила, что он — выдумка...

— Конечно, он и есть выдумка, — ответила Гунилла и расхохоталась; на её щеках появились ямочки.

— Ну, а если он не выдумка? — хитро спросил Малыш.

— Но ведь он в самом деле выдумка! — вмешался в разговор Кристер.

— А вот и нет! — закричал Малыш.

И не успел он обдумать, стоит ли попытаться разрешить этот спор словами, а не кулаками или лучше сразу стукнуть Кристера, как вдруг из шкафа раздалось громко и отчетливо:

— Ку-ка-ре-ку!

— Что это такое? — воскликнула Гунилла, и её красный, как вишня, ротик широко раскрылся от удивления.

— Ку-ка-ре-ку! — слышалось снова из шкафа, точь-в-точь как кричат настоящие петухи.

— У тебя что, петух живёт в гардеробе? — удивился Кристер.

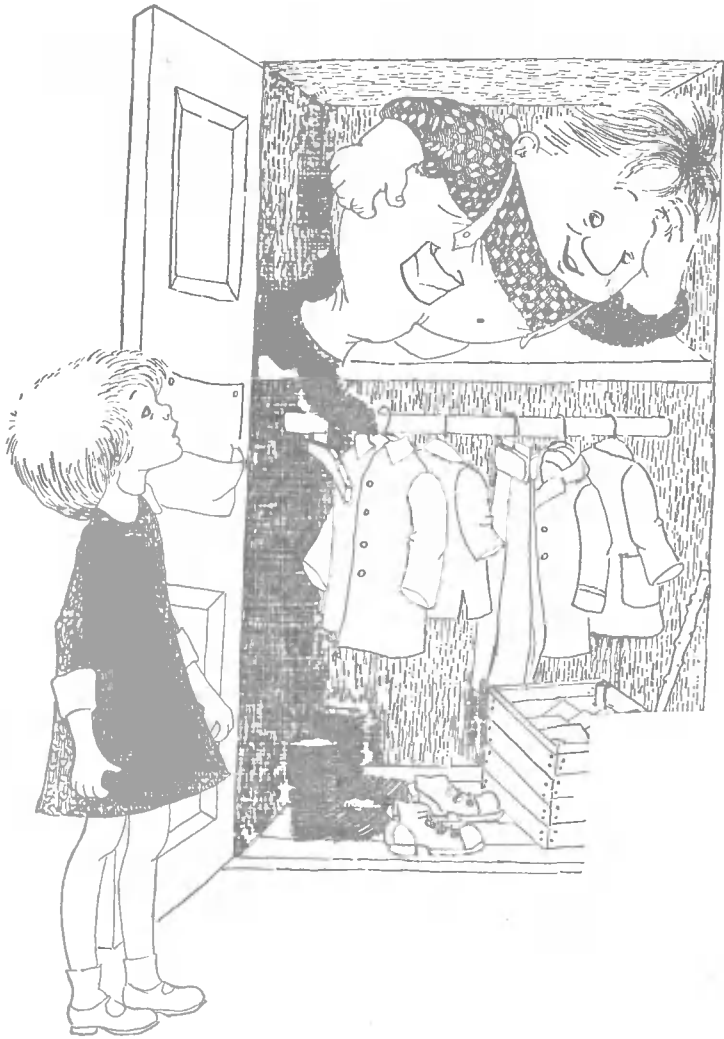
Еффа заворчал и покосился на шкаф.

Малыш расхохотался. Он так смеялся, что не мог говорить.

— Ку-ка-ре-ку! — раздалось в третий раз.

— Я сейчас открою шкаф и погляжу, что там, — сказала Гунилла и отворила дверь.

Кристер подскочил к ней и тоже заглянул в шкаф.

Внача́ле о́ни́ ниче́го́ не заме́тили, крóме вися́щей оде́жды, но потóм с ве́рхней по́лки раздало́сь хихика́нье. Кри́стер и Гуни́лла посмотре́ли наве́рх и уви́дели на по́лке ма́ленького то́лстого челове́чка. Удо́бно примости́вшись, он лежа́л, подпи́рив руко́й го́лову, и пока́чивал пра́вой но́жкой. Его́ весе́лые голу́бые глаза́ сия́ли.

Кри́стер и Гуни́лла мо́лча смотре́ли на челове́чка, не в си́лах вы́молвить ни сло́ва, и лишь Е́ффа продо́лжал тихо́нько рыча́ть.

Когда́ к Гуни́лле верну́лся дар ре́чи, она́ прогово́рила:

— Это́ кто́ тако́й?

— Все́го́ лишь ма́ленькая вы́думка, — отве́тил стра́нный челове́чек и стал е́щё эне́ргичнее бо́лтать но́жкой. — Ма́ленькая фанта́зия, кото́рая лежи́т себе́ да отды́хает. Крóоче гово́ря, вы́думка!

— Это... это... — прогово́рил Кри́стер, запи́наясь.

— ...ма́ленькая вы́думка, кото́рая лежи́т себе́ и кричи́т по-петуши́ному, — сказа́л челове́чек.

— Это́ Ка́рлсон, кото́рый живёт на кры́ше! — прошепта́ла Гуни́лла.

— Конечно́, а кто́ же е́щё! Уж не ду́маешь ли ты, что ста́рая фру Гу́ставсон, кото́рой девяно́сто два го́да, незаме́тно пробрала́сь сюда́ и разлегла́сь на по́лке?

Малы́ш прóсто заше́лся от сме́ха — уж о́чень глупо́ вы́глядели расте́рянные Кри́стер и Гуни́лла.

— О́ни́, наве́рное, онеме́ли, — е́два вы́говорил Малы́ш.

О́дним пры́жком Ка́рлсон соскочи́л с по́лки. Он подоше́л к Гуни́лле и ущи́пнул её за ще́ку:

— А э́то что́ за ма́ленькая вы́думка?

— Мы... — пробормота́л Кри́стер.

— Ну, а тебя́, наве́рно, зову́т Авгу́ст? — спроси́л Ка́рлсон у Кри́стера.

— Меня зовут вовсе не Август,— ответил Кристи-
стер.

— Хорошо. Продолжим!..— сказал Карлсон.

— Их зовут Гунилла и Кристистер,— объяснил Малыш.

— Да, просто трудно поверить, до чего иногда не везёт людям. Но теперь уж ничего не попишешь. А кроме того, не могут же всех звать Карлсонами!..

Карлсон огляделся, словно что-то ища, и поспешно объяснил:

— А теперь я был бы не прочь немного поразвлéчься. Может, пошвыряем стулья из окна? Или затеем ещё какую-нибудь игру в этом роде?

Малыш не считал, что это будет очень весёлая игра. К тому же он твёрдо знал, что мама и папа не одобряют такой забавы.

— Ну, я вижу, вы трусы. Если вы будете такими нерешительными, у нас ничего не выйдет. Раз вам не нравится моё предложение, придумайте что-нибудь другое, а то я с вами не буду водиться. Я должен чем-нибудь позабавиться,— сказал Карлсон и обиженно надул губы.

— погоди, мы сейчас что-нибудь придумаем! — умоляюще прошептал Малыш.

Но Карлсон, видимо, решил обидеться всерьёз.

— Вот возьму и улечу сейчас отсюда...— проворчал он.

Все трое понимали, какая это будет беда, если Карлсон улетит, и хором принялись уговаривать его остаться.

Карлсон с минуты сидел молча, продолжая дуться.

— Это, конечно, не наверняка, но я, пожалуй, смог бы остаться, если вот она,— и Карлсон показал своим пухлым пальчиком на Гуниллу,— поглядит меня по голове и скажет: «Мой милый Карлсон».

Гуни́лла с ра́достью погла́дила его́ и ла́сково попроси́ла:

— Ми́ленький Ка́рлсон, оста́нься! Мы обя́зательно́ что́-нибудь приду́маем.

— Ну ла́дно, — сказа́л Ка́рлсон, — я, пожа́луй, оста́нусь.

У дете́й вёрвался вздох облеге́ния.

Ма́ма и па́па Малы́ша́ обы́чно гуля́ли по ве́черам. Вот и тепе́рь ма́ма крикну́ла из прихо́жей:

— Малы́ш! Кри́стер и Гуни́лла мо́гут оста́ть-

ся у тебе́ до восьми́ часо́в, пото́м ты бы́стро ляже́шь в посте́ль. А ко́гда мы верне́мся, я зайду́ к тебе́ поже́лать «споко́йной но́чи».

И де́ти услы́шали, как хло́пнула вхо́дная дверь.

— А поче́му она́ не сказа́ла, до како́го ча́са я могу́ здесь оста́ться? — спроси́л Ка́рлсон и вы́пятил ни́жнюю губу́. — Если все́ ко мне так несправе́дливы, то я с ва́ми не бу́ду води́ться.

— Ты мо́жешь оста́ться здесь до ско́льких хо́чешь, — отве́тил Малы́ш.

Ка́рлсон е́щё бо́льше вы́пятил губу́.

— А поче́му меня́ не вы́ставят отсю́да ро́вно в во́семь, как все́х? — сказа́л Ка́рлсон оби́женным то́ном. — Нет, так я не игра́ю!

— Хоро́шо, я попрошу́ ма́му, что́бы она́ отпра́вила тебя́ домо́й в во́семь часо́в, — пообеща́л Малы́ш. — Ну, а ты приду́мал, во что́ мы бу́дем игра́ть?

Дурное настроение Карлсона как рукой сняло.

— Мы будем играть в привидения и пугать людей. Вы даже не представляете себе, что я могу сделать с помощью одной небольшой простыни. Если бы все люди, которых я пугал до смерти, давали мне за это по пять эре, я мог бы купить целую гору шоколада. Ведь я лучшее в мире привидение! — сказал Карлсон, и глаза его весело заблестели.

Малыш, Кристер и Гунилла с радостью согласились играть в привидения. Но Малыш сказал:

— Вообще не обязательно так ужасно пугать людей.

— Спокойствие, только спокойствие! — ответил Карлсон. — Не тебе учить лучшее в мире привидение, как должны вести себя привидения. Я только слегка попугаю всех до смерти, никто этого даже и не заметит. — Он подошёл к кровати Малыша и взял простыню. — Материал подходящий, можно сделать вполне приличную одежду для привидения.

Карлсон достал из ящика письменного стола цветные мелки и парисовал в одном углу простыни страшную рожу. Потом он взял ножницы и, прежде чем Малыш успел его остановить, быстро прорезал две дырки для глаз.

— Простыня — это пустяки, дело житейское. А привидение должно видеть, что происходит вокруг, иначе оно начнёт блуждать и попадёт в конце концов невесть куда.

Затем Карлсон закутался с головой в простыню, так что видны были только его маленькие пухлые ручки.

Хотя дети и знали, что это всего-навсего Карлсон, закутанный в простыню, они всё же слегка испугались; а что касается Еффы, то он бешено залаял. Когда же Карлсон включил свой моторчик и принялся летать вокруг люстры — простыня на нём так

и развева́лась,— ста́ло ещё стра́ннее. Это бы́ло и впра́вду жу́ткое зрели́ще.

— Я небольшо́е приви́дение с мото́ром! — крича́л он.— Ди́кое, но симпатично́е!

Де́ти притихли и боя́зливо сле́дили за его́ полётом. А Ё́ффа престо́ надрыва́лся от ла́я.

— Воо́бще говоря́,— продо́лжал Ка́рлсон,— я люблю́, когда́ во вре́мя полёта жу́жит мото́р, но, поско́льку я приви́дение, сле́дует, веро́ятно, вклю́чить глу́шитель. Вот так!

Он сделал несколько кругов совершенно бесшумно и стал ещё больше похож на привидение.

Теперь дело было лишь за тем, чтобы найти, кого пугать.

— Может быть, мы отправимся на лестничную площадку? Кто-нибудь войдёт в дом и испугается до смерти!

В это время зазвонил телефон, но Малыш решил не подходить. Пусть себе звонит!

Между тем Карлсон принялся громко вздыхать и стонать на разные лады.

— Грош цена тому привидению, которое не умеет как следует вздыхать и стонать, — пояснил он. — Это первое, чему учат юное привидение в привиденческой школе.

На все эти приготовления ушло немало времени. Когда они уже стояли перед входной дверью и собирались выйти на лестничную площадку, чтобы пугать прохожих, послышалось какое-то слабое царапанье. Малыш было подумал, что это мама и папа возвращаются домой. Но вдруг он увидел, как в щель ящика для писем кто-то просовывает стальную проволоку. И Малыш сразу понял, что к ним лезут вору. Он вспомнил, что на днях папа читал маме статью из газеты. Там говорилось, что в городе появилось очень много квартирных воров. Они сперва звонят по телефону. Убедившись, что дома никого нет, вору взламывают замок и выносят из квартиры всё ценное.

Малыш страшно испугался, когда понял, что происходит. Кристер и Гунилла испугались не меньше. Кристер залез Еффу в комнату Малыша, чтобы он своим лаем не испортил игру в привидения, и теперь очень пожалел об этом. Один только Карлсон ничуть не испугался.

— Спокойствие, только спокойствие! — прошептал он. — Для такого случая привидение — незаме-

ни́мая вещь. Дава́йте тихо́нько пойдём в столо́вую — на́верно, там твой о́тец хранит золоты́е слитки и бриллианты.

Ка́рлсон, Ма́лыш, Гуни́лла и Кри́стер на цыпочках пробра́лись в столо́вую и, стара́ясь не шуметь, спря́тались за ме́белью, кто где. Ка́рлсон залёз в краси́вый стари́нный буфёт — там у ма́мы лежа́ли ска́терти и салфе́тки — и кое-ка́к прикрýл за собо́й двёрцу. Плот́но закрýть он её не успе́л, потому́ что как раз в э́тот моме́нт в столо́вую кра́дучись вошл́и во́ры. Ма́лыш, кото́рый лежа́л под дива́ном у ками́на, остро́жно вы́сунулся и посмотре́л: посре́ди ко́мнаты стоя́ли дво́е парне́й весьма́ ме́рзкого ви́да. И предста́вьте себе́, э́то бы́ли Фи́лле и Ру́лле!

— Тепе́рь на́до узна́ть, где у них лежа́т де́ньги, — сказа́л Фи́лле хри́плым шёпотом.

— Ясно́е де́ло, здесь, — отозва́лся Ру́лле, ука́зывая на стари́нный секретёр со мно́жеством ящи́ков.

Ма́лыш зна́л, что в одно́м из э́тих ящи́ков ма́ма держа́ла де́ньги на хозяй́ство, а в друго́м хран́ила краси́вые драгоце́нные ко́льца и бро́шки, кото́рые ей подари́ла ба́бушка, и па́пины золоты́е меда́ли, полу́ченные им в награ́ду за ме́ткую стрельбу́.

«Как бу́дет ужа́сно, е́сли всё э́то унесу́т во́ры», — подум́ал Ма́лыш.

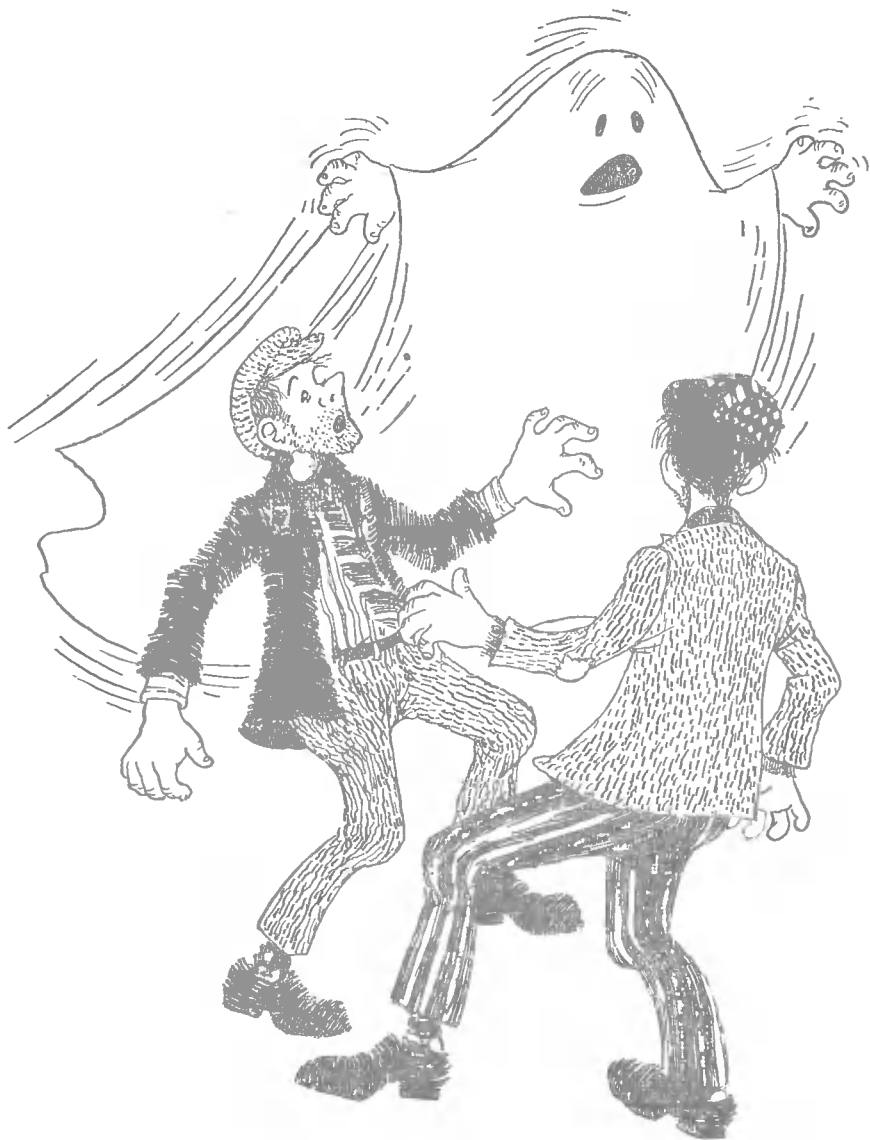
— Поищи́-ка здесь, — сказа́л Фи́лле, — а я пойду́ на кúхню, посмотре́ю, нет ли там сере́бряных ло́жек и ви́лок.

Фи́лле исче́з, а Ру́лле нача́л выдвигать ящи́ки секретёра, и вдруг он пра́мо сви́стнул от востор́га.

«На́верно, нашёл де́ньги», — подум́ал Ма́лыш.

Ру́лле вы́двинул друго́й ящи́к и снова́ сви́стнул — он уви́дел ко́льца и бро́шки.

Но бо́льше он уже́ не сви́стёл, потому́ что в э́то мгнове́ние распахну́лись двёрцы буфё́та и оттуда́,

издавая страшные стоны, выпорхнуло привидение. Когда Рулле обернулся и увидел, он хрюкнул от ужаса и уронил на пол деньги, кольца, брощки и всё остальное. Привидение порхало вокруг него, стонало и вздыхало; потом оно вдруг устремилось на кухню. Секунду спустя в столовую ворвался Филле. Он был бледен как полотно.

— Прүүлэ, там ривидение! — завопил он.

Он хотел крикнуть: «Рулле, там привидение!», но от страха у него заплетался язык, и получилось: «Прүүлэ, там ривидение!»

Да и не мудрено было испугаться! Следом за ним в комнату влетело привидение и принялось так жутко вздыхать и стонать, что просто дух захватывало.

Рулле и Филле бросились к двери, а привидение вилось вокруг них. Не помня себя от страха, они выскочили в прихожую, а оттуда на лестничную площадку. Привидение преследовало их по пятам, гнало вниз по лестнице и выкрикивало время от времени глухим, страшным голосом:

— Спокойствие, только спокойствие! Сейчас я вас настигну, и тут-то вам будет весело!

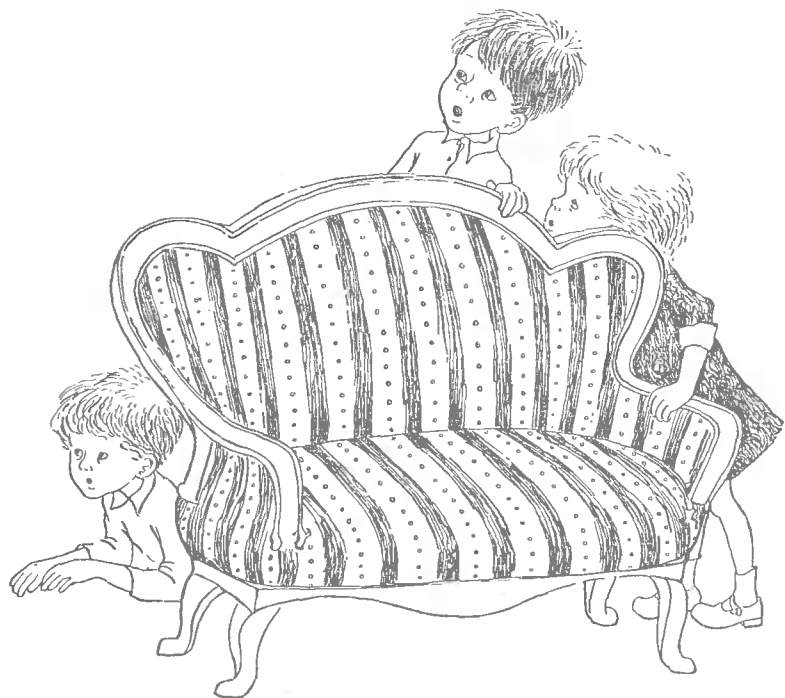
Но потом привидение устало и вернулось в столовую. Мальчишка собрал с пола деньги, кольца, брощки и положил всё это обратно в секретёр. А Гунилла и Кристер подобрали все вилки и ложки, которые уронил Филле, когда он метался между кухней и столовой.

— Лучшее в мире привидение — это Карлсон, который живёт на крыше, — сказала привидение и сняло с себя простыню.

Дети смеялись; они были счастливы.

А Карлсон добавил:

— Ничто не может сравниться с привидением, когда надо пугать воров. Если бы люди это знали, то

непре́менно привя́зали бы по ма́ленькому зло́бному привиде́нию к ка́ждой ка́ссе в го́роде.

Ма́лыш пры́гал от ра́дости, что всё оберну́лось так хоро́шо.

— Лю́ди насто́лько глупы́, что ве́рят в приви́дения. Просто́ смешно́! — восклицу́л он. — Па́па говори́т, что вообще́ ниче́го сверхъесте́ственного не существу́ет. — И Ма́лыш, как бы в подтве́рждение э́тих слов, кивну́л голово́й. — Дураки́ э́ти во́ры — они́ поду́мали, что из буфе́та вылетело́ приви́дение! А на самом де́ле э́то был престо́ Карлсон, кото́рый живёт на кры́ше. Ниче́го сверхъесте́ственного!

КАРЛСОН ВЫСТУПАЕТ С УЧЕНОЙ СОБАКОЙ АЛЬБЕРГ

На следующее утро, едва проснувшись, взъерошенный мальчуган в полосатой голубой пижаме пришлёпал босиком к маме на кухню. Папа уже ушёл на службу, а Боссе и Бетан — в школу. У Малыша уроки начинались позже, и это было очень кстати, потому что он любил оставаться вот так по утрам вдвоём с мамой, пусть даже ненадолго. В такие минуты хорошо разговаривать, вместе петь песни или рассказывать друг другу сказки. Хотя Малыш уже большой мальчик и ходит в школу, он с удовольствием сидит у мамы на коленях, но только если этого никто не видит.

Когда Малыш вошёл в кухню, мама, примостившись у кухонного стола, читала газету и пила кофе. Малыш молча влез к ней на колени. Мама обняла его и нежно прижала к себе. Так они и сидели, пока Малыш окончательно не проснулся.

Мама и папа вернулись вчера с прогулки позже, чем предполагали. Малыш уже лежал в своей кроватке и спал. Во сне он разметался. Укрывая его, мама заметила дырки, прорезанные в простыне. А сама простыня была такая грязная, словно её кто-то нарочно исчертил углем. И тогда мама подумала: «Не удивительно, что Малыш поспешил лечь спать». А теперь, когда озорник

сидѣл у неё на колѣнях, она́ твёрдо реши́ла не отпу-
ска́ть его́ без объяснѣний.

— Послу́шай, Малы́ш, мне бы хотѣлось знать,
кто прорѣзал дырки в твоѣй просты́нѣ. Только не
вздума́й, пожа́луйста, говори́ть, что это сде́лал Ка́рл-
сон, кото́рый живѣт на крѣше.

Малы́ш молча́л и напряже́нно ду́мал. Как быть?
Ведь дырки прорѣзал и́менно Ка́рлсон, а ма́ма за-
прети́ла о нём говори́ть. Малы́ш реши́л та́кже ни-
че́го не рассказыва́ть и о вора́х, потому́ что ма́ма всё
равно́ это́му не пове́рит.

— Ну, так что же? — насто́йчиво повто́рила ма́ма,
так и не дожда́вшись отве́та.

— Не могла́ бы ты спроси́ть об это́м Гуни́л-
лу? — хитро сказа́л Малы́ш и поду́мал: «Пусть-ка
лу́чше Гуни́лла расска́жет ма́ме, как было́ де́ло. Ей
ма́ма скорѣе пове́рит, чем мне».

«А! Знача́т, это́ Гуни́лла разрѣзала просты́ню», —
поду́мала ма́ма. И ещё́ она́ поду́мала, что её Ма-
лы́ш — хоро́ший ма́льчик, потому́ что он не жела́ет
нагова́ривать на други́х, а хо́чет, что́бы Гуни́лла са-
ма́ всё рассказа́ла.

Ма́ма обня́ла Малы́ша́ за плѣчи. Она́ реши́ла сей-
ча́с бо́льше ни о чём его́ не расспра́шивать, но при
слу́чае погово́рить с Гуни́ллой.

— Ты о́чень лю́бишь Гуни́ллу? — спроси́ла ма́ма.

— Да, о́чень, — отве́тил Малы́ш.

Ма́ма вно́вь приня́лась чита́ть газѣту, а Малы́ш
мо́лча сидѣл у неё на колѣнях и ду́мал.

Кого́ же, собственно́ говоря́, он действите́льно лю́-
бит? Пре́жде всего́ ма́му... и па́пу то́же... Ещё́ он
лю́бит Бо́ссе и Бе́тан... Ну да, ча́ще всего́ он их всё-
таки лю́бит, о́собенно Бо́ссе. Но иногда́ он на них так
се́рдится, что вся лю́бовь пропа́дает. Лю́бит он и
Ка́рлсона, кото́рый живѣт на крѣше, и Гуни́ллу то́же
лю́бит. Да, быть мо́жет, он же́нится на ней, когда́ вы-

растет, потому́ что хóчешь не хóчешь, а жену́ имéть надо. Конечно, больше́ всего́ он хотéл бы жениться́ на ма́ме, но ведь это́ невозможнó.

Вдруг Малы́шу пришлá в гóлову мысль, котóрая егó встрево́жила.

— Послу́шай, ма́ма,— сказа́л он,— а когда́ Бóссе вы́растет большо́й и умрёт, мне ну́жно бу́дет же́ниться на егó женé?

Ма́ма подвину́ла к себе́ ча́шку и с удивле́нием взгляну́ла на Малы́ша.

— Почему́ ты так ду́маешь? — спроси́ла она́, сде́рживая смех.

Малы́ш, испугáвшись, что сморóзил глупость, реши́л не продолжа́ть. Но ма́ма настаивала́:

— Скажи́, почему́ ты это́ подумал?

— Ведь когда́ Бóссе вы́рос, я получи́л егó ста́рый велосипéд и егó ста́рые лы́жи... И коньки́, на котóрых он ката́лся, когда́ был таким, как я... Я дона́шиваю егó ста́рые пи́жамы, егó боти́нки и всё остальнóе...

— Ну, а от егó ста́рой жены́ я тебя́ изба́влю, это́ я тебе́ обещаю́,— сказа́ла ма́ма серьёзно.

— А нельзя́ ли мне бу́дет же́ниться на тебе́? — спроси́л Малы́ш.

— Пожа́луй, это́ невозможнó,— отве́тила ма́ма.— Ведь я уже́ заму́жем за па́пой.

Да, это́ было́ так.

— Како́е неудáчное совпадéние, что и я и па́па люблю́ тебя́! — недово́льно произнёс Малы́ш.

Тут ма́ма рассмея́лась и сказа́ла:

— Раз вы́ оба меня́ люблю́те, значи́т, я хоро́шая.

— Ну, тогда́ я же́нюсь на Гуни́лле,— вздохну́л Малы́ш.— Ведь надо́ же мне бу́дет на ко́м-нибудь же́ниться!

И Малы́ш вновь задумáлся. Он ду́мал о том, что ему́, павéрно, бу́дет не о́чень приятно́ жить вме́сте

с Гуни́ллой, потому́ что с ней иногда́ трудно ла́дить. Да и вообще́ ему́ больше всего́ хоте́лось жить вме́сте с ма́мой, па́пой, Бо́ссе и Бе́тан, а не с како́й-то там жено́й.

— Мне бы гораздо́ больше хоте́лось импе́ть соба́ку, чем жено́у,— сказа́л Малы́ш.— Ма́ма, ты не мо́жешь мне подарить щенка́?

Ма́ма вздохну́ла. Ну вот, о́пять Малы́ш заговорил о своёй вожде́ленной соба́ке! Это́ было́ почти́ так же невыно́симо, как и разгово́ры о Ка́рлсоне, кото́рый живёт на кры́ше.

— Зна́ешь что, Малы́ш,— сказа́ла ма́ма,— тебе́ уже́ пора́ одева́ться, а то ты опозда́ешь в шко́лу.

— Ну, я́сно,— отве́тил Малы́ш.— Сто́ит мне то́лько заговорить о соба́ке, как ты заводи́шь разгово́р о шко́ле!

...В тот день Малы́шу́ было́ приятно́ иди́ти в шко́лу, потому́ что ему́ мно́гое на́до было́ обсуди́ть с Кри́стером и Гуни́ллой.

Домо́й они́ шли, как всегда́, вме́сте. И Малы́ша́ это́ о́собенно ра́довало, потому́ что тепе́рь Кри́стер и Гуни́лла то́же были́ знако́мы с Ка́рлсоном.

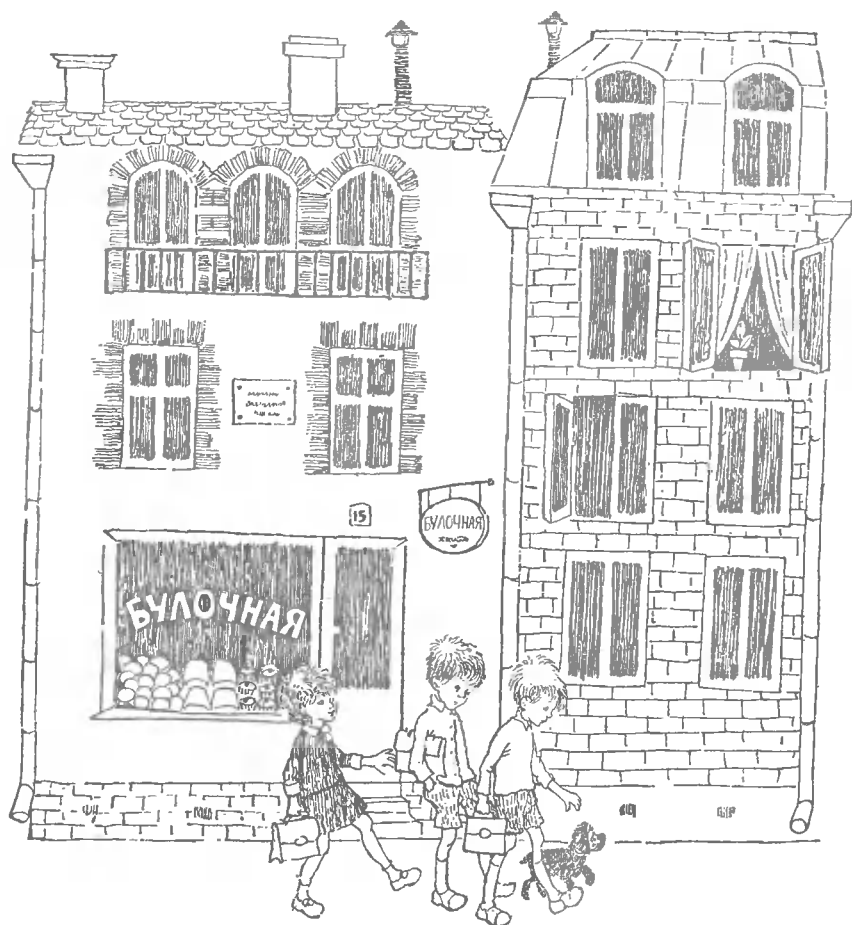
— Он тако́й весе́лый, пра́вда? Как ты ду́маешь, се́годня он о́пять прилетит? — спроси́ла Гуни́лла.

— Не зна́ю,— отве́тил Малы́ш.— Он сказа́л, что прилетит «прибли́зительно». А это́ значит — когда́ ему́ взду́мается.

— Наде́юсь, что он прилетит «прибли́зительно» се́годня,— сказа́л Кри́стер.— Мо́жно, мы с Гуни́ллой пойдём к тебе́?

— Ко́нечно, мо́жно,— сказа́л Малы́ш.

Тут появи́лось ещё́ одно́ существо́, кото́рое то́же захоте́ло пойти́ вме́сте с ними́. Когда́ ребята́ собра́лись пере́йти у́лицу, к Малы́шу́ подбежа́л ма́ленький че́рный пудель. Он обню́хал ко́лёнки Малы́ша́ и дру́жески тявкнул.

— Погляді́те, како́й сла́вный щено́к! — ра́дно восклі́кнул Малы́ш. — Он, наве́рно, испуга́лся у́личного дви́жения и про́сит меня́ пере́вести его́ на ту сто́рону.

Малы́ш был бы сча́слив пере́водить щенка́ че́рез все пере́крёстки го́рода. Должно́ быть, щено́к э́то почу́ствовал: он бежа́л вприпры́жку по мостово́й, но́рва прижа́ться к но́ге Малы́ша.

— Какой он симпатичный,— сказала Гунилла.— Иди сюда, маленький пёсик!

— Нет, он хочет идти рядом со мной,— сказал Малыш и взял щенка за ошейник.— Он меня полюбил.

— Меня он тоже полюбил,— сказала Гунилла.

У маленького щенка был такой вид, будто он готов любить всех на свете, только бы его любили. И Малыш полюбил этого щенка. О, как он его полюбил! Он нагнулся к щенку и принялся его ласкать, и гладить, и тихонько присвистывать, и причмокивать. Все эти нежные звуки должны были означать, что чёрный пудель — самый симпатичный, самый прекраснейший пёс на свете. Щенок вилял хвостом, всячески давая понять, что он тоже так думает. Он радостно прыгал и лаял, а когда дети свернули на свою улицу, побежал вслед за ними.

— Может быть, ему нигде жить? — сказал Малыш, цепляясь за последнюю надежду: он ни за что не хотел расставаться со щенком.— И, может быть, у него нет хозяина?

— Ну да, наверно, нет... — согласился с Малышом Кристиер.

— Да замолчи ты! — раздражённо оборвал его Малыш.— Ты-то откуда знаешь?

Разве мог понять Кристиер, у которого был Еффа, что значит не иметь собаки — совсем никакой собаки!

— Иди сюда, милый пёсик! — позвал Малыш, всё больше убеждая себя в том, что щенку нигде жить.

— Смотри, как бы он не увязался за тобой,— предупредил Кристиер.

— Пусть идёт. Я и хочу, чтобы он шёл за мной,— ответил Малыш.

И щенок пошёл за ним. Так он оказался у дверей дома, где жил Малыш. Тут Малыш взял его на руки и понёс по лестнице.

«Сейчас я спрошу у мамы, можно ли мне оставить его у себя».

Но мамы не было дома. В записке, которую Малыш нашёл на кухонном столе, было сказано, что она в прачечной и что он может туда зайти, если ему что-нибудь понадобится.

Тем временем щенок, как ракета, ворвался в комнату Малыша. Ребята помчались за ним.

— Видите, он хочет жить у меня! — закричал Малыш, обезумев от радости.

В эту самую минуту в окно влетел Карлсон, который живёт на крыше.

— Привёт! — крикнул он. — Вы что, постирали эту собаку? Ведь у неё вся шерсть села!

— Это же не Еффа, разве ты не видишь? — сказал Малыш. — Это моя собака!

— Нет, не твоё, — возразил Кристер.

— У тебя нет собаки, — подтвердила Гунилла.

— А вот у меня там, наверху, тысячи собак, — сказал Карлсон. — Лучший в мире собаковод — это...

— Что-то я не видал у тебя никаких собак, — перебил Малыш Карлсона.

— Их просто не было дома — они все разлетелись. Ведь у меня летающие собаки.

Малыш не слушал Карлсона. Тысячи летающих собак ничего не значили для него по сравнению с этим маленьким милым щенком.

— Нет, не думаю, чтобы у него был хозяин, — вновь сказал Малыш.

Гунилла склонилась над собакой.

— Во всяком случае, на ошейнике у него написано «Альберг», — сказала она.

— Ясно, это фамилия его хозяина, — подхватил Кристер.

— Может быть, этот Альберг уже умер! — возразил Малыш и подумал, что даже если Альберг суще-

ствѣует, он, конѣчно, не любит щенка. И вдруг Малышѣ пришла в голову прекрасная мысль. — А может быть, самого щенка зовут Альберг? — спросил он, умоляюще взглянув на Кристера и Гунилла.

Но те лишь обидно рассмеялись в ответ.

— У меня есть несколько собак, по кличке Альберг, — сказал Карлсон. — Привѣт, Альберг!

Щенок подскочил к Карлсону и весело залаял.

— Вот видите, — крикнул Малыш, — он знает своё имя!.. Альберг, Альберг, сюда!

Гунилла схватила щенка.

— Тут на ошейнике выгравирован номер телефона, — безжалостно сказала она.

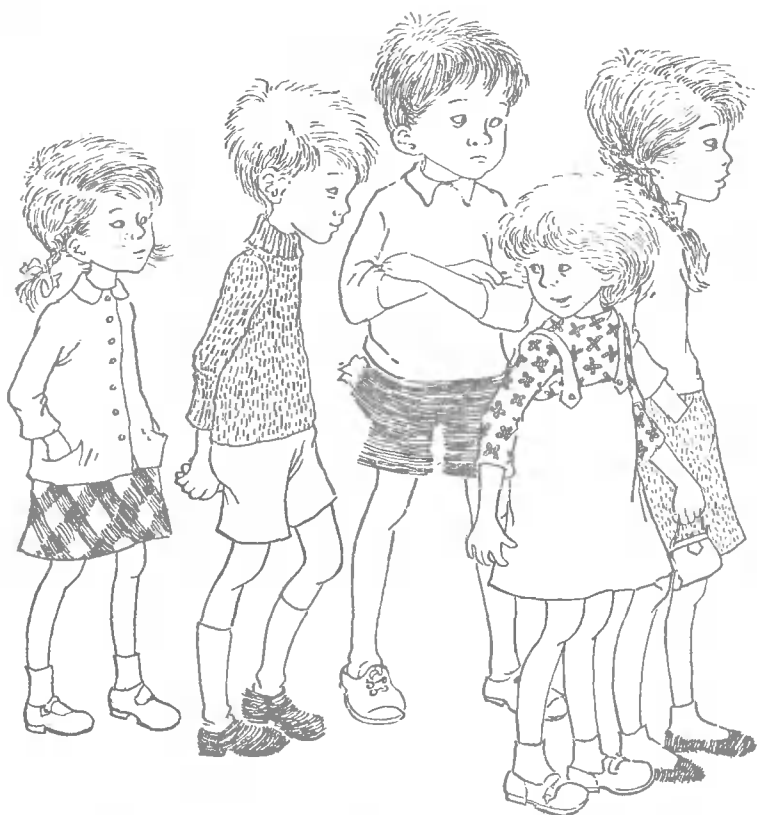
— Конечно, у собаки есть личный телефон, — объяснил Карлсон. — Скажи ей, чтобы она позвонила своей экономке и предупредила, что вернется поздно. Мои собаки всегда звонят по телефону, когда задерживаются.

Карлсон погладил щенка своей пухлой ручкой.

— Одна из моих собак, которую, кстати, тоже зовут Альберг, как-то на днях задержалась, — продолжал Карлсон. — Она решила позвонить домой, чтобы предупредить меня, но спутала номер телефона и попала к одному старому майору в отставке, проживающему в Кунгсхольме. «Это кто-нибудь из собак Карлсона?» — осведомилась Альберг. Майор обиделся и стал ругаться: «Осёл! Я майор, а не собака!» — «Так чего ж вы меня облаяли?» — вежливо спросила Альберг. Вот какая она умница!

Малыш не слушал Карлсона. Его сейчас ничто не интересовало, кроме маленького щенка. И даже когда Карлсон сказал, что он не прочь слегка поразвлѣчься, Малыш не обратил на это никакого внимания. Тогда Карлсон выпятил нижнюю губу и заявил:

— Нет, так я не играю! Ты всё время возишься с этой собакой, а я тоже хочу чем-нибудь заняться.

Гуни́лла и Кри́стер поддержа́ли Ка́рлсона.

— Дава́йте устро́им «Ве́чер чуде́с»,— сказа́л Ка́рлсон, переста́в ду́ться.— Угада́йте, кто лу́чший в ми́ре фо́кусник?

— Конечно́, Ка́рлсон! — наперебо́й закрича́ли Ма́лыш, Кри́стер и Гуни́лла.

— Зна́чит, мы реши́ли, что устро́им представле́ние под назва́нием «Ве́чер чуде́с»?

— Да,— сказа́ли де́ти.

— Мы реши́ли та́кже, что вход на э́то представле́ние бу́дет сто́ить одну́ конфе́тку?

— Да,— подтве́рдил де́ти.

— И ещё мы решили, что собранные конфеты пойдут на благотворительные цели.

— Как? — удивились дети.

— А существует только одна настоящая благотворительная цель — забота о Карлсоне.

Дети с недоумением переглянулись.

— А может быть... — начал было Кристер.

— Нет, мы решили! — перебил его Карлсон. — А то я не играю.

Итак, они решили, что все конфеты получит Карлсон, который живёт на крыше.

Кристер и Гуннлла выбежали на улицу и расска-

зали всем дѣтям, что наверху у Малыша сейчас начнётся большое представлѣние «Вѣчер чудес». И все, у кого было хотя бы пять эре, побежали в лавку и купили там «входные конфеты».

У двери в комнату Малыша стояла Гунилла; она отбирала у всех зрителей конфеты и клала их в коробку с надписью: «Для благотворительных целей».

Посреди комнаты Кристер расставил стулья для публики. Угол комнаты был отгорожен одеялом, и оттуда доносились шепот и собачий лай.

— Что нам здесь будут показывать? — спросил мальчик по имени Кирре. — Если какую-нибудь чепуху, я потребую назад свою конфетку.

Мальши, Гунилла и Кристер не любили этого Кирре — он вечно был всем недоволен.

Но вот из-за одеяла вышел Мальши. На руках он держал маленького щенка.

— Сейчас вы все увидите лучшего в мире фокусника и учёную собаку Альберг, — торжественно произнёс он.

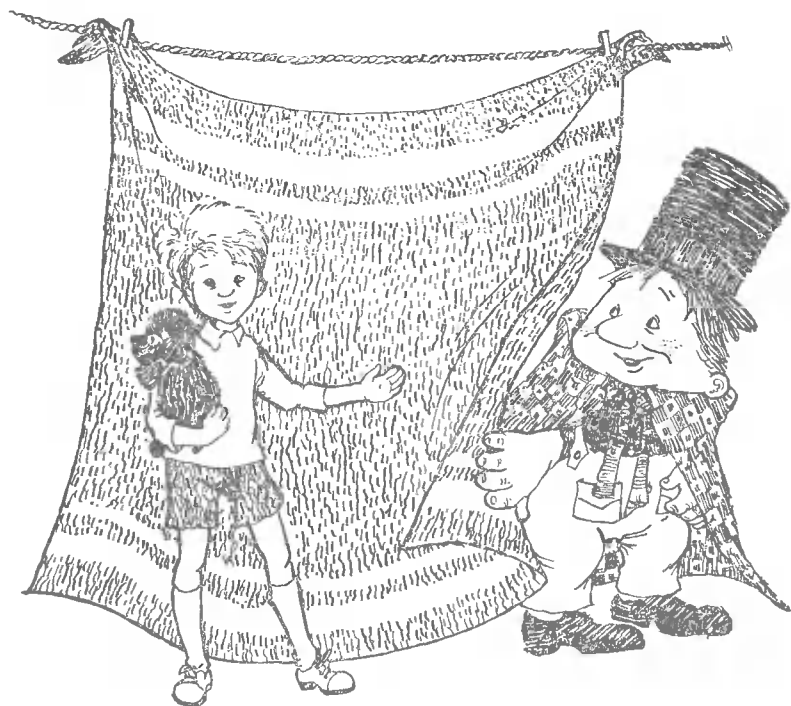
— Как уже было объявлено, выступает лучший в мире фокусник, — послышался голос из-за одеяла, и перед публикой появился Карлсон.

Его голову украшал цилиндр папы Малыша, а на плечи был накинута мамин клетчатый фартук, завязанный под подбородком пыльным бантом. Этот фартук заменял Карлсону чёрный плащ, в котором обычно выступают фокусники.

Все дружно захлопали. Все, кроме Кирре.

Карлсон поклонился. Вид у него был очень самодовольный. Но вот он снял с головы цилиндр и показал всем, что цилиндр пуст, — точь-в-точь как это обычно делают фокусники.

— Будьте добры, господа, убедитесь, что в цилиндре ничего нет. Абсолютно ничего, — сказал он.

«Сейчас он вынет оттуда живого кролика, — подумал Малыш. Он видел однажды в цирке выступление фокусника. — Вот будет забавно, если Карлсон и правда вынет из цилиндра кролика!»

— Как уже было сказано, здесь ничего нет, — мрачно продолжал Карлсон. — И здесь никогда ничего не будет, если вы сюда ничего не положите. Я вижу, передо мной сидят маленькие обжоры и едят конфеты. Сейчас мы пустим этот цилиндр по кругу, и каждый из вас кинет в него по одной конфете. Вы сделаете это в благотворительных целях.

Малыш с цилиндром в руках обошёл всех ребят. Конфеты так и сыпались в цилиндр. Затем он передал цилиндр Карлсону.

— Что-то он подозрительно гремит! — сказал Карлсон и потряс цилиндр. — Если бы он был полон, он бы так не гремел.

Карлсон сунул в рот конфетку и принялся жевать.

— Вот это, я понимаю, благотворительность! — воскликнул он и ещё энергичнее заработал челюстями.

Один Кирре не положил конфеты в шляпу, хотя в руке у него был целый кулёк.

— Так вот, дорогие мои друзья, и ты, Кирре, — сказал Карлсон, — перед вами учёная собака Альберг. Она умеет делать всё: звонить по телефону, летать, печь булочки, разговаривать и поднимать ножку. Словом, всё.

В этот момент щенок и в самом деле поднял ножку — как раз возле стула Кирре, и на полу образовалась маленькая лужица.

— Теперь вы видите, что я не преувеличиваю: это действительно учёная собака.

— Ерунда! — сказал Кирре и отодвинул свой стул от лужицы. — Любой щенок сделает такой фокус. Пусть этот Альберг немножко поговорит. Это будет потруднее, ха-ха!

Карлсон обратился к щенку:

— Разве тебе трудно говорить, Альберг?

— Нет, — ответил щенок. — Мне трудно говорить, только когда я курю сигару.

Ребята прямо подскочили от изумления. Казалось, говорит сам щенок. Но Малыш всё же решил, что за него говорит Карлсон. И он даже обрадовался, потому что хотел иметь обыкновенную собаку, а не какую-то говорящую.

— Милый Альберг, не можешь ли ты рассказать что-нибудь из собачьей жизни нашим друзьям и Кирре? — спросил Карлсон.

— Охóтно,— отвéтил Альбéрг и нáчал свой рас-
сказ.— Позавчерá вéчером я ходíл в кино,— сказáл
он и вéсело запры́гал вокрúг Карлсона.

— Кóнечнó,— подтвeрдил Карлсон.

— Ну да! И рýдом со мной на стóле сидéли две
блохи́,— продолжáл Альбéрг.

— Что ты говорíшь! — удивíлся Карлсон.

— Ну да! — сказáл Альбéрг.— И когдá мы вы́шли
потóм на úлицу, я услышал, как однá блохá сказáла
другóй: «Ну как, пойдём домóй пешкóм или поéдем
на собáке?»

Все дéти считáли, что это хорóшее представлéние,
хотя́ и не совсём «Вéчер чудес». Одíн лишь Кíрре
сидéл с недовóльным вíдом.

— Он ведь уверя́л, что эта собáка умéет печь бý-
лочки,— насмéшливо проговорíл Кíрре.

— Альбéрг, ты испечёшь бýлочку? — спросíл
Карлсон.

Альбéрг зевну́л и лёг нá пол.

— Нет, не могу́...— отвéтил он.

— Ха-ха! Так я и думáл! — закричáл Кíрре.

— ...потому́ что у меня́ нет дрожжéй,— пояснíл
Альбéрг.

Всем дéтям Альбéрг óчень понравíлся, но Кíрре
продолжáл упóрствовать.

— Тогда́ пусть полетáет — для это́го дрожжéй не
нóжно,— сказáл он.

— Полетáешь, Альбéрг? — спросíл Карлсон` со-
бáку.

Щенóк, казалóсь, спал, но на вопрóс Карлсона всё
же отвéтил:

— Что ж, пожа́луйста, но тóлько ёсли ты поле-
ти́шь вмéсте со мной, потому́ что я обеща́л мáме ни-
когдá не летáть без взрóслых.

— Тогда́ иди́ сюда́, мáленький Альбéрг,— сказáл
Карлсон и пóднял щенкá с пóла.

Секунду спустя Кáрлсон и Альбéрг уже летели. Сперва они поднялись к потолку и сделали несколько кругов над люстрой, а затем вылетели в окно. Кíрре даже побледнел от изумления.

Все дети кинулись к окну и стали смотреть, как Кáрлсон и Альбéрг летают над крышей дома.

А Малыш в ужасе крикнул:

— Кáрлсон, Кáрлсон, лети назад с моей собакой!

Кáрлсон послушался. Он тут же вернулся назад и положил Альбэрга на пол. Альбэрг встряхнулся. Вид у него был очень удивленный — можно было подумать, что это его первый в жизни полёт.

— Ну, на сегодня хватит. Больше нам нечего показывать. А это тебе. Получай! — И Кáрлсон толкнул Кíрре.

Кíрре не сразу понял, чего хотел Кáрлсон.

— Дай конфету! — сердито проговорил Кáрлсон.

Кíрре вытащил свой кулек и отдал его Кáрлсону, успев, правда, сунуть себе в рот ещё одну конфету.

— Позор жадному мальчишке!..— сказал Карлсон и стал поспешно искать что-то глазами.— А где коробка для благотворительных сборов? — с тревогой спросил он.

Гунилла подала ему коробку, в которую она собирала «входные конфеты». Она думала, что теперь, когда у Карлсона оказалось столько конфет, он угостит всех ребят. Но Карлсон этого не сделал. Он схватил коробку и принялся жадно считать конфеты.

— Пятнадцать штук,— сказал он.— На ужин хватит... Привет! Я отправляюсь домой ужинать.

И он вылетел в окно.

Дети стали расходиться. Гунилла и Кристер тоже ушли. Малыш и Альберг остались вдвоем, чему Малыш был очень рад. Он взял щенка на колени и стал ему что-то нашептывать. Щенок лизнул Малыша в лицо и заснул, сладко посапывая.

Потом пришла мама из прачечной, и сразу всё изменилось. Малышу сделалось очень грустно: мама вовсе не считала, что Альбергу нигде жить,— она позвонила по номеру, который был выгравирован на ошейнике Альберга, и рассказала, что её сын нашёл маленького чёрного щенка-пуделя.

Малыш стоял возле телефона, прижимая Альберга к груди, и шептал:

— Только бы это был не их щенок...

Но, увы, это оказался их щенок!

— Знаешь, сыночек, кто хозяин Бобби? — сказала мама, положив трубку.— Мальчик, которого зовут Стафан Альберг.

— Бобби? — переспросил Малыш.

— Ну да, так зовут щенка. Всё это время Стафан проплакал. В семь часов он придёт за Бобби.

Малыш ничего не ответил, но сильно побледнел и глаза его заблестели. Он ещё крепче прижал к себе

ценка́ и тихо́нько, так, что́бы ма́ма не слы́шала, зашепта́л ему́ на́ ухо:

— Ма́ленький Альбе́рг, как бы я хоте́л, что́бы ты был мое́й соба́кой!

Когда́ про́било семь, пришёл Ста́фан Альбе́рг и унёс ценка́.

А Ма́лыш лежа́л ничко́м на кровати́ и пла́кал так го́рько, что про́сто се́рдце разрыва́лось.

КАРЛСОН ПРИХОДИТ НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Наста́ло ле́то. Заня́тия в шко́ле ко́нчились, и Ма́лыша́ собира́лись отпра́вить в дере́вню, к ба́бушке. Но до отъез́да должно́ бы́ло ещё́ произойти́ одно́ ва́жное со́бытие — Ма́лышу́ исполня́лось во́семь лет. О, как до́лго ждал Ма́лыш свое́го дня́ ро́ждения! Почти́ с того́ дня́, как ему́ испо́нилось семь.

Удивите́льно, как мно́го вре́мени прохо́дит ме́жду дня́ми ро́ждения, — почти́ сто́лько же, ско́лько ме́жду ро́ждественскими́ пра́здниками́.

Ве́чером накану́не э́того торже́ственного дня́ у Ма́лыша́ был разгово́р с Ка́рлсоном.

— За́втра день́ моего́ ро́ждения, — сказа́л Ма́лыш. — Ко́ мне приду́т Гунилла́ и Кри́стер, и нам накро́ют стол в мое́й ко́мнате... — Ма́лыш помолча́л; вид у него́ был мра́чный. — Мне бы о́чень хоте́лось и тебя́ пригласи́ть, — продо́лжа́л он, — но...

Ма́ма так серди́лась на Ка́рлсона, что беспо́лезно бы́ло проси́ть у неё разре́шения́.

Ка́рлсон выпя́тил нижнюю́ губу́ бо́льше, чем ко́гда бы то ни́ было:

Я с тобо́й не бу́ду води́ться, е́сли ты меня́ не позове́шь! Я то́же хочú повесели́ться.

— Ла́дно, ла́дно, приходи́, — торопли́во сказа́л Ма́лыш.

Он решил поговорить с мамой. Будь что будет, но невозможно праздновать день рождения без Карлсона.

— А чем нас будут угощать? — спросил Карлсон, перестав дуться.

— Ну конечно, сладким пирогом. У меня будет именинный пирог, украшенный восемью свечами.

— Хорошо! — воскликнул Карлсон. — Знаешь, у меня есть предложение.

— Какое? — спросил Малыш.

— Нельзя ли попросить твою маму приготовить нам вместо одного пирога с восемью свечами восемь пирогов с одной свечой?

Но Малыш не думал, чтобы мама на это согласилась.

— Ты, наверно, получишь хорошие подарки? — спросил Карлсон.

— Не знаю, — отвѣтил Малыш и вздохнул.

Он знал: то, чего он хотѣл, хотѣл больше всего на свѣтѣ, он всё равно не получит...

— Собаку мне, видно, не подарят никогда в жизни, — сказал Малыш. — Но я, конечно, получу много других подарков. Поэтому я решил весь день веселиться и совсем не думать о собаке.

— А кроме того, у тебя есть я. Я куда лучше собаки, — сказал Карлсон и взглянул на Малыша, наклонив голову. — Хотелось бы знать, какие ты получишь подарки. Если тебе подарят конфеты, то, по-моему, ты должен их тут же отдать на благотворительные цели.

— Хорошо, если я получу коробку конфет, я тебе её отдам.

Для Карлсона Малыш был готов на всё, особенно теперь, когда предстояла разлука.

— Знаешь, Карлсон, — сказал Малыш, — послезавтра я уезжаю к бабушке на всё лето.

Карлсон сперва помрачнел, а потом важно произнёс:

— Я тоже еду к бабушке, и моя бабушка гораздо больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же ещё! А ты небось думаешь, что она живёт на улице и всю ночь скачет?

Больше им не удалось поговорить ни о бабушке Карлсона, ни о дне рождения Малыша, ни о чём другом, потому что уже стемнело и Малышу нужно было поскорее лечь в постель, чтобы не проспять день своего рождения.

Проснувшись на следующее утро, Малыш лежал в кровати и ждал: он знал — сейчас отворится дверь, и все войдут к нему в комнату и принесут именинный пирог и другие подарки. Минуты тянулись мучительно долго. У Малыша даже живёт заболел

от ожидания, так ему хотелось скорее увидеть подарки.

Но вот наконец в коридоре раздались шаги и послышались слова: «Да он, наверно, уже проснулся». Дверь распахнулась, и появились все: мама, папа, Боссе и Бетан.

Мальш сел на кровати, и глаза его заблестели.

— Поздравляем тебя, дорогой Мальш! — сказала мама.

И папа, и Боссе, и Бетан тоже сказали: «Поздравляем!» И перед Мальшом поставили поднос. На нём был пирог с восемью горящими свечками и другие подарки.

Много подарков — хотя, пожалуй, меньше, чем в прошлые дни рождения: на подносе лежало всего четыре свёртка; Малыш их быстро сосчитал.

Но папа сказал:

— Не обязательно все подарки получать утром — может быть, ты получишь ещё что-нибудь днём...

Малыш был очень рад четырём свёрткам. В них оказались: коробка с красками, игрушечный пистолёт, книга и новые синие штанишки. Всё это ему очень понравилось.

«Какие они милые — мама, и папа, и Боссе, и Бетан! — подумал Малыш. — Ни у кого на свете нет таких милых мамы и папы и брата с сестрой».

Малыш несколько раз стрельнул из пистолёта. Выстрелы получались очень громкие. Вся семья сидела у его кровати и слушала, как он стреляет. О, как они все друг друга любили!

— Подумай, восемь лет назад ты появился на свет — вот таким крошкой... — сказал папа.

— Да, — сказала мама, — как быстро идёт время! Помнишь, какой дождь хлестал в тот день в Стокгольме?

— Мама, я родился здесь, в Стокгольме? — спросил Малыш.

— Конечно, — ответила мама.

— Но ведь Боссе и Бетан родились в Мальме?

— Да, в Мальме.

— А ведь ты, папа, родился в Гётеборге? Ты мне говорил...

— Да, я гётеборгский мальчишка, — сказал папа.

— А ты, мама, где родилась?

— В Эскильстуне, — сказала мама.

Малыш горячо обнял её.

— Какая удача, что мы все встретились! — проговорил он.

И все с этим согласились.

Потом они пропели Малышу «Многие лета», а Малыш выстрелил, и треск получился оглушительный.

Всё утро Малыш то и дело стрелял из пистолета, ждал гостей и всё время размышлял о словах папы, что подарки могут появиться и днём. На какой-то счастливый миг он вдруг поверил, что свершится чудо — ему подарят собаку. Но тут же понял, что это невозможно, и даже рассердился на себя за то, что так глупо размышлял. Ведь он твердо решил не думать сегодня о собаке и всему радоваться.

И Малыш действительно всему радовался.

Сразу же после обеда мама стала накрывать на стол у него в комнате. Она поставила в вазу большой букет цветов и принесла самые красивые розовые чашки. Три штуки.

— Мама, — сказал Малыш, — нужно четыре чашки.

— Почему? — удивилась мама.

Малыш замаялся. Теперь ему надо было рассказать, что он пригласил на день рождения Карлсона, хотя мама, конечно, будет этим недовольна.

— Карлсон, который живёт на крыше, тоже придёт ко мне, — сказал Малыш и смело посмотрел маме в глаза.

— О! — вздохнула мама. — О! Ну что ж, пусть приходит. Ведь сегодня день твоего рождения.

Мама провела ладонью по светлым волосам Малыша:

— Ты всё ещё носишься со своими детскими фантазиями. Трудно поверить, что тебе исполнилось восемь. Сколько тебе лет, Малыш?

— Я мужчина в самом расцвете сил, — важно ответил Малыш — точь-в-точь как Карлсон.

Медленно катился этот день. Уже давно настало

то «днём», о котором говорил папа, но никаких новых подарков никто не приносил.

В конце концов Малыш получил ещё один подарок.

Боссе и Бетан, у которых ещё не начались летние каникулы, вернулись из школы и тут же заперлись в комнате Боссе.

Малыша они туда не пустили. Стоя в коридоре, он слышал, как за запертой дверью раздавалось хихиканье сестры и шуршание бумаги. Малыш чуть не лопнул от любопытства.

Некоторое время спустя они вышли, и Бетан, смеясь, протянула Малышу свёрток. Малыш очень обрадовался и хотел уже разорвать бумажную обёртку, но Боссе сказал:

— Нет, сперва прочти стихи, которые здесь наклеены.

Стихи были написаны крупными печатными буквами, чтобы Малыш смог их сам разобрать, и он прочёл:

Брат и сестра тебе дарят собаку.
Она не вступает с собаками в драку,
Не лает, не прыгает и не кусается,
Ни на кого никогда не бросается.
И хвостик, и лапы, и морда, и уши
У этой собаки из чёрного плюша.

Малыш молчал; он словно окаменел.

— Ну, а теперь развяжи свёрток, — сказал Боссе. Но Малыш швырнул свёрток в угол, и слёзы градом покатались по его щекам.

— Ну что ты, Малыш, что ты? — испуганно сказала Бетан.

— Не надо, не плачь, не плачь, Малыш! — растерянно повторял Боссе; видно было, что он очень огорчён.

Бетан обняла Малыша:

— Прости нас! Мы хотели только пошутить. Понимаешь?

Мальш резким движением вырвался из рук Бетан; лицо его было мокрым от слёз.

— Вы же знали, — бормотал он, всхлиывая, — вы же знали, что я мечтал о живой собаке! И нечего было меня дразнить...

Мальш побежал в свою комнату и бросился на кровать. Боссе и Бетан кинулись вслед за ним. Прибежала и мама. Но Мальш не обращал на них никакого внимания — он весь трясся от плача.

Теперь день рождения был испорчен. Мальш решил быть целый день весёлым, даже если ему и не подарят собаку. Но получить в подарок плюшевого щенка — это уж слишком! Когда он об этом вспоминал, его плач превращался в настоящий стон, и он всё глубже зарывался головой в подушку.

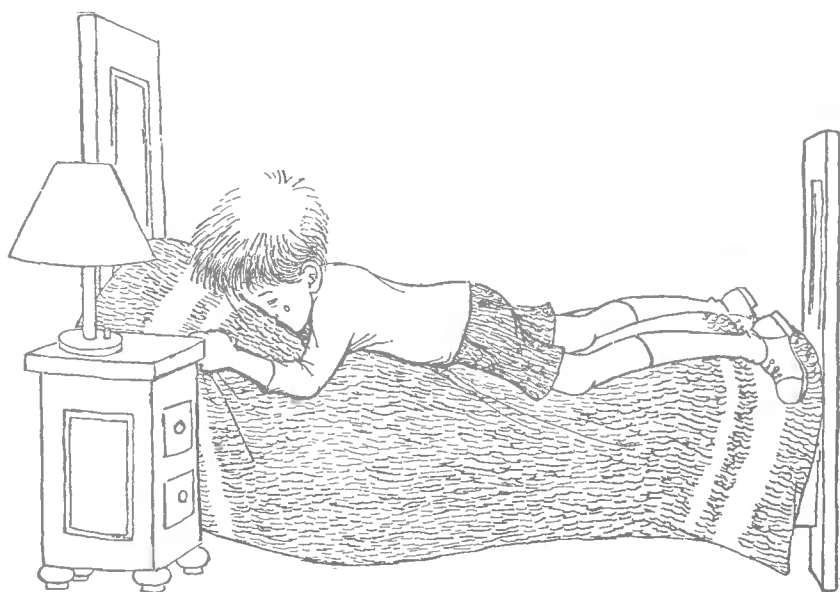
Мама, Боссе и Бетан стояли вокруг кровати. Всем им было тоже очень грустно.

— Я сейчас позвоню папе и попрошу его пораньше прийти с работы, — сказала мама.

Мальш плакал... Что толку, если папа придёт домой? Всё сейчас казалось Мальшу безнадежно грустным. День рождения был испорчен, и ничем уже нельзя было тут помочь.

Он слышал, как мама пошла звонить по телефону, но он всё плакал и плакал. Слышал, как папа вернулся домой, но он всё плакал и плакал. Нет, никогда Мальш теперь уже не будет весёлым! Лучше всего

ему сейчас умереть, и пусть тогда Боссе и Бетан возьмут себе плюшевого щенка, чтобы вечно помнить, как они зло подшутили над своим маленьким братом в тот день рождения, когда он был ещё жив...

Вдруг Мальш заметил, что все — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан — стоят вокруг его постели, но он ещё глубже зарылся лицом в подушку.

— Послушай, Мальш, там возле входной двери тебя кто-то ждёт... — сказал папа.

Мальш не ответил.

Папа потряс его за плечо:

— Ты что, не слышишь, что тебя у двери ждёт один приятель?

— Наверно, Гунилла или, там, Кристер, — ворчливо отозвался Мальш.

— Нет, того, кто тебя ждёт, зовут Бимбо, — сказала мама.

— Не знаю я никакого Бимбо! — пробурчал Малыш.

— Возможно, — сказала мама. — Но он очень хочет с тобой познакомиться.

Именно в эту минуту из передней донеслось негромкое тьяканье.

Малыш напряг все свои мускулы и упрямо не отрывался от подушки. Нет, ему и в самом деле пора бросить все эти выдумки...

Но вот опять в прихожей раздалось тьяканье. Резким движением Малыш сел на постели.

— Это что, собака? Живая собака? — спросил он.

— Да, — сказал папа, — это собака. Твоя собака.

Тут Боссе кинулся в прихожую и минуту спустя влетел в комнату Малыша, держа на руках — о, наверно, Малышу это всё только снится! — маленькую короткошёрстную таксу.

— Это моя живая собака? — прошептал Малыш.

Слёзы застилали ему глаза, когда он протянул свои руки к Бимбо. Казалось, Малыш боится, что щенок вдруг превратится в дым и исчезнет.

Но Бимбо не исчез. Малыш держал Бимбо на руках, а тот лизал ему щёки, громко тьякал и обнюхивал уши. Бимбо был совершенно живой.

— Ну, теперь ты счастлив, Малыш? — спросил папа.

Малыш только вздохнул. Как мог папа об этом спрашивать!

Мальш был так счастлив, что у него заняло где-то внутри, то ли в душе, то ли в животе. А может быть, так всегда бывает, когда ты счастлив?

— А эта плюшевая собака будет игрушкой для Бимбо. Понимаешь, Мальш? Мы не хотели дразнить тебя... так ужасно, — сказала Бетан.

Мальш всё простил. И вообще он почти не слышал, что ему говорят, потому что разговаривал с Бимбо:

— Бимбо, маленький Бимбо, ты — моя собака!

Затем Мальш сказал маме:

— Я думаю, что мой Бимбо гораздо милее Альберга, потому что короткошёрстые таксы наверняка самые лучшие собаки в мире.

Но тут Мальш вспомнил, что Гунилла и Кристер должны прийти с минуты на минуту...

О! Он и не представлял себе, что один день может принести с собой столько счастья. Подумать только, ведь они сейчас узнают, что у него есть собака, на этот раз действительно его собственная собака, да к тому же ещё самая-самая распрекрасная в мире!

Но вдруг Мальш забеспокоился:

— Мама, а мне можно будет взять с собой Бимбо, когда я поеду к бабушке?

— Ну конечно. Ты повезёшь его в этой маленькой корзинке, — ответила мама и показала специальную корзинку для перевозки собак, которую вместе со щенком принёс в комнату Боссе.

— О! — сказал Мальш. — О!

Раздался звонок. Это пришли Гунилла и Кристер. Мальш бросился им навстречу, громко крича:

— Мне подарили собаку! У меня теперь есть своя собственная собака!

— Ой, какая она миленькая! — воскликнула Гунилла, но тут же спохватилась и торжественно произнесла: — Поздравляю с днём рождения. Вот тебе

подарок от Кристера и от меня.— И она протянула Малышу коробку конфет, а потом снова села на корточки перед Бимбо и повторила: — Ой, до чего же она милая!

Малышу это было очень приятно слышать.

— Почти такая же милая, как Еффа,— сказал Кристер.

— Что ты, она куда лучше Еффы и даже куда лучше Альберга! — сказала Гунилла.

— Да, она́ куда́ лу́чше Альбе́рга, — согласи́лся с ней Кр́истер.

Малыш подумал, что и Гуни́лла и Кр́истер о́чень хоро́шие друзья́, и пригласи́л их к пра́зднично у́бранному столу́.

Как раз в э́ту мину́ту ма́ма прине́сла блю́до ма́леньких ашпетитных бутербро́дов с ветчино́й и сы́ром и ва́зу с це́лой горо́й пече́нья. Посре́ди стола́ уже́ красова́лся имени́нный пиро́г с восемью́ зажже́нными свеча́ми. Потом ма́ма взяла́ большо́й кофе́йник с горя́чим шокола́дом и ста́ла разлива́ть шокола́д в ча́шки.

— А мы не бу́дем жда́ть Ка́рлсона? — осторо́жно спроси́л Малы́ш.

Ма́ма покача́ла голово́й:

— Нет, я ду́маю, жда́ть не сто́ит. Я уве́рена, что он сегодня́ не приде́т. И вооб́ще, дава́й поста́вим на нём крест. Ведь у тебя́ ж тепе́рь есть Би́мбо.

Конече́но, тепе́рь у Малы́ша́ был Би́мбо, но всё же он о́чень хоте́л, что́бы Ка́рлсон прише́л на его́ пра́здник.

Гуни́лла и Кр́истер се́ли за стол, и ма́ма ста́ла их угоща́ть бутербро́дами. Малы́ш положи́л Би́мбо в корзи́нку и то́же сел за стол.

Когда́ ма́ма вы́шла и оста́вила дете́й одних, Бо́ссе суну́л свой нос в ко́мнату и кри́кнул:

— Не съеда́йте весь пиро́г — оста́вьте и нам с Бе́тан!

— Ла́дно, оста́влю по кусо́чку, — отве́тил Малы́ш. — Хотя́, по пра́вде говоря́, э́то неспра́ведливо: ведь вы сто́лько лет е́ли сла́дкие пиро́ги, когда́ меня́ ещё и на све́те не́ было.

— То́лько смотри́, что́бы э́то бы́ли большо́е кусо́ки! — кри́кнул Бо́ссе, закрыва́я дверь.

В э́тот са́мый моме́нт за окно́м послы́шалось знако́мое жу́жжа́ние мото́ра, и в ко́мнату влете́л Ка́рлсон.

— Вы ужé сидíte за столóm? — воскликнул он. — Наверно, всё ужé съели?

Малыш успокоил его, сказав, что на столе ещё полным-полно угощений.

— Превосходно! — сказал Карлсон.

— А ты разве не хочешь поздравить Малыша с днём рождения? — спросила его Гунилла.

— Да-да, конечно, поздравляю! — ответил Карлсон. — Где мне сесть?

Мама так и не поставила на стол четвёртой чашки. И когда Карлсон это заметил, он выпятил нижнюю губу и сразу надулся:

— Нет, так я не играю! Это несправедливо. Почему мне не поставили чашку?

Малыш тут же отдал ему свою, а сам тихонько пробрался в кухню и принёс себе оттуда другую чашку.

— Карлсон, — сказал Малыш, вернувшись в комнату, — я получил в подарок собаку. Её зовут Бимбо. Вот она. — И Малыш показал на щенка, который спал в корзинке.

— Это отличный подарок, — сказал Карлсон. — Передай мне, пожалуйста, вот этот бутерброд, и этот, и этот... Да! — воскликнул вдруг Карлсон. — Я чуть не забыл! Ведь и я принёс тебе подарок. Лучший в мире подарок... — Карлсон вынул из кармана брюк свисток и протянул его Малышу: — Теперь ты сможешь свистеть своему Бимбо. Я всегда свищу своим собакам. Хотя моих собак зовут Альбергами и они умеют летать...

— Как, всех собак зовут Альбергами? — удивился Кристер.

— Да, всю тысячу! — ответил Карлсон. — Ну что ж, теперь, я думаю, можно приступить к приёму.

— Спасибо, милый, милый Карлсон, за свис-

тók! — сказа́л Ма́лыш. — Мне бу́дет так приятно сви́стеть Бёмбо.

— Имей в виду́, — сказа́л Ка́рлсон, — что я бу́ду ча́сто брать у тебя́ э́тот сви́сток. Очень, о́чень ча́сто. — И вдруг спроси́л с трево́гой: — Кста́ти, ты получи́л в подаро́к конфёты?

— Ко́нечно, — отве́тил Ма́лыш. — От Гуни́ллы и Кри́стера.

— Все э́ти конфёты пойдúт на благотво́рительные це́ли, — сказа́л Ка́рлсон и су́нул коро́бку себе́ в карма́н; зате́м вно́вь приня́лся поглоща́ть буте́рбро́ды.

Гуни́лла, Кри́стер и Ма́лыш то́же е́ли о́чень то-

рошливо, боясь, что им ничего не достанется. Но, к счастью, мама приготовила много бутербродов.

Тем временем мама, папа, Боссе и Бетан сидели в столовой.

— Обратите внимание, как тихо у детей, — сказала мама. — Я просто счастлива, что Малыш получил наконец собаку. Конечно, с ней будет большая возня, но что поделаешь!

— Да, теперь-то уж, я уверен, он забудет свои глупые выдумки про этого Карлсона, который живёт на крыше, — сказал папа.

В этот момент из комнаты Малыша донеслись смех и детская болтовня. И тогда мама предложила:

— Давайте пойдём и посмотрим на них. Они такие милые, эти ребята.

— Давайте, давайте пойдём! — подхватила Бетан.

И все они — мама, папа, Боссе и Бетан — отправились поглядеть, как Малыш празднует свой день рождения.

Дверь открыл папа. Но первой вскрикнула мама, потому что она первая увидела маленького толстого человечка, который сидел за столом возле Малыша.

Этот маленький толстый человек был до ушей вымазан взбитыми сливками.

— Я сейчас упаду в обморок... — сказала мама.

Папа, Боссе и Бетан стояли молча и глядели во все глаза.

— Видишь, мама, Карлсон всё-таки пришёл ко мне, — сказал Малыш. — Ой, какой у меня чудесный день рождения получился!

Маленький толстый человечек стёр пальцами с губ сливки и так энергично принялся махать своей пухлой ручкой маме, папе, Боссе и Бетан, что хлопья сливок полетели во все стороны.

— Привет! — крикнул он. — До сих пор вы ещё не имели чести меня знать. Меня зовут Карлсон, который живёт на крыше... Эй, Гунилла, Гунилла, ты слишком много накладываешь себе на тарелку! Я ведь тоже хочу пирога...

И он схватил за руку Гуниллу, которая уже взяла с блюда кусочек сладкого пирога, и заставил её положить всё обратно.

— Никогда не видел такой прожорливой девчонки! — сказал Карлсон и положил себе на тарелку куда больший кусок. — Лучший в мире истребитель пирогов — это Карлсон, который живёт на крыше! — сказал он и радостно улыбнулся.

— Давайте уйдём отсюда, — прошептала мама.

— Да, пожа́луй, уходите, так бу́дет лу́чше. А то я при вас стесня́юсь,— заявил Ка́рлсон.

— Обеща́й мне одну́ вещь,— сказа́л па́па, обраща́ясь к ма́ме, когда они́ вышли из ко́мнаты Ма́лыша.— Обеща́йте мне все — и ты, Бо́ссе, и ты, Бе́тан. Обеща́йте мне никогда́ никому́ не рассказывать о том, что мы сейча́с ви́дели.

— Почему́? — спроси́л Бо́ссе.

— Потому́, что нам никто́ не пове́рит,— сказа́л па́па.— А е́сли кто́-нибудь и пове́рит, то свои́ми расспро́сами не даст нам поко́я до конца́ на́ших дней!

Па́па, ма́ма, Бо́ссе и Бе́тан пообеща́ли друг дру́гу, что они́ не расска́жут ни одной́ живо́й ду́ше об удиви́тельном това́рище, кото́рого нашёл себе́ Ма́лыш.

И они́ сдержали́ своё обеща́ние.

Никто́ никогда́ не услышал ни сло́ва о Ка́рлсоне. И и́менно поэ́тому Ка́рлсон продолжа́ет жить в своём ма́леньком до́мике, о кото́ром никто́ ничего́ не знаёт, хотя́ до́мик э́тот стои́т на са́мой обыкнове́нной кры́ше са́мого обыкнове́нного до́ма на са́мой обыкнове́нной у́лице в Стокго́льме. Поэ́тому Ка́рлсон до сих по́р споко́йно гуля́ет, где ему́ взду́мается, и прока́зничает ско́лько хо́чет. Ведь изве́стно, что он лу́чший в ми́ре прока́зник!

Когда́ с бутербро́дами, печёньем и пиро́гом бы́ло покóнчено и Кри́стер с Гуни́ллой ушли́ домо́й, а Би́мбо кре́пко спал в своей ко́рзйнке, Ма́лыш стал проща́ться с Ка́рлсоном.

Ка́рлсон сидел на подоко́ннике, гото́вый к отлёту. Ве́тер раска́чивал занаве́ски, но во́здух был те́плый, потому́ что уже́ наступи́ло ле́то.

— Ми́лый, ми́лый Ка́рлсон, ведь ты бу́дешь попре́жнему жить на кры́ше, когда́ я верну́сь от ба́бушки? Наверняка́ бу́дешь? — спроси́л Ма́лыш.

— Споко́йствие, то́лько споко́йствие! — сказа́л

Карлсон.— Буду, если только моя бабушка меня отпустит. А это ещё неизвестно, потому что она считает меня лучшим в мире внуком.

— А ты и вправду лучший в мире внук?

— Конечно. А кто же ещё, если не я? Разве ты можешь назвать кого-нибудь другого? — спросил Карлсон.

Тут он нажал кнопку на животё, и моторчик заработал.

— Когда я прилечу назад, мы съедим ещё больше пирогов! — крикнул Карлсон. — От пирогов не толстеют!.. Привёт, Малыш!

— Привёт, Карлсон! — крикнул в ответ Малыш. И Карлсон улетёл.

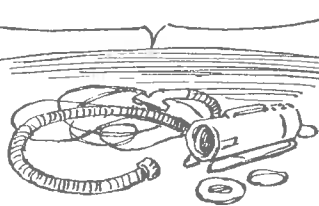
Но в корзинке, рядом с кроваткой Малыша, лежал Бимбо и спал.

Малыш наклонился к щенку и тихонько погладил его по голове своей маленькой обветренной рукой.

— Бимбо, завтра мы поедem к бабушке, — сказал Малыш. — Доброй ночи, Бимбо! Спи спокойно.

**КАРЛСОН,
КОТОРЫЙ
ЖИВЁТ
НА КРЫШЕ,
ОПЯТЬ
ПРИЛЕТЕЛ**

КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЁТ НА КРЫШЕ, ОПЯТЬ ПРИЛЕТЕЛ

Земля такая огромная, и на ней столько домов! Большие и маленькие. Красивые и уродливые. Новостройки и развалюшки. И есть ещё совсем крошечный домик Карлсона, который живёт на крыше. Карлсон уверен, что это лучший в мире домик и что живёт в нём лучший в мире Карлсон. Малыш тоже в этом уверен.

Что до Малыша, то он живёт с мамой и папой, Боссе и Бетан в самом обыкновенном доме, на самой обыкновенной улице в городе Стокгольме, но на крыше этого обыкновенного дома, как раз за трубой, прячется крошечный домик с табличкой над дверью:

Карлсон,
который живёт на крыше.
Лучший в мире Карлсон.

Наверняка найдутся люди, которым покажется странным, что кто-то живёт на крыше, но Малыш говорит:

— Ничего тут странного нет. Каждый живёт там, где хочет.

Мама и папа тоже считают, что каждый человек может жить там, где ему заблагорассудится. Но сперва они не верили, что Карлсон на самом деле существует. Боссе и Бетан тоже в это не верили. Они даже представить себе не могли, что на крыше живёт маленький толстенький человечек с пропеллером на спине и что он умеет летать.

— Не болтай, Малыш, — говорили Боссе и Бетан, — твой Карлсон — просто выдумка.

Для верности Малыш как-то спросил у Карлсона, не выдумка ли он, на что Карлсон сердито буркнул:

— Сами они — выдумка!

Мама и папа решили, что Малыш бывает тоскливо одному, а одинокие дети часто придумывают себе разных товарищей для игр.

— Бедный Малыш, — сказала мама. — Боссе и Бетан настолько старше его! Ему не с кем играть, вот он и фантазирует.

— Да, — согласился папа. — Во всяком случае, мы должны подарить ему собаку. Он так давно о ней мечтает. Когда Малыш получит собаку, он тотчас забудет про своего Карлсона.

И Малышу подарили Бимбо. Теперь у него была собственная собака, и получил он её в день своего рождения, когда ему исполнилось восемь лет.

Именно в этот день мама, и папа, и Боссе, и Бетан увидели Карлсона. Да-да, они его увидели. Вот как это случилось.

Малы́ш пра́дновал день рождéния в своéй ко́мнате. У него́ в гостя́х бы́ли Кри́стер и Гуни́лла — они́ учатся с ним в однё́м клáссе. И ко́гда ма́ма, и па́па, и Бо́ссе, и Бе́тан услы́шали звóнкий смех и весёлу́ю болтовню́, доно́сившиеся из ко́мнаты Малы́ша, ма́ма предло́жила:

— Дава́йте пойдём и посмо́трим на них, они́ та́кие ми́лые, э́ти ребя́та.

— Пошли́! — подхва́тил па́па.

И что же уви́дели ма́ма, и па́па, и Бо́ссе, и Бе́-

тан, ко́гда они́, приоткрыв́ дверь, загляну́ли к Малы́шу?

Кто сидéл во главé пра́здничного сто́ла, до уше́й выма́занный взбиты́ми сли́вками, и уплетáл так, что любо́-дорого́ бы́ло глядéть? Ко́нечно, не кто инóй, как ма́ленький то́лстый челове́чек, кото́рый ту́т же загорла́нил что бы́ло мо́чи:

— Привéт! Меня́ зову́т Ка́рлсон, кото́рый живёт на кры́ше. Вы, ка́жется, до сих пор ещё́ не имéли че́сти меня́ знать?

Ма́ма едва́ не лиши́лась чувств. И па́па то́же разне́рвничался.

— То́лько никому́ об э́том не рассказыва́йте, — сказа́л он, — слы́шите, никому́ ни сло́ва.

— Почему́? — спроси́л Бо́ссе.

И па́па объясни́л:

— Подума́йте са́ми, во что преврати́тся на́ша

жизнь, если люди узнают про Карлсона. Его, конечно, будут показывать по телевизору и снимать для кинохроники. Подымаясь по лестнице, мы будем спотыкаться о телевизионный кабель и о провода осветительных приборов, а каждые полчаса к нам будут являться корреспонденты, чтобы сфотографировать Карлсона и Малыша. Бедный Малыш, он превратится в «мальчика, который нашёл Карлсона, который живёт на крыше...». Одним словом, в нашей жизни больше не будет ни одной спокойной минуты.

Мама, и Боссе, и Бетан поняли, что наша прав, и обеща́ли никому́ ничего́ не рассказывать о Карлсоне.

А как раз на следующий день Малыш должен был уехать на всё лето к бабушке в деревню. Он был очень этому рад, но беспокоился за Карлсона. Мало ли что тот вздумает выкинуть за это время! А вдруг он исчезнет и больше никогда не прилетит!

— Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? — спросил Малыш.

— Как знать? — ответил Карлсон. — Спокойствие, только спокойствие. Я ведь тоже поеду к своей бабушке, и моя бабушка куда больше похожа на бабушку, чем твоя.

— А где живёт твоя бабушка? — спросил Малыш.

— В доме, а где же ещё! А ты небось думаешь, что она живёт на улице и скачет по ночам?

Так Малышу ничего не удалось узнать про бабушку Карлсона. А на следующий день Малыш уехал в деревню. Бимбо он взял с собой. Целые дни он играл с деревенскими ребятами и о Карлсоне почти не вспоминал. Но когда кончились летние каникулы и Малыш вернулся в город, он спросил, едва переступив порог:

— Ма́ма, за э́то вре́мя ты хоть раз ви́дела Ка́рлсона?

Ма́ма покача́ла голово́й:

— Ни ра́зу. Он не вернётся наза́д.

— Не говори́ так! Я хочу́, что́бы он жил на на́шей кры́ше. Пусть он о́пять прилетит!

— Но ведь у тебя́ есть Би́мбо, — сказа́ла ма́ма, пыта́ясь утэшить Малы́ша. Она́ счита́ла, что настáл момент раз и навсегда́ покóнчить с Ка́рлсоном.

Малы́ш погла́дил Би́мбо.

— Да, коне́чно, у меня́ есть Би́мбо. Он мирово́й пёс, но у него́ нет пропёллера, и он не уме́ет летать, и вообще́ с Ка́рлсоном играть интере́сней.

Малы́ш помча́лся в свою́ ко́мнату́ и распахну́л окно́.

— Эй, Ка́рлс-о-он! Ты там, наверху́? Отклик-пись! — завопил он во всё го́рло, но отве́та не последовало.

А на друго́е у́тро Малы́ш отпра́вился в шко́лу. Он тепе́рь учи́лся во второ́м кла́ссе. По́сле обе́да он уходил в свою́ ко́мнату́ и садился за уро́ки. Окно́ он никогда́ не закрывáл, что́бы не пропу́стить жужжа́ние мото́рчика Ка́рлсона, но с у́лицы доноси́лся то́лько ро́кот автомоби́лей да иногда́ гул самолёта, пролета́ющего над кры́шами. А знако́мого жужжа́ния всё не́ было слы́шно.

— Все́ ясно, он не верну́лся, — печáльно тверди́л про себя́ Малы́ш. — Он никогда́ бо́льше не прилетит.

Ве́чером, ложа́сь спать, Малы́ш ду́мал о Ка́рлсоне, а иногда́, накрывшись с голово́й одея́лом, да́же тихо пла́кал от мысли, что бо́льше не увидит Ка́рлсона. Шли дни, была́ шко́ла, бы́ли уро́ки, а Ка́рлсона всё не́ было и не́ было.

Ка́к-то по́сле обе́да Малы́ш сидел у себя́ в ко́мнате и вози́лся со своёй коллэ́кцией ма́рок. Перед ним лежа́л альбо́м и це́лая ку́ча новых ма́рок, кото́рые он

собирался разобрать. Малыш усердно взялся за дело и очень быстро наклеил все марки. Все, кроме одной, самой лучшей, которую нарочно оставил напоследок. Это была немецкая марка с изображением Красной Шапочки и Серого волка, и Малышу она очень-очень нравилась. Он положил её на стол перед собой и любовался ею.

И вдруг Малыш услышал какое-то слабое жужжание, похожее... — да-да, представьте себе — похожее на жужжание моторчика Карлсона! И в самом деле это был Карлсон. Он влетел в окно и крикнул:

— Привёт, Малыш!

— Привёт, Карлсон! — завопил в ответ Малыш и вскочил с места. Не помня себя от счастья, он глядел на Карлсона, который несколько раз облетел вокруг люстры и неуклюже приземлился. Как только Карлсон выключил моторчик — а для этого ему достаточно было нажать кнопку на животё, — так вот, как только Карлсон выключил моторчик, Малыш кинулся к нему, чтобы его обнять, но Карлсон отпихнул Малыша своей пухленькой ручкой и сказал:

— Спокойствие, только спокойствие! У тебя есть какая-нибудь еда? Может, мясные тефтели или что-нибудь в этом роде? Сойдёт и кусок торта со взбитыми сливками.

Малыш покачал головой:

— Нет, мама сегодня не делала мясных тефтелек. А торт со сливками бывает у нас только по праздникам.

Карлсон надулся:

— Ну и семейка у вас! «Только по праздникам»... А если приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев? Думаю, твоя мама могла бы и постараться ради такого случая.

— Да, конечно, но ведь мы не знали... — оправдывался Малыш.

— «Не знали!» — ворчал Карлсон. — Вы должны были надеяться! Вы всегда должны надеяться, что я навещу вас, и потому твоей маме каждый день надо одной рукой жарить тефтели, а другой сбивать сливки.

— У нас сегодня на обед жареная колбаса, — сказал пристыженный Малыш. — Хочешь колбаски?

— Жареная колбаса, когда в гости приходит дорогой старый друг, с которым не виделся несколько месяцев! — Карлсон ещё больше надулся. — Понятно! Попадешь к вам в дом — научишься набивать брюхо чем попало... Валяй тащи свою колбасу.

Малыш со всех ног помчался на кухню. Мамы дома не было — она пошла к доктору, — так что он не мог спросить у нее разрешения. Но ведь Карлсон согласился есть колбасу. А на тарелке как раз лежали пять ломтиков, оставшихся от обеда. Карлсон накинулся на них, как ястреб на цыпленка. Он набил рот колбасой и засиял как медный грош.

— Что ж, колбаса так колбаса. А знаешь, она недурна. Конечно, с тефтелями не сравнишь, но от некоторых людей нельзя слишком многого требовать.

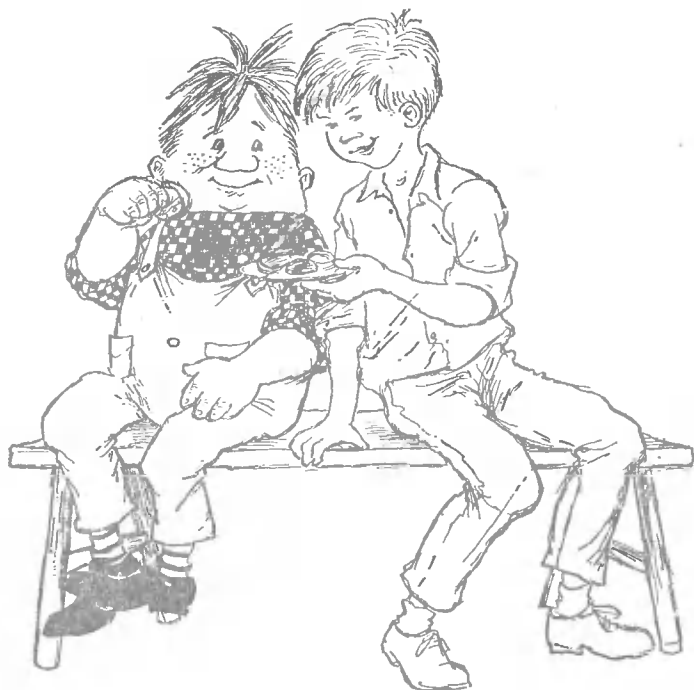
Малыш прекрасно понял, что «некоторые люди» — это он, и поэтому поспешил перевести разговор на другую тему.

— Ты весело провел время у бабушки? — спросил он.

— Так весело, что и сказать не могу. Поэтому я говорить об этом не буду, — ответил Карлсон и жадно откусил ещё кусок колбасы.

— Мне тоже было весело, — сказал Малыш. И он начал рассказывать Карлсону, как он проводил время у бабушки. — Моя бабушка, она очень, очень хорошая, — сказал Малыш. — Ты себе и представить не можешь, как она мне обрадовалась. Она обнимала меня крепко-крепко.

— Почему? — спросил Карлсон.

— Да потому, что она меня любит. Как ты не понимаешь? — удивился Мальш.

Карлсон перестал жевать:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка любит меня меньше? Уж не думаешь ли ты, что она не кинулась на меня и не стала так крепко-крепко меня обнимать, что я весь посинел? Вот как меня любит моя бабушка. А я должен тебе сказать, что у моей бабушки ручки маленькие, но хватка железная, и если бы она меня любила ещё хоть на капельку больше, то я бы не сидел сейчас здесь — она бы просто задушила меня в своих объятиях.

— Вот это да! — изумился Мальш. — Выходит, твоя бабушка чемпионка по обниманию.

Конечно, бабушка Малыша не могла с ней сравниться, она не обнимала его так крепко, но всё-таки она тоже любила своего внука и всегда была к нему очень добра. Это Малыш решил ещё раз объяснить Карлсону.

— А ведь моя бабушка бывает и самой ворчливой в мире,— добавил Малыш, минуту подумав.— Она всегда ворчит, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

Карлсон отставил пустую тарелку:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка менее ворчливая, чем твоя? Да будет тебе известно, что, ложась спать, она заводит будильник и вскакивает в пять утра только для того, чтобы всласть наворчаться, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

— Как, ты знаешь Лассе Янсона? — с удивлением спросил Малыш.

— К счастью, нет,— ответил Карлсон.

— Но почему же ворчит твоя бабушка?.. — ещё больше изумился Малыш.

— Потому, что она самая ворчливая в мире,— отрезал Карлсон.— Пойми же наконец! Раз ты знаешь Лассе Янсона, как же ты можешь утверждать, что твоя бабушка самая ворчливая? Нет, куда ей до моей бабушки, которая может целый день ворчать: «Не дерись с Лассе Янсоном, не дерись с Лассе Янсоном...» — хотя я никогда не видел этого мальчика и нет никакой надежды, что когда-либо увижу.

Малыш погрузился в размышления. Как-то странно получалось... Ему казалось, что, когда бабушка на него ворчит, это очень плохо, а теперь выходит, что он должен доказывать Карлсону, что его бабушка ворчливей, чем на самом деле.

— Стоит мне только чуть-чуть промочить ноги, ну самую капельку, а она уже ворчит и пристаёт ко

мне, чтобы я переодёл носки,— убеждал Малыш Карлсона.

Карлсон понимающе кивнул:

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не требует, чтобы я всё время переодевал носки? Знаешь ли ты, что, как только я подхожу к лужке, моя бабушка бежит ко мне со всех ног через деревню и ворчит и бубнит одно и то же: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...» Что, не веришь?

Малыш поёжился:

— Нет, почему же...

Карлсон пихнул Малыша, потом усадил его на стул, а сам стал перед ним, упёршись руками в бока:

— Нет, я вижу, ты мне не веришь. Так послушай, я расскажу тебе всё по порядку. Вышел я на улицу и шлёпаю себе по лужам... Представляешь? Веселюсь вовсю. Но вдруг, откуда ни возьмись, мчится бабушка и орёт на всю деревню: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки!..»

— А ты что? — снова спросил Малыш.

— А я говорю: «Не буду переодевать, не буду!..» — потому что я самый непослушный внук в мире,— объяснил Карлсон.— Я ускакал от бабушки и залез на дерево, чтобы она оставила меня в покое.

— А она, наверно, растерялась,— сказал Малыш.

— Сразу видно, что ты не знаешь моей бабушки,— возразил Карлсон.— Ничуть она не растерялась, а ползла за мной.

— Как — на дерево? — изумился Малыш.

Карлсон кивнул.

— Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не умеет лазить на деревья? Так знай: когда можно поворчать, она хоть куда взберётся, не то что на дерево, но и гораздо выше. Так вот, ползёт она по ветке, на которой я сижу, ползёт и бубнит: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...»

— А ты что? — снова спросил Малыш.

— Делать было нечего, — сказал Карлсон. — Пришлось переодевать, иначе она нипочём не отвязалась бы. Высоко-высоко на дереве я кое-как приостылся на тоненьком сучке и, рискуя жизнью, передел носки.

— Ха-ха! Врёшь ты всё, — рассмеялся Малыш. — Откуда же ты взял на дереве носки, чтобы переодеть?

— А ты не дурак, — заметил Карлсон. — Значит, ты утверждаешь, что у меня не было носков?

Карлсон засучил штаны и показал свои маленькие толстенные ножки в полосатых носках:

— А это что такое? Может, не носки? Два, если не ошибаюсь, носочка? А почему это я не мог сидеть на сучке и переодевать их: носок с левой ноги надевать на правую, а с правой — на левую? Что, по-твоему, я не мог это сделать, чтобы угодить бабушке?

— Мог, конечно, но ведь ноги у тебя от этого не стали суше, — сказал Малыш.

— А разве я говорил, что стали? — возмущился Карлсон. — Разве я это говорил?

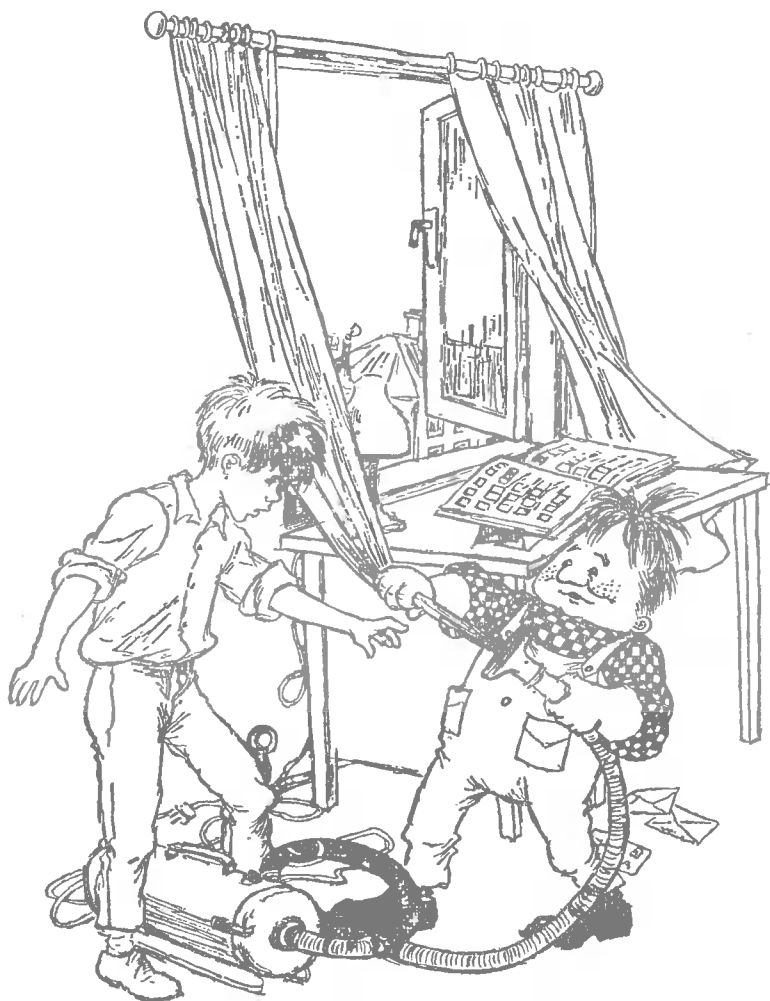
— Но ведь тогда... — и Малыш даже запнулся от растерянности, — ведь тогда выходит, что ты совсем зря переодевал носки.

Карлсон кивнул.

— Теперь ты понял наконец, у кого самая ворчливая в мире бабушка? Твоя бабушка просто вынуждена ворчать: разве без этого следишь с таким противным внуком, как ты? А моя бабушка самая ворчливая в мире, потому что она всегда зря на меня ворчит, — как мне это вбить тебе в голову?

Карлсон тут же расхохотался и легонько ткнул Малыша в спину.

— Привет, Малыш! — воскликнул он. — Хватит нам спорить о наших бабушках, теперь самое время немного поразвлечься.

— Привёт, Карлсон! — ответил Малыш. — Я тоже так думаю.

— Может, у тебя есть новая паровая машина? — спросил Карлсон. — Помнишь, как нам было весело, когда та, старая, взорвалась? Может, тебе подарили новую и мы снова сможем её взорвать?

Увы, Малышу не подарили новой машины, и Карлсон тут же надулся. Но вдруг взгляд его упал на пылесос, который мама забыла унести из комнаты, когда кончила убирать. Вскрикнув от радости, Карлсон кинулся к пылесосу и вцепился в него.

— Знаешь, кто лучший пылесосчик в мире? — спросил он и включил пылесос на полную мощность. — Я привык, чтобы вокруг меня всё так и сияло чистой, — сказал Карлсон. — А ты развёл такую грязь! Без уборки не обойтись. Как вам повезло, что вы попали на лучшего в мире пылесосчика.

Малыш знал, что мама только что как следует убрала его комнату, и сказал об этом Карлсону, но тот лишь язвительно рассмеялся в ответ.

— Женщины не умеют обращаться с такой тонкой аппаратурой, это всем известно. Гляди, как надо браться за дело, — сказал Карлсон и направил плант пылесоса на белые тюлевые занавёски, которые с лёгким шелестом тут же наполовину исчезли в трубе.

— Не надо, не надо, — закричал Малыш, — занавёски такие тонкие... Да ты что, не видишь, что пылесос их засосал! Прекрати!..

Карлсон пожал плечами.

— Что ж, если ты хочешь жить в таком хлеву, пожалуйста, — сказал он.

Не выключая пылесоса, Карлсон начал вытаскивать занавёски, но тщётно — пылесос решительно не хотел их отдавать.

— Зря упираешься, — сказал Карлсон пылесосу. — Ты имеешь дело с Карлсоном, который живёт на крыше, — с лучшим в мире вытаскивателем занавёсок!

Он потянул ещё сильнее, и ему удалось в конце концов выдернуть их из планга. Занавёски стали чёрными, да к тому же у них появилась бахрома.

— Ой, гляди, на что они похожи! — воскликнул Малыш в ужасе. — Они же совсем чёрные!

— Вот именно, и ты ещё утверждаешь, грязнуля, что их не надо пылесосить? — Карлсон покровительственно похлопал Малыша по щеке и добавил: — Но не унывай, у тебя всё впереди, ты ещё можешь исправиться и стать отличным парнем, хотя ты и ужасный неряха. Для этого я должен тебя пропылесосить... Тебя сегодня уже пылесосили?

— Нет, — признался Малыш.

Карлсон взял в руки шланг и двинулся на Малыша.

— Ах эти женщины! — воскликнул он. — Часа-

ми убирают комнату, а такого грязнулю обработать забывают! Давай начнём с ушей.

Никогда прежде Малыша не обрабатывали пылесосом, и это оказалось так щекотно, что Малыш стонал от смеха.

А Карлсон трудился усердно и методично — начал с ушей и волос Малыша, потом принялся за шею и подмышки, прошёлся по спине и животу и напоследок занялся ногами.

— Вот именно это и называется «генеральная уборка», — заявил Карлсон.

— Ой, до чего щекотно! — визжал Малыш.

— По справедливости, моя работа требует вознаграждения, — сказал Карлсон.

Малыш тоже захотел произвести «генеральную уборку» Карлсона.

— Теперь моя очередь, — заявил он. — Иди сюда, для начала я пропылесосу тебе уши.

— В этом нет нужды, — запротестовал Карлсон. — Я мыл их в прошлом году в сентябре. Здесь есть вещи, которые куда больше моих ушей нуждаются в чистке.

Он окинул взглядом комнату и обнаружил лежащие на столе марки.

— У тебя повсюду разбросаны какие-то разноцветные бумажки, не стол, а помойка! — возмутился он.

И, прежде чем Малыш успел его остановить, он засосал пылесосом марку с Красной Шапочкой и Серым волком.

Малыш был в отчаянии.

— Моя марка! — завопил он. — Ты засосал Красную Шапочку, этого я тебе никогда не прощу!

Карлсон выключил пылесос и скрестил руки на груди.

— Прости, — сказал он, — прости меня за то, что

я, такой милый, услужливый и чистоплотный человек, хочу всё сделать как лучше. Прости меня за это...

Казалось, он сейчас заплачет.

— Но я зря стараюсь, — сказал Карлсон, и голос его дрогнул. — Никогда я не слышу слов благодарности... одни только попреки...

— О Карлсон! — сказал Малыш. — Не расстраивайся, пойми, это же Красная Шапочка.

— Что ещё за Красная Шапочка, из-за которой ты поднял такой шум? — спросил Карлсон и тут же перестал плакать.

— Она была изображена на марке, — объяснил Малыш. — Понимаешь, это была моя лучшая марка.

Карлсон стоял молча — он думал. Вдруг глаза его засияли, и он хитро улыбнулся.

— Угадай, кто лучший в мире выдумщик игр! Угадай, во что мы будем играть!.. В Красную Шапочку и волка! Пылесос будет волком, а я — охотником, который придёт, распорет волку брюхо, и оттуда — ап! — выскочит Красная Шапочка.

Карлсон нетерпеливо обвёл взглядом комнату.

— У тебя есть топор? Ведь пылесос твёрдый, как бревно.

Топора у Малыша не было, и он был этому даже рад.

— Но ведь пылесос можно открыть — как будто мы распорили брюхо волку.

— Конечно, если халтурить, то можно и открыть, — пробурчал Карлсон. — Не в моих правилах так поступать, когда случается вспарывать брюхо волкам, но раз в этом жалком доме нет никаких инструментов, придётся как-то выходить из положения.

Карлсон навалился животом на пылесос и вцепился в его ручку.

— Болван! — закричал он. — Зачем ты всосал Красную Шапочку?

Мальш удивился, что Карлсон, как маленький, играет в такие детские игры, но смотреть на это было всё же забавно.

— Спокойствие, только спокойствие, милая Красная Шапочка! — кричал Карлсон. — Надень скорей свою шапочку и галоши, потому что сейчас я тебя выпущу.

Карлсон открыл пылесос и высыпал всё, что в нём было, прямо на ковёр. Получилась большая куча серо-чёрной пыли.

— О, ты должен был высыпать всё это на газету! — сказал Мальш.

— На газету?.. Разве так сказано в сказке? — возмутился Карлсон. — Разве там сказано, что охотник подстелил газету, прежде чем распороть волку брюхо и выпустить на свет божий Красную Шапочку? Нет, отвечай!

— Конечно, в сказке так не сказано, — вынужден был признать Мальш.

— Тогда молчи! — сказал Карлсон. — Выдумываешь, чего нет в сказке! Так я не играю!

Больше он уже не смог ничего добавить, потому что в открытое окно ворвался ветер, взметнул пыль, она забилась Карлсону в нос, и он чихнул. От его чиханья пыль снова взметнулась, над полом покругил маленький разноцветный квадратик и упал к ногам Мальша.

— Ой, гляди, гляди, вот она, Красная Шапочка! — закричал Мальш и кинулся, чтобы поднять запылённую марку.

Карлсон был явно доволен.

— Видал миндал! — воскликнул он хвастливо. — Стоит мне чихнуть, и вещь найдена... Не будем больше ругаться из-за бедной Красной Шапочки!

Мальш обдур пыль со своей драгоценной марки — он был совершенно счастлив.

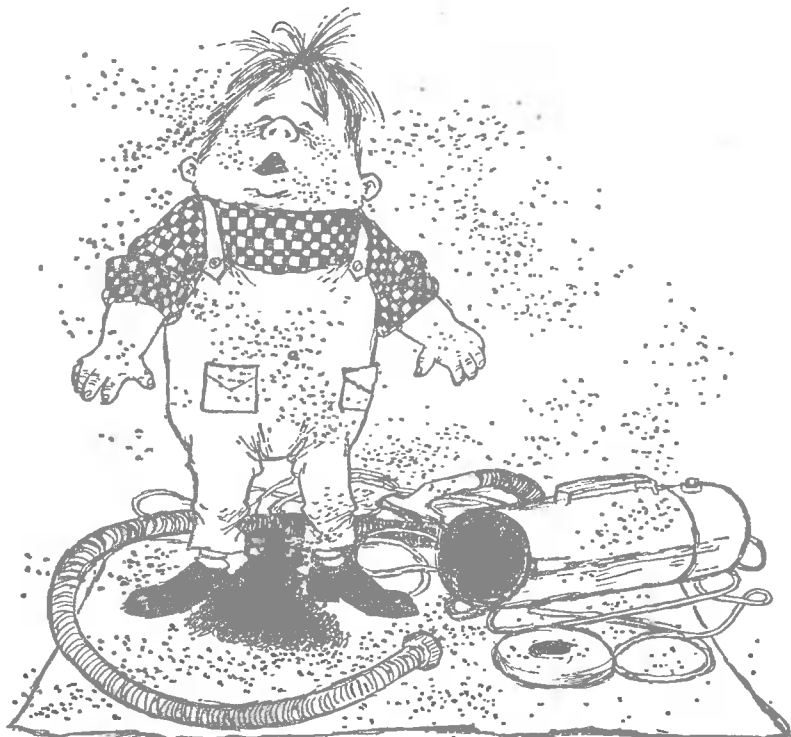
Вдруг Карлсон ещё раз чихнул, и с пола снова поднялось целое облако пыли.

— Угадай, кто лучший в мире чихальщик? — сказал Карлсон. — Я могу чиханием разогнать всю пыль по комнате — пусть лежит, где ей положено. Сейчас увидишь!

Но Малыш его не слушал. Он хотел только одного — как можно скорее наклеить Красную Шапочку в альбом.

А Карлсон стоял в облаке пыли и чихал. Он всё чихал и чихал до тех пор, пока не «расчихал» пыль по всей комнате.

— Вот видишь, зря ты говорил, что нужно было подстилать газету. Пыль теперь снова лежит на своём месте, как прежде. Во всём должен быть

порядок — мне он, во всяком слўчае, необходим. Не выношў грязи и всякого свїнства — я к ётому не привык.

Но Малыш не мог оторватъся от своей мѣрки. Он её уже наклеил и сейчас любовался ёю — до чего хороша!

— Вижу, мне снова придѣтся пылесосить тебе уши! — воскликнул Карлсон. — Ты ничего не слышишь!

— Что ты говоришь? — переспросил Малыш.

— Глухая тетѣря! Я говорю, что несправедливо, чтобы я один работал до седьмого пота! Гляди, я скоро набью себе мозоли на ладошках! Я из кожи лезу вон, чтобы почище убраться твою комнату. Теперь ты должен полетѣть со мной и помочь мне убраться мою, а то будет несправедливо.

Малыш отложил альбом. Полетѣть с Карлсоном на крышу — об ётом можно было только мечтать! Лишь однажды довелось ему побывать у Карлсона, в его маленьком домике на крыше. Но в тот раз мама почему-то ужасно испугалась и вызвала пожарников.

Малыш погрузился в размышления. Ведь всё ёто было уже так давно, он теперь стал куда старше и может, конечно, преспокойно лезть на любую крышу. Но поймѣт ли ёто мама? Вот в чём вопрос. Её нет дома, так что спросить её нельзя. Наверно, правильнее всего было бы отказаться...

— Ну, полетѣли? — спросил Карлсон.

Малыш ещё раз всё взвѣсил.

— А вдруг ты меня уронишь? — сказал он с тревогой.

Ёто предположение ничуть не смутило Карлсона.

— Велика беда! — воскликнул он. — Ведь на свете столько детей. Одним мальчиком больше, одним меньше — пустяки, дело житейское!

Малыш всерьёз рассердился на Карлсона.

— Я — дело житейское? Нет, если я упадú...

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон и похлопал Малыша по плечу. — Ты не упадёшь. Я обниму тебя так крепко, как меня обнимает моя бабушка. Ты, конечно, всего-навсего маленький грязнуля, но всё же ты мне нравишься.

И он ещё раз похлопал Малыша по плечу.

— Да, странно, но всё-таки я очень к тебе привязался, глупый мальчишка. Вот подожди, мы доберёмся до моего домика на крыше, и я тебя так стисну, что ты посинёешь. Чем я, в конце концов, хуже бабушки?

Карлсон нажал кнопку на животё — моторчик затарахтел. Тогда он обхватил Малыша своими пух

ленькими ручками, они вылетели в окно и стали набирать высоту.

А тюлевые занавески с чёрной бахромой раскачивались так, словно махали им на прощание.

ДОМА У КАРЛСОНА

Маленькие домики на крышах всегда очень уютны, а домик Карлсона — особенно. Представьте себе зелёные ставенки и крохотное крылечко, на котором так приятно сидеть по вечерам и глядеть на звёзды, а днём пить сок и грызть пряники, конечно, если они есть. Ночью на этом крылечке можно спать, если в домике слишком жарко. А утром, когда проснёшься, любоваться, как солнце встаёт над крышами домов где-то за Остермальмом.

Да, это в самом деле очень уютный домик, и он так удачно примостился за выступом, что обнаружить его трудно. Конечно, если просто так бродишь по крышам, а не ищешь привидений за дымовыми трубами. Но ведь этим никто и не занимается.

— Здесь, наверху, всё ни на что не похоже, — сказал Малыш когда Карлсон приземлился с ним на крылечке своего дома.

— Да, к счастью, — ответил Карлсон.

Малыш посмотрел вокруг.

— Куда ни глянь, крыши! — воскликнул он.

— Несколько километров крыш, где можно гулять и проказничать.

— Мы тоже будем проказничать? Ну, хоть немножко, а? — в восторге спросил Малыш.

Он вспомнил, как захватывающе интересно было на крыше в тот раз, когда они проказничали там вместе с Карлсоном.

Но Карлсон строго посмотрел на него:

— Понятно, лишь бы увильнуть от уборки, да? Я работаю на тебя как каторжный, выбиваюсь из сил, чтобы хоть немного прибрать твой хлев, а ты потом предлагаешь гулять и проказничать. Ловко ты это придумал, ничего не скажешь!

Но Малыш ровным счётом ничего не придумывал.

— Я охотно тебе помогу и тоже буду убирать, если нужно.

— То-то, — сказал Карлсон и отпер дверь.

— Не беспокойся, пожалуйста, — повторил Малыш, — конечно, я помогу, если нужно...

Малыш вошёл в дом к лучшему в мире Карлсону и замер. Он долго стоял молча, и глаза его всё расширялись.

— Да, это нужно, — вымолвил он наконец.

В домике Карлсона была только одна комната. Там стоял верстак, вещь незаменимая, — и строгать на нём можно, и есть, а главное, вываливать на него что попало. Стоял и диванчик, чтобы спать, прыгать и кидать туда всё барахло. Два стула, чтобы сидеть, класть всякую всячину и влезать на них, когда нужно засунуть что-нибудь на верхнюю полку шкафа. Впрочем, обычно это не удавалось, потому что шкаф был до отказа забит тем, что уже не могло вляпаться просто на полу или висеть на гвоздях вдоль стен: ведь весь пол был заставлен, а стены завешаны несметным количеством вещей! У Карлсона в комнате был камин, и в нём — таганок, на котором он готовил еду. Каминная полка тоже была заставлена самыми разными предметами. А вот с потолка почти ничего не свисало: только коловорот, да ещё кошёлка с орехами, и пакет пистонов, и клёщи, и пара башмаков, и рубанок, и ночная рубашка Карлсона, и губка для мытья посуды, и кочерга, и небольшой саквояж, мешок сушёных вишен, — а больше ничего.

Малыш долго молча стоял у порога и растерянно всё разглядывал.

— Что, прикусил язык? Да, тут есть на что посмотреть, не чета твоей комнате — у тебя там, внизу, настоящая пустыня.

— Это правда, твой на пустыню не похожа, — согласился Малыш. — Я понимаю, что ты хочешь убрать свой дом.

Карлсон кинулся на диванчик и удобно улёгся.

— Нет, ты меня не так понял, — сказал он. — Я вовсе ничего не хочу убирать. Это ты хочешь убирать... Я уже наубирался там, у тебя. Так или не так?

— Ты что, даже и помогать мне не будешь? — с тревогой спросил Малыш.

Карлсон облокотился о подушку и засопел так, как сопят, только когда очень уютно устроятся.

— Нет, почему же, конечно, я тебе помогу, — успокоил он Малыша, перестав сопеть.

— Вот и хорошо, — обрадовался Малыш. — А то я уж испугался, что ты...

— Нет, конечно, я тебе помогу, — подхватил Карлсон. — Я буду всё время петь и подбадривать тебя поощрительными словами. Раз, два, три, и ты закружишься по комнате. Будет очень весело.

Малыш не был в этом уверен. Никогда в жизни ему ещё не приходилось так много убирать. Конечно, дома он всегда убирал свои игрушки — только всякий раз маме надо было напомнить об этом раза три, четыре, а то и пять, и он тут же всё убирал, хотя считал, что занятие это скучное, а главное, совершенно бессмысленное. Но убирать у Карлсона — совсем другое дело.

— С чего мне начать? — спросил Малыш.

— Эх, ты! Всякий дурак знает, что начинать надо с ореховой скорлупы, — ответил Карлсон. — Генераль-

ной уборки вообще не сто́ит устраи́вать, потому́ что пото́м я никогда́ уже́ не смогу́ всё так хорошо́ расста́вить. Ты то́лько немно́го прибери́.

Орехо́вая скорлу́па валя́лась на полу́ впереме́шку с апельси́новыми ко́рками, вишне́выми ко́сточками, колба́сными шку́рками, ско́мканными бума́жками, обгорев́шими спичка́ми и тому́ подо́бным му́сором, так что само́го по́ла и ви́дно не́ было.

— У теб́я́ есть пылесос? — спроси́л Ма́лыш, немно́го подума́в.

Этот вопро́с был Ка́рлсону́ я́вно не по душе́. Он хму́ро посмотре́л на Ма́лыша́:

— А среди́ нас, оказы́вается, завели́сь лентя́и! Луч́шая в ми́ре полова́я тря́пка и луч́ший в ми́ре совок их почему́-то не устраи́вают. Пылесосы́ им, ви́дите ли, подава́й, то́лько бы от рабо́ты отлы́нивать! — И Ка́рлсон да́же фы́ркнул от возму́щения. — Если бы я захоте́л, у меня́ могло́ быть хоть сто пылесосов. Но я не такой безде́льник, как не́которые. Я не бо́юсь фи́зической рабо́ты.

— А ра́зве я бо́юсь? — сказа́л Ма́лыш, опра́вдываясь. — Но... да ведь всё равно́ у теб́я́ нет электр́чества, зна́чит, и пылесоса́ быть не мо́жет.

Ма́лыш вспо́мнил, что до́мик Ка́рлсона́ лишён всех современ́ных удо́бств. Там не́ было ни электр́чества, ни водо́провода.

По вечера́м Ка́рлсон зажига́л кероси́новую ла́мпу, а во́ду брал из ка́дки, кото́рая стоя́ла у крыле́чка, под водо́точной тру́бой.

— У теб́я́ и мусоро́провода́ нет, — продо́лжа́л Ма́лыш, — хотя́ тебе́ он о́чень ну́жен.

— У меня́ нет мусоро́провода́? — возмути́лся Ка́рлсон. — Отку́да ты взял? Подмети́-ка пол, и я покажу́ тебе́ луч́ший в ми́ре мусоро́провод.

Ма́лыш вздохну́л, взял ве́ник и приня́лся за де́ло. А Ка́рлсон вы́тянулся на дива́нчике, подложив ру́ки

под голову, и наблюдал за ним. Вид у него был очень довольный.

И он запел, чтобы помочь Малышу, — точь-в-точь как обещал:

Долог день для того,
Кто не сделал ничего.
Кончил дело — гуляй смело!

Золотые слова, — сказал Карлсон и зарылся в подушку, чтобы улечься поудобнее.

А Малыш всё подметал и подметал. В самый разгар уборки Карлсон прервал своё пение и сказал:

— Ты можешь устроить себе небольшую перемену и сварить мне кофе.

— Сварить кофе? — переспросил Малыш.

— Да, пожалуйста, — подтвердил Карлсон. — Я не хочу тебя особенно утруждать. Тебе придётся только развести огонь под таганком, принести воды и приготовить кофе. А уж пить его я буду сам.

Малыш печально посмотрел на пол, на котором почти не было видно следов его усилий:

— Может, ты сам займёшься кофе, пока я буду подметать?

Карлсон тяжело вздохнул.

— Как это только можно быть таким ленивым, как ты? — спросил он. — Раз уж ты устраиваешь себе перемену, неужели так трудно сварить кофе?

— Нет, конечно, нетрудно, — ответил Малыш, — но дай мне сказать. Я думаю...

— Не дам, — перебил его Карлсон. — Не трать напрасну слов! Лучше бы ты постарался хоть чем-то услужить человеку, который в поте лица пылесосил твой уши и вообще из кожи вон лез ради тебя.

Малыш отложил веник, взял ведро и побежал за водой. Потом принёс из чулана дрова, сложил их под таганком и попытался развести огонь, но у него ничего не получалось.

— Понимаешь, у меня нет опыта, — начал Малыш смущённо, — не мог бы ты... Только огонь развести, а?

— И не заикайся, — отрезал Карлсон. — Вот если бы я был на ногах, тогда дело другое, тогда бы я тебе показал, как разводить огонь, но ведь я лежy, и ты не можешь требовать, чтобы я плясал вокруг тебя.

Малышy это показалоcь убедительным. Он ещё раз чиркнул спичкой, и вдруг взметнулось пламя, дрова затрещали и загудели.

— Взялись! — радостно воскликнул Малыш.

— Вот видишь! Надо только действовать энергичней и не рассчитывать на чью-то помощь, — сказал Карлсон. — Теперь поставь на огонь кофейник, собери всё, что нужно для кофе, на этот вот красивый подносик, да не забудь положить булочки, и продолжай себе подметать; пока кофе закипит, ты как раз успеешь всё убрать.

— Скажи, а ты уверен, что сам будешь кофе пить? — спросил Малыш с издёвкой.

— О да, кофе пить я буду сам, — уверил его Карлсон. — Но и ты получишь немного, ведь я на редкость гостеприимен.

Когда Малыш всё подмёл и высыпал ореховую скорлупу, вишнёвые косточки и грязную бумагу в большое помойное ведро, он присел на край диванчика, на котором лежал Карлсон, и они стали вдвоём пить кофе и есть булочки — много булочек. Малыш блаженствовал — до чего же хорошо у Карлсона, хотя убирать у него очень утомительно!

— А где же твой мусоропровод? — спросил Малыш, проглотив последний кусочек булки.

— Сейчас покажу, — сказал Карлсон. — Возьми помойное ведро и иди за мной.

Они вышли на крыльцо.

— Вот, — сказал Карлсон и указал на крыши.

— Как... что ты хочешь сказать? — растерялся Малыш...

— Сыпь прямо туда, — сказал Карлсон. — Вот тебе и лучший в мире мусоропровод.

— Ведь получится, что я кидаю мусор на улицу, — возразил Малыш. — А этого нельзя делать.

Карлсон решительно придвинул к себе ведро:

— Нельзя, говоришь? Сейчас увидишь. Беги за мной!

Схватив ведро, он помчался вниз по крутому скату крыши. Малыш испугался, подумав, что Карлсон не сумеет остановиться, когда добежит до края.

— Тормози! — крикнул Малыш. — Тормози!

И Карлсон затормозил. Но только когда очутился на самом-самом краю.

— Чего ты ждёшь? — крикнул Карлсон Малышу. — Беги ко мне.

Малыш сел на крышу и осторожно пополз вниз.

— Лучший в мире мусоропровод!.. Высота падения мусора двадцать метров, — сообщил Карлсон и быстро опрокинул ведро.

Ореховая скорлупа, вишнёвые косточки, скомканная бумага устремились по лучшему в мире «мусоропроводу» могучим потоком на улицу и угодили прямо на голову элегантному господину, который шёл по тротуару и курил сигару.

— Ой, — воскликнул Малыш, — ой, ой, гляди, всё попало ему на голову!

Карлсон только пожал плечами:

— Кто ему велел гулять под мусоропроводом?

У Малыша был всё же озабоченный вид.

— Наверно, у него ореховая скорлупа набилась в ботинки, а в волосах застряли вишнёвые косточки. Это не так уж приятно!

— Пустяки, дело житейское, — успокоил Малыша Карлсон. — Если человеку мешает жить только ореховая скорлупа, попавшая в ботинок, он может считать себя счастливым.

Но что-то было не похоже, чтобы господин с сигарой чувствовал себя счастливым. С крыши они видели, как он долго и тщательно отряхивается, а потом услышали, что он зовёт полицейского.

— Некоторые способны подымать шум по пустякам, — сказал Карлсон. — А ему бы, напротив, благодарить нас надо. Ведь если вишнёвые косточки прорастут и пустят корни в его волосах, у него на голове вырастет красивое вишнёвое деревце, и тогда он сможет день-деньской гулять где захочет, рвать всё время вишни и выплёвывать косточки.

Но полицейского поблизости не оказалось, и господину с сигарой пришлось отправиться домой, так и не высказав никому своего возмущения по поводу ореховой скорлупы и вишнёвых косточек.

А Карлсон и Малыш ползли вверх по крыше и благополучно добрались до домика за трубой.

— Я тоже хочу выплёвывать вишнёвые косточки, — заявил Карлсон, едва они переступили порог комнаты. — Раз ты так настаиваешь, лезь за вишнями — они там, в мешке, подвешенном к потолку.

— Думаешь, я достану? — спросил Малыш.

— А ты заберись на верстак.

Малыш так и сделал, а потом они с Карлсоном сидели на крыльце, ели сухие вишни и выплёвывали косточки, которые, подскакивая с лёгким стуком, весело катились вниз по крыше.

Вечерело. Мягкие, тёплые осенние сумерки спускались на крыши и дома. Малыш придвинулся поближе к Карлсону. Было так уютно сидеть на крыльце и есть вишни, но становилось всё темней и темней. Дома выглядели теперь совсем иначе, чем прежде, — сперва они посерели, сделались какими-то таинственными, а под конец стали казаться уже совсем чёрными. Словно кто-то вырезал их огромными ножницами из чёрной бумаги и только кое-где наклеил кусочки золотой фольги, чтобы изобразить светящиеся окна. Этих золотых окошек становилось всё больше и больше, потому что люди зажигали свет в своих комнатах. Малыш попытался было пересчитать эти светящиеся прямоугольнички. Сперва было только три, потом оказалось десять, а потом так много, что зарябило в глазах. А в окнах были видны люди — они ходили по комнатам и занимались кто чем, и можно было гадать, что же они делают, какие они и почему они живут именно здесь, а не в другом месте.

Впрочем, гадал только Малыш. Карлсону всё было ясно.

— Где-то же им надо жить, беднягам, — сказал он. — Ведь не могут же все жить на крыше и быть лучшими в мире Карлсонами.

Пока Малыш гостил у Карлсона, мама была у доктора. Она задержалась дольше, чем рассчитывала, а когда вернулась домой, Малыш уже преспокойно сидел в своей комнате и рассматривал марки.

— А ты, Малыш, всё возишься с марками?

— Ага, — ответил Малыш, и это была правда.

А о том, что он всего несколько минут назад вернулся с крыши, он просто умолчал. Конечно, мама очень умная и почти всё понимает, но поймет ли она, что ему обязательно нужно было лезть на крышу, — в этом Малыш всё же не был уверен. Поэтому он решил ничего не говорить о появлении Карлсона. Во всяком случае, не сейчас. Во всяком случае, не раньше, чем соберётся вся семья. Он преподнесёт этот роскошный сюрприз за обедом. К тому же мама показалась ему какой-то невесёлой. На лбу, между бровями, залегла складка, которой там быть не должно, и Малыш долго ломал себе голову, откуда она взялась.

Наконец собралась вся семья, и тогда мама позвала всех обедать; все вместе сели за стол: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Малыш. На обед были голубцы — опять капуста! А Малыш любил только то, что не полезно. Но под столом у его ног лежал Бимбо, который ел всё без разбору. Малыш развернул голубец, скомкал капустный лист и тихонько швырнул его на пол, для Бимбо.

— Мама, скажи ему, что нельзя это делать, — сказала Бетан, — а то Бимбо вырастет таким же невоспитанным, как Малыш.

— Да, да, конечно, — рассеянно сказала мама. Сказала так, словно и не слышала, о чём речь.

— А вот меня, когда я была маленькой, заставляли съедать всё до конца, — не унималась Бетан.

Малыш показал ей язык.

— Вот, вот, полюбуйтесь. Что-то я не замечаю, чтобы слово мамы произвело на тебя хоть какое-нибудь впечатленье, Мальш.

Глаза у мамы вдруг наполнились слезами.

— Не ругайтесь, прошу вас, — сказала она. — Я не могу этого слышать.

И тут выяснилось, почему у мамы невеселый вид.

— Доктор сказал, что у меня сильное малокровие. От переутомления. Он сказал, что мне необходимо уехать за город и как следует отдохнуть.

За столом воцарилось молчание. Долгое время никто не проронил ни слова. Какая печальная новость! Мама, оказывается, заболела, стряслась настоящая беда — вот что думали все. А Мальш думал еще и о том, что теперь маме надо уехать, и от этого становилось еще ужасней.

— Я хочу, чтобы ты стояла на кухне всякий раз, когда я прихожу из школы, и чтобы на тебе был передник, и чтобы каждый день ты пекла плюшки, — сказал наконец Мальш.

— Ты думаешь только о себе, — строго осадил его Боссе.

Мальш прижался к маме.

— Конечно, ведь без мамы не получишь плюшек, — сказал он.

Но мама этого не слышала. Она разговаривала с папой.

— Постараемся найти домашнюю работницу на время моего отъезда.

И папа и мама были очень озабочены. Обед прошёл не так хорошо, как обычно. Мальш понимал, что надо что-то сделать, чтобы хоть немножко всех развеселить, а кто лучше его сможет с этим справиться?

— Послушайте теперь приятную новость, — начал он. — Угадайте-ка, кто сегодня вернётся?

— Кто вернётся?.. Надеюсь, не Карлсон? — с тре-

во́гой спроси́ла ма́ма.— Не доставля́й нам ещё́ лиш-
них огорче́ний.

Ма́лыш с укоро́м посмотре́л на неё:

— Я ду́мал, появле́ние Ка́рлсона всех обра́дует,
а не огорчи́т.

Бо́ссе расхохота́лся:

— Хоро́шая у нас тепе́рь бу́дет жизнь! Без ма́мы,
но зато́ с Ка́рлсоном и домрабо́тницей, кото́рая наве-
де́т здесь свои́ порядки.

— Не пуга́йте меня́,— сказа́ла ма́ма.— Поду́май-
те то́лько, что ста́нет с домрабо́тницей, е́сли она́ уви́-
дит Ка́рлсона.

Па́па стро́го посмотре́л на Ма́лыша.

— Этого́ не бу́дет,— сказа́л он.— Домрабо́тница
никогда́ не уви́дит Ка́рлсона и ниче́го не услы́шит
о нём, обеща́й, Ма́лыш.

— Вообще́-то Ка́рлсон лета́ет куда́ хо́чет,— ска-
за́л Ма́лыш.— Но я могу́ обеща́ть никогда́ ей о нём
не расска́зывать.

— И вообще́ ни одно́й живо́й душе́ ни сло́ва,—
сказа́л па́па.— Не забыва́й наш угово́р.

— Если живо́й душе́ нельзя́, то, зна́чит, на́шей
шко́льной учи́тельнице мо́жно.

Но па́па покача́л голово́й:

— Нет, ни в ко́ем слу́чае, и ей нельзя́.

— Поня́тно! — воскликнул Ма́лыш. — Зна́чит,
мне и о домрабо́тнице то́же нельзя́ никому́ расска́зы-
вать? Потому́ что с ней наверняка́ бу́дет не ме́ньше
хлопо́т, чем с Ка́рлсоном.

Ма́ма вздохну́ла:

— Ещё́ неизвёстно, смо́жем ли мы найти́ домра-
бо́тницу.

На сле́дующий день они́ да́ли объявление́ в газе́-
те. Но позвони́ла им то́лько одна́ же́нщина. Зва́ли её
фре́кен Бок. Не́сколько часо́в спустя́ она́ пришла́ до-
говариваться о ме́сте. У Ма́лыша как раз разболе́лось

ухо, и ему хотелось быть возле мамы. Лучше всего было бы сесть к ней на колени, хотя, собственно говоря, для этого он уже был слишком большой.

«Когда болят уши, то можно», — решил он наконец и забрался к маме на колени.

Тут позвонили в дверь. Это пришла фрёкен Бок. Малышу пришлось слезть с колен. Но всё время, пока она сидела, Малыш не отходил от мамы ни на шаг, висел на спинке её стула и прижимался больным ухом к её руке, а когда становилось особенно больно, тихонько хныкал.

Малыш надеялся, что домработница будет молодая, красивая и милая девушка, вроде учительницы в школе. Но всё вышло наоборот. Фрёкен Бок оказалась суровой пожилой дамой высокого роста, грузной, да к тому же весьма решительной и в мнениях и в действиях. У неё было несколько подбородков и такие злющие глаза, что Малыш поначалу даже испугался. Он сразу ясно понял, что никогда не полюбит фрёкен Бок. Бимбо это тоже понял и всё лаял и лаял, пока не охрип.

— Ах, вот как! У вас, значит, собачка? — сказала фрёкен Бок.

Мама заметно встревожилась.

— Вы не любите собак, фрёкен Бок? — спросила она.

— Нет, отчего же, я их люблю, если они хорошо воспитаны.

— Я не уверена, что

Бѣмбо хорошѡ воспитан, — смущѣнно призналась ма́ма.

Фрѣкен Бок энергично кивну́ла.

— Он бу́дет хорошѡ воспитан, е́сли я поступлю́ к вам. У меня́ соба́ки бы́стро стано́вятся шѣлковыми.

Ма́лыш моли́лся про себѣ, что́бы она́ к ним никогда́ не поступи́ла. К тому́ же сно́ва бо́льно кольну́ло в у́хе, и он тихо́нько захны́кал.

— Что-что, а вы́школить соба́ку, кото́рая ла́ет, и ма́льчика, кото́рый но́ет, я сумѣю, — заяви́ла фрѣкен Бок и усмехну́лась.

Ви́дно, э́тим она́ хоте́ла пристыди́ть его́, но он счита́л, что стыди́ться ему́ не́чего, и поэ́тому сказа́л тихо, как бы про себѣ:

— А у меня́ скрипу́чие боти́нки.

Ма́ма услы́шала э́то и гу́сто покрасне́ла.

— Наде́юсь, вы лю́бите дете́й, фрѣкен Бок, да?

— О да, коне́чно, е́сли они́ хорошѡ воспитаны, — отве́тила фрѣкен Бок и уста́вила́сь на Ма́лыша́.

И сно́ва ма́ма смути́лась.

— Я не уве́рена, что Ма́лыш хорошѡ воспитан, — пробормота́ла она́.

— Он бу́дет хорошѡ воспитан, — успоко́ила ма́му фрѣкен Бок. — Не беспоко́йтесь, у меня́ и дете́и бы́стро стано́вятся шѣлковыми.

Тут уж Ма́лыш покрасне́л от волне́ния: он так жалѣл дете́й, кото́рые ста́ли шѣлковыми у фрѣкен Бок! А вско́ре он и сам бу́дет одни́м из них. Чего́ же удивля́ться, что он так перепуга́лся?

Впро́чем, у ма́мы то́же был не́сколько обескура́женны́й вид. Она́ погла́дила Ма́лыша́ по голове́ и сказа́ла:

— Что каса́ется ма́льчика, то с ним ле́гче всего́ справя́ться ла́ской.

— Опыт подска́зывает мне, что ла́ска не всегда́

помогает, — решительно возразила фрёкен Бок. — Дети должны чувствовать твёрдую руку.

Затём фрёкен Бок сказала, сколько она хочет получать в месяц, и оговорила, что её надо называть не домработницей, а домоправительницей. На этом переговоры закончились.

Как раз в это время папа вернулся с работы, и мама их познакомила.

— Наша домоправительница, фрёкен Бок.

— Наша... домомучительница, — прошипел Малыш и со всех ног бросился из комнаты.

На другой день мама уехала к бабушке. Провожая её, все плакали, а Малыш больше всех.

— Я не хочу оставаться один с этой домомучительницей! — всхлипывал он.

Но делать было нечего, это он и сам понимал. Ведь Боссе и Бетан приходили из школы поздно, а папа не возвращался с работы раньше пяти часов. Каждый день Малышу придётся проводить много-много часов с глазу на глаз с домомучительницей. Вот почему он так плакал.

Мама поцеловала его:

— Постарайся быть молодцом... ради меня! И, пожалуйста, не зови её домомучительницей.

Неприятности начались со следующего же дня, как только Малыш пришёл из школы. На кухне не было ни мамы, ни какао с плюшками — там теперь царила фрёкен Бок, и нельзя сказать, что появление Малыша её обрадовало.

— Всё мучное портит аппетит, — заявила она. — Никаких плюшек ты не получишь.

А ведь сама их испекла: целая горка плюшек стыла на блюде перед открытым окном.

— Но... — начал было Малыш.

— Никаких «но», — перебила его фрёкен Бок. — Прежде всего, на кухне мальчику делать нечего.

Отправляйся-ка в свою комнату и учи уроки. Повесь куртку и помой руки! Ну, поживей!

И Малыш ушёл в свою комнату. Он был злой и голодный. Бимбо лежал в корзине и спал. Но едва Малыш переступил порог, как он стрелой вылетел ему навстречу.

«Хоть кто-то рад меня видеть», — подумал Малыш и обнял пёсика.

— Она с тобой тоже плохо обошлась? Терпеть её не могу! «Повесь куртку и помой руки!» Может, я должен ещё проветрить шкаф и вымыть ноги? И вообще я вешаю куртку без напоминаний! Да, да!

Он швырнул куртку в корзину Бимбо, и Бимбо удобно улёгся на ней, вцепившись зубами в рукав.

Малыш подошёл к окну и стал смотреть на улицу. Он стоял и думал о том, как он несчастен и как тоскливо без мамы. И вдруг ему стало весело: он увидел, что над крышей дома, на той стороне улицы, Карлсон отрабатывает сложные фигуры высшего пилотажа. Он кружил между трубами и время от времени делал в воздухе «мёртвую петлю».

Малыш бешено ему замахал, и Карлсон тут же прилетел, да на таком брёющем полёте, что Малышу пришлось отскочить в сторону, иначе Карлсон прямо врезался бы в него.

— Привет, Малыш! — крикнул Карлсон. — Уж не обидел ли я тебя чем-нибудь? Почему у тебя такой хмурый вид? Ты себя плохо чувствуешь?

— Да нет, не в этом дело, — ответил Малыш и рассказал Карлсону о своих несчастьях и о том, что мама уехала и что вместо неё появилась какая-то домомучительница, до того противная, злая и жадная, что даже плюшек у неё не выпросишь, когда приходишь из школы, хотя на окне стоит целое блюдо ещё тёплых плюшек.

Глаза Карлсона засверкали.

— Тебѣ повезло,— сказал он.— Угадай, кто лучший в мире укротитель домомучительниц?

Мальш сразу догадался, но никак не мог себе представить, как Карлсон справится с фрёкен Бок.

— Я начну с того, что буду её низводить.

— Ты хочешь сказать «изводить»? — переспросил Мальш.

Такие глупые придирки Карлсон не мог стерпеть.

— Если бы я хотел сказать «изводить», я так бы и сказал. А «низводить», как ты мог бы понять по самому слову,— значит делать то же самое, но только гораздо смешнее.

Мальш подумал и вынужден был признаться, что Карлсон прав. «Низводить» и в самом деле звучало куда более смешно.

— Я думаю, лучше всего начать с низведения плюшками,— сказал Карлсон.— И ты должен мне помочь.

— Как? — спросил Мальш.

— Отправляйся на кухню и заведи разговор с домомучительницей.

— Да, но... — начал Мальш.

— Никаких «но», — остановил его Карлсон.— Говори с ней о чём хочешь, но так, чтобы она хоть на миг отвела глаза от окна.

Тут Карлсон захохотал, он прямо кудахтал от смеха, потом нажал кнопку, пропеллер закрутился, и, всё ещё весело кудахча, Карлсон вылетел в окно.

А Мальш храбро двинулся на кухню. Теперь, когда ему помогал лучший в мире укротитель домомучительниц, ему нечего было бояться.

На этот раз фрёкен Бок ещё меньше обрадовалась его появлению. Она как раз варила себе кофе, и Мальш прекрасно понимал, что она собиралась провести в тишине несколько приятных минут, заедая

кофе свежими плюшками. Должно быть, есть мучное вредно только детям.

Фрекен Бок взглянула на Малыша. Вид у неё был весьма кислый.

— Что тебе надо? — спросила она ещё более кислым голосом.

Малыш подумал, что теперь самое время с ней заговорить. Но он решительно не знал, с чего начать.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрекен Бок? — сказал он.

И в это мгновение он услышал знакомое слабое жужжание у окна. Но Карлсона не было видно. Только маленькая пухлая ручка вдруг мелькнула в окне и схватила плюшку с блюда. Малыш захихикал. Фрекен Бок ничего не заметила.

— Так что же ты будешь делать, когда вырастешь большой? — спросила она нетерпеливо. Было ясно, что её это совершенно не интересует. Она только хотела как можно скорее отделаться от Малыша.

— Нет, сами угадайте! — настаивал Малыш.

И тут он снова увидел, как та же маленькая пухлая ручка взяла ещё одну плюшку с блюда. И Малыш снова хихикнул. Он старался сдержаться, но ничего не получалось. Оказывается, в нём скопилось очень много смеха, и этот смех неудержимо рвался наружу. Фрекен Бок с раздражением подумала, что он самый утомительный в мире мальчик. Принесла же его нелёгкая именно теперь, когда она собиралась спокойно попить кофейку.

— Угадайте, что я буду делать, когда вырасту таким большим, как вы, фрекен Бок? — повторил Малыш и захихикал пуще прежнего, потому что теперь уже две маленькие пухленькие ручки утащили с блюда несколько оставшихся плюшек.

— Мне некогда стоять здесь с тобой и выслушивать твои глупости, — сказала фрекен Бок. — И я не

собираюсь ломать себе голову над тем, что ты будешь делать, когда вырастешь большой. Но пока ты ещё маленький, изволь слушаться и поэтому сейчас же уходи из кухни и учи уроки.

— Да, само собой, — сказал Малыш и так расхотался, что ему пришлось даже прислониться к двери. — Но когда я вырасту такой большой, как вы, Фрёкен Бок, я буду всё время ворчать, уж это точно.

Фрёкен Бок изменилась в лице, казалось, она сейчас накинется на Малыша, но тут с улицы донёся какой-то странный звук, похожий на мычание. Она стремительно обернулась и обнаружила, что плюшек на блюде не было.

Фрёкен Бок завопила в голос:

— О боже, куда девались мои плюшки?

Она кинулась к подоконнику. Может, она надеялась увидеть, как удирает вор, сжимая в охапке съедобные плюшки. Но ведь семья Свántесон живёт на четвёртом этажё, а таких длинноногих воров не бывает, этого даже она не могла не знать.

Фрёкен Бок опустилась на стул в полной растерянности.

— Неужто голуби? — пробормотала она.

— Судя по мычанию, скорее корова, — заметил Малыш. — Какая-нибудь летающая коровка, которая очень любит плюшечки. Вот она их увидела и слизала язычком.

— Не болтай глупости, — буркнула Фрёкен Бок.

Но тут Малыш снова услышал знакомое жужжание у окна, и, чтобы заглушить его и отвлечь Фрёкен Бок, он запел так громко, как только мог:

Божья коровка,
Полети на небо,
Принеси нам хлеба,
Сушек, плюшек,
Сладеньких ватрушек.

Малыш часто сочинял вместе с мамой стишки и сам понимал, что насчёт божьей коровки, сушек и плюшек они удачно придумали. Но фрёкен Бок была другого мнения.

— Немедленно замолчи! Мне надоели твои глупости! — закричала она.

Как раз в этот момент у окна что-то так звякнуло, что они оба вздрогнули от испуга. Они обернулись и увидели, что на пустом блюде лежит монетка в пять эре.

Малыш снова захихикал.

— Какая честная коровка, — сказал он сквозь смех. — Она заплатила за плюшки.

Фрёкен Бок побагровела от злости.

— Что за идиотская шутка! — заорала она и снова кинулась к окну. — Наверно, это кто-нибудь из верхней квартиры забавляется тем, что крадёт у меня плюшки и швыряет сюда пятиэровые монетки.

— Над нами никого нет, — заявил Малыш. — Мы живём на верхнем этаже, над нами только крыша.

Фрёкен Бок совсем взбесилась.

— Ничего не понимаю! — вопила она. — Решительно ничего.

— Да это я уже давно заметил, — сказал Малыш. — Но стоит ли огорчаться, не всем же быть понятливыми.

За эти слова Малыш получил пощёчину.

— Я тебе покажу, как дерзить! — кричала она.

— Нет-нет, не надо, не показывайте, — взмолился Малыш и заплакал, — а то мама меня не узнает, когда вернётся домой.

Глаза у Малыша блестели. Он продолжал плакать. Никогда в жизни он ещё не получал пощёчин, и ему было очень обидно. Он злобно поглядел на фрёкен Бок. Тогда она схватила его за руку и потащила в комнату.

— Сиди́ здесь, и пусть тебе́ бу́дет сты́дно, — сказа́ла она́. — Я запру́ дверь и вы́ну ключ, тепе́рь тебе́ не уда́тся бе́гать ка́ждую мину́ту на ку́хню.

Она́ посмотре́ла на свои́ часы́.

— Наде́юсь, ча́са хва́тит, что́бы сде́лать тебя́ шёлковым. В три ча́са я тебя́ вы́пущу. А ты тем вре́менем вспо́мни, что на́до сказа́ть, когда́ про́сят прощё́ния.

И фре́кен Бок ушла́. Малы́ш услы́шал, как щёлкнул замо́к: он про́сто за́перт и не мо́жет вы́йти. Это было́ ужасно. Он ненави́дел фре́кен Бок. Но в то же вре́мя совесть у него́ была́ не совсе́м чиста́, потому́ что и он ве́л себя́ не безу́пречно. А тепе́рь его́ посади́ли в кле́тку. Ма́ма решит, что он дразни́л домо́учи́тельницу, дерзи́л ей. Он подумал о ма́ме, о том, что ещё́ до́лго её́ не уви́дит, и ещё́ немно́жко поплака́л.

Но тут он услы́шал жужжа́ние, и в ко́мнату вле́тел Ка́рлсон.

КАРЛСОН УСТРАИВАЕТ ПИР

— Как бы ты отнёсся к скромному завтраку на моём крыльце? — спросил Ка́рлсон. — Какао́ и све́жие плю́шки. Я тебя́ приглаша́ю.

Малы́ш погляде́л на него́ с благода́рностью. Луч́ше Ка́рлсона́ нет никогó на све́те! Малы́шу захоте́лось его́ объять, и он попыта́лся да́же это́ сде́лать, но Ка́рлсон отпихну́л его́.

— Споко́йствие, то́лько спокóйствие. Я не твоя́ ба́бушка. Ну, полете́ли?

— Ещё́ бы! — воскликнул Малы́ш. — Хотя́, со́бственно говоря́, я за́перт. Пони́маешь, я вроде́ как в тюрме́.

— Вы́ходки домо́учи́тельницы, поня́тно. Её́ во́ля — ты здесь насиде́лся бы!

Глаза Карлсона вдруг загорелись, и он запрыгал от радости.

— Знаешь что? Мы будем играть, будто ты в тюрьме и терпишь страшные муки из-за жестокого надзирателя — домомучительницы, понимаешь? А тут вдруг появляется самый смелый в мире, сильный, прекрасный, в меру упитанный герой и спасает тебя.

— А кто он, этот герой? — спросил Малыш.

Карлсон укоризненно посмотрел на Малыша:

— Попробуй угадать! Слабо?

— Наверно, ты, — сказал Малыш. — Но ведь ты можешь спасти меня сию минуту, верно?

Против этого Карлсон не возражал.

— Конечно, могу, потому что герой этот к тому же очень быстрый, — объяснил он. — Быстрый, как

ястреб, да, да, честное слово, и смелый, и сильный, и прекрасный, и в меру упитанный, и он вдруг появляется и спасает тебя, потому что он такой необычайно храбрый. Гоп-гоп, вот он!

Карлсон крепко обхватил Малыша и стрелой взмыл с ним ввысь. Что и говорить, бесстрашный герой! Бимбо залаял, когда увидел, как Малыш вдруг исчез в окне, но Малыш крикнул ему:

— Спокойствие, только спокойствие! Я скоро вернусь.

Наверху, на крыльце Карлсона, рядком лежали десять румяных плюшек. Выглядели они очень аппетитно.

— И к тому же я за них честно заплатил, — похвастался Карлсон. — Мы их поделим поровну — семь тебе и семь мне.

— Так не получится, — возразил Малыш. — Семь и семь — четырнадцать, а у нас только десять плюшек.

В ответ Карлсон поспешно сложил семь плюшек в горку.

— Вот мой, я их уже взял, — заявил он и прикрыл своей пухлой ручкой сдобную горку. — Теперь в школах так по-дурацки считают. Но я из-за этого страдать не намерен. Мы возьмём по семь штук, как я сказал — мой вот.

Малыш миролюбиво кивнул.

— Хорошо, всё равно я не смогу съесть больше трёх. А где же какао?

— Внизу, у домомучительницы, — ответил Карлсон. — Сейчас мы его принесём.

Малыш посмотрел на него с испугом. У него не было никакой охоты снова увидеть фрёкен Бок и получить от неё, чего доброго, ещё пощечину. К тому же он не понимал, как они смогут раздобыть банку с какао. Она ведь стоит не у открытого окна, а на полке, возле плиты, на виду у фрёкен Бок.

— Как же это можно сделать? — недоумевал Малыш.

Карлсон завизжал от восторга:

— Куда тебе это сообразить, ты всего-навсего глупый мальчишка! Но если за дело берётся лучший в мире проказник, то беспокоиться нечего.

— Да, но как... — начал Малыш.

— Скажи, ты знаешь, что в нашем доме есть маленькие балкончики? — спросил Карлсон.

Конечно, Малыш это знал. Мама частенько вы-

бывала на таком балкóнчике половики. Попасть на эти балкóнчики можно было только с лестницы чёрного хода.

— А знаешь ли ты, что от чёрного хода до балкóнчика один лестничный пролёт, всего десять ступёнок? — спросил Карлсон.

Мальш всё ещё ничего не понимал.

— А зачем мне надо забираться на этот балкóнчик?

Карлсон вздохнул.

— Ох, до чего же глупый мальчишка, всё-то ему нужно разжевать. Раствори-ка пошире уши и слушай, что я придумал.

— Ну, говори, говори! — поторопил Мальш, он явно сгорал от нетерпения.

— Так вот, — не спеша, начал Карлсон, — один глупый мальчишка прилетает на вертолёте системы «Карлсон» на этот балкóнчик, затем сбегает вниз всего на десять ступёнок и трезвопит во всю мочь у вашей двери. Понимаешь? Злющая домохозяйка слышит звонок и твёрдым шагом идёт открывать дверь. Таким образом на несколько минут кухонный плацдарм очищен от врага. А храбрый и в меру упитанный герой влетает в окно и тут же вылетает назад с банкою какао в руках. Глупый мальчишка трезвопит ещё разок долго-предолго и убегает назад на балкóнчик. А злющая домохозяйка открывает дверь и становится ещё злее, когда обнаруживает, что на площадке никого нет. А она, может, надеялась получить букет красных роз! Выругавшись, она хлопывает дверь. Глупый мальчишка на балкóнчике смеётся, поджидая появления в меру упитанного героя, который переправит его на крышу, а там их ждёт роскошное угощение — свежие плюшки.. Привет, Мальш, угадай, кто лучший в мире проказник? А теперь за дело!

И прѣжде чем Малыш успѣл опомниться, Карлсон полетѣл с ним на балкѳнчик! Онѣ сдѣлали такой рѣзкий вираж, что у Малыша загудѣло в ушах и засосало под лѳжечкой ещѣ сильнѣе, чем на «американских горах». Затѣм всё произошло точь-в-точь так, как сказал Карлсон.

Моторчик Карлсона жужжал у окна кѳхни, а Малыш трезвѳнил у двери чѣрного хода что было сил. Он тут же услышал приближающиеся шаги, бросился бежать и очутился на балкѳнчике. Секунду спустя приоткрылась входная дверь, и фрекен Бок высунула голову на лѣстничную площадку. Малыш осторожно вѣтянул шею и увидѣл еѣ сквозь стекло балкѳнной двери. Он убедился, что Карлсон как в воду глядѣл: злобная домохозяйка просто позеленѣла от бешенства, когда увидѣла, что никого нет. Она стала громко браниться и долго стояла в открытых дверях, словно ожидая, что тот, кто только что потревожил еѣ звонком, вдруг появится снова. Но тот, кто звѳнил, притаился на балкѳнчике и беззвѳчно смеялся до тех пор, пока в мѣру упитанный герой не прилетѣл за ним и не доставил его на крыльцо домика за трубой, где их ждал настоящий пир.

Это был лучший в мире пир — на таком Малыш и не снилось побывать.

— До чего здорово! — сказал Малыш, когда он уже сидѣл на ступеньке крыльца рядом с Карлсоном, жевал плюшку, прихлѣбывал какао и глядѣл на сверкающие на солнце крыши и башни Стокгольма.

Плюшки оказались очень вкусными, какао тоже удалось на славу. Малыш сварил его на таганке у Карлсона. Молоко и сахар, без которых какао не сварить, Карлсон прихватил на кѳхне у фрекен Бок вместе с банкой какао.

— И, как полагаѣтся, я за всё чѣстно уплатил пя-

тиэровой монёткой, она́ и сейчас ещё лежи́т на ку́хонном столе́,— с гордо́стью заяви́л Ка́рлсон.— Кто че́стен, тот че́стен, тут ниче́го не ска́жешь.

— Где ты то́лько взял все э́ти пятиэровые монётки? — удиви́лся Малы́ш.

— В кошельке́, кото́рый я нашёл на у́лице,— объясни́л Ка́рлсон.— Он битко́м набит э́тими монётками, да ещё и други́ми то́же.

— Зна́чит, кто-то потеря́л кошелёк. Вот бедня́га! Он, наве́рно, о́чень огорчи́лся.

— Ещё́ бы,— подхвати́л Ка́рлсон.— Но изво́зчик не до́лжен быть рази́ней.

— Отку́да ты зна́ешь, что э́то был изво́зчик? — изуми́лся Малы́ш.

— Да я же ви́дел, как он потеря́л кошелёк,— сказа́л Ка́рлсон.— А что э́то изво́зчик, я по́нял по шля́пе. Я ведь не дура́к.

Малы́ш укори́зненно погляде́л на Ка́рлсона. Так себя́ не ве́дут, когда́ на твои́х глаза́х кто-то теря́ет вещь,— э́то он до́лжен объясни́ть Ка́рлсону. Но то́лько не сейчас... ка́к-нибудь в друго́й раз! Сейчас ему́ хо́чется сиде́ть на ступе́нке ря́дом с Ка́рлсоном и ра́доваться со́лнышку и плю́шкам с кака́о.

Ка́рлсон бы́стро спра́вился со свои́ми семье́ю плю́шками. У Малы́ша де́ло продвига́лось куда́ ме́дленнее. Он ел ещё́ то́лько второ́ую, а тре́тья лежала́ во́зле него́ на ступе́нке.

— До чего́ мне хоро́шо! — сказа́л Малы́ш.

Ка́рлсон наклони́лся к нему́ и приста́льно погляде́л ему́ в глаза́:

— Что-то, гля́дя на тебя́, э́того не ска́жешь. Выглядишь ты пло́хо, да, о́чень пло́хо, на тебе́ про́сто лица́ нет.

И Ка́рлсон озабо́ченно пощупа́л лоб Малы́ша.

— Так я и ду́мал! Типичный слу́чай плю́шечной лихора́дки.

Мальш удивился:

— Это что ещё за... плёшечная лихорадка?

— Страшная болѣзнь, она валит с ног, когда объедаешься плёшками.

— Но тогда эта самая плёшечная лихорадка должна быть прежде всего у тебя!

— А вот тут ты как раз ошибаешься. Видишь ли, я ею переболел, когда мне было три года, а она бывает только один раз, ну, как корь или коклюш.

Мальш совсем не чувствовал себя больным, и он попытался сказать это Карлсону.

Но Карлсон всё же заставил Мальша лечь на ступеньку и как следует побрызгал ему в лицо какао.

— Чтобы ты не упал в обморок, — объяснил Карлсон и придвинул к себе третью плёшку Мальша. — Тебе больше нельзя съесть ни кусочка, ты можешь тут же умереть. Но подумай, какое счастье для этой бедной малёшкой плёшечки, что есть я, не то она лежала бы здесь на ступеньке в полном одиночестве, — сказал Карлсон и мигом проглотил её.

— Теперь она уже не одинока, — заметил Мальш.

Карлсон удовлетворённо похлопал себя по животу.

— Да, теперь она в обществе своих семи товарищей и чувствует себя отлично!

Мальш тоже чувствовал себя отлично. Он лежал на ступеньке, и ему было очень хорошо, несмотря на плёшечную лихорадку. Он был сыт и охотно простил Карлсону его выходку с третьей плёшкой.

Но тут он взглянул на башенные часы. Было без нескольких минут три. Он расхохотался:

— Скоро появится фрёкен Бок, чтобы меня выпустить из комнаты. Мне бы так хотелось посмотреть, какую она скрочит рожу, когда увидит, что меня нет.

Карлсон дружески похлопал Мальша по плечу:

— Всегда обращайся со всеми своими желаниями к Карлсону, он всё уладит, будь спокоен. Сбегай только в дом и возьми мой бинокль. Он висит, если считать от диванчика, на четырнадцатом гвозде под самым потолком; ты залезай на верстак.

Малыш лукаво улыбнулся.

— Но ведь у меня плёшечная лихорадка, разве при ней не полагается лежать неподвижно?

Карлсон покачал головой.

— «Лежать неподвижно, лежать неподвижно!» И ты думаешь, что это помогает от плёшечной лихорадки? Наоборот, чем больше ты будешь бегать и прыгать, тем быстрее поправишься, это точно, посмотри в любом врачебном справочнике.

А так как Малыш хотел как можно скорее выздороветь, он послушно сбегал в дом, залез на верстак и достал бинокль, который висел на четырнадцатом гвозде, если считать от диванчика. На том же гвозде висела и картина, в нижнем углу которой был изображён маленький красный петух. И Малыш вспомнил, что Карлсон лучший в мире рисовальщик петухов: ведь это он сам написал портрет «очень одинокого петуха», как указывала надпись на картине. И в самом деле, этот петух был куда краснее и куда более одинок, чем все петухи, которых Малышу довелось до сих пор видеть. Но у Малыша не было времени рассмотреть его получше, потому что стрелка подходила к трём и медлить было нельзя.

Когда Малыш вынес на крыльцо бинокль, Карлсон уже стоял готовый к отлёту, и прежде чем Малыш успел опомниться, Карлсон полетел с ним через улицу и приземлился на крыше дома напротив.

Тут только Малыш понял, что задумал Карлсон.

— О, какой отличный наблюдательный пост, если есть бинокль и охота следить за тем, что происходит в моей комнате!

— Есть и бинокль и охота,— сказал Карлсон и посмотрел в бинокль. Потом он передал его Малышу.

Малыш увидел свою комнату, увидел, как ему показалось, четче, чем если бы он в ней был. Вот Бимбо — он спит в корзине, а вот его, Малышова, кровать, а вот стол, за которым он делает уроки, а вот часы на стене. Они показывают ровно три. Но фрекен Бок что-то не видно.

— Спокойствие, только спокойствие,— сказал Карлсон.— Она сейчас появится, я это чувствую: у меня дрожат ребра и я весь покрываюсь гусиной кожей.

Он выхватил у Малыша из рук бинокль и поднес к глазам:

— Что я говорил? Вот открывается дверь, вот она входит с милой и приветливой улыбкой людоедки.

Малыш завизжал от смеха.

— Гляди, гляди, она всё шире открывает глаза от удивления. Не понимает, где же Малыш. Небось решила, что он удрал через окно.

Видно, и в самом деле фрекен Бок это подумала, потому что она с ужасом подбежала к окну. Малыш даже её пожалел. Она высунулась чуть ли не по пояс и уставилась на улицу, словно ожидала увидеть там Малыша.

— Нет, там его нет,— сказал Карлсон.— Что, перепугалась?

Но фрекен Бок так легко не теряла спокойствия. Она отошла от окна в глубь комнаты.

— Теперь она ищет,— сказал Карлсон.— Ищет в кровати... и под столом... и под кроватью... Вот здорово!.. Ой, подожди, она подходит к шкафу... Небось думает, что ты там лежишь, свернувшись в клубочек, и плачешь...

Карлсон вновь захохотал.

— Пора нам позабавиться,— сказал он.

— А как? — спросил Малыш.

— А вот как, — сказал Карлсон и, прежде чем Малыш успел опомниться, полетел с ним через улицу и кинул Малыша в его комнату. — Привет, Малыш! — крикнул он, улетая. — Будь, пожалуйста, поласковой с домохозяйкой.

Малыш не считал, что это лучший способ позабавиться. Но ведь он обещал помогать Карлсону чем сможет. Поэтому он тихонько подкрался к своему столу, сел на стул и открыл задачник. Он слышал, как фрекен Бок обшаривает шкаф. Сейчас она обернется — он ждал этого момента с огромным напряжением.

И в самом деле, она тут же вынырнула из недр шкафа, и первое, что она увидела, был Малыш. Она попятилась назад и прислонилась к дверцам шкафа. Так она простояла довольно долго, не говоря ни слова и не сводя с него глаз. Она только несколько раз опускала веки, словно проверяя себя, не обман ли это зрение.

— Скажи, ради бога, где ты прятался? — выговорила она наконец.

— Я не прятался. Я сидел за столом и решал примеры. Откуда я мог знать, фрекен Бок, что вы хотите поиграть со мной в прятки? Но я готов... Лезьте назад в шкаф, я с удовольствием вас поищу.

Фрекен Бок на это ничего не ответила. Она стояла молча и о чём-то думала.

— Может, я больна, — пробормотала она наконец. — В этом доме происходят такие странные вещи.

Тут Малыш услышал, что кто-то осторожно запер снаружи дверь его комнаты. Малыш расхохотался. Лучший в мире укротитель домохозяйки явно влетел в квартиру через кухонное окно, чтобы помочь домохозяйке понять на собственном опыте, что значит сидеть взаперти.

Фрэкен Бок ничего не замéтила. Она всё ещё стояла молча и, видно, что-то обдумывала. Наконéц она сказала:

— Странно! Ну ладно, тепёрь ты можешь пойти поиграть, пока я приготовлю обéд.

— Спасибо, это очень мило с вашей стороны, — сказал Малыш. — Значит, я больше не заперт?

— Нет, я разрешаю тебе выйти, — сказала фрэкен Бок и подошла к двери.

Она взялась за ручку, нажала раз, другой, третий. Но дверь не открывалась. Тогда фрэкен Бок навалилась на неё всем телом, но и это не помогло.

Фрэкен Бок взревела:

— Кто запер дверь?

— Наверно, вы сами, — сказал Малыш.

Фрэкен Бок даже фыркнула от возмущения:

— Что ты болтаешь! Как я могла запереть дверь снаружи, когда сама нахожусь внутри!

— Этого я не знаю, — сказал Малыш.

— Может, это сделали Боссе или Бетан? — спросила фрэкен Бок.

— Нет, они ещё в школе, — заверил её Малыш.

Фрэкен Бок тяжело опустилась на стул.

— Знаешь, что я думаю? Я думаю, что в доме появилось привидение, — сказала она.

Малыш радостно кивнул.

«Вот здорово получилось! — думал он. — Раз она считает Карлсона привидением, она, наверно, уйдёт от нас: вряд ли ей захочется оставаться в доме, где есть привидения».

— А вы, фрэкен Бок, боитесь привидений? — осведомился Малыш.

— Наоборот, — ответила она. — Я так давно о них мечтаю! Подумай только, тепёрь мне, может быть, тоже удастся попасть в телевизионную передачу! Знаешь, есть такая особая передача, когда телезри-

тели выступают и рассказывают о своих встречах с привидениями. А ведь то, что я пережила здесь за один-единственный день, хватило бы на десять телевизионных передач.

Фрэнкен Бок так и светилась радостью.

— Вот уж я досажу своей сестре Фриде, можешь мне поверить! Ведь Фрида выступала по телевидению и рассказывала о привидениях, которых ей довелось увидеть, и о каких-то потусторонних голосах, которые ей довелось услышать. Но теперь я нанесу ей такой удар, что она не оправится.

— Разве вы слышали потусторонние голоса? — спросил Малыш.

— А ты что, не помнишь, какое мычание раздавалось у окна, когда исчезли плюшки? Я постараюсь воспроизвести его по телевидению, чтобы телезрители слышали, как оно звучит.

И Фрэнкен Бок издала такой звук, что Малыш от неожиданности подскочил на стуле.

— Как будто похоже, — с довольным видом сказала Фрэнкен Бок.

Но тут до них донеслось ещё более страшное мычание, и Фрэнкен Бок побледнела как полотно.

— Оно мне отвечает, — прошептала она. — Оно... привидение... оно мне отвечает! Вот что я расскажу по телевидению! О боже, как разозлится Фрида, как она будет завидовать!

И она не стала скрывать от Малыша, как расхвсталась Фрида по телевидению со своим рассказом о привидениях.

— Если ей верить, то весь район Вазастана кишмя кишит привидениями, и все они теснятся в нашей квартире, но почему-то только в её комнате, а в мою и не заглядывают. Подумай только, она уверяла, что однажды вечером увидела у себя в комнате руку на стене, понимаешь, руку привидения, которая напи-

са́ла це́лых во́семь слов! Впро́чем, сестра́ и в са́мом де́ле нужда́лась в предо́стереже́нии, — сказа́ла фре́кен Бок.

— А что э́то бы́ло за предо́стереже́ние? — полюбопы́тствовал Ма́лыш.

Фре́кен Бок напрягла́ па́мь:

— Как же э́то... ах да, вот как: «Береги́сь! Жизнь так коротка́, а ты недоста́точно серьёзна!»

Су́дя по ви́ду Ма́лыша, он ниче́го не по́нял, да так оно́ и бы́ло.

Фре́кен Бок реши́ла объясни́ть ему́, что всё э́то значит.

— Пони́маешь, э́то бы́ло предо́стереже́ние Фри́де, что, мол, на́до измени́ться, обрести́ поко́й, вести́ бо́лее разме́ренную жизнь.

— И она́ измени́лась? — спроси́л Ма́лыш.

Фре́кен Бок фы́ркнула:

— Ко́нечно, нет, во вся́ком слу́чае, я э́того не ви́жу. То́лько и зна́ет что хва́статься, счита́ет себя́ зве́здой телеви́дения, хотя́ и выступи́ла там все́го оди́н раз. Но тепе́рь-то я уж зна́ю, как сбить с не́е спесь.

Фре́кен Бок потира́ла ру́ки. Она́ ниско́лько не волну́алась из-за того́, что си́дит взаперти́ вме́сте с Ма́лышом, — наконце́ц-то она́ со́бьёт спесь с Фри́ды. Она́ сия́ла как ме́дный грош и всё сра́внивала свой о́пыт общ́ения с приви́дениями с тем, что рассказы́вала Фри́да по телеви́дению; э́тим она́ с увлече́нием занима́лась до тех пор, пока́ Бо́ссе не пришёл из шко́лы.

— Бо́ссе, откро́й дверь, вы́пусти нас! Я за́перт вме́сте с до́мому... с фре́кен Бок.

Бо́ссе о́тпер дверь — он был о́чень уди́влен та́ким происше́ствием.

— Вот те раз! Кто же э́то вас здесь за́пер?

— Об э́том ты вско́ре услы́шишь по телеви́дению.

Но пускаться в более подробные объяснения ей было некогда, — она и так не успела вовремя приготовить обед. Торопливым шагом пошла она на кухню.

В следующее мгновение там раздался громкий крик.

Мальш со всех ног кинулся вслед за ней.

Фрэнкен Бок сидела на стуле, она была ещё бледнее прежнего. Молча указала она на стену.

Оказывается, привидение сделало предупреждение не только Фриде. Фрекен Бок тоже получила предупреждение.

На стене было написано большими неровными буквами:

«Ну и плюшки! Деньги дерешь, а корницу жалешь. Берегись!»

КАРЛСОН И ТЕЛЕВИЗОР

Папа пришёл домой обедать и рассказал за столом о своём новом огорчении.

— Бедняжки, вам, видно, придётся побыть несколько дней совсем одним. Мне надо срочно лететь по делам в Лондон. Я могу надеяться, что всё будет в порядке?

— Конечно, в полном, — заверил его Малыш. — Если только ты не станешь под пропеллер.

— Да нет, — рассмеялся папа, — я спрашиваю про дом. Как вы здесь будете жить без меня и без мамы?

Боссе и Бетан тоже заверили его, что всё будет в полном порядке. А Бетан сказала, что провести несколько дней без родителей даже забавно.

— Да, но подумайте о Малыше, — сказал папа.

Бетан нежно похлопала Малыша по светлой макушке.

— Я буду смуть родной матерью, — заявила она.

Но папа этому не очень поверил, да и Малыш тоже.

— Тебя вечно нет дома, ты всё бегаешь со своими мальчишками, — пробормотал он.

Боссе попытался его утешить:

— Зато у тебя есть я.

— Ну да, только ты всегда торчишь на стадионе

в Остермáльме, там ты у меня́ есть,— уточни́л Ма-
лы́ш.

Бо́ссе расхохотáлся:

— Итáк, остаётся одна́ домо́мучи́тельница. Она́ не бе́гает с ма́льчи́шками и не торчи́т на стадио́не.

— Да, к сожа́лению,— сказа́л Ма́лыш.

Ма́лыш хоте́л бы́ло объясни́ть, ка́кого он мнѐния о фре́кен Бок. Но тут он вдруг обнару́жил, что, о́ка-
зывается, он на неё уже́ не се́рдится. Ма́лыш да́же сам изуми́лся: ну ни ка́пельки не се́рдится! Как э́то случи́лось? Выхо́дит, доста́точно просиде́ть с чело-
ве́ком взаперти́ часа́ два, и ты готов с ним прими-
ри́ться. Не то что́бы он вдруг полюби́л фре́кен Бок —
о нет! — но он всё же стал отно́ситься к ней го́раздо
добрее́. Бедня́жка, ей прихóдится жить с э́той Фри́-
дой! Уж кто-кто, а Ма́лыш хоро́шо зна́ет, что зна́чит
име́ть сестру́ с тяжёлым ха́рактером. А ведь Бе́тан
ещё не хва́стается, как э́та Фри́да, что выступи́ла по
телеви́дению.

— Я не хоте́л бы, что́бы вы но́чью бы́ли одни́,—
сказа́л па́па.— Приде́тся спроси́ть фре́кен Бок,
не согласи́тся ли она́ ночевáть здесь, пока́ меня́ не
бу́дет.

— Тепе́рь мне му́читься с ней не то́лько днѐм, но
и но́чью,— сокруше́нно заме́тил Ма́лыш. Но в глу-
бинѐ души́ он чу́ствовал, что всё же лу́чше, е́сли
кто-нибудь бу́дет жить с ними, пусть да́же домо́мучи-
тельница.

Фре́кен Бок с ра́достью согласи́лась пожи́ть
с детьми́. Когда́ они́ оста́лись вдвоѐм с Ма́лышом, она́
объясни́ла ему́, почему́ она́ э́то сде́лала так охóтно.

— Понима́ешь, но́чью приви́дений бывáет бо́ль-
ше всего́, и я смогу́ собра́ть у вас тако́й материáл для
телевизио́нной пере́дачи, что Фри́да упаде́т со сту́ла,
когда́ уви́дит меня́ на экра́не!

Ма́лыш был всем э́тим о́чень встрево́жен. Его́ му́-

чила мысль, что фрёкен Бок в отсутствие папы приведёт в дом массу людей с телевидения и что кто-нибудь из них пронюхает про Карлсона и — ой, подумать страшно! — сделает о нём передачу, потому что ведь никаких привидений в доме нет. И тогда придёт конец их мирной жизни, которой мама и папа так дорожат. Малыш понимал, что он должен предостеречь Карлсона и попросить его быть поосторожнее.

Однако ему удалось это сделать только на завтра вечером. Он был дома один. Папа уже улетел в Лондон, Боссе и Бетан ушли каждый по своим делам, а фрёкен Бок отправилась к себе домой, на Фрейгаген, узнать у Фриды, посещали ли её новые привидения.

— Я скоро вернусь, — сказала она, уходя, Малышу. — А если в моё отсутствие появятся привидения, попроси их меня подождать, да не забудь предложить им сесть, ха-ха-ха!

Фрёкен Бок теперь почти не сердилась, она всё время смеялась. Правда, иногда она всё же ругала Малыша, но он был ей благодарен уже за то, что это случалось лишь изредка. Она и на этот раз ушла в приподнятом настроении. Малыш долго ещё слышал её шаги на лестнице — от них стены дрожали.

Вскоре в окно влетел Карлсон.

— Привёт, Малыш! Что мы сегодня будем делать? — спросил он. — Нет ли у тебя паровой машины, чтобы её взорвать, или домомучительницы, чтобы её низводить? Мне всё равно, что делать, но я хочу позабавиться, а то я не играю!

— Мы можем посмотреть телевизор, — предложил Малыш.

Представьте себе, Карлсон просто понятия не имел, что такое телевидение! Он в жизни не видел телевизора! Малыш повёл его в столовую и с гордостью показал их новый, прекрасный телевизор.

— Погляди!

— Это что ещё за коробка? — спросил Карлсон.

— Это не коробка, это телевизор, — объяснил Мальш.

— А что сюда кладут? Плюшки?

Мальш расхохотался.

— Подожди, сейчас увидишь, что это такое.

Он включил аппарат, и тут же на стеклянном экране появился дяденька, который рассказывал, какая погода в Нурланде.

Глаза Карлсона стали круглыми от удивления.

— Как это вы умудрились его засунуть в этот ящик?

Малыш давился от смеха.

— Тебя это удивляет? Он залез сюда, когда был ещё маленький, понимаешь?

— А на что он вам нужен? — не унимался Карлсон.

— Ах, ты не понимаешь, что я шучу! Конечно, он не залезал сюда, когда был маленьким, и нам он ни на что не нужен. Просто он появляется здесь и рассказывает, какая завтра будет погода. Он, как старик-лесовик, всё знает, ясно?

Карлсон захихикал.

— Вы запихали вот этого дяденьку в ящик только для того, чтобы он вам рассказывал, какая завтра будет погода... С тем же успехом вы можете и меня спросить!.. Будет гром, и дождь, и град, и буря, и землетрясение — теперь ты доволен?

— Вдоль побережья Нурланда завтра ожидается буря с дождём, — сказал «лесовик» в телевизоре.

Карлсон захохотал ещё пуще прежнего.

— Ну вот, и я говорю... буря с дождём.

Он подошёл вплотную к телевизору и прижался носом к носу «старика-лесовика».

— Не забудь сказать про землетрясение! Бедные нурландцы, ну и погоду он им пророчит, не позабудешь! Но с другой стороны, пусть радуются, что у них будет хоть какая-нибудь. Подумай, что было бы, если бы им пришлось обходиться вообще без погоды. — Он дружески похлопал дяденьку на экране. — Какой миленький старичок! — сказал он. — Да он меньше меня. Он мне нравится.

Потом Карлсон опустился на колени и осмотрел низ телевизора:

— А как же он всё-таки сюда попал?

Малыш попытался объяснить, что это не живой человек, а только изображение, но Карлсон даже рассердился:

— Ты меня не учи, балда! Не глупей тебя! Сам понимаю, это такой особый человек. Да и с чего обычные люди стали бы говорить, какая будет погода в Нурланде?

Малыш мало что знал о телевидении, но он всё же очень старался объяснить Карлсону, что это такое. А кроме того, он хотел предостеречь Карлсона от грозящей ему опасности.

— Ты и представить себе не можешь, до чего фрёкен Бок хочет попасть в телевизор, — начал он.

Но Карлсон прервал его новым взрывом хохота:

— Домомучительница хочет залезть в такую маленькую коробочку?! Такая громадина! Да её пришлось бы сложить вчетверо!

Малыш вздохнул. Карлсон явно ничего не понял. Малыш начал объяснять всё сначала. Особым успехом эта попытка не увенчалась, но в конце концов ему всё же удалось втолковать Карлсону, как удивительно действует эта штукавина.

— Чтобы попасть в телевизор, фрёкен Бок вовсе не надо самой лезть в ящик, она может преспокойно сидеть себе в нескольких милях от него, и всё же она будет видна на экране как живая, — объяснил Малыш.

— Домомучительница... как живая... вот ужас! — воскликнул Карлсон. — Лучше разбей этот ящик либо сменай его на другой, полный плюшек, они нам пригодятся.

Как раз в этот момент на экране появилось личико хорошенькой дикторши. Она так приветливо улыбалась, что Карлсон широко открыл глаза.

— Пожалуй, надо ещё подумать, — сказал он. — Во всяком случае, уж если менять, то только на очень свежие плюшки. Потому что я вижу, этот ящик ценней, чем сперва кажется.

Дикторша продолжала улыбаться Карлсону, и он

улыбался ей в ответ. Потом он оттолкнул Малыша в сторону:

— Погляди только на неё! Я ей нравлюсь, да-да, она ведь видит, что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил.

Вдруг дикторша исчезла. Вместо неё на экране возникли два серьёзных полных господина, которые всё болтали и болтали. Карлсону это пришлось не по душе. Он начал нажимать на все кнопки и вертеть все ручки.

— Не крути, этого нельзя делать, — сказал Малыш.

— Как так нельзя? Я хочу выкрутить обратно ту милую девушку, — сказал Карлсон.

Он крутил ручки во все стороны, но дикторша не появлялась. Добился он только того, что полные господа стали на глазах ещё больше полнеть, ноги у них сделались короткими-прекороткими, а лбы нелепо вытянулись. Эти изменения очень развеселили Карлсона — он довольно долго забавлялся такой игрой с телевизором.

— Старик! во всём слушаются моей команды, — сказал он с довольным видом.

А господа на экране, меняя облик, продолжали без умолку болтать, пока Карлсон им не помешал.

— Я лично считаю... — начал один из них.

— А какое мне дело, что ты считаешь? — перебил его Карлсон. — Отправляйся-ка лучше домой и ложись спать!

Он с треском выключил аппарат и радостно засмеялся.

— Вот он, наверно, разозлился! Так я и не дал ему сказать, что он лично считает!

Телевизор явно надоел Карлсону, он уже жаждал новых развлечений.

— Где домохозяйка? Позови её, я её разыграю.

— Разыграешь... это как? — с тревогой спросил Мальш.

— Существуют три способа укрощать домомучительниц, — объяснил Карлсон. — Их можно низводить, дразнить и разыгрывать. Собственно говоря, всё это одно и то же, но разыгрывать — самый прямой путь борьбы с ними.

Мальш встревожился ещё больше. Если Карлсон вступит в прямую борьбу с фрёкен Бок, она его непременно увидит, а именно этого не должно случиться. Пока папа и мама в отъезде, Мальш, как бы ему ни было трудно, обязан помешать этой встрече. Надо как-то напугать Карлсона, чтобы он сам старался не попадаться на глаза фрёкен Бок. Мальш подумал, а потом сказал не без лукавства:

— Карлсон, ты, видно, хочешь попасть в телевизор?

Карлсон энергично замотал головой.

— В этот вот ящик? Я? Ни за что на свете! Пока я буду в силах защищаться, меня туда не затащат. — Но он тут же задумался и добавил: — Хотя, может быть... Если я там оказался бы рядом с этой милой девочкой...

Мальш стал уверять его, что на это надеяться нечего. Напротив, если он попадёт в телевизор, то не иначе, как с домомучительницей.

Карлсон вздрогнул.

— Домомучительница и я в такой маленькой коробке?.. Ой, ой! Вот тут-то и произойдёт землетрясение в Нурланде! Как только тебе в голову взбрела такая дурацкая мысль?

Тогда Мальш рассказал ему о намерениях фрёкен Бок сделать для телевидения передачу о привидениях, да ещё такую, чтобы Фрида со стула упала.

— Разве домомучительница видела у вас привидения? — удивился Карлсон.

— Нет, видеть не видела, — сказал Малыш, — но слышала, как оно мычало перед окном. Понимаешь, она решила, что ты — привидение.

И Малыш стал объяснять, какая связь между Фридой, домомучительницей и Карлсоном, но он жестоко ошибся в своих расчётах.

Карлсон опустился на колени и немножко повёл от удовольствия, а кончив выть, хлопнул Малыша по спине:

— Береги домомучительницу! Она самая ценная мебель в вашем доме. Береги как зеницу ока! Потому что теперь мы и в самом деле сумеем позаботиться.

— А как? — с испугом спросил Малыш.

— О! — вопил Карлсон. — Не одна только Фрида упадёт со стула. Все телевизионные старики и вообще всё на свете бледнеет перед тем, что вы увидите!

Малыш встревожился ещё больше.

— Что же мы увидим?

— Маленькое привидение из Вазастана! — провозгласил Карлсон и загорланил: — Гоп, гоп, ура!

И тут Малыш сдвинулся. Он предостерег Карлсона, он честно пытался поступить так, как хотели папа и мама. Но теперь пусть будет так, как хочет Карлсон. Всё равно в конце концов всегда всё получается по его. Пусть Карлсон выкидывает любые штуки, изображает привидение и разыгрывает фрекен Бок сколько ему будет угодно. Малыш больше не собирается его останавливать. А приняв это решение, он подумал, что они и в самом деле смогут позаботиться на славу. Он вспомнил, как однажды Карлсон уже изображал привидение и прогнал воров, которые хотели украсть мамины деньги на хозяйство и всё столовое серебро. Карлсон тоже не забыл этого случая.

— Помнишь, как нам тогда было весело? — спросил он. — Да, кстати, где же мой привиденческий костюм?

Мальшугу пришлось сказать, что его взяла мама. Она очень сердилась тогда из-за испорченной простыни. Но потом она поставила заплатки и снова превратила привиденческий костюм в простыню.

Карлсон фыркнул от возмущения:

— Меня просто бесит эта любовь к порядку! В вашем доме ничего нельзя оставить. — Он сел на стул и надулся. — Нет, так дело не пойдёт, так я не играю. Можешь сам стать привидением, если хочешь.

Но он тут же вскочил со стула, подбежал к бельевому шкафу и распахнул дверцы:

— Здесь наверняка найдётся ещё какая-нибудь простынка.

И он вытащил было одну из лучших маминых льняных простынь, но Малыш остановил его:

— О нет, эту не надо! Положи её... Вот тут есть и старые, чинёные.

Карлсон скрчил недовольную мину:

— Старые, чинёные простыни! Я думал, маленькое привидение из Вазастана должно щеголять в нарядных воскресных одеждах. Впрочем... раз уж у вас такой дом... давай сюда эти лохмотья.

Малыш вынул две старенькие простыни и дал их Карлсону:

— Если ты их сошьёшь, то вполне может получиться одежда для привидения.

Карлсон угрюмо стоял с простынями в руках.

— Если я их сошью? Ты хочешь сказать, если ты их сошьёшь... Давай полетим ко мне, чтобы домохозяйка не застала нас врасплах!

Около часа Малыш сидел у Карлсона и шил костюм для привидения. В школе на уроках труда он научился шить разными стежками, но никто никогда не учил его, как из двух стареньких простынь сшить приличный костюм для привидения. Это ему пришлось продумать самому.

Он, правда, попытался было обратиться за помощью к Карлсону.

— Ты бы хоть скройл, — попросил Малыш.

Но Карлсон покачал головой.

— Уж если что кроить, то я охотнее всего раскройл бы твою маму! Да, да! Зачем это ей понадобилось загубить мой привиденческий костюм? Теперь ты должен шить мне новый. Это только справедливо. Ну, живей за дело и, пожалуйста, не ной!

Для пущей убедительности Карлсон добавил, что ему и некогда шить, потому что он намерен срочно нарисовать картину.

— Всегда надо всё бросать, если тебя посетило вдохновение, понимаешь, а меня оно сейчас посетило. «Ла, ла, ла», — поёт что-то во мне, и я знаю, что это вдохновение.

Мальш не знал, что это за штука такая — вдохновение. Но Карлсон объяснил ему, что вдохновение охватывает всех художников, и тогда им хочется только рисовать, рисовать и рисовать, вместо того чтобы шить одежды для привидения.

И Мальшу ничего не оставалось, как сесть на верстак, согнув спину и поджав ноги, словно заправский портной, и шить, в то время как Карлсон, забившись в угол, рисовал свою картину.

Уже совсем стемнело, но в комнате Карлсона было светло, тепло и уютно — горела керосиновая лампа, а в камине пылал огонь.

— Надеюсь, ты в школе не ленился на уроках труда, — сказал Карлсон. — Потому что я хочу получить красивый костюм для привидения. Учти это. Вокруг шеи можно бы сделать небольшой воротничок или даже оборки.

Мальш ничего не ответил. Он усердно шил, огонь в камине потрескивал, а Карлсон рисовал.

— А что ты, собственно говоря, рисуешь? — спросил Мальш, нарушая воцарившуюся тишину.

— Увидишь, когда всё будет готово, — ответил Карлсон.

Наконец Мальш смастерил какую-то одежду.

«Пожалуй, для привидения сойдёт», — подумал он. Карлсон померил и остался очень доволен. Он сделал несколько кругов по комнате, чтобы Мальш мог как следует оценить его костюм.

Мальш содрогнулся. Ему показалось, что Карл-

сон вѣглядит на рѣдкость тайнственно — совсѣм по-привидѣнчески.

Бѣдная фрѣкен Бок, она́ увидит такое привидѣние, которое хоть кого́ испугает!

— Домомучительница может тут же посылать за дяденьками из телевизора, — заявил Карлсон. — Потому что сейчас внизу появится малютка привидѣние из Вазастана — моторизованное, дикое, прекрасное и ужасно, ужасно опасное.

Карлсон снова облетѣл комнату и даже закудѣхтал от удовольствия. О своей картинѣ он и думать забыл. Мальчиш подошел к камину поглядѣть, что же

Карлсон нарисовал. Внизу было написано неровными буквами: «Портрет моего кролика». Но Карлсон нарисовал маленького красного зверька, скорее напоминающего лисицу.

— Разве это не лисица? — спросил Малыш.

Карлсон спланировал на пол и стал рядом с ним. Склонив голову набок, любовался он своей картиной.

— Да, конечно, это лисица. Без всякого сомнения это лисица, да к тому же сделанная лучшим в мире рисовальщиком лисиц.

— Да, но... Ведь здесь написано: «Портрет моего кролика»... Так где ж он, этот кролик?

— Она его съела, — сказал Карлсон.

ЗВОНОК КАРЛСОНА

На следующее утро Боссе и Бетан проснулись с какой-то странной сыпью по всему телу.

— Скарлатина, — сказала фрекен Бок.

То же самое сказал доктор, которого она вызвала.

— Скарлатина! Их надо немедленно отправить в больницу!

Потом доктор показал на Малыша:

— А его придется пока изолировать.

Услышав это, Малыш заплакал. Он вовсе не хотел, чтобы его изолировали. Правда, он не знал, что это такое, но самое слово звучало отвратительно.

— Балда, — сказал Боссе, — ведь это значит только, что ты пока не будешь ходить в школу и встречаться с другими детьми. Чтобы никого не заразить, понятно?

Бетан лежала и тоже плакала.

— Бедный Малыш, — сказала она, глотая слезы, — Как тебе будет тоскливо! Может, позвонить маме?

Но фрэкен Бок и слўшать об ётом не хотела.

— Ни в коём слўчае, — заявила она. — Фру Свантесон нуждается в покое и отдыхе. Не забывайте, что она тоже больна. Уж как-нибудь я с ним сама справлюсь.

При ётом она кивнула зарёванному Малышу, который стоял у кровати Бетан.

Но толком поговорить они так и не успели, потому что приехала карета «скорой помощи». Малыш плакал. Конечно, он иногда сердился на брата и сестру, но ведь он их так любил! И ему было очень грустно оттого, что Боссе и Бетан увозят в больницу.

— Привёт, Малыш, — сказал Боссе, когда санитары понесли его вниз.

— До свиданья, дорогой братик, не горюй! Ведь мы скоро вернёмся, — сказала Бетан.

Малыш разрыдался.

— Ты только так говоришь! А вдруг вы умрёте?

Фрэкен Бок накинулась на него. Как можно быть таким глупым! Да разве от скарлатины умирают!

Когда «скорая помощь» уехала, Малыш пошёл к себе в комнату. Ведь там был Бимбо. И Малыш взял щенка на руки.

— Теперь у меня остался только ты, — сказал Малыш и крепко прижал Бимбо к себе. — Ну, и конечно, Карлсон.

Бимбо прекрасно понял, что Малыш чем-то огорчён. Он лизнул его в нос, словно хотел сказать: «Да, я у тебя есть. Это точно. И Карлсон тоже!»

Малыш сидел и думал о том, как чудесно, что у него есть Бимбо. И всё же он так скучал по маме. И тут он вспомнил, что обещал ей написать письмо. И решил, не откладывая, сразу же за это взяться.

Дорогая мама,— начал он.— Похоже, что нашей семье пришёл конёц Боссе и Бетан больны какой-то тинной и их увезли в больницу а меня езолировали это совсем не болно но я конечно заболёу этой тинной а папа в Лондоне жив ли он тепёрь не знаю хотя пока не слышно что он заболёл но навёрно болен раз все наши больны я скучаю по тебе как ты себя чувствуешь ты очень больна или не очень разговаривать я могу только с Карлсоном но я стараюс говорить поменьше потому что ты будеш волноваться а тебе надо покой говорит домомучительница она не болна и Карлсон тоже но и они скоро заболёут
прощай мамочка будь здорова.

— Подробно я писать не буду,— объяснил Малыш Бимбо,— потому что не хочу её пугать.

Он подошёл к окну и позвонил Карлсону. Да, да, он в самом деле позвонил. Дело в том, что накануне вечером Карлсон сделал одну очень замысловатую штуку: он провёл звонок между своим домиком на крыше и комнатой Малыша.

— Привидение не должно появляться с бухты-баряхты,— сказал Карлсон.— Но теперь Карлсон подарил тебе лучший в мире звонок, и ты всегда сможешь позвонить и заказать привидение как раз в тот момент, когда домомучительница сидит в засаде и высматривает, не видно ли в темноте чего-нибудь ужасного. Вроде меня, например.

Звонок был устроен таким образом: под карнизом своего домика Карлсон прибил колокольчик — из тех, что подвязывают коровам,— а шнур от него протянул к окну Малыша.

— Ты дёргаешь за шнур,— объяснил Карлсон,— у меня навёрху звякает колокольчик, и тут же к вам прилетает малютка привидение из Вазаста-

на, и домомучительница падает в обморок. Колоссально, да?

Конечно, это было колоссально, Малыш тоже так думал. И не только из-за игры в привидение. Раньше ему подолгу приходилось ждать, пока не появится Карлсон. А теперь достаточно было дернуть за шнурок, и он тут как тут.

И вдруг Малыш почувствовал, что ему во что бы то ни стало надо поговорить с Карлсоном. Он дернул за шнурок раз, другой, третий... С крыши донеслось звяканье колокольчика. Вскоре послышалось жужжание моторчика, и Карлсон влетел в окно. Видно было, что он не выспался и что настроение у него прескверное.

— Ты, наверно, думаешь, что это не колокольчик, а будильник? — проворчал он.

— Прости, — сказал Малыш, — я не знал, что ты спишь.

— Вот и узнал бы прежде, чем будить. Сам небось дряхнешь, как сурок, и не можешь понять таких, как я, которым за ночь ни на минуту не удаётся сомкнуть глаз. И когда человек наконец хоть ненадолго забывается сном, он вправе ожидать, что друг будет оберегать его покой, а не трезвонить по чём зря, словно пожарная машина...

— Разве ты плохо спишь? — спросил Малыш.

Карлсон угрюмо кивнул.

— Представь себе, да.

«Как это печально», — подумал Малыш и сказал:

— Мне так жаль... У тебя в самом деле так плохо со сном?

— Хуже быть не может, — ответил Карлсон. — Собственно говоря, ночью я сплю беспробудно и перед обедом тоже, а вот после обеда дело обстоит из рук вон плохо, лежусь с открытыми глазами и ворочаюсь с боку на бок.

Карлсон умолк, бессонница, видно, его доконала, но мгновение спустя он с живым интересом принялся оглядывать комнату.

— Правда, если бы я получил небольшой подарочек, то, может, перестал бы огорчаться, что ты меня разбудил.

Мальш не хотел, чтобы Карлсон сердился, и стал искать, что бы ему подарить.

— Вот губная гармошка. Может, хочешь её?

Карлсон схватил гармошку:

— Я всегда мечтал о музыкальном инструменте, спасибо тебе за этот подарок... Ведь контрабаса у тебя, наверно, всё равно нет?

Он приложил гармошку к губам, издал несколько ужасающих трелей и посмотрел на Мальша сияющими глазами:

— Слышишь? Я сейчас сочиню песню, под названием «Плач малютки привидения».

Мальш подумал, что для дома, где все больны, подходит печальная мелодия, и рассказал Карлсону про скарлатину.

Но Карлсон возразил, что скарлатина — дело житейское и беспокоиться здесь равным счётом не о чем. Да и к тому же очень удачно, что болезнь отравила Боссе и Бетан в больницу именно в тот день, когда в доме появится привидение.

Едва он успел всё это сказать, как Мальш вздрогнул от испуга, потому что услышал за дверью шаг Фрекен Бок. Было ясно, что домочительница вот-вот окажется в его комнате. Карлсон тоже понял, что надо срочно действовать. Недолго думая он плюхнулся на пол и, словно колобок, покатился под кровать. Мальш в тот же миг сел на кровать и набросил на колени своё купальное полотенце, так что его край, спадая на пол, с грехом пополам скрывали Карлсона.

Тут дверь открылась, и в комнату вошла Фрэкен Бок с полови́й щёткой и совко́м в руках.

— Я хочу убраться твою комнату, — сказала она. — Пойди-ка пока на кухню.

Малыш так разволновался, что стал пунцовым.

— Не пойду, — заявил он. — Меня ведь изолировали, вот я и буду здесь сидеть.

Фрэкен Бок посмотрела на Малыша с раздражением.

— Погляди, что у тебя делается под кроватью, — сказала она.

Малы́ш разо́м вспоте́л... Неужели она́ уже обна-
ру́жила Ка́рлсона?

— Ничего́ у меня́ под кровати́ю нет...— проборо-
мота́л он.

— Ошиба́ешься,— оборвала́ его́ фре́кен Бок.—
Там скопи́лись це́лые го́ры пы́ли. Дай мне подмести́.
Марш отсю́да!

Но Малы́ш упёрся:

— А я всё равно́ бу́ду сиде́ть на кровати́, раз ме-
ня́ изоли́ровали!

Ворча́, фре́кен Бок начала́ подметáть друго́й ко-
не́ц комнаты́.

— Сиди́ себе́ на кровати́ ско́лько влезет, пока́ я
не дойду́ до неё, но пото́м тебе́ придётся уба́ряться
отсю́да и изоли́ровать себя́ где-нибудь ещё, упря́мый
мальчи́шка!

Малы́ш грыз но́гти и лома́л себе́ го́лову: что́ же
де́лать? Но вдруг он заёрзал на ме́сте и захихика́л,
потому́ что Ка́рлсон стал его́ щекота́ть под колёнка-
ми, а он так боя́лся щекóтки.

Фре́кен Бок вы́таращи́ла глаза́.

— Так-так, сме́йся, бессты́дник! Ма́ть, брат и
сестра́ тяжело́ больны́, а ему́ всё нипочём. Пра́вду
люди́ говоря́т: с глаз доло́й — из се́рдца вон!

А Ка́рлсон щекота́л Малы́ша всё сильне́е, и Ма-
лы́ш так хохота́л, что да́же повали́лся на кровати́.

— Нельзя́ ли узна́ть, что тебе́ так рассмеши́ло? —
хму́ро спроси́ла фре́кен Бок.

— Ха-ха-ха...— Малы́ш едва́ мог сло́во вы́мол-
вить.— Я вспо́мнил одну́ смешну́ю шту́ку.

Он весь напры́гся, си́лясь вспо́мнить хоть что́-ни-
будь смешно́е.

— ...Одна́жды бык гна́лся за ло́шадью, а ло́шадь
так перепуга́лась, что со стра́ху залезла на дере́во...
Вы не зна́ете э́того расска́за, фре́кен Бок?

Бо́ссе ча́сто расска́зывал э́ту исто́рию, но Малы́ш

никогда не смеялся, потому́ что ему́ всегда́ было́ очень жа́лко бе́дную ло́шадь, кото́рой пришло́сь лезть на де́рево.

Фре́кен Бок то́же не смея́лась.

— Не заговáривай мне зу́бы! Дура́цкие ро́сказни! Ви́данное ли де́ло, что́бы ло́шади лазили по де́рвьям?

— Ко́нечно, они́ не уме́ют, — согласи́лся Ма́лыш, повто́ряя сло́во в сло́во то, что говори́л Бо́ссе. — Но ведь за ней гна́лся разъя́ренный бык, так что́ же, че́рт возьми́, ей остава́лось де́лать?

Бо́ссе утвержда́л, что сло́во «че́рт» мо́жно произнести́, раз оно́ есть в расска́зе. Но фре́кен Бок так не счита́ла. Она́ с отвраще́нием посмотре́ла на Ма́лыша:

— Рассе́лся тут, хохо́чет, скверносло́вит, в то вре́мя как мать, сестра́ и брат лежа́т больные́ и му́чаются. Диву́ даёшься, что за...

Ма́лыш так и не узна́л, чему́ она́ диву́ даётся, потому́ что в э́тот миг раздала́сь пе́сня «Плач ма́лютки приви́дения» — всего́ лишь не́сколько ре́зких тре́лей, кото́рые зазвуча́ли из-под крова́ти, но и э́того бы́ло доста́точно, что́бы фре́кен Бок подско́чила на ме́сте.

— Бо́же пра́ведный, что э́то тако́е?

— Не зна́ю, — сказа́л Ма́лыш.

Зато́ фре́кен Бок зна́ла!

— Э́то зву́ки потусторо́нного ми́ра. Ясно́ как бо́жий де́нь.

— А что э́то значи́т «потусторо́нного ми́ра»? — спроси́л Ма́лыш.

— Ми́ра приви́дений, — сказа́ла фре́кен Бок. — В э́той ко́мнате нахо́димся то́лько мы с тобо́й, но ни́кто из нас не мог бы изда́ть такие́ стра́нные зву́ки. Э́то зву́ки не челове́ческие, э́то зву́ки приви́дений. Ра́зве ты не слы́шал?.. Э́то во́пли ду́ши, не наше́дшей покóя.

Она поглядѣла на Малышá широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Бóже праведный, тепѣрь я прóсто обязана написать в телевидение.

Фрѣкен Бок отшвырну́ла щѣтку и совóк, сѣла за письменный стол Малышá, взяла бума́гу, рúчку и приняла́сь писать.

Писала она́ дóлго и упóрно.

— Послу́шай-ка, что я написала,— сказа́ла она́, закончив письмо.— «Швѣдскому ра́дио и телевидению. Мой сестра́ Фри́да Бок выступала в ва́шем цýкле передач о дýхах и привидѣниях. Не дýмаю, чтобы э́та передача была́ хоро́шей, потому́ что Фри́де чу́дится всё, что ей хо́чется. Но, к сча́стью, всё всегда́ мóжно исправить, и э́ту передачу то́же. Потому́ что тепѣрь я сама́ живу́ в до́ме, битко́м набитом привидѣниями. Вот спи́сок мо́их встреч с дýхами:

1. Из на́шего кúхонного окна́ раздалóсь стра́нное мычáние, котóрое не могла́ издать коро́ва, поско́льку мы живѣм на четвёртом этажѣ. Значит, э́тот звук был прóсто похо́ж на мычáние.

2. Тайнственным óбразом исчеза́ют из-под са́мого нóса рáзные вѣщи, как-то: сдóбные плю́шки и ма́ленькие, запертые на замóк мальчи́ки.

3. Дверь оказыва́ется запертой снару́жи, в то вре́мя как я нахожýсь в ко́мнате,— ума́ не приложу́, как э́то происхо́дит!

4. На кúхонной стенѣ тайнственным óбразом появляются на́дписи.

5. Неожиданно разда́ются каки́е-то душераздира́ющие зву́ки, от котóрых хо́чется пла́кать.

Приезжайте сюда́ не отклады́вая, мóжет получи́ться такая́ передача, что все о ней бóдут говорить.

С глубóким ува́жением
Хильдур Бок.

И как это только вам могла прийти мысль пригласить Фриду выступать по телевидению?»

Фрэнкен Бок, исполненная рвения, тут же побежала отправить письмо. Малыш заглянул под кровать, чтобы выяснить, что же делает Карлсон. Он преспокойно лежал там, и глаза его сияли. Он был полз, веселый и довольный.

— Ого-го! — завопил он. — Дождёмся вечера. Когда стемнеет, у домомучительницы и в самом деле появится материальчик для письма на телевидение.

Малыш снова начал смеяться и нежно посмотрел на Карлсона.

— Оказывается, быть изолированным очень весело, если изолирован вместе с тобой, — сказал Малыш.

Тут он вспомнил о Кристере и Гунилле. Собственно говоря, он должен был бы огорчиться, что некоторое время не сможет с ними играть, как обычно.

«Неважно, — подумал Малыш. — Играть с Карлсоном всё равно веселее».

Но Карлсон тут заявил, что больше играть ему некогда. Он сказал, что ему надо срочно лететь домой, приделать к моторчику глушитель.

— Нельзя, чтобы привидение из Вазастана прилетело, громяхая, как железная бочка. Понимаешь? Привидение должно появиться беззвучно и тайно, как и положено привидению. Тогда у домомучительницы волосы встанут дыбом.

Потом Карлсон и Малыш договорились о тайной системе сигналов, которые будут передаваться с помощью звонков.

— Один звонок — это «Немедленно прилетай!», два звонка — «Ни в коем случае не прилетай!», а три звонка значит — «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человек, как ты, лучший в мире Карлсон!».

— А зачѣмъ мнѣ для э́того звонить? — удивился Малыш.

— А затѣмъ, что друзья́мъ надо говорить приятные и ободряющие вѣщи примѣрно кажды́е пять минутъ, а ты сам понима́ешь, что я не могу́ прилетать к тебѣ так ча́сто.

Малыш задумчиво поглядѣл на Ка́рлсона:

— Я ведь то́же твой друг, да? Но я не помню, что́бы ты говорил мнѣ что́-нибудь в э́том ро́де.

Ка́рлсон рассмеялся:

— Как ты мо́жешь срáвнивать? Да кто ты есть?.. Ты всего́-на́всего глупый мальчи́шка, и всё..

Малыш молча́л. Он знал, что Ка́рлсон прав.

— Но ты всё-таки любишь меня́?

— Конечно, люблю́, че́стное сло́во! — воскликнул Ка́рлсон. — Сам не знаю́ за что, хотя́ и лома́л го́лову над э́тим, когда лежа́л после́ обе́да и му́чился бессоницей. — Он потрепа́л Малыша́ по щеке́. — Конечно, я тебя́ люблю́, и я да́же дога́дываюсь почему́. Потому́, что ты так не похо́ж на меня́, бедный мальчуга́н!

Он вылетел в окно́ и на проща́ние помахал Малышу́.

— А е́сли ты о́пять начнёшь трезвонить, как пожа́рная маши́на, — крикнул он, — то э́то бу́дет знача́ть, что ли́бо и в са́мом де́ле пожа́р, ли́бо: «Я тебя́

сно́ва разбудил, доро́гой Ка́рлсон, лети́ скорее́ ко мне да прихвати́ с собо́й мешо́к побольше́, что́бы положи́ть в него́ мои́ игру́шки... Я тебе́ их да́рю!»

На э́том Ка́рлсон улетёл.

А Би́мбо лёг на́ пол перед Ма́лышом и приня́лся эне́ргично сту́чать хвостом по ко́вру. Щено́к так де́лал всегда́, когда́ хоте́л показат́, что он чему́-то о́чень рад и про́сит уде́лить ему́ небольшо́го внима́ния. Ма́лыш улёгся на́ пол ря́дом с ним. Тогда́ Би́мбо вскочи́л и да́же заты́вквал от удо́вольствия. Потом́ он уткну́лся в плечо́ Ма́лыша́ и закры́л глаза́.

— Ты ра́дуешься, что меня́ изоли́ровали, что я не хо́жу в шко́лу, а си́жу до́ма? — спроси́л Ма́лыш. — Ты, Би́мбо, наве́рно, ду́маешь, что я са́мый лу́чший в ми́ре...

МАЛЮТКА ПРИВИДЕНИЕ ИЗ ВАЗАСТАНА

День для Ма́лыша́ тяну́лся беско́нечно до́лго, он провёл его́ совсе́м о́дин и никаќ не мог дожда́ться в́счера.

«Похо́же на соче́льник», — подумал он.

Он игра́л с Би́мбо, вози́лся с ма́рками и да́же небольшо́го позанима́лся арифме́тикой, что́бы не отста́ть от ребя́т в кла́ссе. А когда́ Кри́стер до́лжен был, по его́ расчётам, верну́ться из шко́лы, он позвони́л ему́ по телефо́ну и рассказа́л о ска́рлатине.

— Я не могу́ ходи́ть в шко́лу, потому́ что меня́ изоли́ровали, понима́ешь?

Э́то звуча́ло о́чень зама́нчиво — так счита́л сам Ма́лыш, и Кри́стер, ви́дно, то́же так счита́л, потому́ что он да́же не сразу́ нашёлся что отве́тить.

— Расскажи́ э́то Гуни́лле, — доба́вил Ма́лыш.

— А тебе́ не ску́чно? — спроси́л Кри́стер, когда́ к нему́ верну́лся дар ре́чи.

— Ну что ты! У меня ведь есть... — начал Малыш, но тут же осёкся.

Он хотел было сказать: «Карлсон», но не сделал этого из-за папы. Правда, прошлой весной Кристер и Гунилла несколько раз видели Карлсона, но это было до того, как папа сказал, что о нём нельзя говорить ни с кем на свете.

«Может быть, Кристер и Гунилла давно о нём забыли, вот бы хорошо! — думал Малыш. — Тогда он стал бы моим личным тайным Карлсоном». И Малыш поторопился попроситься с Кристером.

— Привёт, мне сейчас некогда с тобой разговаривать, — сказал он.

Обедать вдвоём с фрёкен Бок было совсем скучно, но зато она приготовила очень вкусные тёфтели. Малыш уплетал за двоих. На сладкое он получил яблочную запеканку с ванильным соусом. И он подумал, что фрёкен Бок, может быть, не так уж плоха.

«Лучшее, что есть в домохозяйнице, — это яблочная запеканка, а лучшее в яблочной запеканке — это ванильный соус, а лучшее в ванильном соусе — это то, что я его ем», — думал Малыш.

И всё же это был невесёлый обед, потому что столько мест за столом пустовало. Малыш скучал по маме, по папе, по Боссе и по Бетан — по всем вместе и по каждому отдельно. Нет, обед был совсем невесёлый, к тому же фрёкен Бок без умолку болтала о Фриде, которая уже успела изрядно надоест Малышу.

Но вот наступил вечер. Была ведь осень, и темно рано. Малыш стоял у окна своей комнаты, бледный от волнения, и глядел на звёзды, мерцавшие над крышами. Он ждал. Это было хуже, чем сочельник. В сочельник тоже устаёшь ждать, но разве это может сравниться с ожиданием прилёта маленького привидения из Вазастана!.. Куда там! Малыш в не-

терпении грыз ногти. Он знал, что там, наверху, Карлсон тоже ждёт. Фрэнкен Бок уже давно сидела на кухне, опустив ноги в таз с водой, — она всегда по долгу принимает ножные ванны. Но потом она придёт к Малышу пожелать ему спокойной ночи, это она обещала. Вот тут-то и надо подать сигнал. И тогда — о боже праведный, как всегда говорила Фрэнкен Бок, — о боже праведный, до чего же это было захватывающе!

— Если её ещё долго не будет, я лопну от нетерпения, — пробормотал Малыш.

Но вот она появилась. Прежде всего Малыш увидел в дверях её большие, чисто вымытые босые ноги. Малыш затрепетал, как пойманная рыбка, так он испугался, хотя ждал её и знал, что она сейчас придёт.

Фрэнкен Бок мрачно поглядела на него.

— Почему ты стоишь в пижаме у открытого окна? Немедленно марш в постель!

— Я... я глядел на звёзды, — пробормотал Малыш. — А вы, Фрэнкен Бок, не хотите на них взглянуть?

Это он так схитрил, чтобы заставить её подойти к окну, а сам тут же незамётно сунул руку под занавёску, за которой был спрятан шнур, и дернул его изо всех сил. Он услышал, как на крыше зазвенел колокольчик. Фрэнкен Бок это тоже услышала.

— Где-то там, наверху, звенит колокольчик, — сказала она. — Как странно!

— Да, странно! — согласился Малыш.

Но тут у него прямо дух захватило, потому что от крыши вдруг отделилось и медленно полетело по тёмному небу небольшое, белое, круглое привидение. Его полёт сопровождался тихой и печальной музыкой. Да, ошибки быть не могло, заунывные звуки «Плача малютки привидения» огласили тёмную, осеннюю ночь.

— Вот... О, гляди́, гляди́... Бо́же праведный! — восклицнула фрёкен Бок.

Она побелела как полотно́, но́ги у неё подогну́лись, и она плюхнулась на стул. А ещё уверяла, что не боится привидений!

Малы́ш попытался её успокоить.

— Да, тепе́рь я то́же начинаю ве́рить в привиде́ния, — сказа́л он. — Но ведь это такое ма́ленькое, оно́ не мо́жет быть опа́сным!

Одна́ко фрёкен Бок не слу́шала Малы́ша. Её обезу́мевший взгляд был прико́ван к окну́ — она́ следила за причудливым полётом привиде́ния.

— Уберите его́! Уберите! — шептала она́, задыхаясь.

Но ма́ленькое привиде́ние из Вазаста́на нельзя́ было уба́ть. Оно́ кружи́ло в но́чи, удаля́лось, вновь приближа́лось, то взмыва́я ввысь, то спуска́ясь пони́же, и вре́мя от вре́мени де́лало в во́здухе небольшо́й кульби́т. А печальны́е зву́ки не смолка́ли ни на мгнове́ние.

«Ма́ленькое бе́лое привиде́ние, те́мное зве́здное не́бо, печальна́я му́зыка — до чего́ всё это краси́во и интере́сно!» — ду́мал Малы́ш.

Но фрёкен Бок так не счита́ла. Она́ вцепи́лась в Малы́ша:

— Скорее́ в спáльню, мы там спря́чемся!

В кварти́ре семьи́ Сва́нтесон бы́ло пять ко́мнат, ку́хня, ва́нная и пере́дняя. У Бо́ссе, у Бе́тан и у Малы́ша бы́ли свои́ ко́мнатки, ма́ма и па́па спáли в спáльне, а кро́ме того́, была́ столова́я, где они́ собира́лись все вме́сте. Тепе́рь, когда́ ма́ма и па́па были́ в отъезде́, фрёкен Бок спала́ в их ко́мнате. Окно́ её выходило́ в сад, а окно́ ко́мнаты Малы́ша — на у́лицу.

— Пошли́, — шептала фрёкен Бок, всё ещё задыхаясь, — пошли́ скорее́, мы спря́чемся в спáльне.

Малыш сопротивлялся: нельзя же допустить, чтобы всё сорвалось теперь, после такого удачного начала! Но фрёкен Бок упрямо стояла на своём:

— Ну, живей, а то я сейчас упаду в обморок!

И как Малыш ни сопротивлялся, ему пришлось тащиться в спальню. Окно и там было открыто, но фрёкен Бок кинулась к нему и с грохотом его запахнула. Потом она опустила шторы, задёрнула занавёски, а дверь попыталась забаррикадировать мебелью. Было ясно, что у неё пропала всякая охота иметь дело с привидением, а ведь ещё совсем недавно она ни о чём другом не мечтала.

Малыш никак не мог этого понять, он сел на папину кровать, поглядел на перепуганную фрёкен Бок и покачал головой.

— А Фрида, наверно, не такая трусиха, — сказал он наконец.

Но сейчас фрёкен Бок и слышать не хотела о Фриде. Она продолжала придвигать всю мебель к двери — за комодом последовали стол, стулья и этажерка. Перед столом образовалась уже настоящая баррикада.

— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны, — сказала фрёкен Бок с удовлетворением.

Но тут из-под лапиной кровати раздался глухой голос, в котором звучало ещё больше удовлетворения:

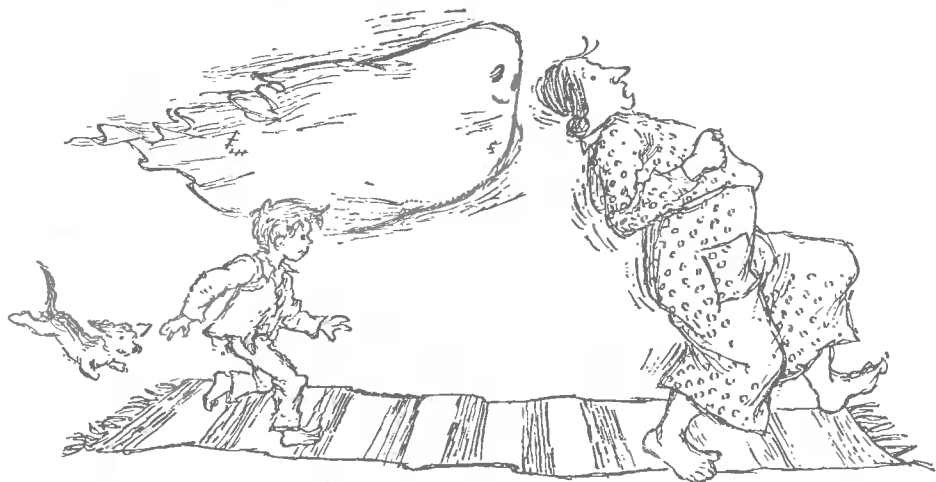
— Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны! Мы заперты на ночь.

И маленькое привидение стремительно, со свистом вылетело из-под кровати.

— Помогите! — завопила фрёкен Бок. — Помогите!

— Что случилось? — спросило привидение. — Мебель сами двигаете, да неужели помочь некому?

И привидение разразилось долгим глухим сме-

хом. Но фрёкен Бок было не до смеха. Она кинулась к двери и стала расшвыривать мебель. В мгновение ока разобрав баррикаду, она с громким криком побежала в переднюю.

Привидение полетело следом, а Малыш побежал за ним. Последним мчался Бимбо и залиvisto лаял. Он узнал привидение по запаху и думал, что началась веселая игра. Привидение, впрочем, тоже так думало.

— Гей, гей! — кричало оно, летая вокруг головы фрёкен Бок и едва не касаясь её ушей.

Но потом оно немного поотстало, чтобы получилась настоящая погоня. Так они носились по всей квартире — впереди скакала фрёкен Бок, а за ней мчалось привидение: в кухню и из кухни, в столовую и из столовой, в комнату Малыша и из комнаты Малыша, и снова в кухню, большую комнату, комнату Малыша, и снова, и снова...

Фрёкен Бок всё время вопила так, что в конце концов привидение даже попыталось её успокоить:

— Ну, ну, ну, не реви! Тепёрь-то уж мы повеселимся всласть!

Но все эти утешения не возымели никакого действия. Фрёкен Бок продолжала голосить и метаться по кухне. А там всё ещё стоял на полу таз с водой, в котором она мыла ноги. Привидение преследовало её по пятам. «Гей, гей», — так и звенело в ушах; в конце концов фрёкен Бок споткнулась о таз и с грохотом упала. При этом она издала вопль, похожий на вой сирены, но тут привидение просто возмутилось:

— Как тебе только не стыдно! Орёшь как маленькая. Ты насмерть перепугала меня и соседей. Будь осторожней, не то сюда нагрянет полиция!

Весь пол был залит водой, а посреди огромной лужи барахталась фрёкен Бок. Не пытаясь даже встать на ноги, она удивительно быстро поползла из кухни.

Привидение не могло отказать себе в удовольствии сделать несколько прыжков в тазу — ведь там уже почти не было воды.

— Подумаешь, стены чуть-чуть забрызгали, — сказала привидение Малышу. — Все люди, как првило, спотыкаются о тазы, так чего же она вóет?

Привидение сделало последний прыжок и снова кинулось за фрёкен Бок. Но её что-то нигде не было видно. Зато на паркете в передней темнели отпечатки ступней.

— Домомучительница сбежала! — воскликнуло привидение. — Но вот её мокрые следы. Сейчас увидим, куда они ведут. Угадай, кто лучший в мире следопыт!

Следы вели в ванную комнату. Фрёкен Бок заперлась там, и в прихожую доносился её торжествующий смех.

Привидение постучало в дверь ванной:

— Открой. Слышишь, немедленно открой!

Но за дверью раздавался только громкий, ликующий хохот.

— Открой! А то я не играю! — крикнуло привидение.

Фрёкен Бок замолчала, но двери не открыла. Тогда привидение обернулось к Малышу, который всё ещё не мог отдышаться.

— Скажи ей, чтоб она открыла! Какой же интерес играть, если она будет так себя вести!

Малыш робко постучал в дверь.

— Это я, — сказал он. — Долго ли вы, фрёкен Бок, собираетесь просидеть здесь взаперти?

— Всю ночь, — ответила фрёкен Бок. — Я постелила себе в ванне все полотенца, чтобы там спать.

Тут привидение заговорило по-другому:

— Стелй! Пожалуйста, стелй! Делай всё так, чтобы испортить нам удовольствие, чтобы расстроить нашу игру! Но угадай-ка, кто в таком случае немедленно отправится к Фриде, чтобы дать ей материал для новой передачи?

В ванной комнате долго царил молчание. Видно, фрёкен Бок обдумывала эту ужасную угрозу. Но в конце концов она сказала жалким, умоляющим тоном:

— Нет-нет, пожалуйста, не делай этого!.. Этого я не вынесу.

— Тогда выходи! — сказала привидение. — Не то привидение тут же улетит на Фрейгатен. И твоя сестра Фрида будет снова сидеть в телевизоре, это уж точно!

Слы́шно было, как фре́кен Бок не́сколько раз тяжело́ вздохну́ла. Нако́нec она́ позвала́:

— Ма́лыш! Приложи́ у́хо к замо́чной сква́жине, я хочу́ тебе́ кое-что́ шепну́ть по се́крету́.

Ма́лыш сде́лал, как она́ проси́ла.

Он приложи́л у́хо к замо́чной сква́жине, и фре́кен Бок прошепта́ла ему́:

— Пони́маешь, я ду́мала, что не бою́сь приви́дений, а оказа́лось, что бою́сь. Но ты́-то хра́брый! Мо́жет, попроси́шь, что́бы э́то приви́дение сейча́с исче́зло и яви́лось в друго́й раз? Я хочу́ к нему́ немно́го приви́кнуть. Но гла́вное, что́бы оно́ не посети́ло за э́то вре́мя Фри́ду! Пусть оно́ покляне́тся, что не отпра́вится на Фрейга́тен!

— Постара́юсь, но не зна́ю, что полу́чится,— сказа́л Ма́лыш и оберну́лся, что́бы нача́ть перегово́ры с приви́дением.

Но его́ и след про́стыл.

— Его́ не́ту! — крикну́л Ма́лыш.— Оно́ улетело́ к себе́ домо́й. Выходи́те.

Но фре́кен Бок не реша́лась вы́йти из ва́нной, пока́ Ма́лыш не обоше́л всю кварта́ру и не убеди́лся, что приви́дения ни́где нет.

Пото́м фре́кен Бок, дрожа́ от стра́ха, ещё́ до́лго сидела́ в ко́мнате Ма́лыша́. Но посте́пенно она́ при́шла в себя́ и собра́лась с мы́слями.

— О, э́то было́ ужа́сно...— сказа́ла она́.— Но поду́май, кака́я передача́ для телеви́дения могла́ бы из э́того полу́читься! Фри́да в жи́зни не ви́дела ниче́го похо́жего!

Она́ ра́довалась, как ребёнок. Но вре́мя от вре́мени вспоми́нала, как за ней по пя́там гнало́сь приви́дение, и содрога́лась от ужа́са.

— В о́бщем, хва́тит с меня́ приви́дений,— реши́ла она́ в конце́ концо́в.— Я была́ бы ра́да, е́сли б судьба́ изба́вила меня́ от подо́бных встре́ч.

Едва она успела это сказать, как из шкафа Малыша послышалось что-то вроде мычания. И этого было достаточно, чтобы Фрэнкен Бок вновь завопил:

— Слышишь? Клянусь, привидение притаилось у нас в шкафу! Ой, я, кажется, сейчас умру...

Малышу стало её очень жаль, но он не знал, что сказать, чтобы её утешить.

— Да нет...— начал он после некоторого раздумья,— это вовсе не привидение... Это... это считайте, что это телёночек. Да, будем надеяться, что это телёночек.

Но тут из шкафа раздался голос:

— Телёночек! Этого ещё не хватало! Не выйдет! И не надейтесь!

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда выпорхнуло малютка привидение из Вазастана, одетое в белые одежды, которые Малыш сшил своими собственными руками. Глухо и таинственно вздыхая, оно взмыло к потолку и закружилось вокруг люстры.

— Гей, гей, я не телёнок, а самое опасное в мире привидение!

Фрэнкен Бок кричала. Привидение описывало круги, оно порхало всё быстрее и быстрее, всё ужасней и ужасней вопила Фрэнкен Бок, и всё стремительней, в диком вихре, кружилось привидение.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Изогряясь в сложных фигурах, привидение сделало чересчур маленький круг, и его одежды зацепились за люстру.

Хлоп! — старенькие простыни тут же поползли, спали с Карлсона и повисли на люстре, а вокруг неё летал Карлсон в своих обычных синих штанах, клетчатой рубашке и полосатых носках. Он был до того увлечён игрой, что даже не заметил, что с ним случилось. Он летал себе и летал, вздыхал и стонал по-привиденчески пуще прежнего. Но, завершая оче-

редной круг, он вдруг заметил, что на люстре что-то висит и развевается от колебания воздуха, когда он пролетает мимо.

— Что это за лоскут вы повесили на лампу? — спросил он. — От мух, что ли?

Мальш только жалобно вздохнул:

— Нет, Карлсон, не от мух...

Тогда Карлсон поглядел на своё упитанное тело, увидел синие штанишки и понял, какая случилась беда, понял, что он уже не малютка-привидение из Вазастана, а просто Карлсон.

Он неуклюже приземлился возле Малыша; вид у него был несколько сконфуженный.

— Ну да, — сказал он, — неудача может сорвать даже самые лучшие замыслы. Сейчас мы в этом убедились... Ничего не скажешь, это дело житейское!

Фрекен Бок, бледная как мел, уставилась на Карлсона. Она судорожно глотала воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Но в конце концов она всё же выдавила из себя несколько слов:

— Кто... кто... боже праведный, а это ещё кто?

И Малыш сказал, едва сдерживая слёзы:

— Это Карлсон, который живёт на крыше.

— Кто это? Кто этот Карлсон, который живёт на крыше? — задыхаясь, спросила Фрекен Бок.

Карлсон поклонился:

— Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Представьте себе, это я.

КАРЛСОН НЕ ПРИВИДЕНИЕ, А ПРОСТО КАРЛСОН

Этот вечер Малыш запомнит на всю жизнь. Фрекен Бок сидела на стуле и плакала, а Карлсон стоял в сторонке, и вид у него был смущённый. Никто ничего не говорил, все чувствовали себя несчастными.

«Да, от такой жизни и вправду посидеешь раньше времени», — подумал Малыш, потому что мама часто так говорила. Это бывало, когда Боссе приносил домой сразу три двойки, или когда Бетан ныла, выпрашивая новую кожаную курточку на меху как раз в те дни, когда папа вносил деньги за телевизор, купленный в рассрочку, или когда Малыш разбивал в школе окно и родителям надо было платить за огромное стекло. Вот в этих случаях мама обычно вздыхала и говорила:

«Да, от такой жизни и вправду посидеешь раньше времени!»

Именно такое чувство овладело сейчас Малышом. Ух, до чего же всё нескладно вышло! Фрекен Бок безутешно рыдала, слёзы катились градом. И из-за чего? Только из-за того, что Карлсон оказался не привидением.

— Подумать только! Эта телевизионная передача была уже у меня в кармане, — всхлипывая, сказала фрекен Бок и злобно поглядела на Карлсона. — А я-то, дура, специально ходила к себе домой и рассказала всё Фриде...

Она закрыла лицо руками, громко зарыдала, и никто не расслышал, что же она сказала Фриде.

— Но я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, — сказал Карлсон, пытаясь хоть чем-то её утешить. — И меня можно показывать в этом ящике...

Фрекен Бок поглядела на Карлсона и злобно зашипела:

— «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина!» Да таких на телевидении хоть пруд пруди, с этим к ним и соваться нечего.

И она снова поглядела на Карлсона сердито и недоверчиво... А ведь этот маленький толстый мальчишка и впрямь похож на мужчину...

— Кто он, собственно говоря, такой? — спросила она́ Малы́ша.

И Малы́ш отве́тил и́стинную пра́вду:

— Мой това́рищ, мы с ним игра́ем.

— Это я и без тебя́ зна́ю, — отрёзала фрёкен Бок и снова заплакала.

Малы́ш был удивлён: ведь па́па и ма́ма вообрази́ли, что у них начнётся кошма́рная жизнь, е́сли то́лько кто́-нибудь узнаёт о существова́нии Ка́рлсона, что все тут же захотят его́ уви́деть и его́ бу́дут показывать по телеви́дению; но вот тепе́рь, когда́ наконец его́ уви́дала посторонняя же́нщина, она́ льёт слёзы и уверяет, что раз Ка́рлсон не приви́дение, он не представля́ет ника́кого интере́са. А что на спине́ у него́ пропе́ллер и что он уме́ет лета́ть — на э́то ей, ви́дно, наплева́ть. А тут как раз Ка́рлсон подня́лся к потоло́ку и приня́лся снима́ть с абажу́ра свои́ приви́денческие оде́жды, но фрёкен Бок посмотре́ла на него́ уже́ совсе́м свире́пым гла́зом и сказа́ла:

— Подума́ешь, пропе́ллер, кно́пка... а что же ещё мо́жет быть у мальчи́шки в на́ше-то вре́мя! Ско́ро они́ бу́дут лета́ть на Луну́, не нача́в ходи́ть в шко́лу!

Домомучи́тельница по-пре́жнему сидела́ на сту́ле и накаля́лась всё бо́льше и бо́льше. Она́ вдруг поняла́, кто стащи́л плю́шки, кто мыча́л у окна́ и кто пи́сал на стене́ в ку́хне. Это же на́до додума́ться — да́рить де́тям такие́ игру́шки, что́бы они́ лета́ли куда́ им заблагорассуди́тся и так бессты́дно издева́лись над ста́рыми людьми́. А все та́инственные исто́рии с приви́дениями, о кото́рых она́ пи́сала в шве́дское телеви́дение, оказа́лись проказа́ми сорванца́. Нет, она́ не наме́рена терпе́ть здесь э́того негодного ма́ленького толстя́ка.

— Немедле́нно отпра́вляйся домо́й, слы́шишь!.. Как тебя́ звать-то?

— Карлсон! — отвѣтил Карлсон.

— Это я знаю, — сердито сказала фрёкен Бок. — Но у тебя, кроме фамилии, надо думать, и имя есть?

— Меня зовут Карлсон, и всё!

— Ой, не зли меня, не то я совсѣм рассержусь, я и так ужѣ на последнем предѣле, — буркнула фрёкен Бок. — Имя — это то, как тебя зовут дома, понимаешь? Ну, как тебя кличет папа, когда пора идти спать?

— Хулиган, — отвѣтил Карлсон с улыбкой.

Фрёкен Бок с удовлетворением кивнула:

— Точно сказано! Лучше и не придумать!

Карлсон с ней согласился:

— Да, да, в дѣтстве мы все ужасно хулиганили. Но это было так давно, теперь я самый послушный в мире!

Но фрёкен Бок больше не слѣшала его. Она сидѣла молча, глубоко задумавшись, и, видимо, начинала постепенно успокаиваться.

— Да, — сказала она наконец, — один человек будет от всего этого на седьмом небе.

— Кто? — спросил Мальш.

— Фрида, — горько отвѣтила фрёкен Бок. Потом, глубоко вздохнув, она направилась на кухню, чтобы вытереть пол и унести таз.

Карлсон и Мальш были рады, что остались одни.

— И чего это люди волнуются по пустякам? — сказал Карлсон и пожал плечами. — Я ведь ей ничего плохого не сделал.

— Ну да, — неуверенно согласился Мальш. — Только понизводил её немножко. Зато теперь мы станем самыми послушными.

Карлсон тоже так думал.

— Конечно, станем. Но я хочу немного позабавиться, а то не буду играть!

Малыш напряжённо выдумывал какое-нибудь забавное занятие для Карлсона. Но он зря старался, потому что Карлсон всё придумал сам и вдруг ни с того ни с сего кинулся к шкафу Малыша.

— Погоди! — крикнул он. — Когда я был привидением, я видел там одну толковую штуку!

Он вернулся с маленькой мышеловкой. Малыш нашёл её в деревне у бабушки и привёз в город.

«Я хочу поймать мышку и приручить её, чтобы она у меня осталась жить», — объяснил Малыш маме. Но мама сказала, что в городских квартирах мыши, к счастью, не водятся, у них, во всяком случае, мышёй точно нет.

Малыш пересказал всё это Карлсону, но Карлсон возразил:

— Мыши заводятся незаметно. Твоя мама только обрадуется, если вдруг, откуда ни возьмись, в доме появится маленькая нежданная мышка.

Он объяснил Малышу, как было бы хорошо, если бы они поймали эту нежданную мышку. Ведь Карлсон мог бы держать её у себя наверху, а когда у неё народятся мышата, можно будет устроить настоящую мышиную ферму.

— И тогда я помещу в газете объявление, — заключил Карлсон. — «Кому нужны мыши, обращайтесь в мышиную ферму Карлсона».

— Ага! И тогда можно будет расплодить мышёй во всех городских домах! — радостно подхватил Малыш и объяснил Карлсону, как заряжают мышеловку. — Только в неё надо обязательно положить кусочек сыру или шкурку от свиного сала, а то мышёй не придёт.

Карлсон полез в карман и вытащил оттуда маленький огрызок шпика.

— Как хорошо, что я его сберёг. После обеда я всё собираюсь кинуть его в помойное ведро.

Он зарядил мышелóвку и поставил её под кровать Малыша́.

— Тепéрь мышь мóжет прийти́ когда́ захóчет.

Онí совсём забыли про фрéкен Бок. Но вдруг услышали какой-то шум на кúхне.

— Похо́же, что она́ готóвит еду́,— сказа́л Ка́рлсон.— Она́ грохóчет сковоро́дками.

Так оно́ и бы́ло, потому́ что из кúхни донёсся сла́бый, но чару́ющий запах жа́рящихся тефте́лей.

— Она́ обжа́ривает тефте́ли, оста́вшиеся от обе́да,— объясни́л Малыш.— Ой, до чего́ же есть хо́чется!

Ка́рлсон со всех ног кину́лся к две́ри.

— Вперёд, на кúхню! — крикну́л он.

Малыш подумал, что Ка́рлсон и в са́мом деле храбре́ц, е́сли он отва́жился на тако́й шаг. Быть тру́сом Малышу́ не хоте́лось, и он то́же нерешительно поплёлся на кúхню.

— Гей, гей, мы, я ви́жу, пришли́ как раз кста́ти. Нас ждёт скромный у́жин,— сказа́л Ка́рлсон.

Фре́кен Бок стояла у плиты́ и перевора́чивала тефте́ли, но, уви́дев Ка́рлсона, она́ бросила сковоро́дку и двину́лась на него́. Вид у неё был угрожа́ющий.

— Убира́йся! — крикну́ла она́.— Убира́йся отсю́да неме́ленно!

У Ка́рлсона дро́гнули губы́, и он наду́лся.

— Так я не игра́ю! Так я не игра́ю! Так себя́ не ве́дут! Я то́же хочу́ съесть не́сколько тефтеле́к. Ра́зве ты не понима́ешь, что, когда́ це́лый ве́чер игра́ешь в приви́дение, просыпа́ется зве́рский аппети́т?

Он сде́лал шаг к плитё и взял со сковоро́дки одну́ тефтеле́чку. Вот э́того ему́ не сле́довало де́лать. Фре́кен Бок взре́вела от бе́шенства и кину́лась на Ка́рлсона, схвати́ла его́ за ши́ворот и вытолкну́ла за дверь.

— Убирайся! — кричала она. — Убирайся домой и носа сюда больше не показывай!

Мальш был просто в отчаянии.

— Ну, чего вы, фрёкен Бок, так злитесь? — сказал он со слезами в голосе. — Карлсон мой товарищ, разве можно его прогонять?

Больше он ничего не успел сказать, потому что дверь кухни распахнулась и ворвался Карлсон, тоже злой как черт.

— Так я не играю! — кричал он. — Нет, так я не играю! Выставлять меня с черного хода!.. Не выйдет!

Он подлетел к фрёкен Бок и топнул ногой об пол.

— Подумать только, с черного хода!.. Я хочу, чтобы меня выставили с парадного, как приличного человека!

Фрёкен Бок снова схватила Карлсона за шиворот.

— С парадного? Охотно! — воскликнула она, потащила Карлсона через всю квартиру и вытолкнула его через парадный ход, не обращая никакого внимания на слезы и гневные вопли бегущего за ней Малыша. Так Карлсон добился своего.

— Ну вот, теперь с тобой обошлись достаточно благородно? — осведомилась фрёкен Бок.

— Достаточно, — подтвердил Карлсон, и тогда фрёкен Бок захлопнула за ним дверь с таким грохотом, что было слышно во всем доме.

— Ну наконец-то, — сказала она и пошла на кухню.

Мальш бежал за ней, он очень сердился:

— Ой! До чего вы, фрёкен Бок, злая и несправедливая! Карлсон имеет право быть на кухне!

Он там и был! Он стоял у плиты и ел тефтели.

— Да, да, меня надо было выставить через парадную дверь, чтобы я смог вернуться с черного хода и съесть несколько превосходных тефтелей, — объяснил он.

Тогда фрёкен Бок схвати́ла Ка́рлсона за ши́ворот и в тре́тий раз вытолкнула за дверь, тепе́рь ои́ять с че́рного хода.

— Просто удивительно, — возму́щалась она́, — ника́кого с ним сла́ду нет!.. Но я сейча́с запру́ двéри, и он всё же оста́нется с носом.

— Это мы ещё посмо́трим, — споко́йно сказа́л Ка́рлсон.

Фрёкен Бок захло́пнула дверь и прове́рила, защёлкнулся ли замо́к.

— Тыфу, до чего́ же вы злая́, фрёкен Бок, — не унима́лся Ма́лыш.

Но она́ не обраща́ла ника́кого внима́ния на его́ слова́. Она́ бы́стро подошла́ к плитё, на кото́рой так аппети́тно румянились тефте́ли.

— Мо́жет, и мне наконё́ц-то уда́тся съесть хоть одну́ тефте́лку по́сле всего́ того́, что пришло́сь пере́жить в э́тот ве́чер, — сказа́ла она́.

Но тут из откры́того окна́ разда́лся го́лос:

— Эй! Хозя́ева до́ма? Не найдётся ли у вас двух-тре́х тефте́лек?

На подоконнике сидёл дово́льный Ка́рлсон и ши́роко улыба́лся. Уви́дев его́, Ма́лыш не смог удержáться от сме́ха.

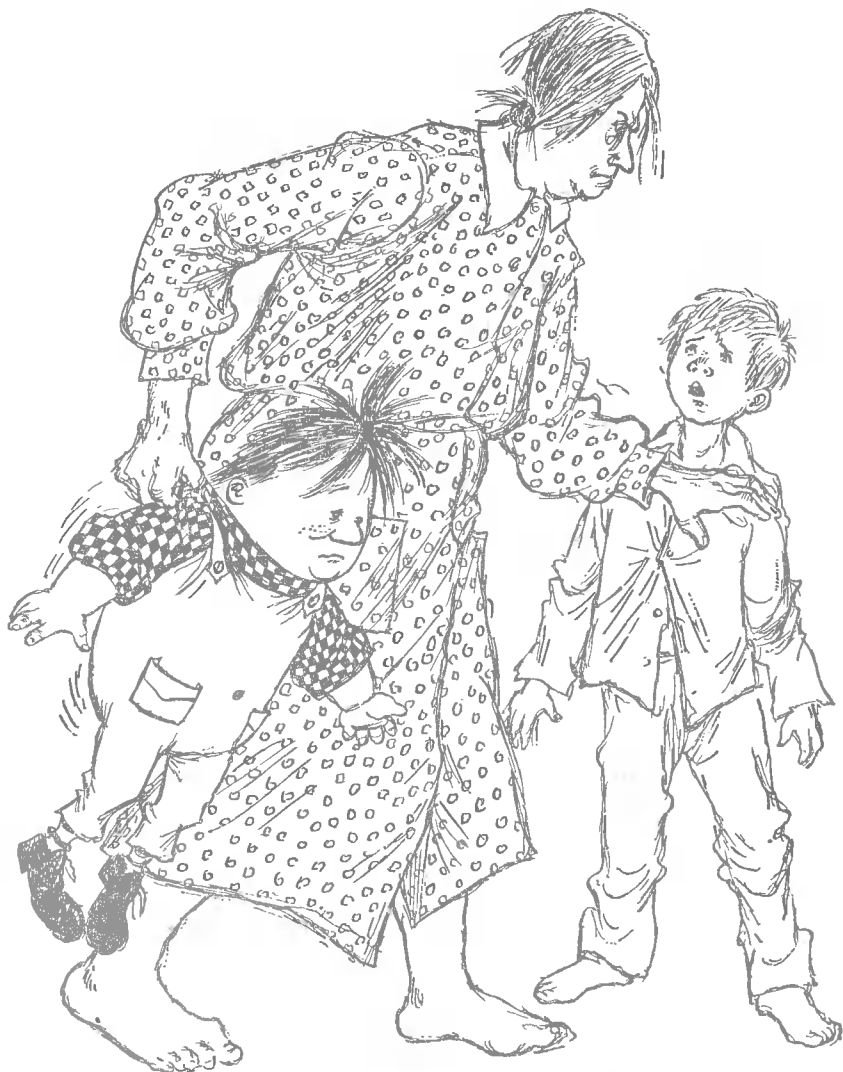
— Ты прилетёл сюда́ с балкóнчика?

Ка́рлсон кивну́л:

— То́чно. И вот я ои́ять с ва́ми! Вы, конечно́, мне ра́ды... о́собенно ты, же́нщина, сто́ящая у плиты́!

Фрёкен Бок держа́ла в руке́ тефте́лку — она́ как раз собира́лась сунуть её в рот, но при ви́де Ка́рлсона засты́ла, уста́вившись на него́.

— Ни́когда́ в жи́зни не ви́дел тако́й прожо́рливой о́собы, — сказа́л Ка́рлсон и, сде́лав большо́й круг над плитой, схвати́л на лету́ не́сколько тефте́лей и бы́стро сунул их в рот. Потóм он стремительно́ взмы́л к са́мому пого́лку.

Но тут фрёкен Бок как с цели сорвалась. Она заорала не своим голосом, схватила выбивалку для ковров и, размахивая ею, погналась за Карлсоном:

— Ах ты озорник! Да что же это такое! Неужели мне так и не удастся тебя выгнать?

Карлсон, ликуя, кружил вокруг лампы.

— Гей, гей, вот теперь-то мы позабудемся на славу! — крикнул он. — Так весело мне не было с тех пор, как папочка гнался за мной с мухобойкой! Я тогда был маленький, но помню, тогда мы тоже здорово позабавились!

Карлсон метнулся в большую комнату, и снова началась бешеная погоня по всей квартире. Впереди летел Карлсон — он кудахтал и визжал от удовольствия.

ствия, за ним мчалась фрёкен Бок с выбивалкой для ковров, за ней еле поспевал Малыш, а позади всех скакал Бимбо, бешено таявая.

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

Фрёкен Бок не отставала от него, но всякий раз, когда она уже готова была его схватить, Карлсон взмывал вверх, под самый потолок. А когда фрёкен Бок начинала размахивать выбивалкой, ему всегда удавалось пролететь мимо, едва её не коснувшись.

— Эй, эй, чур, не бить по ногам, так я не играю! — кричал Карлсон.

Фрёкен Бок запыхалась, но продолжала подпрыгивать, и её большие босые ноги шлёпали по паркету. Она, бедняжка, так и не успела ещё обуться — ведь весь вечер ей пришлось гонять по квартире. Она очень устала, но сдаваться не собиралась.

— Ты у меня дождёшься! — кричала она, продолжая погоню за Карлсоном.

Время от времени она подпрыгивала, чтобы стукнуть его выбивалкой, но он только смеялся и набирал высоту. Малыш тоже хохотал до слёз и никак не мог остановиться. От смеха у него даже заболел живот, и, когда все они в третий раз очутились в его комнате, он кинулся на кровать, чтобы хоть немножко передохнуть. Смеяться у него уже не было сил, но он всё же стонал от смеха, глядя, как фрёкен Бок мечется вдоль стен, пытаясь поймать Карлсона.

— Гей, гей! — подбадривал её Карлсон.

— Я тебе всыплю за это «гей, гей»! — кричала, едва переводя дыхание, фрёкен Бок. Она с остервенением размахивала выбивалкой, и в конце концов ей удалось загнать Карлсона в угол, где стояла кровать Малыша.

— Ну вот, — воскликнула она с торжеством, — попался, голубчик!

Но вдруг она издала такой вопль, что у Малыша загудело в ушах. Он перестал хохотать.

«Эх, Карлсон попался», — подумал он.

Но попался не Карлсон. Попалась фрекен Бок; большой палец её правой ноги угодил в мышеловку.

— Ой, ой, ой! — стонала фрекен Бок. — Ой, ой, ой!

Она подняла ногу и в ужасе уставилась на странную вещь, вцепившуюся в её большой палец.

— Ой, ой, ой! — завопил уже Малыш. — Подождите, я сейчас её раскрою... Простите, я этого не хотел...

— Ой, ой, ой! — продолжала вопить фрекен Бок, когда Малыш помог ей высвободить палец и к ней вернулся дар речи. — Почему у тебя мышеловка под кроватью?

Малышу было очень жаль мышеловки, и он сказал, запинаясь:

— Потому что... потому что... мы хотели поймать нежданную мышку.

— Но, конечно, не такую большую, — объяснил Карлсон. — Маленькую мышку с длинным хвостиком.

Фрекен Бок покосилась на Карлсона и застонала:

— Опять ты... Когда же ты уберёшься отсюда в конце концов?

И она снова погналась за ним с выбивалкой.

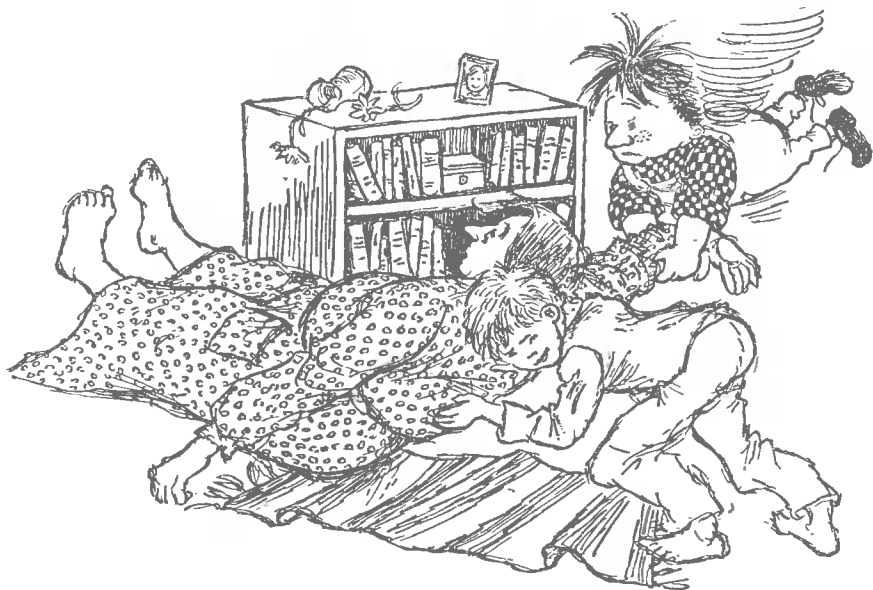
— Гей, гей! — кричал Карлсон.

Он вылетел в переднюю, а оттуда в большую комнату, а потом из неё в комнату Малыша, и снова началась погоня по всей квартире: в кухню и из кухни, в спальню и из спальни...

— Гей, гей! — кричал Карлсон.

— Ты у меня сейчас получишь «гей, гей»! — угрозила фрекен Бок, задыхаясь от быстрого бега.

Она замахнулась выбивалкой и прыгнула что было сил, но, забыв в азарте погони, что сдвинула всю

мебель к дверям спальни, споткнулась о книжную полку, стукнулась обо что-то головой и с грохотом рухнула на пол.

— Всё! Теперь в Нурланде снова будет землетрясение, — сказал Карлсон.

Но Малыш в испуге кинулся к фрекен Бок.

— Ой, вы не расшиблись? — спросил он. — Бедная, бедная фрекен Бок...

— Помогите мне добраться до кровати... Будь добр... — прошептала фрекен Бок.

И Малыш это сделал, вернее, попытался сделать. Но фрекен Бок была такая грузная, а Малыш такой маленький, что у него ничего не вышло. Но тут к ним подлетел Карлсон.

— Один и не пытайтесь, — сказал он Малышу. — Я тоже хочу помочь её тащить. Ведь самый послушный в мире я, а вовсе не ты!

Карлсон и Малыш собрались с силами и в конце концов доволокли Фрекен Бок до кровати.

— Бедная Фрекен Бок! — вздохнул Малыш. — Как вы себя чувствуете? Вам больно?

Фрекен Бок ответила не сразу, словно собираясь с мыслями.

— Мне кажется, у меня во всём теле нет ни одной целой косточки, — сказала она наконец. — Но болеть, пожалуй, ничего не болит... Вот только когда смеюсь...

И она так захохотала, что кровать под ней затряслась.

Малыш с испугом глядел на неё — что это с ней такое?

— Как хотите, молодые люди, но такая тренировка, как нынче вечером, не часто выдаётся, — сказала она. — И, боже праведный, до чего же это взбадривает! — Она энергично кивнула: — Мы с Фридой занимаемся гимнастикой по программе «упражнения для домашних хозяек». Теперь Фрида узнаёт, что значит бегать. Подождите-ка...

— Гей, гей! — завопил Карлсон. — Ты прихвати с собой эту выбивалку и тогда сможешь гонять Фриду по всему гимнастическому залу и так взбодрить её, что она своих не узнаёт!

Фрекен Бок вытаращила на него глаза.

— Ты ещё со мной разговариваешь? Ты бы лучше помолчал да пошёл бы на кухню и принёс мне несколько тефтелек!

Малыш радостно засмеялся.

— Да, после таких прыжков появляется зверский аппетит, — сказала она.

— Угадай, кто лучший в мире подносчик тефтелей? — сказал Карлсон, убегая на кухню.

Потом Карлсон, Малыш и Фрекен Бок, сидя на кровати, уплетали прекрасный ужин с таким аппе-

ти́том, что за уша́ми треца́ло. Ка́рлсон принёс из кúхни по́лный подно́с еды́.

— Я обнару́жил я́блочную запекáнку с ва́ниль-ным со́усом. Кро́ме того́, я прихвати́л ветчи́ны, сы́ра, колбáсы, солёных огу́рчиков, не́сколько сарди́н и кусо́чек печёночного па́штета. Но, скажи́ на ми́лость, куда́ ты засу́нула торт со взби́тыми сли́вками? Его́ я не нашёл...

— У нас то́рта нет,— отве́тила фре́кен Бок.

У Ка́рлсона дро́гнули губы́.

— И ты полага́ешь, что мо́жно нае́сться тефте́ля-ми, я́блочной запекáнкой с ва́нильным со́усом, ветчи-

ной, сýром, колбасой, солёными огурцами да двумя жалкими крохотными сардинками?

Фрёкен Бок поглядела на него в упор.

— Нет,— сказала она подчёркнуто спокойным тоном.— Но ведь есть ещё и печёночный паштет.

Никогда ещё Малышу не было так вкусно. Малыш, и Карлсон, и фрёкен Бок сидели рядом на кровати и жевали, глотали, и им было так уютно втроём! Но вдруг фрёкен Бок вскрикнула:

— Боже праведный, ведь Малыш должен быть изолирован, а мы притащили сюда этого малого.— И она указала пальцем на Карлсона.

— Никто его не тащил,— сказал Малыш,— он сам прилетал.— Но всё же Малыш встревожился.— Подумай, Карлсон, а вдруг ты заболёшь этой самой тиной?

— Угу... угу,— промычал Карлсон, потому что его рот был набит яблочной запеканкой и он не сразу смог заговорить.— Что мне какая-то тина!.. Эге-гей! Подумаешь! К тому, кто переболел плёшечной лихорадкой, никакая зараза не липнет.

— Нет, всё равно нельзя,— сказала фрёкен Бок со вздохом.

Карлсон проглотил последнюю тефтельку, облизал пальцы и сказал:

— Что и говорить, в этом доме живут, конечно, впроголодь, но в остальном мне здесь хорошо. Так что я готов себя здесь тоже изолировать.

— О боже праведный! — воскликнула фрёкен Бок. Она поглядела на Карлсона, потом на пустой поднос.— После тебя мало что остаётся,— сказала она.

Карлсон соскочил на пол и похлопал себя по животу.

— После того как я поём, остаётся стол,— сказал он.— Единственное, что остаётся,— это стол.

Потом Карлсон нажал свою кнопку, мотор заработал, и Карлсон полетел к раскрытому окну.

— Привет! — крикнул он. — Теперь вам волей-неволей придется некоторое время обойтись без меня. Я тороплюсь.

— Привет, Карлсон! — крикнул Малыш. — Тебе в самом деле пора улетать?

— Так скоро? — печально добавила Фрекен Бок.

— Да, мне надо поторопиться! — крикнул Карлсон. — А то я опоздаю к ужину. Привет! — И он улетел.

ГОРДАЯ ЮНАЯ ДЕВИЦА УЛЕТАЕТ ДАЛЕКО-ДАЛЕКО!

На следующее утро Малыш долго спал. Его разбудил телефонный звонок, и он побежал в переднюю, чтобы взять трубку.

Звонила мама.

— Бедный сыночек... О, как это ужасно...

— Что ужасно? — спросил Малыш спросонок.

— Всё, что ты пишешь в своём письме. Я так за вас волнуюсь...

— Почему? — спросил Малыш.

— Сам понимаешь, — сказала мама. — Бедный мой мальчик... Завтра утром я приеду домой.

Малыш обрадовался и приободрился, хотя он так и не понял, почему мама назвала его «бедный мой мальчик».

Едва Малыш успел снова лечь и задремать, как опять раздался звонок. Это папа звонил из Лондона.

— Как ты поживаешь? — спросил папа. — Хорошо ли себя ведут Боссе и Бетан?

— Не думаю, — сказал Малыш, — по точно не знаю, потому что они лежат в эпидемии.

Малыш понял, что папа встревожился от его слов.

— Лежат в эпидемии? Что ты хочешь сказать?

А когда Малыш объяснил, что он хочет сказать, папа повторил мамины слова:

— Бедный мой мальчик... Завтра утром я буду дома.

На этом разговор кончился. Но вскоре опять звонил телефон. На этот раз это был Боссе.

— Можешь передать домохозяйнице и её старенькому доктору, что, хотя они и воображают себя знатоками, у нас всё же не скарлатина. Мы с Бетан завтра вернёмся домой.

— У вас не тина? — переспросил Малыш.

— Представь себе, нет. Мы просто чём-то обелись, так сказал здешний доктор. От этого у некоторых тоже бывает сыпь.

— Понятно, типичный случай плёшечной лихорадки, — сказал Малыш.

Но Боссе уже повесил трубку.

Малыш оделся и пошёл на кухню, чтобы рассказать фрёкен Бок, что его больше не надо изолировать. Она уже готовила завтрак.

В кухне сильно пахло пряностями.

— И я смогу уйти, — сказала фрёкен Бок, когда Малыш сообщил ей, что завтра вся семья будет в сборе. — Вот и хорошо, а то у вас я совсем испорчу себе нервы.

Она бешено что-то мешала в кастрюле, стоящей на плите. Оказалось, там варился какой-то густой мясной соус, и она заправляла его солью, перцем и какими-то травами.

— Вот видишь, — сказала она, — его надо послать, и поперчить как следует, да поварить подольше, только тогда он вкусный. — Потом она с тревогой посмотрела на Малыша. — Как ты думаешь, этот ужасный Карлсон сегодня опять прилетит? Так хо-

тѣлось бы спокойно провести послѣдніе часы в вашем домѣ.

Прежде чем Малыш успѣл отвѣтить, за окном слышалась веселая пѣсенка, которую кто-то пел во весь голос:

Солнце, солнце,
Загляни в оконце!

На подоконнике снова сидѣл Карлсон.

— Привѣт! Вот оно, ваше солнце, можете больше не волноваться.

Но тут фрекен Бок молитвенно протянула к нему руки:

— Нет, нет, нет, умоляю, что угодно, но сегодня нам нужен покой.

— Покой, а то как же! Но прежде всего нам нужен, конечно, завтрак — сказал Карлсон и одним прыжком оказался у кухонного стола.

Там фрекен Бок уже положила приборы для себя и Малыша. Карлсон сел перед одним из них и взял в руки нож и вилку.

— Начинаем! Давайте завтракать! — Он приветливо кивнул фрекен Бок. — Ты тоже можешь сесть с нами за стол. Возьми себе тарелку и иди сюда.

Он раздвинул ноздри и вдохнул пряный запах.

— Что нам дадут? — спросил он, облизываясь.

— Хорошую взбучку, — отвѣтила фрекен Бок и еще яростней принялась мешать соус. — Её ты, уж во всяком случае, заслужил. Но у меня так ноет всё тело, что, боюсь, я уже не смогу гоняться за тобой сегодня.

Она вылила соус в миску и поставила её на стол.

— Ешьте, — сказала она. — А я подожду, пока вы кончите, потому что доктор сказал, что мне во время еды нужен полный покой.

Карлсон сочувственно кивнул.

— Ну да, в доме, наверно, найдётся несколько завалявшихся сухариков, которые ты сможешь погрызть, когда мы закончим со всем, что на столе... Примостись на краёшке стола и погрызёшь, наслаждаясь тишиной и покоем.

И он торопливо наложил себе полную тарелку густого мясного соуса. Но Малыш взял совсем капелку. Он всегда с опаской относился к новым блюдам, а такого соуса он ещё никогда не ел.

Карлсон начал строить из мяса башню, а вокруг башни крепостной ров, заполненный соусом. Пока он этим занимался, Малыш осторожно попробовал кусочек. Ой! Он задохнулся, слёзы выступили на глазах. Рот горел огнём. Но рядом стояла фрёкен Бок и глядела на него с таким видом, что он только глотнул воздух и промолчал.

Тут Карлсон оторвался от своей крепости:

— Что с тобой? Почему ты плачешь?

— Я... я вспомнил одну печальную вещь, — запинаясь, пробормотал Малыш.

— Понятно, — сказал Карлсон и отправил в рот огромный кусок своей башни. Но едва он проглотил его, как завопил не своим голосом, и из его глаз тоже брызнули слёзы.

— Что случилось? — спросила фрёкен Бок.

— На вкус это лисий яд... Впрочем, тебе самой лучше знать, что ты сюда подсыпала, — сказал Карлсон. — Бери скорей большой шланг, у меня в горле огонь! — Он утёр слёзы.

— О чём ты плачешь? — спросил Малыш.

— Я тоже вспомнил очень печальную вещь, — ответил Карлсон.

— Какую именно? — полюбопытствовал Малыш.

— Вот этот мясной соус, — сказал Карлсон.

Но весь этот разговор не пришёлся по душе фрёкен Бок.

— Как вам только не стыдно, мальчишки! Десятки тысяч детей на свете были бы просто счастливы получить хоть немного этого соуса.

Карлсон засунул руку в карман и вытащил карандаш и блокнот.

— Пожалуйста, продиктуйте мне имена и адреса хотя бы двойх из этих тысяч, — попросил он.

Но фрёкен Бок не желала давать адреса.

— Наверно, речь идёт о маленьких дикарях из племени огнеёдов, всё понятно, — сказал Карлсон. — Они только и делают всю жизнь, что глотают огонь и серу.

Как раз в эту минуту раздался звонок у двери, и фрёкен Бок пошла открывать.

— Пойдём посмотрим, кто пришёл, — предложил Карлсон. — Быть может, это кто-нибудь из тех тысяч маленьких огнеёдов, которые готовы отдать всё, что у них есть, за эту пламенную кашу. Нам надо быть начеку, вдруг она продешевит... Ведь она всыпала туда столько лисьего яда, а ему цены нет!

И Карлсон отправился вслед за фрёкен Бок, а Малыш не захотел от него отстать. Они стояли в передней за её спиной и слышали, как чей-то незнакомый голос произнёс:

— Моя фамилия Пек. Я сотрудник шведского радио и телевидения.

Малыш почувствовал, что холодеет. Он осторожно выглянул из-за юбки фрёкен Бок и увидел, что в дверях стоит какой-то господин — один из тех красивых, умных и в меру упитанных мужчин в самом расцвете сил, о которых фрёкен Бок сказала, что ими на телевидении можно пруд прудить.

— Могу я видеть фрёкен Хильдур Бок? — спросил господин Пек.

— Это я, — ответила фрёкен Бок. — Но я уплатила и за радио, и за телевидение, так что проверять вам нечего.

Господин Пек любезно улыбнулся.

— Я пришёл не в связи с оплатой, — объяснил он. — Нет, меня привела сюда история с привидениями, о которых вы нам писали... Мы хотели бы сделать на этом материале новую программу.

Фрекен Бок густо покраснела; она не могла вымолвить ни слова.

— Что с вами, вам стало нехорошо? — прервал наконец молчание господин Пек.

— Да, да, мне нехорошо, — подхватила Фрекен Бок. — Это самая ужасная минута в моей жизни.

Малыш стоял за ней и чувствовал примерно то же, что она. Боже праведный, вот и свершилось! Через несколько секунд этот вот Пек наверняка заметит Карлсона, а когда завтра утром мама и папа вернутся домой, они увидят, что весь дом опутан разными там кабелями, забит телевизионными камерами и такими вот господами, и поймут, что покоя им уже не дождаться. О боже праведный, надо немедленно убрать Карлсона любым способом.

Тут взгляд Малыша упал на старый деревянный ящик, который стоял в прихожей и в котором Бетан хранила самодельные театральные костюмы, старый реквизит и тому подобный хлам. Она организовала вместе с ребятами из своего класса какой-то дурацкий клуб: в свободное время они переодевались в странные костюмы и разыгрывали нелепые сцены. Всё это, по мнению Малыша, было очень глупо, но у них это называлось играть в театр. Зато сейчас этот ящик с костюмами оказался здесь как нельзя более кстати!.. Малыш приоткрыл его крышку и взволнованно шепнул Карлсону:

— Спрячься!.. Лезь в этот вот ящик! Скорее!

И прежде чем Карлсон успел понять, почему он должен прятаться, он уже сообразил, что это пахнет какой-то проказой. Он хитро поглядел на Малыша

и залёз в ящик. Малыш быстро прикрыл его крышкой. Потом он испуганно посмотрел на тех двоих, которые всё ещё стояли в дверях... Успели ли они что-нибудь заметить?

Но они ничего не заметили, так они были поглощены своей беседой. Фрекен Бок как раз объясняла господину Пёку, почему она чувствует себя дурно.

— Это было не привидение, — сказала фрекен Бок, с трудом сдерживая слёзы. — Это были всего-навсего отвратительные детские проказы.

— Так, значит, никаких привидений не было? — разочарованно переспросил господин Пек.

Фрекен Бок не могла больше сдерживать слёзы — она разрыдалась.

— Нет, привидений не было... И я не смогу выступить по телевидению... никогда, только Фрида!..

Господин Пек похлопывал её по руке, чтобы успокоить:

— Не принимайте это так близко к сердцу, милая фрекен Бок. Кто знает, может, вам ещё и придётся выступить.

— Нет, нет, все надежды рухнули... — сказала фрекен Бок и, закрыв лицо руками, опустилась на ящик с костюмами.

Так она долго просидела, безутешно рыдая. Малыш её очень пожалел, и ему было стыдно, потому что он чувствовал себя во всём виноватым.

И вдруг из ящика раздалось негромкое урчание.

— Ох, простите! — сказала сконфуженная фрекен Бок. — Это у меня, наверно, с голоду.

— Да, с голоду всегда бурчит в животё, — любезно подтвердил господин Пек, — но ваш завтрак, должно быть, уже готов: я слышу такой изумительный аромат. Что у вас сегодня на завтрак? — полюбопытствовал господин Пек.

— Ах, всего лишь мясной соус... Блюдо моего

изобретения... «Соус по рецепту Хильдур Бок» — так я его назвала, — скромно, но с достоинством ответила фрёкен Бок и вздохнула.

— Пахнет на редкость вкусно, — сказал господин Пек. — Просто возбуждает аппетит.

Фрёкен Бок поднялась с ящика.

— Отведайте, прошу вас... А эти глупые карачузы ещё нос воротят, — обиженно добавила она.

Господин Пек немного поцеремонился — всё утвердительно, что ему, мол, неловко, — но дело кончилось тем, что они вместе удалились на кухню.

Мальш приподнял крышку и взглянул на Карлсона, который, удобно устроившись на костюмах, негромко урчал.

— Умоляю тебя, лежи тихо, пока он не уйдёт, — прошептал Мальш, — не то попадёшь в телевизор.

— Ну да, тебе легко говорить, — сказал Карлсон. — Здесь не менее тесно и душно, чем в том ящике, так что мне теперь терять нечего.

Тогда Мальш немного приоткрыл крышку ящика, чтобы туда проникал воздух, и помчался на кухню. Он хотел посмотреть, какой будет вид у господина Пёка, когда он отведает соус фрёкен Бок.

Трудно поверить, но господин Пек преспокойно сидел за столом и уплетал за двоих, словно за всю жизнь ему не довелось есть ничего вкуснее. И на глазах у него не было никаких слёз. Зато у фрёкен Бок они катились градом, но, конечно, не из-за соуса. Нет, нет, просто она продолжала оплакивать провал своей телевизионной передачи. И даже похвалы, которые господин Пек так щедро расточал её огненному блюду, не могли её утешить. Она чувствовала себя бесконечно несчастной.

Но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Господин Пек вдруг уставился в потолок и воскликнул:

— Придёмал! Придёмал! Вы будете выступать завтра вечером!

Фрёкен Бок подняла на него заплаканные глаза.

— Где это я буду выступать завтра вечером? — мрачно спросила она.

— Как где? По телевидению! — сказал господин Пек. — В передаче «Искусный кулинар». Вы расскажете всем шведам, как приготовить «Соус Хильдур Бок»...

И тут Фрёкен Бок потеряла сознание и грохнулась на пол. Но вскоре она пришла в себя и вскочила на ноги. Глаза её сияли.

— Вы говорите, завтра вечером... По телевидению? Мой соус... Я расскажу о нём по телевидению всему шведскому народу? О господаи!.. Подумать только! А Фрида ничего не понимает в готовке, она говорит, что моими кушаньями можно только свиной кормить!

Мальш слушал затаив дыхание, потому что всё это было ему очень интересно. Он едва не забыл про Карлсона, спрятанного в ящике. Но тут вдруг, к его великому ужасу, в прихожей раздался какой-то скрип. Ну да, этого следовало ожидать... Карлсон! Дверь из кухни была приоткрыта, и Мальш увидел, что Карлсон разгуливает по прихожей. Но ни Фрёкен Бок, ни господин Пек ещё ничего не заметили.

Да, это был Карлсон! И в то же время не Карлсон!.. Боже праведный, на кого он был похож в старом маскарадном костюме Бетан! На нём была длинная бархатная юбка, которая пугалась в ногах, мешая ходить, и две тюлевые накидки: одна украшала его спереди, другая — сзади! Он казался маленькой кругленькой бойкой девочкой. И эта маленькая бойкая девочка неумолимо приближалась к кухне.

Мальц в отчаянии делал знаки, чтобы Карлсон не шёл на кухню, но тот будто не понимал их, только кивал в ответ и подходил всё ближе.

— Гордая юная девица входит в парадный зал! — произнёс Карлсон и застыл в дверях, играя своими накидками.

Вид у него был такой, что господин Пек широко раскрыл глаза:

— Батюшки, кто же это?.. Что это за милая девочка?

Но тут фрёкен Бок как заорёт:

— Милая девочка! Нет, извините, это не милая девочка, а самый отвратительный сорванец из всех,

которы́х мне довелось ви́деть на своём веку́! Убира́йся немедленно, дрянно́й мальчи́шка!

Но Ка́рлсон её не послу́шался.

— Гордая ю́ная деви́ца танцу́ет и веселится, — продолжал он своё.

И он пусти́лся в пляс. Тако́го та́нца Ма́лыш ни когда́ пре́жде не ви́дел, да, на́до ду́мать, что и госпо́дин Пек то́же.

Ка́рлсон носи́лся по ку́хне, высоко́ поднимая́ колёни. Вре́мя от вре́мени он подпры́гивал и взма́хивал свои́ми тю́левыми накíдками.

«Что за дура́цкий та́нец, — подумал Ма́лыш. — Но э́то ещё куда́ ни шло́, то́лько бы он не взду́мал летать. О, то́лько бы он не летал!»

Ка́рлсон завёсил себя́ накíдками так, что пропéллера во́все не́ было ви́дно, чему́ Ма́лыш был о́чень рад. Если он всё же вдруг взлетит к потолоку́, то госпо́дин Пек наверня́ка упаде́т в о́бморок, а пото́м, едва́ придя́ в себя́, пришлёт сюда́ людей с телевизио́нными ка́мерами.

Госпо́дин Пек смотре́л на э́тот стра́нный та́нец и смея́лся, смея́лся всё гро́мче и гро́мче. Тогда́ Ка́рлсон то́же стал хихика́ть в отве́т, да ещё подми́гивать госпо́дину Пе́ку, когда́ проноси́лся мимо́ него́, разма́хивая́ свои́ми накíдками.

— До чего́ весёлый мальчи́шка! — воскликнул госпо́дин Пек. — Он наверня́ка мог бы уча́ствовать в какой-нибудь де́тской пере́даче.

Ничто́ не могло́ бы бо́льше рассерди́ть фрэкен Бок.

— Он бу́дет выступáть по телеви́дению?! Тогда́ я попрошу́ освободи́ть меня́ от э́того де́ла. Если вы хо́тите найти́ кого́-нибудь, кто переверне́т вверх торма́шками телевизио́нную студи́ю, то лу́чшего канди́дата вам не сыска́ть.

Ма́лыш кивну́л:

— Да, это правда. А когда эта студия перевернётся вверх тормашками, он скажет: «Пустяки, дело житейское». Так что лучше остерегайтесь его!

Господин Пек не настаивал.

— Если так, то не надо. Я только предложил... Мальчишек полным-полно!..

И господин Пек вдруг заторопился. У него, оказывается, скоро передача, и ему пора идти.

Но тут Мальш увидел, что Карлсон нащупывает кнопку на животё, и до смерти испугался, что в последнюю минуту всё выяснится.

— Нет, Карлсон... нет, не надо,— шептал ему в тревоге Мальш.

Карлсон с невозмутимым видом продолжал искать кнопку, ему трудно было добраться до неё из-за всех этих тюлевых накидок.

Господин Пек уже стоял в дверях, когда вдруг зажужжал моторчик Карлсона.

— Я и не знал, что над Вазастаном проходит маршрут вертолётов,— сказал господин Пек.— Не думаю, чтобы им следовало здесь летать, многим этот шум мешает. Прощайте, фрекен Бок. До завтра!

И господин Пек ушёл.

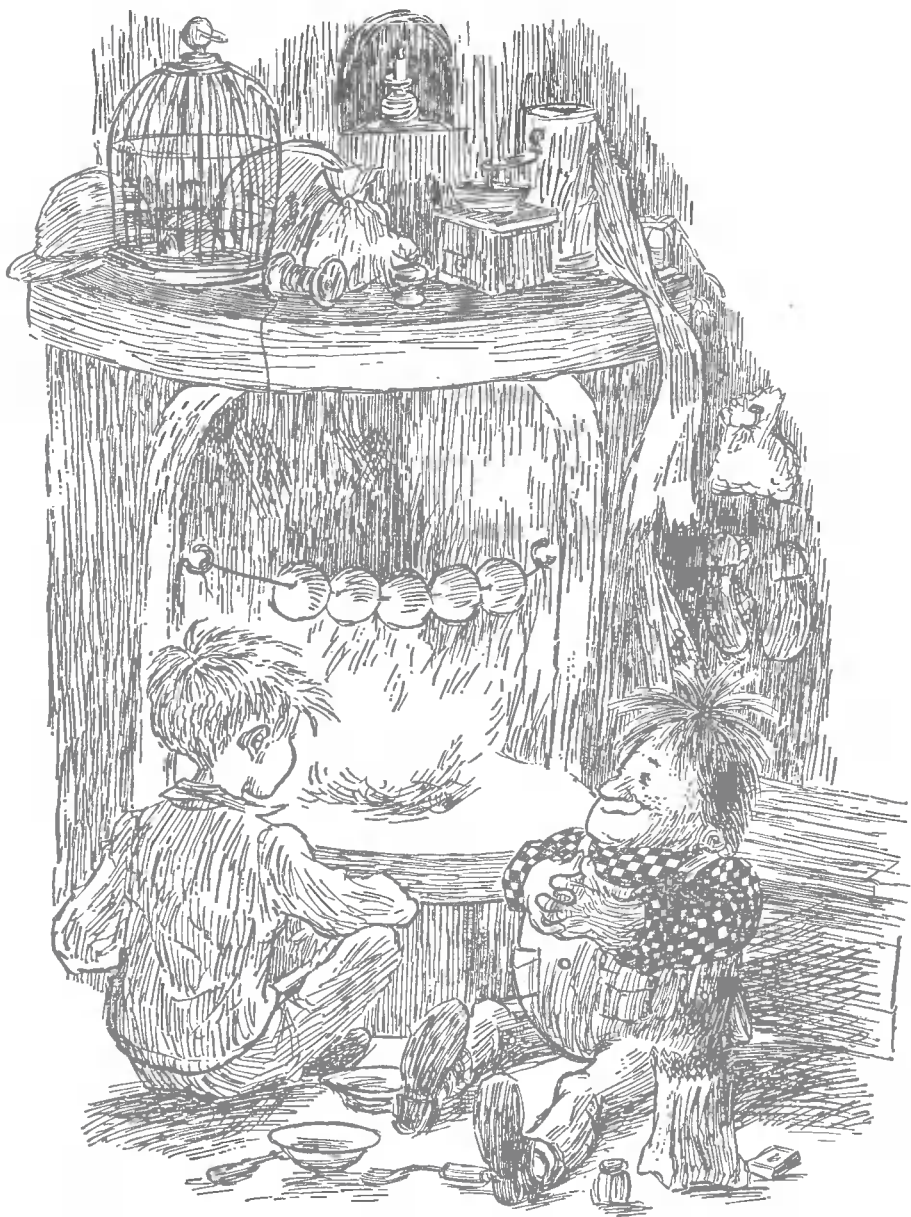
А Карлсон взмыл к потолку, сделал несколько кругов, облетел лампу и на прощание помахал фрекен Бок тюлевыми накидками.

— Гордая юная девица улетает далеко-далеко! — крикнул он.— Привет, гей-гей!

КРАСИВЫЙ, УМНЫЙ И В МЕРУ УПИТАННЫЙ

Время после обеда Мальш провёл наверху у Карлсона, в его домике на крыше. Он объяснил Карлсону, почему надо оставить в покое фрекен Бок.

— Понимаешь, она хочет сделать торт совзбитыми

сливками, потому́ что ма́ма, и па́па, и Бо́ссе, и Бе́тан возвра́щаются за́втра домо́й.

Ка́рлсону э́то показало́сь убедите́льно.

— Да, е́сли она́ де́лает торт со взбитыми сли́вками, её на́до оста́вить в поко́е.OPAсно низводи́ть домо́учительницу, когда́ она́ взбива́ет сли́вки, а то она́ сќиснет, а вме́сте с ней и сли́вки.

Вот поче́му́ послед́ние часы́ в семье́ Сва́нтесон фре́кен Бок провела́ в по́лном поко́е — так, как она́ хоте́ла. Ма́лыш и Ка́рлсон то́же споко́йно сидели́ у камина́ в до́мике на кры́ше. Им бы́ло о́чень хоро́шо и ую́тно. Ка́рлсон бы́стро слета́л на у́лицу Хе́терге и купи́л там я́блок.

— Я за них че́стно о́тдал пять э́ре, — сказа́л он Ма́лышу. — Не хочú, что́бы меня́ заподо́зрили в кра́же. Ведь я са́мый че́стный в ми́ре!

— Ра́зве э́ти я́блоки сто́ят всего́ пять э́ре?

— Ви́дишь ли, я не мог спроси́ть их це́ну, — объ́ясни́л Ка́рлсон, — потому́ что прода́щица как раз пошла́ пить ко́фе.

Нанизав я́блоки на про́волоку, Ка́рлсон пе́к их над огнём.

— Угада́й, кто лу́чший в ми́ре специа́лист по печёным я́блокам? — спроси́л Ка́рлсон.

— Ты, Ка́рлсон, — отве́тил Ма́лыш.

И они́ е́ли печёные я́блоки, и сидели́ у огня́, а су́мерки всё сгу́щались.

«Как хоро́шо, когда́ трещáт полёнья! — подúмал Ма́лыш. — Дни́ ста́ли холо́дными. По все́му́ ви́дно, что пришла́ о́сень».

— Я всё собира́юсь слета́ть в дере́вню и купи́ть дров у како́го-нибу́дь крестья́нина. Зна́ешь, какие́ скупы́е э́ти крестья́не, но, к сча́стью, они́ то́же ино́гда́ уходя́т пить ко́фе, — сказа́л Ка́рлсон.

Он встал и подбро́сил в огонь́ два больш́их берёзовых полёна.

— Я люблю, чтобы было жарко натоплено, — сказал он. — Остаться зимой без дров — нет, так я не играю. И, не стесняясь, скажу это крестьянину.

Когда камин прогорел, в комнате стало темно, и Карлсон зажёл керосиновую лампу, которая висела у самого потолка над верстаком. Она осветила теплым живым светом комнату и все те вещи, которые валялись на верстаке.

Мальш спросил, не могут ли они чем-нибудь обменяться, и Карлсон сказал, что он готов.

— Но когда ты захочешь что-нибудь взять, ты должен сперва спросить у меня разрешения. Иногда я буду говорить «да», а иногда — «нет»... Хотя чаще всего я буду говорить «нет», потому что всё это моё и я не хочу ни с чем расставаться, а то я не играю.

И тогда Мальш начал спрашивать разрешения подряд на все вещи, которые лежали на верстаке, а получил всего-навсего на старый разбитый будильник, который Карлсон сам разобрал, а потом снова собрал. Но всё равно игра эта была такой интересной, что Мальш даже представить себе не мог ничего более увлекательного. Но потом Карлсону это наскучило, и он предложил постолярничать.

— Это самое веселое на свете занятие, и можно сделать так много чудесных вещей, — сказал Карлсон. — Во всяком случае, я могу.

Он скинул всё, что валялось на верстаке, прямо на пол и вытащил из-под диванчика доски и чурки. И оба они — и Карлсон и Мальш — принялись пилить, и строгать, и сколачивать, так что всё загудело вокруг.

Мальш делал пароход. Он сбил две досточки, а сверху приладил круглую чурочку. Пароход и в самом деле получился очень хороший.

Карлсон сказал, что должен сделать скворечник и повесить его возле своего домика, чтобы там жили маленькие птички. Но то, что у него вышло, совсем

не походило ни на скворечник, ни, впрочем, на что-либо другое. Весьма трудно было сказать, что за штуку он смастерил.

— Это что? — спросил Мальш.

Карлсон склонил набок голову и поглядел на своё произведение.

— Так, одна́ вещь,— сказа́л он.— Отли́чная ма́ленькая вещи́ца. Угада́й, у ко́го в ми́ре са́мые золо́тые ру́ки?

— У тебя́, Ка́рлсон.

Наступи́л ве́чер. Малы́шу пора́ бы́ло иди́ти до́мой и ложи́ться спать. Приходи́лось расстава́ться с Ка́рлсоном и с его́ ма́леньким до́миком, где бы́ло так уютно, и со все́ми его́ веща́ми: и с его́ верстако́м, и с его́ копя́щей кероси́новой ла́мпой, и с его́ дрова́ным са́райчиком, и с его́ ками́ном, в кото́ром так до́лго не прогора́ли голо́вешки, согрева́я и освеща́я ко́мнату. Трудно́ бы́ло всё э́то поки́нуть, но ве́дь он зна́л, что скоро́ сно́ва верне́тся сюда́. О, как чуде́сно, что до́мик Ка́рлсона находи́лся на его́ кря́ше, а не на ка́кой-нибудь друго́й!

Они́ вы́шли. Над ни́ми сверка́ло звёздное не́бо. Нико́гда́ пре́жде Малы́ш не ви́дел сто́лько звёзд, да таки́х я́рких, да так бли́зко! Нет, коне́чно, не бли́зко, до них бы́ло мно́го ты́сяч киломе́тров, Малы́ш э́то зна́л, и всё же... О, над до́миком Ка́рлсона раски́нулся звёздный ша́те́р, и до него́, каза́лось, руко́й податъ, и вме́сте с тем так беско́нечно дале́ко!

— На что ты глазе́ешь? — нетерпели́во спроси́л Ка́рлсон.— Мне хо́лодно. Ну, ты лети́шь и́ли разду́мал?

— Лечу́,— отве́тил Малы́ш.— Спаси́бо.

А на сле́дующий день... Что э́то был за день! Сперва́ верну́лись Бо́ссе и Бе́тан, пото́м па́па, а послéдней — но всё равно́ э́то бы́ло са́мое гла́вное! — ма́ма. Малы́ш кину́лся к ней и крèпко её обня́л. Пусть она́ бо́льше нико́гда́ от него́ не уезжа́ет! Все они́ — и па́па, и Бо́ссе, и Бе́тан, и Малы́ш, и фре́кен Бок, и Би́мбо — окружи́ли ма́му.

— А твоё переутомле́ние уже́ прошло́? — спроси́л Малы́ш.— Как э́то оно́ могло́ так бы́стро пройти́?

— Оно прошло, как только я получила твоё письмо, — сказала мама. — Когда я узнала, что вы все больны и изолированы, я почувствовала, что тоже всерьёз захвораю, если немедленно не вернусь домой.

Фрёкен Бок покачала головой.

— Вы поступили неразумно, фру Свántесон. Но я буду время от времени приходить к вам помогать немного по хозяйству, — сказала фрёкен Бок. — А теперь я должна немедленно уйти. Сегодня вечером я выступаю по телевидению.

Как все удивились: и мама, и папа, и Боссе, и Бётан.

— В самом деле? Мы все хотим на вас посмотреть. Обязательно будем смотреть, — сказал папа.

Фрёкен Бок гордо вскинула голову.

— Надеюсь. Надеюсь, весь шведский народ будет смотреть на меня.

И она заторопилась.

— Ведь мне надо успеть сделать причёску, и принять ванну, и побывать у массажистки и маникюрши, и купить новые стельки. Необходимо привести себя в порядок перед выступлением по телевидению.

Бётан рассмеялась.

— Новые стельки?.. Да кто их увидит по телевизору?

Фрёкен Бок посмотрела на неё неодобрительно.

— А разве я сказала, что их кто-нибудь увидит? Во всяком случае, мне нужны новые стельки... Чувствуешь себя уверенней, когда знаешь, что у тебя всё с головы до ног в порядке. Хотя это, может, и не всем понятно. Но мы — те, что всегда выступают по телевидению, — мы-то хорошо это знаем.

Фрёкен Бок торопливо попрощалась и ушла.

— Вот и нет больше домочительницы, — сказал Боссе, когда за ней захлопнулась дверь.

Малыш задумчиво кивнул.

— А я к ней уже привык, — сказал он. — И торт со взбитыми сливками она сделала хороший — такой большой, воздушный — и украсила его кусочками ананаса.

— Мы оставим торт на вечер. Будем пить кофе, есть торт и смотреть по телевизору выступление Фрэнкен Бок.

Так всё и было. Когда подошло время передачи, Малыш позвонил Карлсону. Он дернул шнурок, спрятанный за занавесками, один раз, что означало: «Прилетай скорее». И Карлсон прилетел. Вся семья собралась у телевизора, кофейные чашки и торт со взбитыми сливками стояли на столе.

— Вот и мы с Карлсоном, — сказал Малыш, когда они вошли в столовую.

— Да, вот и я, — повторил Карлсон и развалился в самом мягком кресле. — Наконец-то, я вижу, здесь появился тортик со сливками, и, надо сказать, весьма кстати. Могу ли я получить немедленно кусочек... очень большой кусочек?

— Мальчики получают торт в последнюю очередь, — сказала мама. — А кроме того, это моё место. Вы с Малышом можете оба сесть прямо на пол перед телевизором, а потом я дам вам по куску.

Карлсон обратился к Малышу:

— Слыхал? Она что, всегда так с тобой обращается? Бедное дитя!

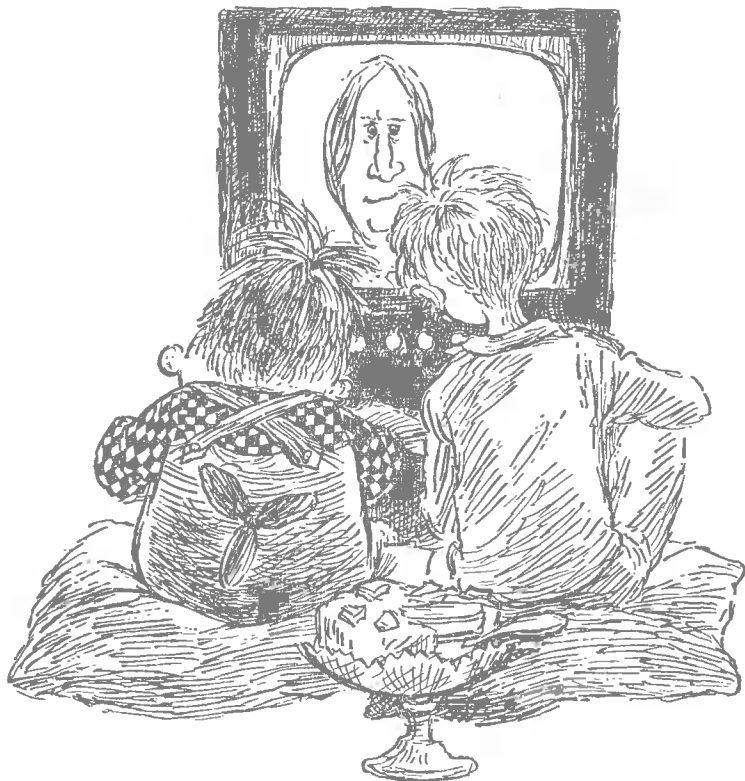
Потом он улыбнулся, вид у него был довольный.

— Хорошо, что она и со мной так обращается, потому что это справедливо, а иначе я не играю.

И они оба, Малыш и Карлсон, сели на пол перед телевизором и ели торт, ожидая выступления Фрэнкен Бок.

— Сейчас начнётся, — сказал папа.

И в самом деле, на экране появилась Фрэнкен Бок. А рядом с ней господин Пек. Он вёл программу.

— Домомучительница как живая! — воскликнул Карлсон. — Гей, гей! Вот сейчас-то мы позабавимся!

Фрёкен Бок вздрогнула. Казалось, она услышала слова Карлсона. А может, она просто очень волновалась, потому что стояла перед всем шведским народом и должна была ему поведать, как приготовить «Соус Хильдур Бок».

— Скажите, пожалуйста, — начал господин Пек, — как вам пришла мысль сделать именно это блюдо?

— Очень просто, — сказала фрёкен Бок. — Когда у тебя есть сестра, которая ничего не смыслит в кулинарии...

Тут она умокнула, потому что Карлсон протянул

вперёд свою маленькую пухлую ручку и выключил телевизор.

— Домомучительница появляется и исчезает по моему желанию, — сказал он.

Но вмешалась мама.

— Немедленно снова включи, — сказала она. — И больше так не делай, а то тебе придётся уйти.

Карлсон толкнул Малыша в бок и прошептал:

— А чего ещё нельзя делать в вашем доме?

— Молчи. Посмотрим на фрекен Бок, — сказал Малыш.

— ...а чтобы было вкусно, его надо как следует посолить, поперчить, и пусть кипит подольше, — договорила фрекен Бок.

И у всех на глазах она солила, и перчила, и кипятила всласть, а когда соус был готов, посмотрела с экрана лукавым взглядом и спросила:

— Может, попробуете?

— Спасибо, только не я, — сказал Карлсон. — Но так и быть, если ты мне дашь именина и адреса, я приведу к тебе двух-трёх маленьких огнеёдов, о которых ты говорила. Они охотно попробуют!

Потом господин Пек поблагодарил фрекен Бок за то, что она согласилась прийти и рассказать, как она готовит этот соус, и на этом передача явно должна была кончиться, но тут фрекен Бок вдруг спросила:

— Скажите, пожалуйста, я могу передать привёт сестре?

Господин Пек выглядел растерянным.

— Ну ладно, передавайте, только побыстрее!

И тогда фрекен Бок на экране помахала рукой и сказала:

— Привёт, Фрида, ты меня слышишь? Надеюсь, ты не упала со стула?

— Я тоже на это надеюсь, — сказал Карлсон. — А то не миновать землетрясения в Нурланде.

— Ну что ты болтаешь? — спросил Малыш. — Ты ведь не знаешь, какая эта Фрида. Может, она вообще не такая огромная, как Фрэнкен Бок.

— Представь себе, знаю, — сказал Карлсон. — Я ведь несколько раз был у них дома, на Фрейгатен, и играл там в привидение.

Потом Карлсон и Малыш съели ещё по куску торта и смотрели, как жонглер на экране кидает в воздух одновременно пять тарелок и потом ловит все пять на лету. Малышу было скучно смотреть на жонглера, но у Карлсона глаза так и сияли, и поэтому Малыш тоже был счастлив.

Всё было очень приятно, и Малыш так радовался, что все сидели вместе с ним — и мама, и папа, и Боссе, и Бетан, и Бимбо... и даже Карлсон!

Когда с тортом было покончено, Карлсон схватил блюдо, слизал с него крем, потом подкинул вверх, как на экране жонглер тарелки.

— Тот парень в ящике не промах, — сказал Карлсон. — До чего же здорово! Угадай, кто лучший в мире кидальщик блюд?

Он подбросил блюдо так высоко, что оно едва не ударилось о потолок, и Малыш испугался:

— Довольно, Карлсон, не надо... ну, не надо!

Мама и все остальные смотрели телевизор. Там танцевала балерина, и никто не заметил, что вытворяет Карлсон.

А Малыш всё шептал: «Брось, Карлсон, не надо», но это не помогало, и Карлсон безмятежно продолжал кидать блюдо.

— Какое у вас красивое блюдо! — воскликнул Карлсон и снова подбросил его к потолку. — Точнее сказать, у вас было красивое блюдо, — поправился он и нагнулся, чтобы собрать осколки. — Ну ничего, это пустяки, дело житейское...

Но мама услышала, как блюдо стукнулось об пол

и разби́лось. Она́ как слéдует отшлёпала Карлсона и сказа́ла:

— Это бы́ло моё любя́емое блю́до, а во́все не пустяки́ и не де́ло житёйское.

Малы́ш был недово́лен, что так обхо́дятся с лу́чшим в ми́ре жонглёром, но он понима́л, что ма́ме жаль блю́до, и попыта́лся её утёшить:

— Я доста́ну из своёй копи́лки де́ньги и куплю́ тебе́ но́вое блю́до.

Но тут Карлсон су́нул ру́ку в карма́н, вынул пяти́ровую моне́тку и протяну́л её ма́ме.

— Я сам плачу́ за то, что бью. Вот! Пожа́луйста! Купи́ но́вое блю́до, а сда́чу мо́жешь оста́вить себе́.

— Спаси́бо, милый Карлсон,— сказа́ла ма́ма.

— Знаёшь что, купи́ на оста́вшиеся де́ньги не́сколько дешёвых ва́зочек и швыря́й ими́ в меня́, ко́гда сно́ва бу́дешь серди́ться.

Малы́ш прижа́лся к ма́ме:

— Ма́ма, ты не се́рдишься на Карлсона, скажи́?

Ма́ма потрепа́ла по руке́ сперва́ Карлсона, пото́м Малы́ша́ и сказа́ла, что бо́льше на них не се́рдится.

Пото́м Карлсон стал проща́ться:

— Приве́т, мне пора́ домо́й, а то я опозда́ю к у́жину.

— А что у тебя́ сего́дня на у́жин? — спроси́л Малы́ш.

— «Со́ус Карлсона, кото́рый живёт на кры́ше», — сказа́л Карлсон. — То́лько я не положу́ в него́ сто́лько ли́сьего я́да, ско́лько кладёт домо́мучи́тельница, мо́жешь мне пове́рить. Угада́й, кто лу́чший в ми́ре ма́стер по со́усам?

— Ты, Карлсон, — сказа́л Малы́ш.

Час спустя́ Малы́ш уже́ лежа́л в своёй крова́тке, а ря́дом стоя́ла корзинка, где спал Би́мбо. Все — и ма́ма, и па́па, и Боссе, и Бета́н — пришл́и к нему́ в ко́мнату пожела́ть споко́йной но́чи. Малы́ша́ уже́

одолевал сон. Но он ещё не спал, а думал о Карлсоне. Что он сейчас делает, Карлсон? Может, как раз что-нибудь мастерит... скворечник или ещё что...

«Завтра, когда я приду из школы, — думал Малыш, — я позвоню Карлсону и спрошу, нельзя ли мне слетать к нему и тоже ещё что-нибудь смастерить».

А потом Малыш подумал: «Как хорошо, что Карлсон провёл звонок, я позвоню ему всегда, когда захочу». И вдруг понял, что он уже захотел.

Он вскочил с постели, босиком подбежал к окну и дернул за шнурок. Три раза. Этот сигнал означал: «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человечек, как ты, лучший в мире Карлсон!»

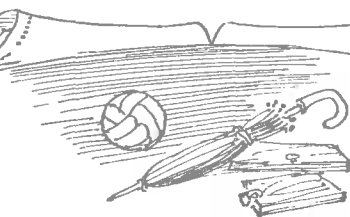
Малыш ещё постоял немного у окна, не потому, что ждал ответа, а просто так, и вдруг, представьте себе, прилетел Карлсон.

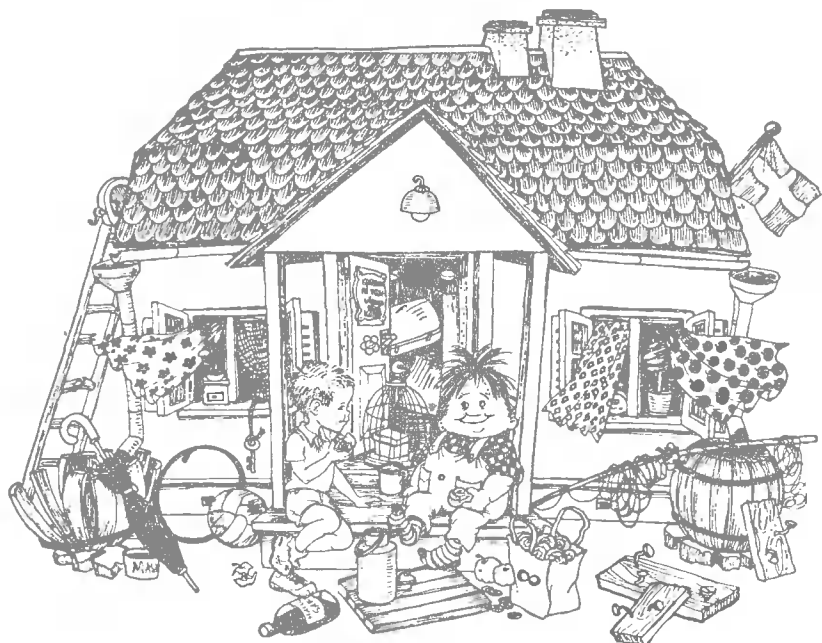
— Да, ты прав, — сказал он, — это и в самом деле очень хорошо.

Больше Карлсон ничего не сказал и тут же улетел назад, в свой зелёный домик на крыше.

**КАРЛСОН,
КОТОРЫЙ
ЖИВЁТ
НА КРЫШЕ,
ПРОКАЗНИЧАЕТ
ОПЯТЬ**

КАЖДЫЙ ИМЕЕТ ПРАВО БЫТЬ КАРЛСОНОМ

Однажды утром спросонья Малыш услышал взволнованные голоса, доносившиеся из кухни. Папа и мама явно были чем-то огорчены.

— Ну вот, дождались! — сказал папа. — Ты только погляди, что написано в газете. На, прочти сама.

— Ужасно! — воскликнула мама. — Просто ужас какой-то!

Малыш мигом соскочил с постели. Ему не терпелось узнать, что же именно ужасно. И он узнал.

На первой странице газеты огромными буквами был набран заголовок:

«Что это, летающий бочонок или нечто другое?»

А под заголовком — статья:

«Странный неопознанный объект летает над Стокгольмом. очевидцы сообщают, что за последнее время неоднократно видели в районе Вазастана некий летающий предмет, напоминающий по виду маленький пивной бочонок. Он издаёт звуки, похожие на гул мотора. Представители Авиакомпании ничего не смогли сообщить нам относительно этих полётов. Поэтому возникло предположение, что это иностранный спутник-шпион, запущенный в воздушное пространство с разведывательными целями. Тайна этих полётов должна быть раскрыта, а неопознанный объект — пойман. Если он действительно окажется шпионом, его необходимо передать для расследования в руки полиции.

Кто раскроет летающую тайну Вазастана?

Редакция газеты назначает вознаграждение в 10 000 крон. Тот, кому посчастливится поймать этот таинственный предмет, получит премию в 10 000 крон. Ловите его, несите в редакцию, получайте деньги!»

— Бедный Карлсон, который живёт на крыше, — сказала мама. — Теперь начнётся на него охота.

Малыш разом и испугался, и рассердился, и огорчился.

— Почему Карлсона не могут оставить в покое! — закричал он. — Он ведь не делает ничего плохого. Живёт себе в своём домике на крыше и летает взад-вперёд. Разве Карлсон в чём-то виноват?

— Нет, — сказал папа, — Карлсон ни в чём не виноват. Только он... как бы это сказать... ну, несколько необычен, что ли...

Да, что и говорить, Карлсон несколько необычен, с этим Малыш был вынужден согласиться. Разве обычно, когда в домике на крыше живёт маленький толстенький человечек да ещё с пропеллером на спине и с кнопкой на животё?

А ведь Карлсон был как раз таким человеком. И он был лучшим другом Малыша. Да, именно Карлсон, а не Кристер и Гунилла, которых Малыш тоже очень любил и с которыми играл, когда Карлсон вдруг исчезал куда-то или просто был занят.

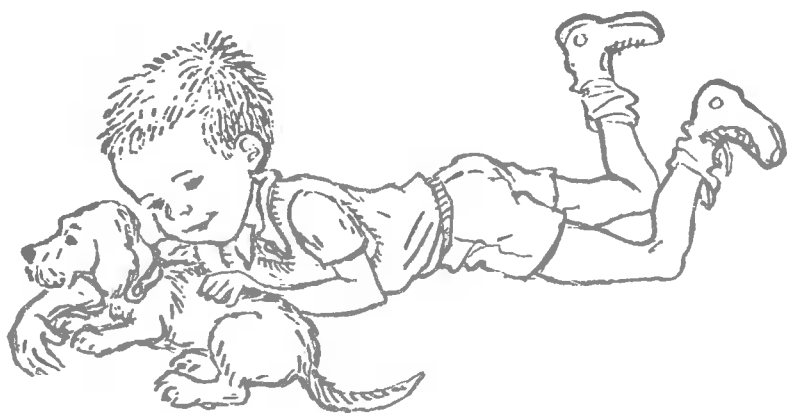
Карлсон уверял, что Кристер и Гунилла не идут с ним ни в какое сравнение, и всякий раз сердился, когда Малыш о них заговаривал.

— Ставить этих карапузов на одну доску со мной! — возмущался Карлсон. — Со мной, таким красивым и в меру упитанным мужчиной в самом расцвете сил! Многим ли глупым мальчишкам посчастливилось иметь такого лучшего друга, как я? Ну, отвечай!

— Нет, нет, только мне одному, — говорил Малыш, и всякий раз сердце его замирало от радости. Как ему повезло, что Карлсон поселился на крыше именно его дома! Ведь в Вазастане полно таких вот старых некрасивых домов, как тот, в котором жила семья Свантесонов! Какая удача, что Карлсон случайно оказался на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Правда, мама и папа Малыша сперва вовсе не были в восторге от того, что в доме появился Карлсон. И Боссе и Бетан поначалу его тоже невзлюбили. Вся семья — за исключением Малыша, конечно, — считала, что Карлсон самый вздорный, самый дерзкий, самый несносный озорник, какой только бывает на свете. Но постепенно все к нему привыкли. Теперь Карлсон, пожалуй, им даже нравился, а главное, они понимали, что он необходим Малышу. Ведь Боссе и Бетан были гораздо старше его, поэтому Малыш никак не мог обойтись без лучшего друга. И хотя у него была собака — изумительный щенок Бимбо, — Карлсон ему был совершенно необходим.

— Я думаю, что и Карлсон не может обойтись без Малыша, — сказала мама.

Но с самого начала мама и папа решили никому не говорить о существовании Карлсона. Они прекрасно понимали, что будет твориться в их доме, если о Карлсоне узнают на телевидении, а газеты и журналы захотят печатать о нём статьи, скажем, под заголовком: «Карлсон у себя дома».

— Вот будет смешно, — сказал Боссе, — если мы вдруг увидим в каком-нибудь журнале фотографию Карлсона... Представляешь, он сидит у себя в гостиной, любитесь букетом красных роз...

— Заглохни! — оборвал его Малыш. — Ты же знаешь, что у Карлсона никакой гостиной нет, у него всего-навсего одна комнатка, и никаких роз там нет.

Да, всё это Боссе знал и сам. Однажды все они — и Боссе, и Бетан, и мама, и папа — правда, только один раз, видели домик Карлсона. Они вылезли на крышу через слуховое окно — обычно так лазают только трубочисты, — и Малыш показал им маленький домик за трубой.

Мама немножко испугалась, когда поглядела с крыши вниз, на улицу. У неё даже закружи-

лась голова, и ей пришлось схватиться рукой за трубу.

— Малыш, обещаю тебе сейчас же, что ты никогда не ползёшь на крышу один, — сказала она.

— Ладно, — буркнул Малыш, подумав. — Я никогда не полезу на крышу один... раз я полезу туда с Карлсоном, — добавил он шёпотом.

Но мама, видно, не расслышала его последних слов; ну и ладно, пусть она пеняет на себя. Как она может требовать, чтобы Малыш никогда не бывал у Карлсона? Мама ведь и понятия не имеет, как весело сидеть в тесной комнатке Карлсона, битком набитой всякими диковинными и чудными вещами.

«А теперь, после этой дурацкой статьи, всё, наверное, кончится!» — с горечью думал Малыш.

— Ты должен предупредить Карлсона, — сказал папа, — пусть будет поосторожней. Некоторое время ему лучше не летать по Вазастану. Вы можете играть в твоей комнате, тогда его никто не увидит.

— Но если он начнёт безобразничать, я его живо выставлю вон, — добавила мама и протянула Малышу тарелку с кашей.

Бимбо тоже получил свою порцию каши. Папа попрощался и пошёл на работу. И маме, как выяснилось, тоже надо было уходить.

— Я иду в бюро путешествий, чтобы узнать, нет ли там для нас какого-нибудь интересного маршрута. Папа на днях уходит в отпуск, — сказала она и поцеловала Малыша. — Я скоро вернусь.

И Малыш остался один. Один с Бимбо, с тарелкой каши и со своими мыслями. И с газетой. Он придвинул её к себе и стал разглядывать. Под заметкой о Карлсоне была напечатана фотография огромного белого парохода, который прибыл с туристами в Стокгольм и стоял теперь на якорё в Стрёмене. Малыш долго глядел на снимок — белый пароход был

невероятно красив! Как Малышу захотелось подняться на борт этого прекрасного корабля и уплыть куда-нибудь далеко-далеко!

Он старался смотреть только на эту фотографию, но взгляд его то и дело соскальзывал на крупные буквы заголовка:

«Что это: летающий бочонок или нечто другое?»

Малыш очень разволновался. Необходимо как можно скорее поговорить с Карлсоном, но сделать это надо осторожно, чтобы не испугать его, а то он вдруг улетит и никогда больше не вернется!

Малыш вздохнул. И нехотя сунул в рот ложку каши. Но кашу не проглотил, а держал её на языке, словно желал получше распробовать. Малыш был маленьким худеньким мальчиком с плохим аппетитом — таких ведь немало. Он мог часами сидеть перед тарелкой с едой и вяло ковырять ложкой или вилкой, но так и не доест до конца.

«Что-то каша невкусная, — подумал Малыш. — Может, будет вкуснее, если добавить сахарку...» Он потянулся за сахарницей, но в эту минуту услышал гул мотора у окна, и тут же в кухню влетел Карлсон.

— Привет, Малыш! — крикнул он. — Ты знаешь, кто лучший в мире друг? А ещё угадай, почему этот друг появился здесь именно сейчас!

Малыш поспешно проглотил кашу, которую так долго держал во рту.

— Лучший в мире друг — это ты, Карлсон! Но я не знаю, почему ты прилетел именно сейчас.

— Чур, гадать до трёх раз! — сказал Карлсон. — Может, потому что я соскучился по тебе, глупый мальчишка? Может, я попал сюда по ошибке, а собирался вовсе слетать в Королевский парк? А может, я почувял, что здесь пахнет кашей? Раз, два, три, говори, не задерживайся!..

Малыш засиял.

— Наверное, потому что ты по мне соскучился, — сказал он смущенно.

— А вот и нет! И в Королевский парк я тоже лететь не собирался. Так что гадать тебе больше нечего.

«Королевский парк! — с ужасом подумал Малыш. — Туда Карлсону никак нельзя лететь. Да и вообще ему нельзя туда, где полным-полно народа, где его увидят. Придется ему это сейчас объяснить».

— Слушай, Карлсон... — начал Малыш и тут же умолк, потому что вдруг заметил, что Карлсон чем-то явно недоволен.

Он угрюмо глядел на Малыша и чмокал губами.

— Приходишь голодный как пёс, — ворчал Карлсон, — а этот сидит себе как ни в чём не бывало перед полной тарелкой каши, вокруг шеи у него повязана салфетка, и он бубнит себе под нос, что надо съесть ложку за маму, ложку за папу, ложку за тётю Августу...

— За какую тётю Августу? — спросил Малыш, стораю от любопытства.

— Понятия не имею, — ответил Карлсон.

— Так зачем же есть кашу за её здоровье? — рассмеялся Малыш.

Но Карлсону было не до смеха.

— Ах, вот как! Значит, твой друг должен умереть с голоду только потому, что ты не знаешь каких-то там старых тёток, которые живут где-то у чёрта на рогах!

Малыш вскочил, вынул из буфета тарелку и сказал Карлсону, чтобы он сам положил себе сколько хочет. Всё ещё мрачный как туча, Карлсон взял кастрюлю и принялся накладывать кашу в тарелку. Он накладывал и накладывал, а когда выскреб всё до дна, стал водить указательным пальцем по стенке кастрюли, отколупывая и то, что прилипло.

— У тебя не ма́ма, а зо́лото, — сказа́л Ка́рлсон, — жаль то́лько, что она́ така́я жа́дная. Нико́гда не ви́дел, что́бы вари́ли так ма́ло ка́ши.

То́лько по́сле того́ как вся ка́ша до по́следней кру́пинки оказа́лась у Ка́рлсона в тарелке, он присту́пил к еде́, да так, что за уша́ми тре́щало. На не́сколько мину́т все зву́ки в кúхне за́глушило гро́мкое ча́вканье, кото́рое все́гда раздаётся, когда́ кто́-нибудь о́чень жа́дно уплетает ка́шу.

— К сожа́лению, за здо́ровье те́ти Авгу́сты уже́ съесть не́чего, — заяви́л Ка́рлсон и вы́тер ладо́нью рот. — Но что я ви́жу! Здесь есть бу́лочки! Споко́йствие, то́лько споко́йствие. Ми́лая те́тя Авгу́ста, всё в по́рядке, живи́ споко́йно-преспоко́йно в своём да́лёком горо́дке Ту́мбе или где хо́чешь. Я съём за твоё здо́ровье вме́сто ка́ши две бу́лочки. А мо́жет, да́же три... или че́тыре... или пять!

Пока́ Ка́рлсон за́глатывал одну́ за друго́й бу́лочки, Ма́лыш ти́хо сидел и обду́мывал, как ему́ поумне́е предо́стеречь свое́го дру́га.

«Мо́жет, пра́вильнее все́го про́сто дать Ка́рлсону газе́ту? Пусть сам всё прочтёт», — реши́л он и по́сле не́которого колеба́ния при́двинул газе́ту к Ка́рлсону.

— Погляди́-ка на пер́вую страни́цу, — сказа́л Ма́лыш мра́чно. Ка́рлсон погляде́л. И на́до сказа́ть, с большо́м интере́сом, а пото́м ткнул пу́хлым па́льчиком в фотогра́фию бе́лого паро́хода.

— Ба-бах! Паро́ход переверну́лся! — восклицнул он. — Катастро́фа за ката́стро́фой!

— Да ты же де́ржишь газе́ту вверх нога́ми, — мя́гко сказа́л Ма́лыш.

Он да́вно подозрева́л, что Ка́рлсон не уме́ет чита́ть. Но Ма́лыш был до́брым ма́льчиком, он нико́го не хоте́л обижа́ть, и, уж коне́чно, не хоте́л обижа́ть Ка́рлсона, по́тому он не стал крича́ть: «Ха-ха-ха, ты не уме́ешь чита́ть!» — а мо́лча переверну́л газе́ту

так, что Карлсон тут же уви́дел, что ника́кого несча́стья не произо́шло.

— Но здесь написа́но про друго́е несча́стье, — сказа́л Ма́лыш. — Послу́шай то́лько.

И он прочёл вслух про лета́ющий бо́ночек и про спу́тника-шпи́она, кото́рого необходи́мо бы́ло пойма́ть, и про вознагра́ждение, назна́ченное газе́той, — всю за́метку от нача́ла до конца́...

— «Доста́вьте его́ в редакцию́, и вы полу́чите ука́занную су́мму», — зако́нчил он чтéние и вздохну́л.

Но Карлсон не вздыха́л, совсе́м наобо́рот, он был в восто́рге.

— Гоп-гоп! — выкри́кивал он и пры́гал на ме́сте от ра́дости. — Гоп-гоп, мо́жно счита́ть, что спу́тник-шпи́он уже́ пойман! Звони́ в редакцию́ и скажи́, что я приду́ к ним по́сле обе́да.

— Что ты задума́л? — с испу́гом спроси́л Ма́лыш.

— Зна́ешь, кто лу́чший в ми́ре охо́тник за спу́тниками-шпи́онами? — И Карлсон с го́рдым ви́дом ткнул се́бя па́льцем в грудь. — Вот он, гро́зный Карлсон! Никто́ не спасе́тся, когда́ я лечу́ со своим больши́м сачко́м. Раз спу́тник-шпи́он кру́жится где́-то здесь, в райо́не Ваза́стана, я до ве́чера наве́рняка пойма́ю его́ сачко́м... Кста́ти у тебя́ есть чемода́н, что́бы пам унести́ де́сять ты́сяч?

Ма́лыш внове́ь вздохну́л. Все́ оказа́лось куда́ сложне́е, чем он ду́мал. Карлсон ниче́го не подозрева́л.

— Ми́лый Карлсон, неужели́ ты не догада́лся, что «лета́ющий бо́ночек» — это ты, что это они́ за то́бой охо́тятся? Тенерь по́нял?

Карлсон очередной раз подпрыгнул от радости, и вдруг до него дошёл смысл этих слов. В горле у него что-то заклокотало, словно он поперхнулся, и он окинул Малыша яростным взглядом.

— «Летающий бочонок!» — завопил он. — Ты меня обзываешь летающим бочонок! Ты, мой лучший друг!

Он вскинул руки, чтобы казаться как можно длиннее, и одновременно втянул живот.

— Ты, я вижу, забыл, — начал он свысока, — что я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Так или не так?

— Конечно, Карлсон, так-так... — залепетал Малыш, заикаясь от волнения. — Но я не виноват, что они это пишут в газете. А они имеют в виду тебя, это точно.

Карлсон злился всё больше и больше.

— «Кому посчастливится поймать этот таинственный предмет...» — с горечью повторил он снова слова заметки. — «Предмет!» — выкрикнул он, окончательно выходя из себя. — Кто-то смеет обзывать меня предметом! Я этому гаду так врежу по переносице, что у него глаза на лоб ползут!

И Карлсон сделал несколько маленьких, но угрожающих прыжков в сторону Малыша. И зря. Потому что Бимбо тут же вскочил. Уж он-то никому не позволит тронуть Малыша.

— Бимбо, на место, успокойся! — скомандовал Малыш. И Бимбо послушался, только поворчал немного, чтобы Карлсон понял, что он на страже.

А Карлсон сел на скамеечку. Вид у него был мрачный и невыразимо печальный.

— Я так не играю, — сказал он. — Я так не играю, раз ты такой злой и называешь меня предметом, и натравливаешь на меня своих дурацких собак.

Малыш совсем растерялся. Он не знал, что сказать, что сделать.

— Я не виноват, что так пишут в газете, — пробормотал он снова и умолк.

Карлсон тоже молчал и с печальным видом сидел на скамеечке. В кухне воцарилась тягостная тишина.

И вдруг Карлсон громко расхохотался. Он вскочил со скамеечки и добродушно ткнул Малыша кулачком в живот.

— Уж если я предмет, то, во всяком случае, самый лучший в мире предмет, который стоит десять тысяч крон! Понял? Да?

Малыш тоже стал смеяться — от радости, что Карлсон снова развеселился.

— Да, это верно, — подтвердил он, — ты стоишь десять тысяч крон. Думаю, мало кто стоит так дорого.

— Никто в мире, — твердо заявил Карлсон. — Спорим, что такой вот глупый мальчишка, как ты, стоит не больше ста двадцати пяти крон.

От избытка чувств он нажал стартовую кнопку на животe, взмыл к потолку и с радостными воплями сделал несколько кругов вокруг лампы.

— Гей-гоп! — кричал он. — Вот летит Карлсон, который стоит десять тысяч крон! Гей-гоп!

Малыш решил махнуть на всё рукой. Ведь Карлсон на самом деле вовсе не был шпионом — значит, его могут задержать только за то, что он Карлсон. Малыш вдруг понял, что мама и папа испугались не за Карлсона, а за свой покой. Они просто боялись, что если все будут ловить Карлсона, то скрывать его существование уже не удастся. Малышу показалось, что Карлсону всерьез ничего не угрожает.

— Тебе нечего бояться, Карлсон, — сказал он, стараясь его успокоить. — Тебе ничего не могут сделать за то, что ты — это ты.

— Конечно, каждый имеет право быть Карлсоном, — подхватил Карлсон. — Хотя до сих пор нашёл-

ся только один такой хороший и в меру упитанный экземпляр.

Они снова стояли рядом посреди комнаты Малыша, и Карлсон с надеждой и нетерпением оглядывался по сторонам.

— Нет ли у тебя новой паровой машины, которую мы могли бы взорвать? Или ещё чего-нибудь интересного? Главное, чтобы загрохотало вовсю. Давай устроим сейчас немислимый грохот. Я хочу позабыться, а то я не играю, — сказал он, и в ту же секунду взгляд его упал на пакетик, который лежал на столе у Малыша.

Он кинулся на него, словно коршун на добычу. Мама положила Малышу этот пакетик вчера вечером, а в нём был прекрасный персик. И вот теперь этот персик Карлсон жадно сжимал пухленькими пальцами.

— Мы его разделим, ладно? — торопливо предложил Малыш. Он тоже любил персики и знал, что нельзя зевать, если хочешь его хоть попробовать.

— Хорошо, — согласился Карлсон, — разделим! Я возьму себе персик, а ты — пакетик. Учти, я уступаю тебе лучшую часть: с пакетиком можно знаешь сколько интересных штук придумать!

— Нет, спасибо! — твёрдо сказал Малыш. — Мы сперва разделим персик, а потом я тебе охотно уступлю пакетик.

Карлсон неодобрительно покачал головой.

— Никогда ещё не встречал таких прожорливых мальчишек, как ты! — вздохнул он. — Ну ладно, раз уж ты так настаиваешь...

Чтобы разделить персик, нужен был нож, и Малыш побежал в кухню. А когда он вернулся с ножом, Карлсон исчез. Но Малыш тут же услышал, что из-под стола доносилось чавканье и причмокивание, словно кто-то торопливо ел что-то очень сочное.

— Послушай, что ты там делаешь? — с тревогой спросил Малыш.

Когда Карлсон вылез из-под стола, персиковый сок стекал у него с подбородка. Он протянул свою пухлую ручку и сунул Малышу большую шершавую тёмно-красную косточку.

— Заметь, я всегда отдаю тебе самое лучшее, — заявил он. — Если ты посадишь эту косточку, у тебя вырастет целое персиковое дерево, всё увешанное сочными персиками. Ну, кто самый большой добряк в мире? Я ведь даже не устраиваю никакого скандала, хоть и получил от тебя только один паршивенький персик!

Но Малыш, если бы и захотел, не успел бы ничего ответить, потому что в мгновение ока Карлсон очу-

тѣлся у окна, где на подоконнике стоял горшок с бегонией, и схватил цветок за стебель.

— Я такой добрый, что сам помогу тебе посадить эту косточку, — заявил он.

— Не трогай! — крикнул Малыш.

Но было уже поздно: Карлсон вырвал бегонию с корнем и вышвырнул в окно.

— Ты что, ты что?! — завопил Малыш, но Карлсон его не слушал.

— Целое большое персиковое дерево! Представляешь? На своём пятидесятилетии ты каждому гостю — каждому-каждому, понял? — дашь по персику. Разве это не интересно?

— Но ещё интересней будет, когда мама заметит, что ты выбросил её бегонию, — сказал Малыш. — И подумай, вдруг сейчас мимо дома шёл какой-нибудь старичок и цветок угодил ему как раз по башке. Что он скажет, как ты считаешь?

— «Спасибо, дорогой Карлсон!» — вот что он скажет, — уверял Карлсон Малыша. — «Спасибо, дорогой Карлсон, что ты вырвал с корнем бегонию, а не швырнул её вниз прямо в горшке... как этого хотела бы глупая мама Малыша».

— Вообще она этого не хотела бы! — запротестовал Малыш. — Почему ты так говоришь?

Карлсон успел тем временем ткнуть косточку в горшок и теперь энергично засыпал её землёй.

— Нет, хотела! — не сдавался Карлсон. — Она, видите ли, не позволяет вытаскивать бегонии из горшка. А что это может стоить жизни ни в чём не повинному старичку, мирно идущему по улице, — это твою маму не волнует. «Одним стариком больше, одним меньше — это пустяки, дело житейское, — говорит она, — только бы никто не трогал мою бегонию».

Карлсон гневно глядел на Малыша.

— И в концѣ концов, ёсли бы я выкинул бегонию с горшком, куда мы посадили бы персиковую косточку? Подумал ли ты об этом?

Малыш об этом не подумал, поэтому он не знал, что ответить. Спорить с Карлсоном было нелегко, особенно когда он бывал в настроении спорить. Но к счастью, настроение у него менялось каждые пятнадцать минут. Вот и теперь он вдруг издал какой-то странный, но явно радостный звук, похожий на кудахтање.

— Мы же забыли про пакет! — воскликнул он. — А с пакетом можно отлично позабавиться.

Этого Малыш прежде не знал.

— Ну да? — удивился он. — Что же можно сделать с пакетом?

Глаза Карлсона заблестели.

— Издать самый громкий в мире хлюп! — объявил он. — Гей-гоп, какой сейчас будет изумительный хлюп! Вот этим мы и займемся.

Он схватил пакет и со всех ног побежал в ванную комнату. Малыш, раздираемый любопытством, бросился за ним. Ему очень хотелось узнать, как делают самый громкий в мире хлюп.

Карлсон стоял, наклонившись над ванной, и наполнял пакет водой.

— Ты глупый, да? Разве можно лить воду в бумажный пакет? Неужели ты этого не понимаешь?

— А что такое? — спросил Карлсон и помахал пакетом с водой у Малыша перед носом, чтобы Малыш вообще убедился, что в бумажный пакет можно лить воду, а потом стремглав кинулся назад в комнату Малыша.

Малыш побежал за ним, полный дурных предчувствий. И они оправдались... Карлсон весь высунулся из окна так, что видны были только его толстые, короткие, пухленькие ножки.

— Гей-гоп,— завопíл он,— поглядí вниз, сейчáс я произведú сáмый сýльный в мýре хлюп!

— Стой! — крикнул Малыш и тóже лёг на подо-
кóнник. — Не нáдо, Кáрлсон, не нáдо! — молил он ис-
пуганно.

Но бýло ужé пóздно. Мешóк полетёл вниз, и Малыш уви́дел, как он разорвáлся, слóвно бóмба, у ног какóй-то тётеньки, котóрая шла в молóчное кафé в сосéдний дом. И бýло я́сно, что этот сáмый грóмкий в мýре хлюп ей решíтельно не понравился.

— Гляди́,— сказа́л Кáрлсон,— она́ áхнула, слóвно мы сбросили горшóк с фíкусом, а не полторá стака́на воды.

Малыш с грóхотом захло́пнул окно́. Он не хотёл, чтóбы Кáрлсон продолжа́л выбра́сывать на у́лицу рáзные вещи.

— Я дýмаю, что этóго нельз́я дéлать,— сказа́л Малыш серьёзно, но Кáрлсон в отвéт тóлько расхохотáлся.

Он нéсколько раз облетёл вокрýг лáмпы и, не перестава́я хихика́ть, приземли́лся возле Малыша́.

— «Я дýмаю, что этóго дéлать нельз́я!» — передразни́л он Малыша́.— А что, по-твóему, мóжно? Швырну́ть вниз пакéты с тóхлыми яйцами? Этó тóже одна́ из стра́нных фанта́зий твоёй ма́мы?

Кáрлсон снóва взлетёл и снóва гру́зно шмя́кнулся на́ пол как раз перед Малышóм.

— Могу́ сказа́ть, что вообще́ ты и тво́я ма́ма сáмые стра́нные лю́ди на свéте, но всё же я вас люблю́.— Кáрлсон потрепáл Малыша́ по щекé.

Малыш покраснёл, так он был счáстлив. Кáрлсон его́ любил, этó замечáтельно! Да и ма́му он любил тóже, этó я́сно, хотя́ ча́сто плёл про неё невёсть что.

— Да сам удивляю́сь,— подтверди́л Кáрлсон, продолжа́я похло́пывать Малыша́ по щекé.

Он хло́пал его́ до́лго и всё бо́лее и бо́лее увлечён-

но. Последний хлопок походил уже скорее на пощечину, и тогда Карлсон сказал:

— Ой, до чего же я милый! Я самый милый в мире! И я думаю, что поэтому мы сейчас поиграем во что-нибудь совсем милое, ты согласен?

Малыш был, конечно, согласен, и он тут же стал лихорадочно соображать, во что бы такое милое поиграть с Карлсоном.

— Вот, например, — предложил Карлсон, — мы могли бы играть, что стол — это наш плот, на котором мы спасаемся от наводнения... а оно, кстати, как раз и начинается.

И он показal на струйку воды, которая подтекла под дверь.

У Малыша перехватило дыхание.

— Ты что, не закрыл кран в ванной? — спросил он с ужасом.

Карлсон наклонил голову и ласково поглядел на Малыша.

— Угадай, закрыл ли я кран или нет! До трёх раз!

Малыш распахнул дверь в прихожую. Карлсон был прав. Великое наводнение началось. Ванная и прихожая были залиты водой, она стояла уже так высоко, что в ней можно было плескаться, если была охота. А Карлсону была охота. Он с восторгом прыгнул прямо в воду.

— Гей-гоп! — кричал он. — Бывают же дни, когда случаются только прекрасные вещи!

Малыш закрыл кран в ванной и выпустил из неё воду, а потом опустился на стул в прихожей и с отчаянием утравился на пол.

— Ой, — сказал он тихо, — ой, что скажет мама?

Карлсон перестал прыгать в воде и с обидой посмотрел на Малыша.

— Ну знаешь, это уж слишком! — возмутился он. — Что же она такая ворчунья, твоя мама! Не-

сколько вёдер са́мой обыкнове́нной воды́... есть о чём говори́ть!

Он снова подпры́гнул, да так высоко́, что обрызгал Малы́ша с головы́ до ног.

— Приятная водичка, — сказа́л он. — А заодно́ и пожа́ная ва́нна. Она́ что, возража́ет про́тив мытья́ ног?

И он ещё́ раз пры́гнул, и снова́ Малы́ша обдало́ брызга́ми.

— Неужели́ твоя́ ма́ма никогда́ не де́лает пожа́ных ванн? И все дни напроле́т швыря́ет из о́кон цвето́чные горшки́? Так, что ли?

Малы́ш ничего́ не отве́тил. Он ду́мал. На́до бы́ло во что бы то ни ста́ло всё убра́ть до прихода́ ма́мы.

— Ка́рлсон, мы должны́ поскорее́...

Он не догово́рил, а вскочи́л со сту́ла и помча́лся на ку́хню. И тут же верну́лся с полови́кой тря́пкой.

— Дава́й, Ка́рлсон, помога́й... — нача́л он, но вдруг обнару́жил, что Ка́рлсона́ в ко́мнате нет.

Его́ не́ было ни в прихо́жей, ни в ва́нной — нигде́. Но всё вре́мя Малы́ш слы́шал гул мото́рчика. Он подбежа́л к окну́ и уви́дел, что ввысь взмы́ло не́что напоми́нающее то́лстенькую сарде́лку.

— Лета́ющий боцо́нок или́ не́что друго́е? — пробормота́л Малы́ш.

Нет, это́ был не лета́ющий боцо́нок, а всего́-на́всего́ Ка́рлсон, кото́рый возвра́щался в свой зеле́ный до́мик на кры́ше.

Но тут Ка́рлсон заме́тил Малы́ша. Он спики́ровал вниз и промча́лся ми́мо окна́ на тако́й ско́рости, что во́здух засвисте́л. Малы́ш восторженно́ замаха́л ему́ тря́пкой, и Ка́рлсон махну́л в отве́т своёй пу́хленькой ру́чкой.

— Гей-гоп! — крича́л он. — Вот летит́ Ка́рлсон, кото́рый сто́ит де́сять ты́сяч крон. Гей-гоп!

И он улете́л. А Малы́ш стал собира́ть тря́пкой во́ду с по́ла прихо́жей.

КАРЛСОН ВСПОМИНАЕТ, ЧТО У НЕГО ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Карлсону повезло, что его не было, когда мама вернулась из бюро путешествий, потому что она всерьёз рассердилась и из-за исчезнувшей бегонии, и из-за наводнения, хотя Малыш успел кое-как вытереть пол.

Мама сразу поняла, кто всё это натворил, и даже рассказала папе, когда он пришёл обедать.

— Может, это и нехорошо с моей стороны, — сказала мама, — потому что я к Карлсону за последнее время стала понемногу привыкать, но знаете, я сейчас сама готова заплатить десять тысяч крон, только бы от него отделаться.

— Ой, что ты! — воскликнул Малыш.

— Ладно, не будем сейчас больше об этом говорить, — сказала мама, — потому что во время еды надо, чтобы было весело.

Мама часто это повторяла: «Во время еды надо, чтобы было весело». И Малыш тоже так думал. А им, право же, всегда было весело, когда они все вместе сидели за столом и болтали о чём попало. Малыш больше говорил, чем ел, особенно когда на обед была варёная треска, или овощной суп, или селедочные котлеты. Но сегодня мама подала им телячьи отбивные, а на сладкое — клубнику, потому что начались летние каникулы и Боссе и Бетан уезжали из дома. Боссе — в яхтклуб, учиться парусному спорту, а Бетан — на крестьянский хутор, где много лошадей. Так что это был прощальный обед, и мама постаралась, чтобы он превратился в маленький пир.

— Не огорчайся, Малыш, — сказал папа. — Мы тоже уедем втроём — мама, ты и я.

И он рассказал — великая новость! — что мама была в бюро путешествий и заказала билеты на точ-

но такой же парохóд, как тот, что был изображён на фотографии в газéте. Чéрез недéлю он уйдёт в мóре, и цéлых пятнáдцать дней онí бóдут плыть на éтом огромном бéлом парохóде и заходить в рáзные пóрты.

— Рáзве éто не замечáтельно? — спросила мáма Малышá.

И пáпа его спросил. И Бóссе и Бétан тóже.

— Рáзве éто не колоссáльно, Малыш?

— Агá! — согласился Малыш.

И он в сáмом дéле думал, что éто навeрняка бóдет колоссáльно. Но вмéсте с тем понимáл, что чтó-то во всём éтом есть и не óчень колоссáльное, дáже знал, что именно: Кáрлсон! Как он мóжет брóсить Кáрлсона одного́ именно в тот момéнт, когда он действítельно ему́ нóжен! И хотя́ Кáрлсон никакóй не шпиóн, а прóсто Кáрлсон, опáсность ему́ всё равнó угрожáет, ёсли лóуди начнóут за ним охóтиться, чтóбы получить дéсять ты́сяч крон. Малыш думал об éтом всё врéмя, покá вытирáл пол пóсле великóго наводнénия. Кто знáет, что кому́ мóжет взбрeсти в гóлову. Вдруг онí поса́дят Кáрлсона в клéтку в зоопáрке или придума́ют чтó-нибудь ещé бóлее ужáсное. Во вся́ком слóучае онí не дадут Кáрлсону спокóйно жить в мáленьком дóмике на кры́ше. Уж éто тóчно!

И Малыш решил остáться дóма и охраня́ть Кáрлсона. Он тут же, ещé сидя за столóм и уплетáя теля́чью отбивну́ю, объяснил всем, почему́ он не мóжет никуда́ éхать.

Бóссе расхохотáлся.

— Кáрлсон в клéтке, éто да!.. Ой, представь себе́, Малыш, что ты с клáссом придёшь в зоопáрк поглядéть на рáзных зверей и вы бóдете читáть, что написано на табличкáх. Вот ты и прочтёшь на одной: «Медвeдь бéлый», а на друго́й: «Лось сохáтый», или: «Волк степнóй», или там «Бобёр обыкновénный», и вдруг: «Кáрлсон летáющий».

— Не смей! — вскипел Малыш.

Но Боссе продолжал хохотать.

— «Карлсон летающий, просьба этого зверя не кормить». Представляешь, как бы он озверел, если бы это написали на его клетке!

— Дурак, — сказал Малыш. — Просто дурак.

— Но, Малыш, пойми, если ты не поедешь, значит, и мы не сможем поехать, — сказала мама.

— Спокойно сможете, — возразил Малыш. — А мы с Карлсоном будем вместе вести хозяйство.

— Ха-ха! И затопим весь дом, да? И вышвырнем из окон всю мебель на улицу! — захохотала Бетан.

— Дура, — сказал Малыш.

На этот раз сидеть за обеденным столом оказалось не так весело, как обычно. И хотя Малыш был мальчиком милым и добрым, он мог иногда вдруг удивительно заупрямиться. Вот и сейчас он стал тверд как камень и не проявлял никакой склонности вести переговоры.

— Но послушай, Козленок... — начал было папа, но так и не смог докончить, потому что в эту минуту что-то опустили в почтовый ящик на двери и Бетан выскочила из-за стола, даже не попросив разрешения.

Она ждала письмо от какого-то длинноволосого мальчишки, поэтому пулей вылетела в прихожую. В ящике и в самом деле лежало письмо, но не Бетан от длинноволосого мальчишки, а папе от дяди Юлиуса, который был совершенно лысый.

— Во время еды должно быть весело, — сказал Боссе. — А это значит, что во время еды не должны приходиться письма от дяди Юлиуса.

Дядя Юлиус был дальним родственником папы и раз в год приезжал в Стокгольм, чтобы посоветоваться со своим врачом и погостить у Свantesонов. Дядя Юлиус не желал жить в гостинице, он считал,

что это слишком дорого. Впрочем, денег у него было очень много, но он не любил их тратить.

Никто у Свантесонов не радовался приезду дяди Юлиуса. И меньше всех папа. Но мама всегда при этом говорила:

«Ты ведь его единственный родственник, у него никого нет, кроме тебя, его просто жаль. Мы должны быть добры к бедному дяде Юлиусу».

Но стоит бедному дяде Юлиусу прожить в доме дня два, мучить детей своими непрерывными замечаниями, привередничать за столом и ныть по всякому поводу, как у мамы на лбу появляется складка и она становится такой же молчаливой и напряжённой, каким всегда бывал папа с той самой минуты, как дядя Юлиус переступал порог их дома. А Боссе и Бетан так стараются не попадаться на глаза старику, что почти не бываю́т дома, когда он у них гостит.

«Только Малыш к нему добр», — говорила мама.

Но и у Малыша стало иссякать терпение, и когда дядя Юлиус гостил у них в прошлый раз, он нарисовал его портрет в своём альбоме, а под рисунком написал: «Болван».

Дядя Юлиус случайно увидел этот рисунок и сказал:

«Плохо ты нарисовал лошадь».

Ну конечно, дядя Юлиус считал, что все всё делают плохо. Короче, это уж точно был нелёгкий гость, и, когда он уложил наконец свои вещи в чемодан и уехал домой, в Вестергётланд, Малышу показалось, что дом вдруг расцвёл и в комнатах зазвенела весёлая музыка. Все стали оживлённы и общительны, словно случилось что-то очень приятное, а ведь на самом-то деле ничего не случилось, просто уехал бедный дядя Юлиус.

И вот теперь, как было написано в письме, он снова собирался приехать и пробыть у них никак не

мѣньше двухъ недѣль. Пусть онѣ не беспокоятся, он увѣрен, что приятно и с пользой проведѣтъ это время, темъ болѣе что докторъ предписалъ ему курсъ уколовъ и массажъ: по утрамъ у него почему-то немеетъ тѣло.

— Ну вот, в кои это вѣки собрались попутешествовать... — вздохнула мама. — А Малыш не хочет с нами ѣхать, да ещё приезжаетъ в гости дядя Юлиус!

Но тут папа стукнул кулакомъ по столу и сказал, что лично он непременно отправится в путешествие и во что бы то ни стало возьмѣтъ с собой маму, даже если ему для этого придется её похитить. А Малыш может поступать, как ему вздумается: захочет — поѣдет с ними, нет — останется дома. Пусть сам решает. Что же касается дяди Юлиуса, то он волен приезжать и жить у них в квартирѣ и ходить к докторамъ столько, сколько его душѣ угодно, а если ему это не подходит, может с тем же успѣхом остаться у себя в Вестергѣтланде, во всяком слѣчае — папа это заявил со всей определенностью — он отправится в положенный день на пристань, сядет на пароход, и даже дѣсять дядей Юлиусов его не останвят.

— Да, конечно, — сказала мама, — но всё это надо как слѣдует обдумать.

А когда мама всё обдумала, то сказала, что попросит фрекен Бок: может быть, она согласится помогать по хозяйству двум упрямым холостякам — Малышу и дяде Юлиусу.

— Не двум, а трѣм, — сказал папа. — Третьего упрямого холостяка зовутъ Карлсон, который живѣтъ на крыше. Не забудьте про Карлсона, ведь он будет торчать здесь цѣлыми днями.

Боссе так хохотал, что чуть не свалился со стула.

— Домомучительница, дядя Юлиус и Карлсон — вот такая компания подобралась!

— И плюс Малыш. Не забывайте про него, пожалуйста, — сказала Бѣтан.

Она́ обхвати́ла Малы́ша обе́ими рука́ми и с неподде́льным изумле́нием поглядéла ему́ в глаза́.

— Ведь быва́ют же на све́те такие лю́ди, как мой мла́дший брат! — сказа́ла она́. — Он отка́зывается от замеча́тельного путеше́ствия с ма́мой и па́пой ра́ди того́, что́бы оста́ться до́ма в о́бществе домоучи́тельницы, дяди Юлиуса и Ка́рлсона, кото́рый живёт на кры́ше.

— Раз у тебя́ есть лу́чший друг, его́ нельзя́ броса́ть.

Не ду́майте, что Малы́ш не понима́л, как ему́ бу́дет тру́дно! Немы́слимо тру́дно бу́дет с Ка́рлсоном, кото́рый начне́т летать́ вокру́г дяди Юлиуса и фре́кен Бок. Нет, что и говори́ть, кто́-нибудь до́лжен оста́ться до́ма и всё распу́тывать.

— И э́тим «кто́-нибудь» бу́ду я, бо́льше не́кому, понима́ешь, Бимбо? — сказа́л Малы́ш, когда́ он уже́ лежа́л в постэ́ли, а ря́дом, в корзи́нке, сопéл Бимбо.

Малы́ш протяну́л указа́тельный па́лец и почеса́л Бимбо под оше́йником.

— А тепе́рь нам лу́чше всего́ спса́ть, — сказа́л он, — у́тро ве́чера мудренее́.

Но тут послы́шался шум мото́ра, и в ко́мнату влете́л Ка́рлсон.

— Ну и исто́рия со мной приключи́лась! — воскли́кнул он. — Реши́тельно всё на́до само́му держа́ть в голове́: е́сли что забуде́шь — ко́нec, рассчиты́вать не́ на кого́!..

Малы́ш сел в кровáти.

— А что ты забы́л?

— Я забы́л, что у меня́ день рождéния! Весь дли́нный сегодня́шний день у меня́, ока́зывается, день рождéния, я прóсто об э́том соверше́нно забы́л, и никто́, никто́ не сказа́л: «Поздравля́ю тебя́, доро́гой Ка́рлсон».

— Не понима́ю, — удиви́лся Малы́ш, — как у тебя́

мо́жет быть день рождéния сего́дня, восьмо́го ию́ня? Я же по́мню, что у тебя́ день рождéния в апрéле.

— То́чно, был,— подтверди́л Ка́рлсон.— Но поче́му́ день рождéния до́лжен у меня́ быть всегда́ в оди́н и тот же день, когда́ есть сто́лько други́х прекра́сных дней. Восьмо́го ию́ня, напримéр,— вполне прекра́сный день, поче́му́ же мне его́ не вы́брать для дня рождéния? Мо́жет, ты прот́ив?

Мальы́ш рассмея́лся.

— Нет, я «за»! Пу́сть у тебя́ бу́дет день рождéния всегда́, когда́ тебе́ хо́чется.

— Тогда́,— нача́л Ка́рлсон и уми́льно склони́л го́лову набо́к,— тогда́ я попрошу́ дать мне мои́ подáрки.

Мальы́ш вы́лез из постéли в глубо́кой задумчи́вости. Не так-то легко́ было́ тут же найти́ для Ка́рлсона подходя́щий подáрок, но он реши́л всё же попробо́вать.

— Сейча́с погляжу́ у себя́ в ящичах,— сказа́л он.

— Хорошо́,— согласи́лся Ка́рлсон и пригото́вился терпели́во ждать. Но тут взгляд его́ упáл на цвето́чный горшо́к, в кото́рый он посади́л перси́ковую ко́сточку. Недо́лго ду́мая Ка́рлсон кину́лся к горшкú и па́льцем бы́стро вы́ковырял ко́сточку из земли́.— Ну́жно посмотре́ть, растёт она́ и́ли нет. Ой, гляди́, по-мо́ему, она́ ста́ла намно́го бо́льше,— отме́тил он и, сно́ва сунув ко́сточку в зéмлю, обтёр грязные па́льцы о пи́жаму Мальы́ша.— Лет че́рез два́дцать тебе́ бу́дет здо́рово,— сказа́л он.

— Почему́? — удиви́лся Мальы́ш.

— Потому́, что ты смо́жешь спать́ днём в тени́ перси́кового де́рева! Зо́рово, пра́вда? Да, кровать́ тебе́, коне́чно, придéтся выбросить, ме́бель вообще́ как-то не подходит к перси́ковому де́реву... Так, а где мои́ подáрки?

Мальы́ш вы́тащил одну́ из свои́х ма́леньких маши́-

нок, но Карлсон покачал головой. Тогда Малыш показал ему сперва игру-головоломку, потом «Конструктор», потом мешочек с разноцветными камушками, но Карлсон всякий раз молча качал головой. И тогда Малыш наконец догадался, что Карлсон хочет получить: пистолет! Он давно уже лежал в верхнем ящике письменного стола в спичечном коробке. Это был самый маленький в мире пистолет и, конечно, самый прекрасный. Папа привёз его Малышу из-за границы, и Кристер, и Гунилла в своё время ему очень завидовали, потому что они в жизни не видели таких малюсеньких пистолетов. Он выглядел точь-в-точь как самый настоящий, а стрелял почти так же громко, как большой. Совершенно непонятно, гово-

рил папа, как эта малютка может так громко стрелять.

— Будь осторожен и не стреляй, а то люди вокруг будут пугаться, — сказал папа, когда положил эту крохотульку Малышу на ладонь.

По понятной причине Малыш решил тогда не показывать этот пистолетик Карлсону. Впрочем, Малыш и сам знал, что не очень красиво с его стороны таить от друга игрушку. Да к тому же это оказалось бессмысленным, потому что Карлсон сам обнаружил пистолетик, когда рылся в его ящичке.

Карлсону этот пистолетик, конечно, тоже необычайно понравился.

«Может, поэтому он и решил устроить себе сегодня день рождения», — подумал Малыш и, глубоко вздохнув, достал коробок из ящичка.

— Поздравляю тебя, дорогой Карлсон! — сказал он.

Карлсон издал дикий вопль, бросился к Малышу и поцеловал его в обе щеки, потом открыл коробок и с радостным кудахтаньем вынул пистолетик.

— Ты лучший в мире друг! — сказал он.

И Малыш вдруг почувствовал себя счастливым, таким счастливым, словно у него было еще сто таких пистолетиков.

— Понимаешь, — сказал Карлсон, — он мне в самом деле нужен. Сегодня вечером.

— Зачем? — с тревогой спросил Малыш.

— Чтобы, лёжа в постели, считать овец, — объяснил Карлсон.

Тут надо сказать, что Карлсон не раз жаловался Малышу, что плохо спит.

— По ночам, правда, я сплю как убитый, — говорил он. — И по утрам тоже. Но вот после обеда я лежу и ворочаюсь и не могу сомкнуть глаз.

Тогда-то Малыш и научил его, как надо бороться

с бессонницей. Если вам не удаётся сразу заснуть, то нужно притвориться спящим и представить себе, что видишь стадо овец, которые прыгают через заборчик. И всех овец надо пересчитать одну за одной, как раз в момент, когда они взлетают над заборчиком, и в конце концов сон тебя обязательно одолеет.

— Понимаешь, я никак не мог заснуть сегодня вечером, — сказал Карлсон. — Я лежал и считал овец. И вот среди них была одна паршивая овца, которая никак не хотела прыгать, ну никак.

Мальш рассмеялся.

— Почему она не хотела прыгать?

— Чтобы меня помучить. Стоит себе у заборчика, переминается с ноги на ногу и ни с места. Тогда я подумал, что, если бы у меня был пистолет, я поставил бы её прыгнуть. И вспомнил, что у тебя, Мальш, в ящике письменного стола лежит маленький пистолетик, и тогда я решил, что сегодня у меня день рождения, — сказал Карлсон и радостно потрогал пистолетик.

Конечно, Карлсон тут же захотел испытать свой подарок.

— Проверка! — сказал он. — Сейчас как бабахну, знаешь как будет весело! А не то я не играю.

Но Мальш сказал очень твердо:

— Нет! Мы перебудим весь дом.

Карлсон пожал плечами.

— Ну и что ж? Пустяки, дело житейское! Снова заснут. А если у них нет овец, чтобы считать, я им одолжу своих.

Но Мальш упёрся и ни за что не соглашался на испытание пистолета. Тогда Карлсон придумал такой выход.

— Мы полетим ко мне, — заявил он. — Всё равно ведь надо отпраздновать мой день рождения... Не найдётся ли у вас пирога?

Но пирога́ на э́тот раз не́ было, а когда́ Ка́рлсон стал ворча́ть, Ма́лыш сказа́л, что э́то, мол, пустя́ки, де́ло житёйское.

— Запо́мни,— стро́го оборова́л его́ Ка́рлсон.— «Пустя́ки, де́ло житёйское» про пироги́ не говоря́т. Но де́лать не́чего, попра́буем обойти́сь бу́лочками. Беги́ и неси́ всё, что найдёшь!

Ма́лыш пробра́лся в ку́хню и верну́лся, нагру́женный бу́лочками. Ма́ма разреше́ла ему́ в слу́чае необхо́димости дава́ть Ка́рлсону бу́лочку-другую. А сейча́с необхо́димость в э́том была́.

Пра́вда, ма́ма не разреша́ла лета́ть с Ка́рлсоном на кры́шу, но об э́том Ма́лыш совсе́м забы́л и и́скренне удиви́лся бы, е́сли бы кто́-нибудь ему́ об э́том напо́мнил. Он приви́к лета́ть с Ка́рлсоном и совсе́м не боя́лся, и да́же се́рдце у него́ не ё́кало, когда́ он, обхвата́в Ка́рлсона рука́ми за шею́, стреми́тельно взлета́л ввысь, пра́мо к до́мику на кры́ше.

Таки́х ию́ньских вече́ров, как в Стокго́льме, не быва́ет нигде́. Нигде́ в ми́ре не́бо не све́тится э́тим о́собым све́том, нигде́ су́мерки не быва́ют таки́ми я́сными, таки́ми прозра́чными, таки́ми си́ними, что го́род и не́бо, отраже́нные в блёклых во́дах зали́ва, ка́жутся совсе́м ска́зочны́ми.

Такие́ вечера́ сло́вно специа́льно со́зданы для пра́зднования дней рожде́ния Ка́рлсона в его́ до́мике на кры́ше. Ма́лыш любова́лся сме́ной кра́сок на не́бе, а Ка́рлсон не обра́щал на э́то ника́кого́ внима́ния. Но когда́ они́ сидели́ вот так ря́дышком на крыле́чке, уплета́ли бу́лочки и запива́ли их со́ком, Ма́лыш я́сно понима́л, что э́тот вече́р совсе́м не похо́ж на други́е вечера́. А Ка́рлсон так же́ я́сно понима́л, что э́ти бу́лочки совсе́м не похо́жи на други́е бу́лочки, кото́рые печёт ма́ма Ма́лыша́.

«И до́мик Ка́рлсона не похо́ж ни на оди́н до́мик в ми́ре», — ду́мал Ма́лыш. Ни́где нет тако́й уютной ко́мнаты, и тако́го кры́лечка, и тако́го уди́вительного ви́да вокру́г, и ни́где не со́брано вме́сте сто́лько уди́вительных и на пе́рвый взгля́д бессмы́сленных вещьё́й, как здесь: Ка́рлсон, как бе́лка, набива́л свой до́мик бог зна́ет чем. Ма́лыш не имёл по́нятия, где Ка́рлсон раздобы́л все э́ти предме́ты. Большин́ство своих сокро́вищ Ка́рлсон развёшивал по стéнам, что́бы их легко́ было найт́и в ну́жный момéнт.

— Ви́дишь, како́й у меня́ поря́док. Всё-всё висит слéва, крóме инструмéнтов, а инструмéнты — спра́ва, — объёясни́л Ка́рлсон Ма́лышу. — И карти́ны то́же.

Да, на стéне у Ка́рлсона висéли две прекра́сные карти́ны. Ма́лыш о́чень любил на них смотре́ть. Их нарисова́л сам Ка́рлсон. На одной в са́мом углу́ листа́ была́ нарисова́на кро́шечная кры́латая козя́вка, и карти́на называ́лась «Очень оди́нокий пету́х». На друго́й была́ изображе́на лиси́ца, но карти́на при э́том называ́лась «Портрёт мо́их кро́ликов».

— Кро́ликов не ви́дно, потому́ что они́ все у лиси́цы в животе́, — поясня́л Ка́рлсон.

Наб́ив рот бу́лочкой, Ка́рлсон сказа́л:

— Когда́ у меня́ бу́дет вре́мя, я нарисую́ тре́тью карти́ну: «Портрёт ма́ленькой упря́мой овцы́, кото́рая не хо́чет пры́гать».

Но Ма́лыш слу́шал его́ рассу́бно, у него́ кружи́лась голова́ от зву́ков и запахов ле́тнего ве́чера. Он улови́л аромáт цветущих лип с их у́лицы, слы́шал стук каблукóв о плиты тротуа́ра — мно́го люде́й гуляло в э́тот я́сный ве́чер.

«Како́й ле́тний звук!» — подумáл Ма́лыш. Ве́чер был совсе́м ти́хий, и ка́ждый шоро́х из сосéдних до́мов доно́сился до него́ уди́вительно отчётливо: лю́ди болта́ли, и крича́ли, и пéли, и брани́лись, и смея́лись, и пла́кали — всё впереме́шку. И никто́ из них

не знал, что на крыше высокого дома сидит мальчишка и вслушивается в это сплетение звуков, как в самую настоящую музыку.

«Нет, они не знают, что я сижу здесь с Карлсоном, и что мне так хорошо, и что я жуё булочки и пью сок», — подумал счастливый Малыш.

Вдруг в ближайшей к ним мансарде раздались какие-то вопли.

— Слышал? Это мой хулиганы-сороканы, — объяснил Карлсон.

— Кто?.. Кто? Филле и Рülle?

Малыш тоже знал Филле и Рülle. Это были самые отпетые хулиганы и воры во всём Вазастане. Они тащили всё, что плохо лежало. Словно сорочки. Поэтому Карлсон их звал «хулиганы-сороканы». Год

назад они как-то вечером забрались в квартиру Свантесонов, чтобы обокрасть её, но Карлсон тогда поиграл с ними в привидения и так их напугал, что они это, верно, и по сей день не забыли. Даже серебряной ложечки им не удалось унести.

Когда Карлсон услышал вопли Филле и Рулле в мансарде, он решил вмешаться.

— Я думаю, сейчас самое время их немного поугаать, — сказал он. — А не то мои хулиганы-сороканы отправятся на охоту за чужими вещами.

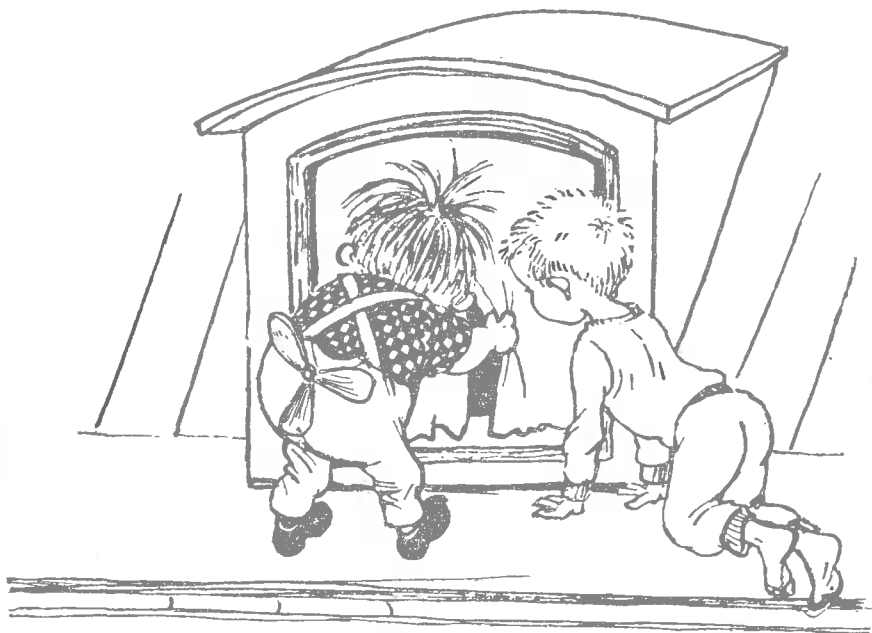
И они двинулись по скату крыши к мансарде жуликов. Малыш не предполагал, что можно так ловко прыгать на коротких толстых ногах: угнаться за Карлсоном было просто невозможно, тем более Малышу, который не так уж часто прыгал по крышам, но он изо всех сил старался не отстать от своего друга.

— Хулиганы-сороканы отвратительные типы, — сказал Карлсон, перепрыгивая с выступа на выступ. — Когда я себе что-нибудь беру, я всегда плачу за это пять эре, потому что я самый честный на свете. Но скоро у меня кончится запас пятиэровых монеток, и что я тогда буду делать, если мне захочется что-нибудь себе взять?.. Просто не знаю...

Окно мансарды Филле и Рулле было открыто, хоть и завешено занавеской. Крик там стоял невообразимый.

— Давай поглядим, чего это они так развеселились, — сказал Карлсон, отодвинул занавеску и заглянул в комнату. Потом он пустил на своё место Малыша. И Малыш увидел Филле и Рулле. Они расположились прямо на полу, а перед ними была разложена газета. Видимо, в такое несуществование их приводило то, что они читали.

— Отхватить десять тысяч просто так за здорово живёшь, представляешь! — орал Рулле.

— И к тому же летает он здесь, у нас, в Вазастáne! Поздравь меня с праздником, Рўлле!— орал Фїлле и корчился от смеха.

— Послўшай, Фїлле, — сказal Рўлле, — я зная одного парня, которому охота получить десять тысяч крон, ха-ха-ха!

Когда Мальш понял, о чём они говорят, он побледнел от страха, но Карлсон только захихикал.

— А я знаю одного парня, которому охота позабавиться, — сказal он и вытащил пистолетик. Выстрел прогремел по крыше. — Откройте, полиция! — произнес Карлсон строгим голосом.

Рўлле и Фїлле вскочили как встрепанные.

— Нулле, рас нет! — закричал Фїлле.

Он хотел сказать: «Рўлле, нас нет», но когда он пугался, он всегда путал буквы в словах.

— Ксорее в робгэрде! — скомандовал он, и они оба спрятались в гардеробе и притворили за собой створку, словно их и не было вовсе.

— Филле и Рулле нет дома, они просили передать, что их нет, они ушли! — раздался вдруг испуганный голос Филле.

Карлсон и Малыш вернулись назад и снова уселись на крыльцо, но Малышу уже не было так весело, как прежде: он думал о том, как трудно обеспечить безопасность Карлсона, особенно когда рядом живут такие типы, как Рулле и Филле. А тут ещё в доме будут фрекен Бок и дядя Юлиус... ах да, он ведь совсем забыл рассказать об этом Карлсону!

— Слушай, Карлсон... — начал Малыш.

Но Карлсон его не слушал. Он всю уплетал булочки и запивал их соком из маленького голубенького стаканчика, который прежде принадлежал Малышу, — он подарил его Карлсону три месяца тому назад на его прошлый день рождения. Карлсон держал стаканчик обеими руками, как держат маленькие дети, а когда всё выпил, стал его катать по полу, тоже как это делают маленькие дети.

— Ой! — вырвалось у Малыша, потому что это был маленький голубой стаканчик и ему не хотелось, чтобы он разбился.

Но он и не разбился: Карлсон очень ловко придерживал его большими пальцами ног. Дело в том, что Карлсон снял башмаки и из его драных носков в красную полоску торчали большие пальцы.

— Послушай, Карлсон... — снова начал Малыш.

Но Карлсон его тут же перебил:

— Вот ты умеешь считать. Прикинь-ка, сколько стоят мои большие пальцы, если всего меня оценили в десять тысяч крон.

Малыш рассмеялся.

— Не знаю. Ты что, продавать их собираешься?

— Да, — сказал Карлсон. — Тебе. Уступлю по дешёвке, потому что они не совсем новые. И, пожалуй... — продолжал он, подумав, — не очень чистые.

— Глупый, — сказал Малыш, — как же ты обойдёшься без больших пальцев?

— Да я и не собираюсь обходиться, — ответил Карлсон. — Они останутся у меня, но будут считаться твоими. А я их у тебя вроде как одолжил.

Карлсон положил свои ноги Малышу на колени, чтобы Малыш мог убедиться, насколько хороши его большие пальцы, и убеждённо сказал:

— Подумай только, всякий раз, как ты их увидишь, ты скажешь самому себе: «Эти милые большие пальцы — мои». Разве это не замечательно?

Но Малыш решительно отказался от такой сделки. Он просто пообещал отдать Карлсону свои пятиэровые монетки — все, что лежало в его копилке. Ему не терпелось рассказать Карлсону то, что он должен был рассказать.

— Послушай, Карлсон, — сказал он, — ты можешь отгадать, кто будет за мной присматривать, когда мама и папа отправятся путешествовать?

— Я думаю, лучший в мире присмотрщик за детьми, — сказал Карлсон.

— Ты что, имеешь в виду себя? — на всякий случай спросил Малыш, хотя и так было ясно, что Карлсон имел в виду именно это.

И Карлсон кивнул в подтверждение.

— Если ты можешь мне указать лучшего присмотрщика, чем я, получишь пять эре.

— Фрекен Бок, — сказал Малыш. Он боялся, что Карлсон рассердится, когда узнает, что мама вызвала фрекен Бок, когда лучший в мире присмотрщик за детьми находился под рукой, но, странным образом, Карлсон, напротив, заметно оживился и просиял.

— Гей-гоп! — Вот и всё, что он сказал. — Гей-гоп!

— Что ты хочешь сказать этим «гей-гоп»? — с каким-то смутным беспокойством спросил Малыш.

— Когда я говорю «гей-гоп», то я и хочу сказать «гей-гоп», — заверил Карлсон Малыша, но глаза его подозрительно заблестели.

— И дядя Юлиус тоже приедет, — продолжал Малыш. — Ему нужно посоветоваться с доктором и лечиться, потому что по утрам у него немеет тело.

И Малыш рассказал Карлсону, какой тяжёлый характер у дяди Юлиуса и что он проживёт у них всё время, пока мама и папа будут плавать на белом пароходе, а Боссе и Бетан разъедутся на каникулы кто куда.

— Уж не знаю, как всё это получится, — с тревогой сказал Малыш.

— Гей-гоп! Они проведут две незабываемые недели, поверь мне, — сказал Карлсон.

— Ты про кого? Про маму и папу или про Боссе и Бетан? — спросил Малыш.

— Про домомучительницу и дядю Юлиуса, — объяснил Карлсон.

Малыш ещё больше встревожился, но Карлсон похлопал его по щеке, чтобы ободрить.

— Спокойствие, только спокойствие! Мы с ними поиграем, очень мило поиграем, потому что мы с тобой самые милые в мире... Я-то во всяком случае.

И он выстрелил над самым ухом Малыша, который от неожиданности даже подпрыгнул на месте.

— И бедному дяде Юлиусу не придётся лечиться у доктора, — сказал Карлсон. — Его лечением займусь я.

— Ты? — удивился Малыш. — Да разве ты знаешь, как надо лечить дядю Юлиуса?

— Я не знаю? — возмутился Карлсон. — Обещаю тебе, что он у меня в два счёта забегает, как конь... Для этого есть три процедуры.

— Какие такие процедуры? — недоверчиво спросил Малыш.

— Щекотание, разозление и дуракавалание, — серьёзно сказал Карлсон. — Никакого другого лечения не потребуется, ручаюсь!

А Малыш с тревогой глядел вниз, потому что из многих окон стали высовываться головы — видно, люди хотели выяснить, кто это стреляет. И тут он заметил, что Карлсон снова заряжает пистолетик.

— Не надо, Карлсон, прошу тебя, — взмолился Малыш. — Не стреляй больше!

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал Карлсон. — Послушай, — продолжил он, помолчав, —

я вот сижу и обдумываю одну вещь. А как по-твоему, может ли домохозяйка тоже страдать онемением тела?

Но прежде чем Малыш успел ответить, Карлсон, ликующая, поднял руку с пистолетом над головой и выстрелил.

Резкий звук прокатился по крышам и замер. В соседних домах загудели голоса: то испуганные, то сердитые, а кто-то крикнул, что нужно вызвать полицию. Тут Малыш совсем вышел из себя. Но Карлсон сидел с невозмутимым видом и жевал булочку, уже последнюю.

— Чего это они там расшумелись? — недоумевал он. — Разве они не знают, что у меня сегодня день рождения?

Он проглотил последний кусочек булочки и запел песню, милую песенку, которая так хорошо звучала летним вечером.

Пусть всё кругом
Горит огнём,
А мы с тобой споём:
Ути, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнём.
Пусть двéсти бûлочек песûт
На день рождéнья к нам,
А мы с тобой устроим тут
Ути, боссé, буссé, капûт,
Биссé и тарарам.

КАРЛСОН — ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

В тот вéчер, когда ма́ма и па́па отпра́вились в путешéствие, косой дождь бараба́нил по стéклам и гудёл в водостóчных тру́бах. Ровно за дéсять минут до их отъезда в квартиру ворвалась фрёкен Бок, промóкшая до нитки и злая как собака.

— Наконéц-то! — прошепта́ла ма́ма. — Наконéц-то!

Она́ целый день прождала́ фрёкен Бок и тепе́рь, конечно, нёрвничала, но фрёкен Бок э́того не замéтила.

— Я не могла́ прийти́ раньше. И в э́том виновата́ Фри́да, — хму́ро сказа́ла она́.

Ма́ме надо́ было о мно́гом погово́рить с фрёкен Бок. Но вре́мени на э́то уже́ не́ было: у подъезда их ждало́ такси́.

— Гла́вное, заботьтесá о ма́льчике, — сказа́ла ма́ма со слеза́ми на глаза́х. — Наде́юсь, с ним ничего́ не случи́тся за вре́мя на́шего отсутствия́.

— При мне никогда́ ничего́ не случáется, — заве́рила фрёкен Бок, и па́па сказа́л, что он в э́том не сомнева́ется.

Он был уве́рен, что до́ма всё бûдет в порядке. А потóм па́па и ма́ма обняли на прощáние Малы́ща,

вышли на площадку и исчезли в лифте... И Малыш остался один с Фрекен Бок.

Она сидела за кухонным столом, большая, грузная, раздражённая, и приглаживала мокрые волосы своими большими, красными руками. Малыш робко посмотрел на неё и попытался улыбнуться, чтобы показать своё дружелюбие. Он помнил, что, когда Фрекен Бок в первый раз жила у них, он боялся её и относился к ней сперва очень плохо. Но теперь ведь всё было иначе, надо было скорее радоваться тому, что она здесь, в доме. И хотя встреча Фрекен Бок и Карлсона не предвещала ничего хорошего, Малыш был благодарен домохозяйнице за то, что она согласилась у них пожить. Ведь иначе мама никогда в жизни не разрешила бы ему остаться, чтобы оберегать Карлсона, это уж точно. Поэтому Малышу хотелось с самого начала вести себя с Фрекен Бок хорошо, и он вежливо спросил её:

— Как поживает Фрида?

Фрекен Бок не ответила, она только фыркнула. Фрида была сестрой Фрекен Бок. Малыш её в жизни не видел. Зато много о ней слышал. Даже очень много. От Фрекен Бок, которая жила вместе с сестрой Фридой в квартире на Фрейгатен, но они, видно, не очень-то ладили. Малыш понял, что Фрекен Бок была недовольна сестрой, считала её поведение нескромным и странным. Всё началось с того, что Фрида выступила по телевидению с рассказом о привидениях, а Фрекен Бок никак не могла с этим примириться. Правда, потом ей тоже удалось выступить по телевидению и рассказать всей Швеции свой рецепт приготовления соуса. Но всё же этого оказалось недостаточным, чтобы подчинить себе Фриду: она продолжала вести себя нескромно и странно. Поэтому Фрекен Бок только фыркала в ответ на вопрос Малыша: «Как поживает Фрида?»

— Полагаю, что прекрасно, — всё же ответила домохозяйка, когда отфыркалась. — Завела себе жениха, несчастная.

Малыш толком не знал, что на это надо сказать, но что-то обязательно надо было сказать, а ведь ему хотелось быть внимательным. Поэтому он спросил:

— А у вас, Фрэнк Бок, тоже есть жених?

Но он явно сделал промах, потому что Фрэнк Бок резко встала и так при этом двинула стол, что всё на нём задрезжалось.

— Слава богу, нет! — сказала она. — Я и не хочу. Не всем же быть такими кокетками, как Фрида.

Она умолкла и с таким усердием стала мыть посуду, что брызги летели во все стороны. Но вдруг она о чём-то вспомнила, с тревогой поглядела на Малыша и спросила:

— Послушай, я надеюсь, что тот невоспитанный толстый мальчишка, с которым ты в тот раз играл, теперь сюда больше не ходит?

Фрэнк Бок никак не могла взять в толк, что Карлсон, который живёт на крыше, — красивый, умный, в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Она считала, что он — ровесник Малыша, его школьный товарищ, самый обыкновенный озорник. Что этот озорник почему-то умеет летать, её не удивляло. Она думала, что такой моторчик можно купить в игрушечном магазине, были бы только деньги, и всё ворчала по поводу того, что теперь так балуют детей.

«Скоро дело дойдёт до того, что дошкольники станут на Луну летать», — говорила она. И вот теперь она вспомнила Карлсона и назвала его «этот невоспитанный толстый мальчишка»... Малышу это совсем не понравилось.

— Карлсон вовсе не такой толстый... — начал он, но тут как раз раздался звонок в дверь.

— О, приехал дядя Юлиус! — сказал Мальш и побежал открывать.

Но в дверях стоял вовсе не дядя Юлиус, а Карлсон. Он был мокрый как гусь, под ногами у него уже натекла лужа, а в глазах был немой упрёк.

— Летать бог весть куда только потому, что кто-то не подумал оставить окно открытым! — возмущался Карлсон.

— Да ведь ты же сказал, что тебе пора спать! — защищался Мальш, потому что Карлсон и в самом деле это сказал. — Я, правда, не думал, что тебя ещё можно ждать сегодня.

— А ты мог всё же не терять надежду, — не унимался Карлсон. — Ты мог бы подумать: а вдруг он всё же придёт, милый Карлсончик, ой, как это будет хорошо, да, да, вдруг всё же придёт, потому что захочет встретиться с домомучительницей. Вот что ты мог бы подумать.

— А ты в самом деле захотел с ней встретиться? — испуганно спросил Мальш.

— Гей-гоп! — крикнул Карлсон. — Ещё бы!

Мальш прекрасно понимал, что не сумеет надолго отсрочить встречу Карлсона с фрёкен Бок, но он не был готов к тому, чтобы это произошло прямо в первый же вечер. Он решил, что поговорит сейчас с Карлсоном, но Карлсон, словно охотничья собака, напавшая на след, неудержимо рвался на кухню. Мальш всё же схватил его за рукав.

— Послушай, Карлсон, — сказал он, стараясь придать своему голосу как можно большую убедительность, — она ведь думает, что ты мой товарищ по школе, и по-моему, хорошо, чтобы она и дальше так думала.

Карлсон вдруг застыл, а потом в нём что-то заколотало, как всякий раз, когда он приходил в восторг от новой выдумки.

— Она́ в са́мом дѣле вѣрит, что я хожу́ в шко́лу? — переспросил он, лику́я. И ринулся на кúхню.

Фрѣкен Бок услышала чьѣ-то приближающиеся шаги. Она́ ждала дядю Юлиуса и была́ немало удивлена́, что пожилóй господин так стремительно ска́чет по коридóру. Исполненная любопытства, глядѣла она́ на дверь: ей казало́сь, что дядя Юлиус должен быть о́чень представителен и элегантен. Когда́ же дверь с шумом распахну́лась и в кúхню ворва́лся Ка́рлсон, она́ вскрикнула, слóвно увидела змею́.

Ка́рлсон не замѣтил её úжаса. Двумя́ прыжками́ он очути́лся о́коло неё и с рвѣнием заглянул ей в лицо́, выража́вшее глубóкое неодобрѣние.

— А ты зна́ешь, кто у нас в клáссе пѣрвый учени́к? — спросил Ка́рлсон. — Угада́й, кто лúчше всех умѣет считать, и писатъ, и... Кто вообще́ лúчше всех?

— Когда́ входишь в дом, надо́ здороваться, — сказала́ фрѣкен Бок. — И меня́ ниско́лько не интересует, кто у вас пѣрвый учени́к. Уж во вся́ком слúчае не ты, это́ ясно.

— Спаси́бо за эти слова́, — сказа́л Ка́рлсон и наду́лся, но со стороны́ могло́ показаться, что он думает. — Уж в арифмѣтике-то я во вся́ком слúчае са́мый си́льный, — мра́чно сказа́л он наконецъ и пожа́л плеча́ми. — Пустяки́, дѣло житѣйское, — доба́вил он и вдруг вѣсело запрýгал по кúхне. Он вертѣлся вокрúг фрѣкен Бок и что́-то бормотал, и так постепеннó родило́сь что́-то вроде́ пѣсенки:

Пусть всё́ кругóм
Горит́ огнѣм,
А мы с тобо́й споѣм.

— Не надо́, Ка́рлсон, не надо́, — пыта́лся унять его́ Мальш, но бѣз толку.

Ути́, боссѣ, буссѣ, бассѣ,
Биссѣ, и отдохнѣм, —

всё увлечённой пел Кáрлсон. А когда он дошёл до слова «отдохнём», раздаётся выстрел, а вслед за ним — пронзительный крик. Выстрелил Кáрлсон из своего пистолётика, а закричала фрёкен Бок. Малыш сперва подумал, что она упала в обморок, потому что она плюхнулась на стул и долго сидела молча, с закрытыми глазами, но когда Кáрлсон снова запёл:

Ути, боссé, буссé, бассé,
Биссé, и отдохнём,—

она открыла глаза и сказала зло:

— Ты у меня сейчас таких боссé и бассé получишь, дрянной мальчишка, что век помнить будешь!

Кáрлсон на это ничего не ответил, он только подцепил своим пухленьким указательным пальцем фрёкен Бок за подбородок, а потом ткнул в красивую брошь, приколотую у ворота.

— Красивая вещь,— сказал он.— Где ты её стянула?

— Кáрлсон, перестань, прощуй тебя! — в страхе крикнул Малыш, потому что он видел, в каком бешенстве была фрёкен Бок.

— Ты всякий... всякий стыд потерял,— проговорила она запинаясь, с трудом находя слова, а потом закричала: — Убирайся вон! Слышишь? Я сказала: вон!

— Успокойся! — сказал Кáрлсон.— Я ведь только спросил, а когда вежливо задаёшь вопрос, то можно надеяться на такой же вежливый ответ.

— Вон! — кричала фрёкен Бок.

— Во-первых, мне необходимо объяснить одну вещь,— сказал Кáрлсон.— Не замечала ли ты, что по утрам у тебя немеет тело? А если замечала, то не хочешь ли ты, чтобы я тебя полечил?

Фрёкен Бок обвела кухню диким взглядом в поисках какого-нибудь тяжёлого предмета, чтобы

швырнуть им в Карлсона, и Карлсон услужливо подбежал к шкафу, вынул оттуда выбивалку для ковров и сунул её домомучительнице в руки.

— Гей-гоп! — кричал он, снова бегая по кухне. — Гей-гоп, вот теперь наконец всё начнётся!

Но фрёкен Бок бросила выбивалку в угол. Она ещё помнила, каково ей пришлось в прошлый раз, когда она гналась за ним с такой вот выбивалкой в руке, и не хотела испытать это снова.

Малыш боялся, что всё это плохо кончится, и гадал, сколько кругов Карлсон успеет сделать прежде, чем фрёкен Бок сойдёт с ума.

«Не так уж много», — решил Малыш и понял, что главное — как можно быстрее увести Карлсона из кухни. И когда он в одиннадцатый раз промчался с гиканьем мимо него, Малыш схватил его за шиворот.

— Карлсон, — взмолился он, — прошу тебя, пойдём ко мне в комнату!

Карлсон пошёл за ним крайне неохотно.

— Прекратить наши упражнения как раз в тот момент, когда мне удалось наконец вдохнуть в неё жизнь, какая глупость! — ворчал он. — Ещё несколько минут, и она стала бы такой же бодрой, весёлой и игривой, как морской лев, в этом нет сомнений!

Первым долгом Карлсон, как всегда, выкопал персиковую косточку, чтобы посмотреть, насколько она выросла. Малыш тоже подошёл, чтобы на неё взглянуть, а оказавшись рядом с Карлсоном, положил ему руку на плечо и только тогда заметил, что бедняжка Карлсон промок до нитки — должно быть, он долго летал под проливным дождём.

— Неужели ты не мерзнешь, на тебе же сухого места нет? — спросил Малыш.

Карлсон, видно, до сих пор не обращал на это внимания, но он тут же спохватился.

— Конечно, мерзну, — сказал он. — Но разве это кого-нибудь беспокоит? Разве кто-нибудь пальцем шевельнёт, если лучший друг приходит промокший до нитки и у него зуб на зуб не попадает от холода? Разве кто-нибудь заставит его снять мокрую одежду и наденет пушистый, красивый купальный халат? Разве кто-нибудь, спрашиваю я, побежит на кухню, и сварит для него шоколад, и принесёт ему побольше плюшек, и силком уложит в постель, и споёт ему красивую, печальную колыбельную песню, чтобы он скорее заснул?.. Разве кто-нибудь позаботился о друге? — заключил свою тираду Карлсон и с упрёком посмотрел на Малыша.

— Нет, никто не позаботился, — признался Малыш, и голос его прозвучал так, что казалось, он вот-вот расплачется.

И Малыш со всех ног кинулся делать всё то, что, по мнению Карлсона, надо было сделать в этом случае для своего лучшего друга. Труднее всего было получить у Фрекен Бок тёплый шоколад и плюшки для Карлсона, но у неё уже не было ни сил, ни времени оказывать дальнейшее сопротивление, потому что она жарила цыплёнка по случаю приезда дяди Юлиуса, который мог появиться в любую минуту.

— Сам себе сделай горячий шоколад, если хочешь, — сказала она.

И Малыш прекрасно со всем справился. Несколько минут спустя Карлсон уже сидел в белом купальном халате в постели Малыша,пил обжигающий шоколад и с аппетитом ел плюшки, а в ванной комнате были развешаны для просушки его рубашка, штаны, бельё, носки и даже башмаки.

— Вот что, — сказал Карлсон, — прекрасную, печальную колыбельную можешь не петь, лучше посиди у изголовья моей кровати всю ночь, не смыкая глаз.

— Всю ночь? — спросил Малыш.

Карлсон не мог ответить. Он как раз заснул в рот целую плюшку и поэтому только энергично закивал. Бимбо надрывался от лая. Ему не нравилось, что Карлсон лежал в постели Малыша. Но Малыш взял Бимбо на руки и прошептал ему на ухо:

— Я ведь могу лечь на диванчик, понимаешь? И твою корзинку мы переставим туда.

Фрекен Бок гремела чём-то на кухне, и, когда Карлсон это услышал, он сказал с досадой:

— Она не поверила, что я первый ученик.

— Это неудивительно, — сказал Малыш. Он ведь давно обнаружил, что Карлсон не умеет толком ни

читать, ни писать, ни считать, хотя и похвастался фрэкен Бок, что всё это он отлично умеет!

— Тебе надо упражняться, — сказал Малыш. — Хочешь, я научу тебя хоть немного сложению?

Карлсон фыркнул, и брызги шоколада обдали всё вокруг.

— А ты хочешь, я научу тебя хоть немного скромности? Неужели ты думаешь, что я не знаю этого слу... сла... Как это называется?

Впрочем, времени для упражнений в устном счёте у них всё равно не оказалось, потому что именно в этот момент раздался долгий звонок в дверь. Малыш сообразил, что это может быть только дядя Юлиус, и со всех ног кинулся открывать. Ему очень хотелось встретить дядю Юлиуса одному — он считал, что Карлсон может спокойно полежать это время в постели. Но Карлсон так не считал. Он уже стоял за спиной Малыша, и полы купального халата пугались у него в ногах.

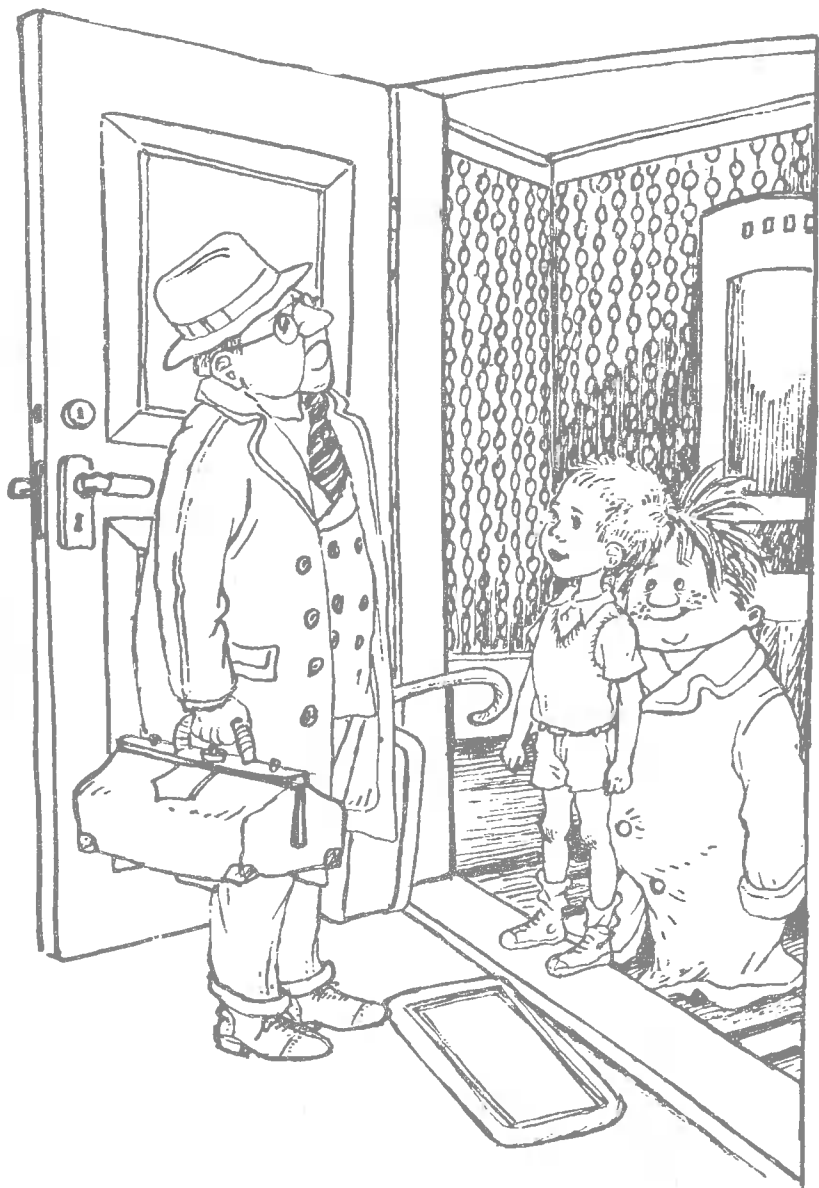
Малыш настежь распахнул дверь, и на пороге действительно стоял дядя Юлиус. В обеих руках он держал по чемодану.

— Добро пожаловать, дядя Юлиус... — начал Малыш, но окончить ему так и не удалось, потому что раздался оглушительный выстрел и дядя Юлиус как подкошенный повалился на пол.

— Карлсон! — в отчаянии прошептал Малыш. Как он жалел теперь, что подарил Карлсону этот пистолетик! — Зачем ты это сделал?

— Это был салют! — воскликнул Карлсон. — Когда приезжают почётные гости, ну, всякие там президенты или короли, их всегда встречают салютом.

Малыш чувствовал себя до того несчастным, что готов был заплакать. Бимбо дико лаял, а фрэкен Бок, которая тоже, услышав выстрел, прибежала,

всплеснула руками и принялась охать и причитать над бедным дядей Юлиусом, который лежал неподвижно на коврикe у входной двери, словно поваленная сосна в лесу. Только Карлсон оставался по-прежнему невозмутим.

— Спокойствие, только спокойствие, — сказал он. — Сейчас мы его взбодрим.

Он взял лейку, из которой мама Малыша поливала цветы, и стал из неё поливать дядю Юлиуса. Это действительно помогло, дядя Юлиус медленно открыл глаза.

— Всё дождь и дождь, — пробормотал он ещё в полузабытьи. Но когда увидел склонённые над ним встревоженные лица, он совсем очнулся. — А что... что, собственно, было? — спросил он в полном недоумении.

— Был дан салют, — объяснил Карлсон, — хотя для многих лиц церемония салюта теперь сочетается с таким вот душем.

А френкен Бок занялась тем временем дядей Юлиусом. Она насухо вытерла его полотенцем и повела в комнату, где он будет жить. Оттуда доносился её голос: она объясняла дяде Юлиусу, что этот толстый мальчишка — школьный товарищ Малыша и что всякий раз он придумывает бог знает какие дикие шалости.

— Карлсон! — сказал Малыш. — Обещай, что ты никогда больше не будешь устраивать салютов.

— Можете не беспокоиться, — угрюмо буркнул Карлсон. — Приходишь специально для того, чтобы помочь торжественно и празднично встретить гостей, и никто тебя за это не благодарит, никто не целует в обе щеки и не кричит в восторге, что ты — самый весёлый в мире парень. Никто! Все вы слабаки, только и норвите в обморок падать! Плаксы... Вот вы кто!

Мальш ему не ответил. Он стоял и слушал, как дядя Юлиус ворчит в своей комнате. И матрац был жесток, и кровать коротка, и одеяло слишком тонкое... Одним словом, сразу стало заметно, что дядя Юлиус появился в доме.

— Он никогда ничем не бывает доволен, — сказал Мальш Карлсону. — Вот разве что самим собой.

— Да я его в два счета от этого отучу, — сказал Карлсон, — ты только попроси меня как следует.

Но Мальш попросил Карлсона как следует только об одном: оставить дядю Юлиуса в покое.

КАРЛСОН НОЧУЕТ У МАЛЫША

Час спустя дядя Юлиус уже сидел за столом и уплетал цыпленка, а Фрекен Бок, Мальш, Карлсон, и Бимбо стояли рядом и глядели на него.

«Как король», — подумал Мальш. Им учительница в школе рассказывала, что, когда короли едят, вокруг стоят придворные и смотрят на них.

Дядя Юлиус был толстый, и вид у него был очень высокомерный и самодовольный.

«Наверно, такой, какой и должен быть у старых королей», — решил Мальш.

— Собаку прочь! — сказал дядя Юлиус. — Мальш, ты же знаешь, что я терпеть не могу собак.

— Но Бимбо не делает ничего плохого, — возразил Мальш. — Он не лает, и вообще он такой милый.

Дядя Юлиус придал своему лицу насмешливое выражение, как, впрочем, всегда, когда собирался сказать что-нибудь неприятное.

— Да, теперь настали такие времена, — сказал он. — Маленькие мальчики не только не делают то, что им приказано, но еще и возражают взрослым. Вот

как теперь обстоят дела, и мне это решительно не нравится.

До сих пор Карлсон не мог оторвать глаз от цыплёнка, но после этих слов он перевёл взгляд на дядю Юлиуса и долго смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Дядя Юлиус, — проговорил наконец Карлсон, — скажи, тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил?

Дядя Юлиус никак не ожидал услышать такой комплимент. Он очень обрадовался — это было ясно, хотя и попытался виду не подавать. Он только скромно улыбнулся и сказал:

— Нет, этого мне никто ещё не говорил.

— Не говорил, значит? — задумчиво переспросил Карлсон. — Тогда почему тебе в голову пришла такая нелепая мысль?

— Карлсон, перестань... — сказал Малыш с упрёком, потому что считал, что Карлсон и в самом деле ведёт себя безобразно.

Но тут Карлсон обиделся не на шутку.

— «Карлсон, перестань, Карлсон, перестань, Карлсон, перестань!»! Только это я от тебя и слышу! — возмущился он. — Почему ты меня всё одёргиваешь? Я не делаю ничего плохого.

Дядя Юлиус строго посмотрел на Карлсона. Но потом, видимо, решил, что он не заслуживает внимания, и снова занялся цыплёнком. А фрёкен Бок всё пододвигала ему блюдо и умоляла взять ещё кусочек.

— Надеюсь, вам нравится? — спросила она.

Дядя Юлиус впился зубами в цыплячью ножку, а потом сказал с насмешливым видом:

— Да, спасибо! Хотя этому цыплёнку уж наверняка сровнялось пять лет, зубы позволяют мне это точно определить.

Фрёкен Бок вспыхнула и сморщила лоб от обиды.
— У такого цыплёнка вообще нет зубов,— сказала она с горечью.

Дядя Юлиус поглядел на фрёкен Бок ещё более насмешливо.

— Зато у меня они есть,— сказал он.

— Только не ночью,— уточнил Карлсон.

Мальш стал красный как рак. Ведь это он рассказывал Карлсону, что когда дядя Юлиус спит, его зубы лежат в стакане с водой на тумбочке у кровати.

К счастью, фрёкен Бок в этот момент разревелась от обиды, что дядя Юлиус нашёл цыплёнка жёстким. Ничто на свете не могло причинить ей такого горя, как непризнание её кулинарного искусства, и теперь она горько плакала.

Дядя Юлиус, конечно, не думал, что она примет это так близко к сердцу. Он торопливо поблагодарил её за еду, смущённо встал из-за стола, уселся в качалку, развернул газету и отгородился ею ото всех.

Карлсон в сердцах уставился на него.

— Какие всё-таки бывают противные люди! — воскликнул он и, подбежав к фрёкен Бок, стал её похлопывать по плечу. — Ничего, ничего, моё золотце,— говорил он, стараясь её утешить,— жёсткий цыплёнок — это пустяки, дело житейское. Разве ты виновата, что так и не научилась жарить цыплят?

Но тут фрёкен Бок отпихнула Карлсона от себя с такой силой, что он кубарем пролетел через всю комнату и — раз! — очутился прямо на коленях у дяди Юлиуса.

— Гей-гоп! — завопил Карлсон и, не дав дяде Юлиусу опомниться, удобно расположился: он свернулся калачиком и сказал с довольной улыбкой: — Давай играть в дедушку и внука! Рассказывай мне сказку, но только, смотри, не очень страшную, а то я испугаюсь.

Дядя Юлиус меньше всего на свете хотел быть дедушкой Карлсона, а кроме того, он увидел что-то интересное в газете. Поэтому он недолго думая схватил Карлсона за шиворот и поставил на пол. Повернувшись к фрекен Бок, он громко сказал:

— Знаете, что я сейчас прочёл? — спросил он. — Будто здесь у вас, в районе Вазастана, летает какой-то спутник-шпион. Вы слышали?

Малыш прямо застыл от ужаса. Только этого ещё не хватало! Почему дяде Юлиусу должна была попасть под руку именно эта злосчастная газета! Ведь с тех пор прошло уже больше недели!

Однако, к счастью, дядя Юлиус пока только издевался над тем, что было написано в газете.

— Они думают, что им всё сойдёт с рук, любой

бред, — сказа́л он. — У них то́лько одна́ зада́ча — распродать побольше номеро́в. Шпио́н... неуловим! Зна́ем мы э́ти сказа́зки! Ра́зве вы, фрэкен Бок, хо́ть разо́к ви́дели э́тот та́инственный лета́ющий бочо́нок?

У Малы́ша перехвати́ло дыха́ние.

«Если она́ сейча́с расска́жет дяде Юлиусу, что э́тот невоспита́нный то́лстый мальчи́шка то́же уме́ет лета́ть, всё пропа́ло, — ду́мал Малы́ш, — во вся́ком слу́чае, тогда́ у дяди Юлиуса обяза́тельно возникнут подо́зрения».

Но фрэкен Бок, ви́дно, во́все не счита́ла, что в са́мом Ка́рлсоне и в его́ уме́нии лета́ть есть что́-то необы́чное, кро́ме того́, она́ всё ещё так гро́мко всхли́пывала, что едва́ могла́ говори́ть.

— Лета́ющий бочо́нок? Что́-то я ниче́го об э́том не слы́хала, — проговори́ла она́ наконёц, глота́я слёзы. — На́верно, обы́чная газе́тная у́тка.

У Малы́ша вы́рвался вздох обле́гчения. Если бы ему́ то́лько уда́лось уговори́ть Ка́рлсона никогда́, никогда́, никогда́ не лета́ть при дяде Юлиусе, то, мо́жет, всё ка́к-нибудь ещё обо́шло́сь бы.

Малы́ш оберну́лся, что́бы ту́т же попроси́ть об э́том Ка́рлсона, но его́ сло́вно ве́тром сду́ло. Малы́ш забеспоко́ился и реши́л неме́дленно нача́ть по́иски, но дядя Юлиус подо́звал его́ к себе́. Он хоте́л узна́ть, как у Малы́ша иду́т дела́ в шко́ле, и прове́рить, си́лен ли он в у́стном счёте, хо́тя сейча́с бы́ли ле́тние кани́кулы, а зна́чит, не вре́мя говори́ть о заня́тиях. Но в конце́ концо́в Малы́шу всё же уда́лось вы́рваться, и он помча́лся к себе́ в ко́мнату посмотре́ть, не там ли Ка́рлсон.

— Ка́рлсон! — кри́кнул он, пересту́пив поро́г. — Ка́рлсон, где ты?

— В тво́их пижа́мных штана́х, — отве́тил Ка́рлсон. — Если то́лько э́ти две у́зкие кишкы́ мо́жно назва́ть штана́ми!

Он сидел на краю кровати и пытался натянуть на себя штаны, но, как ни старался, ничего не получалось.

— Я дам тебе пижаму Боссе, — сказал Малыш, метнулся в комнату брата и принёс оттуда большую пижаму. Она налезла и на такого толстяка, как Карлсон.

Правда, штанины и рукава оказались чересчур длинны, но Карлсон тут же нашёл выход — недолго думая он их обрезал. Малыш не успел и слова вымолвить, но он, по правде говоря, даже не очень огорчился. В конце концов, рассуждал он, пижама — это пустяки, дело житейское, и то, что она погибла, не может омрачить его радости: ведь это такое удивительное событие — Карлсон останется у него ночевать!

Малыш постелил себе на диванчике простыни Боссе и поставил рядом с собой корзинку Бимбо. Бимбо уже улёгся в неё и пытался заснуть, но то и дело открывал глаза и недоверчиво косился на Карлсона.

Карлсон вертелся в кровати Малыша, стараясь устроиться поудобнее.

— Я хочу свить себе тёплое гнездышко, — сказал он.

«В этой пёстрой пижаме он и в самом деле похож на птицу, — подумал Малыш. — Если со всех сторон подоткнуть одеяло, то он будет лежать, как в гнезде».

Но Карлсон не захотел, чтобы Малыш подоткнул одеяло.

— Пока ещё рано, — сказал он. — Сперва мы позабудемся. Я не согласен скучать, лёжа в постели. Здесь тоже есть чем заняться. Можно есть бутерброды с жирной колбасой, можно играть в «мешок», можно устроить подушечную битву. Мы начнём с бутербродов.

— Но ты же недавно съел целую гору плюшек.

— Если мы будем лежать и скучать, я не играю, — заявил Карлсон. — Неси бутерброды!

И Малыш прокрался в кухню и приготовил бутерброды. Никто ему не помешал, фрёкен Бок сидела в гостиной и разговаривала с дядей Юлиусом. Видно, она уже простила ему ту обиду, которую он ей нанёс, сказав, что цыплёнок жёсток. Малыш беспрепятственно вернулся в свою комнату и присел на кровать у ног Карлсона. Он глядел, как Карлсон сосредоточенно уплетает бутерброды, и был счастлив. Как приятно, когда твой лучший друг остаётся у тебя ночевать. И Карлсон на этот раз тоже был всем, всем доволен.

— Бутерброды хороши, и ты хорош, и домомучительница тоже хороша, — сказал он. — Хотя она и не поверила, что я первый ученик, — добавил он и помрачнел. Это обстоятельство его явно огорчало.

— Ах, не обращай на это внимания! Вот дядя Юлиус тоже хочет, чтобы я был первым учеником, а я вовсе не первый.

— Нет, спасибо, я так не согласен, — сказал Карлсон. — Вот если бы я хоть немного научил тебя этому слу... слу... как это ты называешь?

— Сложение, — сказал Малыш. — Ты собираешься меня учить?

— Да, потому что я лучший в мире специалист по сложению.

Малыш рассмеялся.

— Сейчас проверим, — сказал он. — Ты согласен? Карлсон кивнул.

— Приступай!

И Малыш приступил.

— Вот мама даёт тебе, донустим, три яблока...

— Я скажу ей спасибо.

— Не перебивай меня, — сказал Малыш. — Если

ты получишь три яблока от мамы, и два от папы, и два от Боссе, и три от Бетан, и одно от меня...

Докончить ему не удалось, потому что Карлсон погрозил ему пальцем.

— Так я и знал! — сказал он. — Я всегда знал, что ты самый жадный в семье, а это что-нибудь да значит!

— Подожди, сейчас не об этом речь, — сказал Малыш, но Карлсон упрямо продолжал:

— Вот если бы ты дал мне большой пакет, я быстро развернул бы его, а там кило яблок, и две груши, и горсть таких мелких желтых слив, знаешь?

— Перестань, — сказал Малыш. — Я же говорю про яблоки для примера, чтобы научить тебя сложению. Так вот, ты получил одно яблоко от мамы...

— Постой, — сердито кричал Карлсон, — я так не играю! А куда она дела те два яблока, которые только что собиралась мне дать?

Малыш вздохнул.

— Милый Карлсон, яблоки здесь ни при чём. Они нужны мне только для того, чтобы объяснить тебе, как надо складывать. Теперь ты понял, в чём дело?

Карлсон фыркнул.

— Думаешь, я не понимаю, в чём дело? Мама стащила у меня два яблока, как только я отвернулся.

— Перестань, Карлсон, — снова сказал Малыш. — Итак, если ты получишь три яблока от мамы...

Карлсон довольно кивнул.

— Ну вот видишь! Надо уметь за себя постоять, я всегда это знал. Я люблю порядок: что моё, то моё. Я получил три яблока от твоей мамы, два от папы, два от Боссе, три от Бетан и одно от тебя, потому что ты самый жадный...

— Да, так сколько же у тебя всего яблок? — спросил Малыш.

— А ты как думаешь?

— Я не думаю, я знаю, — твёрдо сказал Малыш.

— Ну тогда скажи! — попросил Карлсон.

— Нет, это ты должен сказать.

— Больно воображаешь! Скажи! Держу пари, что ты ошибёшься.

— Напрасно надеешься! — сказал Малыш. — У тебя будет одиннадцать яблок.

— Ты так думаешь? — переспросил Карлсон. — Вот и попал пальцем в небо. Потому что позавчера вечером я сорвал двадцать шесть яблок в одном саду в Лидингене, но потом я съел три штуки и ещё одно надкусил — ну, что ты теперь скажешь?

Малыш молчал, он просто не знал, что сказать. Но потом он вдруг сообразил.

— Ха-ха! Всё ты врешь, — сказал он. — Потому что в июне ещё нет яблок на деревьях.

— Верно, нет, — согласился Карлсон. — Но тогда где вы-то их взяли, яблочные ворипшки!

И Малыш решил отказаться от своего намерения научить Карлсона сложению.

— Но теперь ты хоть знаешь, что это за штука — сложение.

— Ты думаешь, я раньше не знал, что это то же самое, что рвать яблоки, — сказал Карлсон. — А этому меня учить не надо, я сам с этим неплохо справлюсь. Я ведь лучший в мире мастер по сложению яблок, и, когда у меня выберется свободный часок, мы полетим с тобой за город, и я покажу тебе, как надо браться за сложение.

Карлсон проглотил последний кусок хлеба с колбасой и решил приступить к подушечному бою. Но стоило ему кинуть Малышу в голову подушку, как Бимбо дико залаял.

«Б-р-р!..» — рычал Бимбо, вцепившись зубами в угол подушки. Но Карлсон схватил её за другой угол и потянул к себе. Так Бимбо и Карлсон рвали по-

ду́шку друг у дру́га, пока́ она́ не ло́пнула. Бѣмбо разжа́л че́люсти. Ка́рлсон подхвата́л поду́шку и кину́л к потоло́ку. Пе́рья, краси́во кружа́сь, осы́пали Ма́лыша, кото́рый лежа́л на куше́тке и хохота́л.

— Кажется, пошёл снег, — сказа́л Ка́рлсон. — Смотри́, како́й густо́й! — восхити́лся он и сно́ва подбро́сил поду́шку к потоло́ку.

Но Ма́лыш сказа́л, что на́до прекра́тить поду́шечный бой и что воо́бще пора́ спать. Бы́ло уже́ поздно́, они́ слы́шали, как дядя́ Ю́лиус пожела́л фре́кен Бок споко́йной но́чи.

— А тепе́рь я пойду́ и ля́гу в свою́ коро́ткую крова́ть, — сказа́л он.

И тут Ка́рлсон вдруг о́чень оживи́лся.

— Гей-гоп! — воскликнул он. — Я, кажется, придума́л ещё́ одну́ забавную шту́ку.

— Что ещё́ за шту́ку ты придума́л? — удиви́лся Ма́лыш.

— Очень забавную шту́ку, кото́рую мо́жно ви́кинуть, е́сли ноче́ешь не до́ма, а у кого́-нибудь в гостя́х, — объясни́л Ка́рлсон.

— Играть в «мешо́к»? Подложи́ть что́-то в чужю́ю постель, да? Уже́ поздно́. Ты не бу́дешь э́того де́лать, ла́дно?

— Да, уже́ поздно́, — согласи́лся Ка́рлсон.

— Конечно́, уже́ поздно́, — с облегче́нием сказа́л Ма́лыш.

— Я тепе́рь уже́ не бу́ду э́того де́лать, — уве́рил его́ Ка́рлсон.

— Вот и хорошо́! — обра́довался Ма́лыш.

— Потому́ что успе́л э́то сде́лать ра́ньше, — зако́нчил Ка́рлсон.

Ма́лыш так и сел.

— Ну да? Неужели́ дяде́ Ю́лиусу?

Ка́рлсон закуда́хтал от востор́га.

— Хи́трый мальчи́шка, как ты мог догада́ться?

Мальш так много смеялся во время подушечного боя, что теперь уже просто застонал от смеха, хотя знал, что Карлсон поступил дурно.

— Ой, как дядя Юлиус рассердится!

— Вот это мы и должны проверить, — сказал Карлсон. — Придётся слетать вокруг дома и поглядеть в окно спальни.

Тут Мальш разом перестал визжать от смеха.

— Ни за что на свете! Вдруг он тебя увидит! Он решит, что ты и есть спутник-шпион... Сам можешь сообразить, что тогда будет...

Но Карлсон был упрям.

— Когда подкладываешь кому-нибудь в постель «мешок», обязательно надо увидеть, как жертва сердится, иначе вся затея не имеет смысла, — уверял он. — Не волнуйся, я прикроюсь зонтиком!

И он побежал в прихожую за маминым красным зонтиком, потому что по-прежнему лил дождь.

— Я не хочу мочить пижаму Боссе, — сказал Карлсон.

Он стоял на подоконнике с открытым зонтиком, готовый к отлёту.

«Это очень опасно», — подумал Мальш и сказал с мольбой:

— Смотри, будь осторожен! Следи, чтобы никому не попасться на глаза, не то всё пропало!

— Спокойствие, только спокойствие! — сказал Карлсон. И полетел в дождь.

А Мальш остался, и он вообще не был спокоен, а, наоборот, так волновался, что кусал себе пальцы.

Минуты тянулись мучительно долго. Дождь лил как из ведра. Мальш ждал. И вдруг он услышал дупераздирающий крик дяди Юлиуса. И вслед за тем в открытое окно влетел назад Карлсон. Он с довольным видом выключил мотор и пристроил на половине зонтик, чтобы стекала вода.

— Он ви́дел тебя́? — с испуго́м спроси́л Малы́ш. — Он лёг в постель?

— Пыта́лся, он ведь тако́й упря́мый, — объясни́л Ка́рлсон.

Тут до них снова́ донёсся крик дяди Юлиуса.

— Я до́лжен пойти́ посмотре́ть, что с ним случи́лось, — сказа́л Малы́ш и побежа́л в спáльню.

Дядя Юлиус сидел, заверну́вшись в простыню́; он был смертельно́ бле́ден, в глаза́х свети́лся у́жас, а на полу́, рядом с ним, лежа́ла поду́шка и свёрнутое в ва́лик одея́ло.

— Ты мне здесь не ну́жен, — сказа́л дядя Юлиус, когда́ появи́лся Малы́ш. — Позови́ фре́кен Бок.

Но фре́кен Бок, ви́дно, сама́ услы́шала его́ крик, потому́ что она́ то́же примча́лась из кúхни и засты́ла у двёри как вко́панная.

— Бо́же мой! — восклицнула она́. — Неужели вы перестила́ете постель?

— Нет, нет, — заве́рил её дядя Юлиус, — хотя́ вообще́-то я не могу́ одобрить, что здесь стеля́т постель по но́вой мо́де... Но сейча́с мне не до э́того.

Он замолча́л и тихо́ застона́л. Фре́кен Бок подошла́ побли́же к нему́ и руко́й потро́гала его́ лоб.

— Что случи́лось? Вы больны́, господи́н Иёнсен?

— Да, бо́лен, — с трудо́м произнёс дядя Юлиус. — Наде́юсь, что бо́лен... Уходи́, — доба́вил он, обраща́ясь к Малы́шу.

И Малы́ш ушёл. Но он задержа́лся за двёрью, потому́ что хоте́л услы́шать, что ещё́ ска́жет дядя Юлиус.

— Я у́мный и трезвы́й челове́к, — продолжа́л дядя Юлиус. — Тайнственны́я явле́ния, о кото́рых пи́шут в газе́тах, ра́зные там глúпости, не мо́гут мне задури́ть го́лову... потому́ я наде́юсь, что я прóсто бо́лен.

— Что случи́лось? — повторила́ фре́кен Бок.

— У меня́ было́ видѣние... Навер́но, у меня́ жар, а это́ — бред, — сказа́л дядя́ Юлиус и вдруг пони́зил го́лос до шѣпота, так что Малы́ш едва́ расслы́шал его́ слова́.— Мне не хоте́лось бы, Фре́кен Бок, что́бы вы это́ кому́-либо расска́зывали, но мне почу́дилось, что сюда́ яви́лся лета́ющий гном с кра́сным зóнтиком.

КАРЛСОН УСТРАИВАЕТ ТАРАРАМ И БЛИНЫ

На слѣдующее́ утро, когда́ Малы́ш просну́лся, Ка́рлсона уже́ не́ было. Пижа́ма Бо́ссе валя́лась ско́манной на полу́. Окно́ было́ распахну́то, так что Малы́ш сразу́ реши́л, что Ка́рлсон полетѣ́л к себе́ домо́й. Ко́нечно, жаль, но, с друго́й сторо́ны, мо́жет, это́ да́же хоро́шо. Фре́кен Бок не бу́дет руга́ться. Ей во́все не обяза́тельно зна́ть, что Ка́рлсон ночевáл у Малы́ша. Все́ же удиви́тельно, до чего́ без Ка́рлсона сразу́ де́лалось пу́сто и ску́чно, хоть плачь. Пра́вда, навести́ по́сле него́ поря́док было́ нелегко́. Но сто́ило ему́ уйти́, как Малы́ш начина́л по нему́ скуча́ть. Вот и сейча́с, уви́дя, что он исче́з, Малы́шу ту́т же захоте́лось посла́ть ему́ привѣ́т. Он подоше́л к окну́ и три́жды дѣ́рнул за верёвочку, скры́тую занавѣ́ской. Это бы́ла верёвочка от звонка́, кото́рый смастери́л Ка́рлсон, что́бы Малы́ш мог подава́ть ему́ сигнала́ы. Дѣ́рнешь за верёвочку, и у Ка́рлсона на кры́ше звонит колоко́льчик. Ка́рлсон сам опреде́лил, ско́лько звонко́в что́ значит.

— Позвони́шь раз — это́ значит: «Приходи́», — сказа́л Ка́рлсон.— Два́ ра́за — значит: «Приходи́ поскорѣ́е», а три́ ра́за — значит: «Спаси́бо, что на све́те есть тако́й краси́вый, умный и в ме́ру упита́нный мужчи́на, и тако́й сме́лый, и во всех отноше́ниях пре́красный, как ты, Ка́рлсон».

Вот именно это и хотел сейчас Мальш сказать Карлсону. Поэтому он три раза дернул за верёвочку и услышал, как трижды зазвенел колокольчик на крыше. И представьте себе, он получил ответ. Раздался пистолётный выстрел, а потом Мальш услышал — правда, едва-едва, ведь расстояние было велико, — как Карлсон занёс свою песенку: «Боссé, биссé, биссé, бом!»

— Не надо, Карлсон, не надо! — шептал Мальш.

Глупый Карлсон! Расхаживает себе по крыше, стреляет, поёт. Как легко его могут услышать Филле и Рулле, подкараулить, поймать, а потом сдать в редакцию, чтобы получить десять тысяч!

— Что ж, сам виноват, — сказал Мальш, обращаясь к Бимбо, который лежал в своей корзинке и глядел так, что казалось, всё понимает. Мальш натянул на себя штанишки и рубашку и стал играть с Бимбо, ожидая, пока проснётся дом.

Дядя Юлиус, видно, ещё спал, во всяком случае, из спальни не доносилось ни звука, но из кухни уже тянуло ароматом свежемолотого кофе, и Мальш пошёл посмотреть, что делает фрекен Бок.

Она сидела, тяжело навалившись на стол, и пила свою первую чашку кофе. Очень странно, но она не возразила, когда Мальш присел рядом. Никакой каши, видно, не было, наоборот, фрекен Бок явно встала так рано, чтобы приготовить к завтраку что-то вкусное. И правда, два блюда с тёплыми, пахнувшими корицей булочками стояли на буфете, а в хлебной корзинке на столе тоже висилась целая гора булочек. Мальш взял булочку и палил себе стакан молока. Так они сидели друг против друга и завтракали в полном молчании. В конце концов фрекен Бок сказала:

— Интересно, как там живёт Фрида?

Мальш оторвал глаза от стакана с молоком и изу-

млѣнно поглядѣл на домоучительницу. Онѣ с ней такіе рѣзныя, а оказывается, ей не хватает Фрѣды, как ему Карлсона.

— Фрѣкен Бок, вы скучаете по Фрѣде? — спросил он дружелюбно.

Но фрѣкен Бок в отвѣтъ горько усмехнулась:

— Ты не знаешь Фрѣды!

Собственно говоря, Фрѣда Малыша нисколько не интересовала. Но фрѣкен Бок явно хотѣлось о ней поговорить, поэтому Малыш спросил:

— А кто Фрѣдин жених?

— Негодяй, — сказала фрѣкен Бок со вздохом. — Да, я знаю, что он негодяй, он зарится на её деньги, это я сразу поняла.

Фрѣкен Бок заскрипела зубами при одной мысли об этом.

«Бедняжка, — думал Малыш, — наверно, ей совсем не с кем поговорить, если она даже меня терпит, когда ей хочется рассказать о Фрѣде». И Малышу пришлось долго сидеть на кухне и слушать нескончаемые истории про Фрѣду и её Филиппа, про то, какой глупой стала Фрѣда с тех пор, как Филипп ей внушил, что у неё красивые глаза и очаровательный носик, «пленительный в любую погоду», как выразился Филипп.

— «Очаровательный носик!» — повторила фрѣкен Бок и фыркнула. — Конечно, если считать, что картофелина средней величины украшает лицо, то...

— А как выглядит сам Филипп? — спросил Малыш, чтобы как-то проявить интерес.

— Об этом я, слава богу, не имею ни малейшего представления, — сказала фрѣкен Бок. — Фрѣда не потрудилась мне его представить.

Кем Филипп работал, фрѣкен Бок тоже не знала. Но Фрѣда рассказывала, что у него есть товарищ по работе, которого зовут Рудольф.

— И этот Рудольф мне бы вполне подошёл, по словам Фриды, но он не захочет водить со мной знакомство, потому что, по мнению Фриды, я совсем не привлекательная. У меня нет очаровательного носика, вообще нет ничего очаровательного, — сказала фрёкен Бок, снова фыркнула, встала и направилась за чём-то в прихожую. Как только она вышла, в окно влетел Карлсон.

Мальш не на шутку рассердился.

— Послушай, Карлсон, я же тебя просил, чтобы ты не летал на глазах у фрёкен Бок и дяди Юлиуса!

— Потому я и прилетел сейчас, чтобы никто из них меня не видел, — сказал Карлсон. — Я им даже не покажусь, — добавил он и залез под стол.

Когда в кухню вернулась фрёкен Бок, надевая на ходу шерстяную кофту, он тихо сидел под столом, скрытый свисающими концами скатерти.

Она налила себе ещё чашку кофе, взяла ещё булочку и продолжала свой рассказ.

— Я уже говорила, что не могу похвастаться очаровательным носиком-картошкой — это привилегия Фриды.

Тут раздался голос непонятно откуда, этаким искусственный голос, как у чревовещателя:

— Верно, у тебя нос скорее похож на огурец.

Фрёкен Бок так подскочила на стуле, что расплескала кофе, и с подозрением поглядела на Мальша.

— Это ты, бесстыдник?

Мальш покраснел, он не знал, что сказать.

— Нет, — пробормотал он. — Это, я думаю, по радио передают про овощи — там про помидоры разные и огурцы.

Мальш нашёл довольно хитрое объяснение, потому что в кухне у Свантсонов действительно было слышно радио от соседей — фрёкен Бок уже не раз на это жаловалась.

Она поворачивалась, но недолго, потому что в кухню вошёл дядя Юлиус, он тоже хотел выпить кофе. Спотыкаясь, он обошёл несколько раз вокруг стола и стонал при каждом шаге.

— Какая кошмарная ночь! — воскликнул он. — Святой Иеремей, что за ночь! Я и до этого страдал онемением тела по утрам, а сейчас, после всего, что было, ой!..

Потом он сел за стол и молча глядел прямо перед собой, словно он погрузился в какие-то серьёзные размышления.

«Что-то он на себя не похож», — решил наблюдавший за ним Малыш.

— И всё же я благодарен судьбе за эту ночь, — сказал он после паузы. — Она сделала меня другим человеком.

— Вот и отлично, потому что старый никуда не годился.

Это снова раздался тот странный искусственный голос, и снова Фрекен Бок подпрыгнула на стуле и с недоверием посмотрела на Малыша.

— Это снова радио у Линдбергов... Видно, передача о старых машинах.

Дядя Юлиус ничего не заметил. Он был так поглощён своими мыслями, что ничего не слышал и ничего не говорил. Фрекен Бок подала ему кофе. Он протянул, не глядя, руку, чтобы взять булочку, но сделать этого не сумел, потому что в этот миг из-за стола показалась маленькая пухлая ручка и потянула корзинку к себе. Но дядя Юлиус и этого не заметил. Он по-прежнему был всецело погружён в свои мысли и очнулся, только когда сунул в горячий кофе пальцы вместо булочки и понял, что булочки он так и не взял и макать ему нечего. Он подул на обожжённую руку и рассердился. Но тут же снова углубился в свои мысли.

— Между небом и землёй существует более тесная связь, чем обычно думают, вот что я понял сегодня ночью, — сказал он серьёзно и снова протянул руку, чтобы взять булочку. И снова высунулась пухленькая ручка и отодвинула корзинку с булочками. Но дядя Юлиус опять ничего не заметил, он всё думал и думал и очнулся, только когда сунул в рот пальцы и даже впился в них зубами, поскольку никакой булочки у него в руке не было. Тогда он опять рассердился. Но новый дядя Юлиус был явно добрее старого, потому что он быстро успокоился. Больше он не делал попытки взять булочку, а только всё в той же глубокой задумчивости допил кофе.

А булочки всё же кто-то ел. Во всяком случае, они исчезали одна за другой, но лишь Малыш понимал куда. Он тихо хихикал и даже осторожно отправил под стол стакан молока, чтобы Карлсону не уплетать булочки всухомятку.

Именно это Карлсон называл «курощение булочками». Как это получается на практике, фрекен Бок уже успела узнать за прежние посещения Карлсона.

— Можно прекрасно курощать людей, поглощая все их булочки, — заявил как-то Карлсон. Собственно, он знал, что нужно говорить «укрощать», но «курощать», уверял он, звучит куда более внушительно.

И теперь Карлсон устроил новое дьявольское «булочное курощение», хотя фрекен Бок этого и не поняла. И дядя Юлиус тоже. Он решительно не замечал «булочного курощения», несмотря на всю его дьявольскую силу, а только всё думал и думал о чём-то своём. Но вдруг он схватил руку фрекен Бок и крепко сжал, словно прося о помощи.

— Я должен с кем-то об этом поговорить, — сказал он наконец. — Теперь я уже не сомневаюсь, это был не бред, я в здравом уме, но я видел гнома.

Фрёкен Бок широко раскрыла глаза.

— Вы видели гнома?

— Да, — ответил дядя Юлиус. — Поэтому я теперь новый человек в новом для меня мире. В мире сказок. Поймите меня, фрёкен Бок, этот мир мне открылся сегодня ночью со всей очевидностью. Ведь раз в самом деле есть гномы, то, значит, могут быть и ведьмы, и духи, и привидения — одним словом, все те существа, которые описаны в сказках.

— А может, и летающие шпионы, — попыталась вставить фрёкен Бок, но это не понравилось дяде Юлиусу.

— Глупости, — сказал он, — всё это выдумки, которые распространяют газеты, чтобы поднять тираж.

Он наклонился к фрёкен Бок и заглянул ей в глаза.

— Но рассудите сами, — продолжал он доверительно. — Ведь наши предки верили в домовых, в ведьм, в духов и во всё такое прочее. Как же мы можем внушать себе, что всё это не существует? Неужели мы воображаем, что мы умнее наших дедов? Нет, только толстокожие, самовлюблённые люди могут утверждать такую глупость.

Фрёкен Бок никак не хотела показаться толстокожей, потому она поспешила подтвердить, что ведьмы встречаются куда чаще, чем предполагаешь. А если как следует подумать, то станет ясно, что бывают и домовые.

Но тут дяде Юлиусу пришлось прервать свой размышления, потому что он заранее условился с доктором и ему уже пора было уходить. Мальш мило проводил его до передней, и фрёкен Бок тоже. Мальш подал ему шляпу, а фрёкен Бок помогла ему надеть пальто. Вид бедного дяди Юлиуса действительно вызывал сострадание.

«Хорошо, что он идёт к доктору», — подумал Ма-

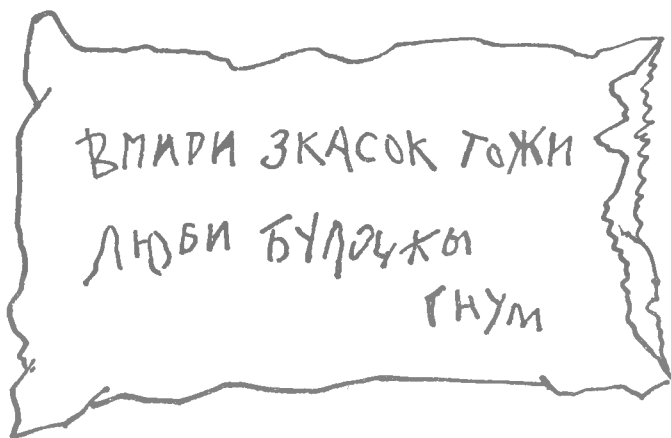
лыш и робко похлопал его по руке. Фрэкен Бок тоже явно была озабочена, и она спросила с тревогой:

— Как вы себя чувствуете, господин Йёнсен?

— Откуда я знаю? Я ведь ещё не был у врача, — сказал дядя Юлиус так раздражённо, что Малыш подумал: «Хотя ему и открылся ночью мир сказок и он стал новым человеком, кое-что от старого дяди Юлиуса в нём ещё есть».

После ухода дяди Юлиуса Малыш и фрэкен Бок возвратились на кухню.

— Теперь мне необходимо выпить ещё кофе с булочками и посидеть немного в полном покое и тишине, — сказала фрэкен Бок, обернувшись к буфету и вскрикнула: на блюдах не было ни единой булочки. Вместо них лежал большой бумажный пакет, на котором странными кривыми буквами было написано:

Фрэкен Бок прочла записку и мрачно нахмурила брови.

— Никогда не поверю, — сказала она, — что гном может украсть булочки, даже если он действительно существует. Он слишком умён и добр, чтобы позво-

лять себе такие выходы. Нет, меня не проведёшь, я знаю, кто это сделал.

— Кто же? — спросил Малыш.

— Тот невоспитанный, толстый мальчишка, который к тебе ходит, Карлсон или как его там зовут? Погляди, дверь в кухню открыта! Он стоял здесь, притаившись, и подслушивал, а когда мы выходили в переднюю, пробрался сюда.

Она сердито потрясла головой:

— Гном! Вину сваливает на других, а сам едва умеет писать.

Малыш не был склонен поддерживать разговор о Карлсоне, поэтому в ответ он только сказал:

— Я всё же думаю, что это гном. Пошли, Бимбо!

Каждое утро Малыш гулял с Бимбо в парке Вазы, и Бимбо считал, что это самый весёлый час за весь день, потому что в парке он встречал много других симпатичных собак, которых можно было обнюхать и с которыми было весело поболтать.

Малыш обычно играл там с Кристером и Гуниллой, но сегодня он их так и не нашёл.

«Может быть, они уже уехали на каникулы», — подумал Малыш. Ну что ж, пусть, ему на это наплевать, пока у него есть Карлсон. Ну и Бимбо, конечно.

Тут к Бимбо подбежала какая-то большая собака с явным намерением напасть на него; Бимбо хотел было смело ринуться в бой, чтобы показать этой глупой псине, что он о ней думает, но Малыш удержал его.

— Назад! — командовал он. — Ты ещё мал, чтобы мериться силой с таким телёнком.

Он сгрёб Бимбо в охапку и поискал глазами скамейку, чтобы посидеть, пока Бимбо успокоится. Но всё было занято — люди грелись на солнышке. В поисках свободного местечка Малыш забрёл в дальний конец парка. Там он обнаружил скамейку, на кото-

рой расположились всего двое парней, причём каждый держал в руке бутылку пива. Малыш их тут же узнал: это были Филле и Рулле. Малыш испугался и хотел было пройти дальше, но вместе с тем что-то притягивало его именно к этой скамейке. Ему ведь надо узнать, продолжают ли Филле и Рулле охотиться за Карлсоном. Возможно, они будут об этом говорить. И чего ему, собственно говоря, бояться? Филле и Рулле никогда его не видели и, следовательно, его не знают. Вот и прекрасно! Значит, он может сидеть с ними рядом сколько ему захочется. Так ведь поступают сыщики в детективных романах, когда выслеживают преступников,— сидят себе молча рядом и слушают чужой разговор.

Итак, Малыш сел на скамейку и весь превратился в слух, но в то же время он иногда обращался к Бимбо, чтобы Филле и Рулле не думали, что он ими интересуется.

Однако было похоже, что ему ничего не удастся выведать. Филле и Рулле молча пили пиво. Наконец пиво было выпито, но они всё продолжали молчать. И вдруг Филле сказал:

— Конечно, мы сумеем его поймать, мы ведь знаем, где он живёт. Я много раз видел, как он летел домой.

Малыш так испугался, что едва смог дух перевести. Он был просто в отчаянии. Теперь Карлсону придётся сматывать удочки. Филле и Рулле заметили его маленький домик на крыше! Да, теперь всему наступит конец!

Малыш сжал кулаки, пытаясь сдерживать слёзы, и в тот самый момент, когда это перестало ему удаваться, хотя он старался изо всех сил, он услышал, как Рулле сказал:

— Да, я тоже много раз видел, как он влетает в окно, это ведь та самая квартира, куда мы как-то за-

лѣзли тем лѣтом, сечёшь? На четвёртом этажѣ, там на дверяхъ табличка мѣдная и фамилию помню — Свѣнтесон.

У Малыша глаза округлились от удивленія. Может, он слышался? Неужели Филле и Рулле в самом дѣле думают, что Карлсон живёт у Свѣнтесонов? Какое счастье! Это ведь значит, что Карлсон всегда может спрятаться у себя дома и быть там в полной безопасности. Филле и Рулле его не выследили! Да это и не так легко. Ведь никто, кроме трубочиста, не лазает по крышам.

Итак, Филле и Рулле не проникли про домики на крыше, и тем не менее всё это ужасно. Бедняга Карлсон, каково ему придётся, если всерьёз начнётся за ним охота! Этот дурачок никогда не умел прятаться.

Филле и Рулле снова долго молчали, а потом Рулле сказал шепотом (Мальш едва расслышал):

— Давай сегодня ночью.

Вот тут-то Филле и спохватился, что они сидят не одни на скамейке. Он поглядел на Малыша и сказал очень громко:

— Да, так давай сегодня ночью отправимся копать червей!

Но так легко Малыша не проведёшь. Он прекрасно понимал, что именно Филле и Рулле собирались дѣлать сегодня ночью: они попытаются поймать Карлсона, когда он, как они думают, лежит в постели у Свѣнтесонов и мирно спит.

«Надо поговорить об этом с Карлсоном, и как можно скорее!» — решил про себя Мальш.

Но Карлсон появился только к обѣду. На этот раз он не влетел в окно, а бѣшено затрѣзвонил во входную дверь. Мальш побежал открывать.

— Ой, как здорово, что ты пришёл! — начал Мальш, но Карлсон не стал его слушать. Он двинулся прямым ходом на кухню к фрекен Бок.

— Что ты стряпаешь? — спросил он. — Такое же жёсткое мясо, как обычно? Или ты учи́тываешь вставные челюсти?

Фрёкен Бок стояла у плиты и пекла блины, чтобы подать дяде Юлиусу что-нибудь более лёгкое, чем цыплёнок, а когда она услышала голос Карлсона за спиной, то так резко обернулась, что выплеснула на плиту целый половник жидкого теста.

— Послушай, ты! — в гневе закричала она. — Как тебе только не стыдно! Как это у тебя хватает совести приходить сюда! Как ты можешь глядеть мне в лицо, бессовестный булочный ворюшка!

Карлсон прикрыл лицо двумя пухленькими ручками и лукаво поглядел на неё в щёлочку между пальцами.

— Нет, ничего, глядеть можно, но только осторожно, — сказал он. — Конечно, ты не первая в мире красавица, но ведь ко всему можно привыкнуть, так что ничего, сойдёт, могу и поглядеть! Ведь главное, что ты милая... Дай мне блинка!

Фрёкен Бок окинула Карлсона безумным взглядом, а потом обратилась к Малышу:

— Разве твоя мама предупредила меня, что этот мальчик будет у нас обедать? Неужели она так распорядилась?

Малыш постарался ответить как можно более уклончиво, но дружелюбно:

— Во всяком случае, мама считает... что Карлсон...

— Отвечай — да или нет, — прервала его фрёкен Бок. — Твоя мама сказала, что Карлсон должен у нас обедать?

— Во всяком случае, она хотела... — снова попытался уйти от прямого ответа Малыш, но фрёкен Бок прервала его жёстким окриком:

— Я сказала, отвечай — да или нет! На простой

вопрос всегда можно ответить «да» или «нет», по-
тому, это не трудно.

— Представь себе, трудно, — вмешался Карлсон. — Я сейчас задам тебе простой вопрос, и ты сама в этом убедишься. Вот, слушай! Ты перестала пить коньяк по утрам, отвечай — да или нет?

У фрёкен Бок перехватило дыхание, казалось, она вот-вот упадёт без чувств. Она хотела что-то сказать, но не могла вымолвить ни слова.

— Ну вот вам, — сказал Карлсон с торжеством. — Повторяю свой вопрос: ты перестала пить коньяк по утрам?

— Да, да, конечно, — убеждённо заверил Малыш, которому так хотелось помочь фрёкен Бок.

Но тут она совсем озверела.

— Нет! — закричала она, совсем потеряв голову.

Малыш покраснел и подхватил, чтобы её поддержать:

— Нет, нет, не перестала!

— Жаль, жаль, — сказал Карлсон. — Пьянство к добру не приводит.

Силы окончательно покинули фрёкен Бок, и она в изнеможении опустилась на стул. Но Малыш нашёл наконец нужный ответ.

— Она не перестала пить, потому что никогда не начинала, понимаешь? — сказал он, обращаясь к Карлсону.

— Я-то понимаю, — сказал Карлсон и добавил, повернувшись к фрёкен Бок: — Глупая ты, теперь сама убедилась, что не всегда можно ответить «да» или «нет»... Дай мне блинка!

Но меньше всего на свете фрёкен Бок была расположена дать Карлсону блинов. Она с диким воплем вскочила со стула и широко распахнула дверь кухни.

— Вон! — закричала она. — Вон!

И Карлсон пошёл к двери. Пошёл с высоко поднятой головой.

— Ухожy, — заявил он. — Ухожy с радостью. Не ты одна умеешь печь блины!

После ухода Карлсона Фрекен Бок несколько минут сидела молча. Но когда немного отошла, она с тревогой поглядела на часы.

— А твоего дяди Юлиуса всё нет и нет! — вздохнула она. — Подумай, как давно он ушёл! Боюсь, не случилось ли чего. Ведь он, наверное, плохо знает Стокгольм.

Малышу передалась её тревога.

— Да, он, может, заблудился...

Тут как раз раздался телефонный звонок.

— Наверное, это дядя Юлиус! — воскликнул Малыш. — Звонит, чтобы сказать, что не знает, как попасть домой.

Фрекен Бок метнулась в прихожую, где был телефон, Малыш — за ней.

Но звонил не дядя Юлиус — это Малыш понял, как только услышал, что Фрекен Бок говорит обычным ворчливым тоном:

— Да, да! Это ты, Фрида? Ну, как поживаешь? Ещё не бросила свой глупости?

Малыш не хотел слушать чужие разговоры, поэтому он пошёл к себе в комнату и взял книгу, чтобы почитать, но до него доносилось бормотание из прихожей, и конца этому не было.

Малыш был голоден. Он догадывался, что рано или поздно это раздражающее его бормотание прекратится, и дядя Юлиус придёт домой, и они смогут наконец сесть за стол. Но он хотел обедать немедленно, никого не дожидаясь. И как только Фрекен Бок положила трубку, он выскочил в прихожую, чтобы ей это сказать.

— Что ж, могу тебя накормить, — сказала она

мѣлостиво и повелá его на кúхню. Но у дверей она остановѣлась как вкопанная. Её дорóдная фигу́ра занимáла весь проём двёри, по́тому Малыш ничегó не увидел. Он услышал тóлько её гнёвный вопль, а когдá он всё же вы́сунул гóлову из-за её юбки, потому́ что ему́ не терпелось узнать, в чём дéло, то увидел Кáрлсона.

Кáрлсон сидел за столóм и преснокóйно ел оди́н блин за другóм.

Малы́ш испугáлся, что фрéкен Бок захóчет убѣть

Кáрлсона — во всяком слúчае, вид у неё был такой. Но она тóлько рíнулась вперед и схвати́ла тарелку с блина́ми.

— Ты... ты... ты ужáсный мальчи́шка! — крича́ла она́.

Тогда́ Кáрлсон стúкнул её легóнько по пáльцам и сказа́л:

— Не трога́й мои́ блины́! Я их че́стно купи́л у Лíндбергов за пять э́ре.

Он широко́ распахну́л свою́ часть и отпра́вил туда́ сразу́ кипу блино́в.

— Я же сказа́л, что не тóлько ты одна́ уме́ешь печь блины́. Найтí блины́ о́чень прóсто: где ча́д, там и блины́.

Мальби́ш снова́ пожалел ф́рекен Бок, потому́ что она́ никаќ не могла́ прийтí в себя́.

— А где... где... где же тогда́ мои́ блины́? — просто-на́ла она́ и посмотре́ла на плитú. Там стоя́ло её блю́до из-под блино́в, но оно́ бы́ло соверше́нно пусты́м. И домоучи́тельница снова́ пришла́ в я́рость. — Проти́вный мальчи́шка! — завопи́ла она́. — Ты их тóже съел!

— Во́все нет! — сказа́л Кáрлсон возмуще́нно. — Поблагодари́ меня́, что я э́того не сде́лал. А ты тóлько и уме́ешь, что меня́ обвиня́ть.

В э́ту мину́ту на ле́стнице послы́шались шаги́. Наконéц-то идёт дядя́ Юлиус. Мальби́ш был рад, что дядя́ Юлиус не заблуди́лся в лабиринте у́лиц. А крóме того́, его́ приход́ положит конéц перебра́нке.

— Прекра́сно! — сказа́л Мальби́ш. — Он, знач́ит, нашёл доро́гу домо́й.

— Э́то я позабо́тился о том, что́бы он мог и́дти по сле́ду, ина́че он никогда́ бы не доше́л, — сказа́л Кáрлсон.

— По како́му тако́му сле́ду? — удиви́лся Мальби́ш.

— А по тако́му, како́й я оста́вил, — сказа́л Кáрлсон. — Потому́ что я са́мый забо́тливый в ми́ре!

Но тут раздался звонок, фрёкен Бок торопливо пошла открывать дверь, и Малыш тоже побежал встречать дядю Юлиуса.

— Добро пожаловать домой, — торжественно сказала фрёкен Бок.

— Мы уже думали, что ты заблудился, — сказал Малыш.

Но дядя Юлиус не ответил ни фрёкен Бок, ни Малышу, а строго спросил:

— Объясните мне, почему во всём доме на каждой дверной ручке висят блины?

И он с подозрением поглядел на Малыша, а Малыш пробормотал в испуге:

— Может, это гном?

И побежал на кухню спросить Карлсона, что он по этому поводу думает.

Но Карлсона в кухне уже не было. Там стояли два пустых блюда, а на клеёнке темнела одинокая лужица варенья.

Дяде Юлиусу, Малышу и фрёкен Бок пришлось удовольствоваться пудингом. И он оказался совсем недурён.

Малыш сбегал за ним в молочную. Он не возражал, когда его послали, потому что ему хотелось посмотреть, как выглядят дверные ручки, когда на них висят блины.

Но на дверных ручках никаких блинов уже не было. Он обежал все лестницы и нигде не увидел ни одного блина. Он уже решил, что дядя Юлиус всё это выдумал, но вдруг понял, в чём дело... На последней ступеньке сидел Карлсон. Он ел блины.

— Хороші́ блино́чки, но слѹ́жбу своѹ́ они́ уже́ сослужили,— сказа́л он.— А дѣ́дя Ю́лиус бо́льше не заблѹ́дится, он тепѣ́рь знаѣ́т до́рогу.

Набѣ́в рот, он фы́ркнул от возму́щения.

— Кака́я она́ всё́ же несправедли́вая, ва́ша до-
момучительница! Сказа́ла, что я съел сеѣ́ блины́,
а я был неви́нен, как младе́нец. Из-за неѣ́ приходи́тся
тепѣ́рь ло́пать и вот э́ти!

Мальи́ш не мог не рассмея́ться.

— Ты лу́чший в ми́ре поеда́тель блино́в, Ка́рл-
сон,— сказа́л он, но вдруг что́-то вспо́мнил и сразу́
стал серьёзным.— Вероятно́, они́ попыта́ются се́годня́
но́чью пойма́ть тебя́. Понима́ешь ли ты, что э́то значи́т?

Ка́рлсон облиза́л свои́ жи́рные па́льцы и изда́л
ти́хое ра́достное урча́ние.

— Э́то значи́т, что мы прове́дем весѣ́лый ве́чер,—
сказа́л он.— Гей-гоп! Гей-гоп!

КАРЛСОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ СПЕЦИАЛИСТ ПО ХРАПУ

Ме́дленно сгу́щались сѹ́мерки. Весь день Ка́рлсон
отсу́тствовал. Ви́дно, он хоте́л, что́бы домо́мучитель-
ница как сле́дует отошла́ после́ «куроце́ния бли-
на́ми».

Мальи́ш поше́л с дѣ́дею́ Ю́лиусом в желе́знодоро́-
жо́жный музе́й. Дѣ́дя Ю́лиус о́чень люби́л э́тот музе́й,
и Мальи́ш то́же. А пото́м они́ верну́лись до́мой и по-
у́жинали вме́сте с фре́кен Бок. Все́ шло́ чин чи́ном —
Ка́рлсон не показыва́лся. Но ко́гда Мальи́ш отпра́вил-
ся в своѹ́ ко́мнату, се́го́ там ждал Ка́рлсон.

По пра́вде говоря́, Мальи́ш ему́ да́же не обра́до-
вался.

— Ой, до чего́ же ты неосторо́жный! — сказа́л
он.— За́чем ты се́годня́ прилетѣ́л?

— Как ты можешь задавать такие глупые вопросы? — удивился Карлсон. — Да потому, что я собираюсь у тебя ночевать, разве это не понятно?

Малыш вздохнул. Весь день он ломал себе голову, как уберечь Карлсона от Филле и Рулле. Может, надо позвонить в полицию? Нет, это не годится, потому что тогда обязательно придётся объяснять, почему Филле и Рулле хотят поймать Карлсона, а это просто опасно.

А вот Карлсон не ломал себе голову и не боялся. Он стоял у окна и с невозмутимым спокойствием выкапывал персиковую косточку, чтобы очередной раз выяснить, насколько она проросла за сутки. Но Малыш был в самом деле очень напуган.

— Я просто не знаю, что нам делать, — сказал он.

— Это ты про Филле и Рулле? — спросил Карлсон. — Зато я знаю. Есть три способа воздействия — курощение, дуракаваляние и озверение, и я собираюсь применить их все.

Малыш считал, что лучше всего притаяться. Он надеялся, что Карлсон просидит эту ночь у себя в домике на крыше, что он притаятся как мышь. Но Карлсон ему сказал, что из всех дурных советов, которые ему давали, это самый худший.

Однако Малыш не сдавался. Дядя Юлиус подарил ему кулёк карамелек, и он рассчитывал, что с его помощью ему удастся переубедить Карлсона. Он помахал кулёком перед самым носом Карлсона, чтобы его соблазнить, и сказал не без задней мысли:

— Ты получаешь весь этот кулёк, если полетишь домой и ляжешь спать.

Но Карлсон отмахнул руку Малыша.

— Фу, до чего же ты противный! — воскликнул он. — Мне не нужны твои паршивые карамельки. Не воображай только, что я хочу их получить!

Он печально скривил рот, отошёл, забился в дальний угол и сел на скамеечку.

— Я и не знал, что ты такой противный, — сказал он. — Так я не играю.

Мальш пришёл в отчаяние. Ничего более ужасного, чем «так я не играю», быть не могло! Мальш тут же попросил прощения и постарался снова развеселить Карлсона, но ничего не получалось. Карлсон дулся. Он был упрям.

— Ну, я просто не знаю, что ещё можно сделать, — сказал в конце концов Мальш в полном отчаянии.

— Я зато знаю, — сказал Карлсон. — Конечно, не наверняка, но вполне возможно, что я буду играть, если ты сделаешь мне что-нибудь приятное... да, пожалуй, сойдёт и кулёк карамелек.

Мальш сунул ему кулёк, и Карлсон согласился с ним играть.

— Гей-гоп! — крикнул он. — Ты и представить себе не можешь, что будет! Сейчас приготовим всё, что надо.

«Раз Карлсон останется ночевать, я должен постелить себе на диване», — подумал Мальш и побежал в комнату Боссе, но Карлсон остановил его. Он сказал, что не стоит стелить: сегодня ночью всё равно никто не будет спать.

— Никто, кроме домомучительницы и дядюшки, которые, я надеюсь, будут спать мёртвым сном, потому что нам придётся и пошуметь, — пояснил Карлсон.

Дядя Юлиус действительно рано отправился в спальню. Он очень устал — он ведь так плохо спал прошлой ночью и провёл потом весь день на ногах. И фрекен Бок нуждалась в отдыхе после волнений булочного и блинного «курощения». Она тоже рано удалась к себе, вернее, к Бетан в комнату: мама

решила, что фрёкен Бок на время их отъезда будет там спать.

Но прежде чем удалиться на покой, они оба, и дядя Юлиус и фрёкен Бок, зашли к Малышу пожелать ему спокойной ночи, а Карлсон, услышав их приближение, спрятался в шкаф. Он сам счёл, что так будет умнее.

Дядя Юлиус зевнул и сказал:

— Надеюсь, нас опять посетит гном с красным зонтиком и навѣет на всех нас сон.

«Можешь не сомневаться», — подумал Малыш, но вслух сказал:

— Спокойной ночи, дядя Юлиус, желаю тебе хорошо выспаться! Спокойной ночи, фрёкен Бок!

— И ты сейчас же ложись. Спокойной ночи, Малыш!

И они оба удалились.

Малыш быстро надел пижаму — на всякий случай, если фрёкен Бок или дядя Юлиус вдруг вздумают встать посреди ночи и посмотреть, спит ли он.

Малыш и Карлсон решили обождать, пока фрёкен Бок и дядя Юлиус не заснут, поэтому они сели играть в подкидного дурака. Но Карлсон всё время жульничал и хотел только выигрывать — «а то я не играю». И Малыш по возможности давал ему выигрывать, а когда в конце концов тот всё же раз проиграл, то быстро смешал карты и сказал:

— Сейчас нам играть некогда, пора приниматься за дело.

За это время дядя Юлиус и фрёкен Бок успели уснуть — гном с зонтиком не нарушал их покоя. Карлсон долго ходил от одной двери к другой, прислушиваясь к их храпу.

— Знаешь, кто лучший в мире храпун? А ну-ка, угадай! — скомандовал Карлсон, а потом изобразил

для Малыша, как храпит дядя Юлиус и как фрёкен Бок.

— «Брр-пс-пс» — это дядя Юлиус, а у фрёкен Бок храп звучит совсем по-другому: «Брр-аш, брррр-аш!»

Но тут Карлсону вдруг пришла в голову новая мысль: у него всё ещё был большой запас карамелек, хотя он и дал одну Малышу и сам съел десяток, значит, необходимо спрятать кулёк в какое-нибудь надёжное место, чтобы не думать о нём, когда придёт время действовать.

— Понимаешь, ведь мы ждём воров, — объяснил он. — У вас нет негоряемого шкафа?

Малыш сказал, что, если бы у них был негоряемый шкаф, он запрятал бы туда прежде всего самого Карлсона, но, к сожалению, негоряемого шкафа у них нет.

Карлсон задумался.

— Я положу кулёк к дядюшке, — решил он наконец. — Когда они услышат его храп, то подумают, это рычит тигр, и не решатся войти.

Когда он приоткрыл дверь спальни, «брр-пс-пс, брр-пс-пс» зазвучало куда громче и ещё более устрашающе. Карлсон довольно захихикал и исчез с кулёчком в темноте. Малыш стоял и ждал.

Вскоре он вернулся, сжимая в руке вставные челюсти дяди Юлиуса.

— Ну что ты, Карлсон! — ужаснулся Малыш. — Зачем ты их взял?

— Неужели ты думаешь, что я могу доверить свой карамельки человеку с зубами! — сказал Карлсон. — Представь себе, что дядюшка проснётся ночью и увидит мой кулёчек! Если зубы у него под рукой, он их мигом наденет и начнёт грызть конфеты одну за другой. Но теперь он, к счастью, не сможет этого сделать.

— Дядя Юлиус и так никогда в жизни бы этого не сделал, — поручился Малыш. — Он ни за что не взял бы ни одной чужой конфетки.

— Дурак, он решил бы, что это его посетила фея из страны сказок и принесла ему гостинцы, — сказал Карлсон.

— Да как он мог бы это подумать, раз он сам купил мне эти карамельки? — возмутился Малыш, но Карлсон не желал ничего слушать.

— Кроме того, мне всё равно нужны эти челюсти, — сказал он. — А ещё мне нужна крейкая верёвка.

Малыш сбегал на кухню и принёс верёвку для сушки белья.

— А зачем тебе? — спросил Малыш, сгорая от любопытства.

— Хочу сделать капкан для воров, — ответил Карлсон. — Наводящий ужас, устрашающий, смертельно опасный капкан для воров.

И он показал, где он собирается его соорудить: в узеньком тамбуре у входной двери, соединённой аркой с прихожей.

— Вот именно здесь, и только здесь, — сказал Карлсон.

С каждой стороны арки в прихожей стояло по стулу, и теперь, когда Карлсон приступил к сооружению уникального и весьма хитроумного капкана для воров, он протянул на небольшой высоте от пола не-

сколько раз бельевую верёвку между этими стульями и хорошенько её закрепил. Если кто-нибудь в темноте войдёт в дверь и захочет пройти в прихожую, то обязательно споткнётся об это ограждение и упадёт.

Мальш помнил, как в прошлом году к ним забрались Филле и Рülle, чтобы их обокрасть. Они открыли дверь с помощью длинной проволоки, которую просунули в щель почтового ящика, и подцепили ею «собачку» замка. Наверно, и на этот раз они захотят попасть в квартиру таким же образом. Что ж, будет только справедливо, если они запутаются в протянутой верёвке.

— И вообще я зря волнуюсь, — сказал он. — Ведь когда Филле и Рülle начнут возиться у дверей, Бимбо так громко залаёт, что разбудит весь дом, и они бросятся наутёк.

Карлсон взглядел на Малыша так, словно не верил своим ушам.

— Ах вот как? — сказал он строго. — Выходит, я зря делал капкан для воров! Нет, так я не играю. Собаку надо немедленно убрать.

Мальш всерьёз рассердился:

— Что ты несёшь! Куда мне её деть! Ты об этом подумал?

Тогда Карлсон сказал, что Бимбо может провести ночь в его домике на крыше. Ляжет на его диванчик, будет себе спать и тихо посапывать. А утром, когда Бимбо проснётся, Карлсон принесёт ему фарш, он обещает. Пусть только Малыш образумится и согласится отправить к нему Бимбо.

Но Малыш не образумился. Он считал, что отсылать Бимбо из дома — безобразие. А кроме того, как здорово, если Филле и Рülle наткнутся на лающую собаку!

— Ты хочешь всё испортить... — горько сказал Карлсон. — Никогда не даёшь мне повеселиться вво-

лю! На всё ты говоришь: «Нет, нет, нельзя». Ты мне только мешаешь. Я не могу уже ни курощать, ни низводить, ни валять дурака, ничего не могу! Тебе на всё наплевать, лишь бы твой щенок налялся властью и поднял бы ночью переполох.

— Да разве ты не понимаешь... — начал было Малыш, но Карлсон его перебил:

— Так я не играю! Низводи сам, как умешь, а я так не играю.

Бимбо сердито заворчал, когда Малыш вынул его из корзинки, потому что ему хотелось спать, и последнее, что увидел Малыш, когда Карлсон вылетел с собакой в руках, были два больших недоумевающих глаза.

— Не бойся, Бимбо! Я скоро возьму тебя назад! — кричал Малыш, чтобы утешить не то себя, не то Бимбо.

Карлсон вернулся через несколько минут в прекрасном настроении.

— Привет тебе от Бимбо. Угадай, что он сказал? «Как у тебя уютно, Карлсон, — вот что он сказал. И добавил: — не могу ли я стать твоей собакой?»

— Ха-ха, не мог он это сказать!

Малыш хохотал: он знал, чей Бимбо, и Бимбо это тоже знал.

— Что ж, теперь всё в порядке, — сказал Карлсон. Он был доволен. — Ты же понимаешь, что такие добрые друзья, как мы с тобой, должны уступать друг другу: один всегда поступает так, как хочется другому.

— Да, конечно, но другим почему-то всегда оказываешься ты! — сказал Малыш со смешком. Он был поражен поведением Карлсона.

Ведь любой человек должен был понять, что в таком положении, в каком был Карлсон, лучше всего спокойно лежать себе ночью на диванчике в своём

дómике на крýше и предоста́вить Бёмбо возмо́жность спугну́ть бе́шеным лаём Фёлле и Ру́лле, е́сли они́ и впра́вду взду́мают лезть в кварта́ру. Но Ка́рлсон сде­лал всё буквально наоборот да ещё внушил Малы­шу́, что так лу́чше. И Малыш ему́ охóтно повéрил, потому́ что в Малыше́ то́же жила́ жа́жда приключе́ний и он сгора́л от жела́ния узнать, как они́ бу́дут «куроца́ть» на э́тот раз.

Ка́рлсон спеши́л: он счита́л, что Фёлле и Ру́лле мо́гут яви́ться в любóю мину́ту.

— Я сейча́с устро́ю не́что тако́е, что их с са́мого нача́ла испуга́ет на́смерть,— сказа́л он.— И глúпая соба́ка нам здесь совсе́м не нужна́, повéрь мне.

Он побежа́л на кúхню и стал ры́ться в шкафу́. Малыш попроси́л его́ де́лать всё поти́ше, потому́ что фрэкен Бок спит в ко́мнате Бётан, пра́мо за стено́й. Ка́рлсон об э́том не подúмал.

— Тогда́ ты стой на стра́же! — скомандова́л он.— Как перестане́шь слы́шать «брр-ж-ж» или «брр-аш», дай мне ка́к-нибудь незаме́тно знать.

Он задúмался, и вдруг ему́ пришла́ мысль.

— Зна́ешь, что ты сде́лаешь? Ты сам начнёшь храпе́ть, да как мо́жно гро́мче. Вот так: «Гррр-ах-ах, гррр-ах-ах».

— Заче́м? — недоумева́л Малыш.

— А вот заче́м: е́сли проснётся дядюшка, он реши́т, что э́то храпи́т фрэкен Бок, а е́сли проснётся фрэкен Бок, она́ подúмает на дядюшку, и ни у ко́го не возникнет подозре́ния. Но я-то бу́ду знать, что «грр-ах-ах» — э́то зна́чит, ты мне подаёшь сигна́л: кто́-то из них просну́лся, на́до быть начеку́! И тогда́ я залéзу в шкаф и притаю́сь! Ха-ха, угада́й, кто лу́чший в ми́ре прока́зник?

— А е́сли придут Фёлле и Ру́лле, что мне тогда́ де́лать? — спроси́л Малыш испуганно, потому́ что не так уж приятно сто́ять одному́ в прихо́жей, когда́ за-

лѣзут вѣры, а Карлсон бѣдет находиться в другом концѣ квартиры, на кѣхне.

— Тоже бѣдешь храпѣть,— сказаль Карлсон,— но иначе. Вот так: «Грр-о-го, рр-о-го».

«Запомнить все эти храпы, пожалуй, труднее, чем выучить таблицу умножения»,— подумал Малыш. Как легко спутать все эти «брр-пс-пс», «грр-ах-ах», «грр-о-го», но он постарается изо всех сил не ошибиться.

Карлсон порылся на полках, где лежало бельѣ, и сгрѣб в охапку все кѣхонные полотѣнца.

— Этих полотѣнец не хватит,— заявил он.— Но, к счастью, ещѣ есть полотѣнца в ваннѣ.

— Что ты задумал? — допытывался Малыш.

— Мумию! — ответил Карлсон.— Вселяющую ужас, устрашающую, смертоносную мумию. Ещѣ болѣе опасную, чем капкан.

Малыш толком не знал, что такое мумия, но ему помнилось, что это что-то связанное с египетскими пирамидами. Он знал, что в пирамидах хоронили царей и военачальников, они там лежали, словно за-дубѣвшие футляры с пустыми глазницами. Папа как-то раз об этом рассказывал. Царей этих и военачальников бальзамировали, как он сказал, чтобы они сохранились точно такими же, какими были при жизни. И их обматывали потом холстинами, как бинтами, сказал папа.

«Но Карлсон вряд ли умеет бальзамировать»,— подумал Малыш и спросил с удивлением:

— Как ты будешь дѣлать мумию?

— Запеленаю еѣ в кѣхонные полотѣнца как мильенькую... Да ты об этом не заботься,— сказаль Карлсон.— Стой на страже и выполняй свое дѣло, а уж со своим я справлюсь.

И Малыш стал на страже. Он прислушивался к звѣкам, доносящимся из-за дверей: «Брр-пс-пс»,

«грр-ах-ах». Вроде всё как надо. Но потом дяде Юлиусу приснился, видимо, кошмар, потому что его храп стал звучать так жалобно: «Грр-мм, грр-мм», вместо протяжного «пс-пс-пс». Малыш подумал, не надо ли пойти доложить об этом лучшему в мире специалисту по храпу, который орудовал на кухне, но как раз в тот момент, когда он больше всего забеспокоился, что делать, он услышал чьй-то торопливые шаги по лестнице, потом ужасный грохот и поток ругательств. Это явно сработал капкан воров, значит, Филле и Рülle уже здесь, в квартире. Вместе с этим он обнаружил, к великому своему ужасу, что звуки «грр-ах, грр-ах» совсем смолкли. Ой, что же ему делать? В отчаянии он повторил про себя все звуки, которые ему велел запомнить Карлсон, и в конце концов попытался издать какое-то жалкое «грр-о-го» вперемешку с такими же жалкими «грр-ах», но всё это совсем не было похоже на храп.

Он снова попытался:

— Грр-ах, грр-ах...

— Заткнись! — донеслось до него откуда-то со стороны капкана, и в темноте он постепенно разглядел очертания чего-то маленького и толстого, что барахталось в натянутых верёвках и отчаянно пыталось выбраться. Это был Карлсон.

Малыш подбежал к нему и, приподняв стулья, помог ему встать. Но Карлсон не сказал ему спасибо. Он был зол как чёрт.

— Это ты виноват, — пробурчал он. — Ведь я велел тебе принести полотенце из ванной!

На самом-то деле он оставил Малыша на страже, а сам побежал в ванную, совсем забыв, бедняга, что у него на дороге стоит капкан для воров. Но при чём тут Малыш?

Впрочем, у них не оказалось времени выяснять, кто виноват в случившемся, потому что они оба услы-

шали, как фрёкен Бок нажимает ручку своей двери. Нельзя было терять ни секунды.

— Исчезни! — зашептал Малыш.

Карлсон помчался на кухню, а сам Малыш скрылся в своей комнате и кинулся на кровать.

Всё это он успел сделать в самый последний момент. Он натянул одеяло на голову и робко попробовал издать негромкий храп «грр-ах», но у него снова не получилось, и он лежал молча и слышал, как фрёкен Бок вошла к нему в комнату и подошла к его кровати. Он осторожно чуть приоткрыл глаза и увидел, что она стоит над ним в ночной рубашке, белёвшей в темноте, стоит и так пристально вглядывается, что у него всё тело начинает зудеть.

— Только не делай вид, что ты спишь, — сказала фрёкен Бок, но голос её был не злым. — Тебя тоже разбудил раскат грома?

— Да... наверное...

Фрёкен Бок с удовлетворением кивнула.

— Я весь день чувствовала, что ночью разразится гроза. Было так душно, так парило! Но ты не бойся, — сказала она и погладила Малыша по голове. — Пусть себе грохочет, в городе это совсем не опасно.

Потом она вышла. Малыш долго лежал в кровати, не смея пошевелиться. Но в конце концов он всё же тихонько встал. Его очень тревожило, что с Карлсоном, и он неслышно прокрался на кухню.

Первое, что он там увидел, была мумия.

И какая мумия! Она сидела на табуретке, а рядом стоял Карлсон, гордый как лев, и освещал её карманным фонариком, который нашёл в стенном шкафу.

— Разве она не хороша? — спросил он.

«Она» — значит, это мумия не царя, а царицы!» — подумал Малыш. Круглая, толстая царица, потому что поверх кухонных полотенец Карлсон обмотал ее всеми мохнатыми полотенцами, которые нашёл

в вѣпшой. Голова еѣ была скручена из салфѣток и тоже обмотана полотѣнцем, в котѣром он прорѣзал большіе глаза и обвел их чѣрным ободком. Но главное, у мумии были зѣбы. Настоящія зѣбы — зѣбы дяди Юлиуса. Он засунул их в бахрому салфѣток, а для вѣрности прикрепил ещѣ с обѣих концѣв пластырем. Наводящая ужас, утрашающая, смертоносная мумія! При видѣ еѣ Малыш содрогнулся.

— Почему на ней пластырь? — спросил он.

— Она брилась, — объяснил Карлсон и похлопал мумію по щекѣ. — Гей-гоп, она так похожа на мою маму, что я думаю назвать еѣ «Мамочка».

И он схватил мумію в охапку и понѣс в прихожую.

— Как приятно будет Филле и Рулле встрѣтиться с Мамочкой!

КАРЛСОН — ЛУЧШИЙ В МИРЕ НОЧНОЙ ПРОКАЗНИК

И вот наконец в щель почтового ящика кто-то просунул проволоку. Собственно говоря, Малыш и Карлсон этого не увидели, потому что в тамбуре было темно, хоть глаз выколи, а слышали: раздались полязгивание и скрежет, так что сомнений быть уже не могло — вот они, долгожданные Филле и Рулле!

Всѣ это время Малыш и Карлсон просидѣли на корточках под круглым столиком в прихожей и ждали. Так прошло не меньше часа. Малыш даже задремал. Но он разом проснулся, когда в ящике что-то заскрежетало. Ой, вот сейчас все начнется! С него мигом слетѣл всякий сон, ему было так страшно, что по спице забѣгали мурашки. Карлсон решил его ободрить.

— Гей-гоп! — прошептал он. — Гей-гоп!

Подумать только, что с помощью простой проволочки можно так легко сдвинуть «собачку»!

Потом дверь осторожно приоткрыли, и кто-то проскользнул в неё, кто-то был здесь, в тамбуре! У Малыша перехватило дыхание — это и в самом деле было невероятно. Послышались шёпот и тихие шаги... И вдруг раздался грохот — о, что за грохот! — и два приглушённых вскрика. И только тогда Карлсон под столом зажгёт свой фонарик и тут же его снова потушил, но на краткий миг луч света упал на навещающую ужас, устрашающую, смертоносную мумию, которая стояла, прислонённая к стене, и в злобещей улыбке скалила зубы — зубы дяди Юлиуса. И снова крики, на этот раз более громкие.

Всё дальнейшее произошло как-то одновременно, и Малыш не смог ни в чём разобраться. Он слышал, как распахнулись двери, — это выскочили из своих комнат дядя Юлиус и фрёкен Бок, и тут же он услышал чьи-то шаги в тамбуре. Карлсон потянул Мамочку к себе за поводок, который он надел ей на шею, и она с глухим стуком упала на пол. Потом он услышал, как фрёкен Бок несколько раз повернула выключатель, чтобы зажечь свет в прихожей, но он не зажигался, потому что Карлсон выкрутил все пробки на предохранительном щитке на кухне.

«Проказничать лучше в темноте», — сказал он. И вот фрёкен Бок и дядя Юлиус беспомощно стояли, не зная, как осветить прихожую.

— Какая ужасная гроза! — сказала фрёкен Бок. — Всё так и грохочет! Не удивительно, что решили выключить электричество.

— Разве это гром? — спросил дядя Юлиус. — А я считал, что это нечто совсем другое.

Но фрёкен Бок стала его уверять, что это наверняка гром, она не может ошибиться.

— Да и что бы это ещё могло быть? — спросила она.

— Я думаю, что это опять пришёл к нам сказоч-

ные существа, нынче ночью у них здесь встреча,— объяснил ей дядя Юлиус.

Собственно говоря, он сказал «шкашопные шупештва», потому что он стал вдруг шепелявить.

«Он ведь остался без зубов»,— догадался Малыш, но тут же об этом забыл. Он мог думать только о Филле и Рулле. Где они? Убежали? Он не слышал, чтобы хлопнула входная дверь. Вероятнее всего, они стоят где-то в тамбуре, притаившись в темноте, может, спрятались за пальто, висящие на вешалке? О, до чего ж страшно! Малыш придвинулся как можно ближе к Карлсону.

— Спокойствие, только спокойствие,— прошептал Карлсон.— Скоро мы их снова поймает.

— Да, конечно, что-то из двух,— глубокомысленно сказал дядя Юлиус.— Но шить в доме штало невошмодно!

Потом они оба, дядя Юлиус и фрекен Бок, исчезли, каждый в своей комнате, и снова воцарилась полная тишина. Карлсон и Малыш сидели под столом и ждали.

«Прошла уже целая вечность»,— подумал Малыш. Снова послышалось «брр-пс-пс» и «брр-аш», сперва прерывисто и слабо, но потом эти звуки настолько окрепли, что стало ясно— дядя Юлиус и фрекен Бок опять погрузились в глубокий сон.

И вот тогда притаившиеся в темноте Филле и Рулле снова двинулись в путь. Слышно было их дыхание. Ужас охватил Малыша. И тут они зажгли фонарик— да, представьте себе, у них тоже был фонарик,— и луч света запрыгал по прихожей. Край скатерти свисали низко, но всё же Филле и Рулле легко могли обнаружить под столом их троих— его, Карлсона и Мамочку. Малыш зажмурил глаза, словно он думал, что становится от этого невидимым, и затаил дыхание. Шёпот Филле и Рулле раздавался совсем рядом.

— Ты тоже видел привидение? — спросил Филле.

— Ещё бы! — подхватил Рулле. — Белый призрак! Он стоял у этой стены, но теперь исчез.

— Ни в одной квартире в Стокгольме нет столько привидений, как здесь, это мы с тобой давно знаем, — сказал Филле.

— Давай смотаемся отсюда, да поскорей, — предложил Рулле.

Но Филле не согласился.

— Ни за что на свете! Ради десяти тысяч я готов сражаться не то что с одним, а с целым десятком привидений, заруби себе это на носу.

Он тихо поднял стулья, к ножкам которых была прикреплена верёвка от капкана, и аккуратно поставил их на прежнее место, чтобы они не валялись под ногами, если придётся отсюда бежать без оглядки. При этом он обругал живущих здесь детей: что за дурацкие шутки!

— Надо быть поосторожней! Я и так весь в синяках и шишках.

И он снова стал шарить лучом фонарика по всем углам.

— Давай поглядим, где что расположено, и начнём искать, — сказал он.

Луч опять забегал по прихожей, и всякий раз, когда он приближался к столу, Малыш жмурился и весь сжимался в комок. Он ужасно отсидел себе ноги, они стали как деревянные, ему казалось, что они не помещаются под столом, и вылезают из-под скатерти — Филле и Рулле могут их увидеть.

К тому же он заметил, что Карлсон снова занялся Мамочкой. Свет фонарика убежал от них, под столом было темно, но всё же не настолько, чтобы Малыш не увидел, как Карлсон вытащил Мамочку и поставил спиной к столу. Когда луч карманного фонаря

вернулся назад, он упал ей прямо в лицо, осветив её ужасный оскал.

И тогда снова раздался два вопля ужаса, а потом шаги в сторону входной двери.

Тут Карлсон оживился.

— Пошли, — шепнул он Малышу на ухо и пополз, волоча за собой Мамочку, через всю прихожую и исчез в комнате Малыша.

Малыш едва попевал за ним.

— Какие гадкие люди! — сказал Карлсон и притворил дверь. — Не умеют даже отличить мумию от привидения — это, по-моему, просто гадость!

Он осторожно выглянул и стал прислушиваться, стараясь понять, что происходит в тёмной прихожей. Малыш тоже прислушался: он надеялся, что сейчас хлопнет входная дверь, но этого не случилось. Филле и Рülle были здесь, они тихо шептались:

— Десять тысяч крон! Рülle, не забывай об этом! Учти, никакие привидения меня не остановят!

Они довольно долго перешёптывались. Карлсон весь превратился в слух.

— Пошли в комнату дядюшки, — сказал он. — Гей-гоп! Сейчас позабудемся.

Он схватил Мамочку на руки и уложил её в постель Малыша.

— Хайсан, хопсан, Мамочка, ну вот, наконец-то ты можешь поспать как человек, — сказал он и подоткнул ей одеяло, как мама подтыкает одеяло, укладывая спать своего ребёночка. Потом шепнул Малышу: — Погляди, разве она не мила?

Он осветил мумию карманным фонариком и одобрительно похлопал её по щёке.

Потом взял покрывало, которое фрекен Бок сняла с кровати, когда приходила к Малышу, и аккуратно сложив, повесила на спинку стула, и тоже накинул его на Мамочку.

«Чтобы она не замёрзла», — подумал Малыш и захихикал. Казалось, под всем этим лежит и безмятежно спит толстый мальчишка, потому что Мамочка была прикрыта с головой.

— Привет, Малыш! — сказал Карлсон. — Теперь, пожалуйста, и ты можешь немного поспать.

— Где? — опять удивился Малыш. К тому же при виде Мамочки у него пропал всякий сон. — Не могу же я лечь в кровать рядом с мумией!

— Нет, но под кровать можешь, — сказал Карлсон и полез первым, перекатываясь словно ёжик. Малыш — за ним.

— А теперь ты услышишь типичный шпионский храп, — сказал Карлсон.

— Разве шпионы храпят как-то особенно? — снова удивился Малыш.

— Да, они храпят коварно и хитро, так что можно с ума сойти. Вот так: «Хоооо, дооо, дооо!»

Шпионский храп походил то на клёкот, то на урчание, и звук этот в самом деле наводил ужас, тем более что он становился всё громче. Малыш испугался.

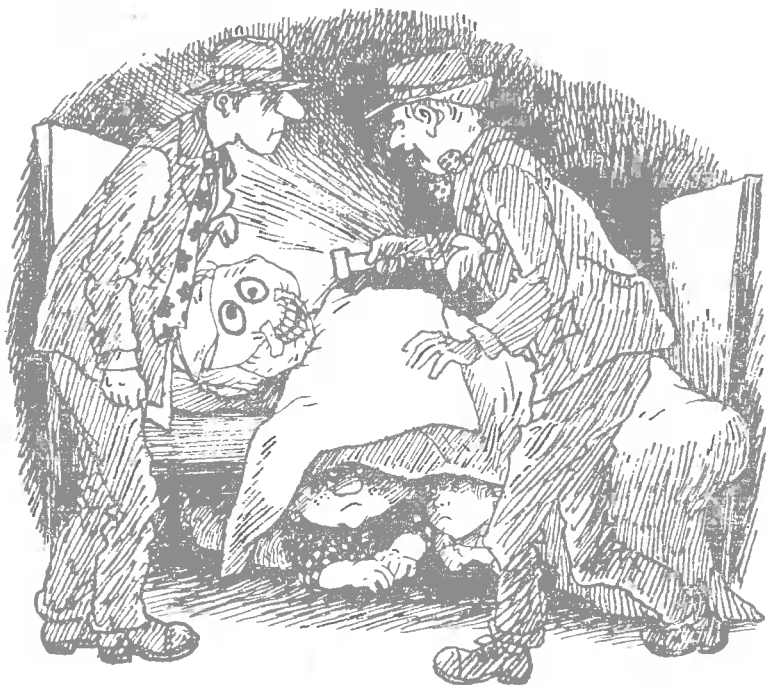
— Тихе! А то сюда придут Филле и Рülle.

— Да ведь для этого и нужен шпионский храп, — объяснил Карлсон.

В этот момент кто-то дотронулся до двери и открыл её. В темноту ворвался луч фонарика, и в его свете Малыш увидел Филле и Рülle, которые осторожно, на цыпочках, прокрались в комнату.

Карлсон храпел громко и зловеще. Малыш пришёл от этого в ужас и подумал: «Зря он так. Они нас обнаружат». Правда, покрывало свисало до самого пола, скрывая его и Карлсона от света фонарика и от любопытных глаз.

«И всё же он это здорово придумал», — решил Малыш.

— Хооо, хооо! — пуще прежнего храпел Карлсон.

— Ну, наконец-то мы, кажется, нашли, что искали, — сказал Филле, понизив голос. — Дети так не храпят, это наверняка он. Ты только погляди на этого толстого увальня. Точно, он!

— Хооо! — злобно захрапел Карлсон: ему явно не понравилось, что его называли толстым увальнем, — это было слышно по его храпу.

— У тебя наручники наготове? — спросил Рülle. — На него сразу надо надеть наручники, не то он убежит.

Зашуршало покрывало. А потом Малыш услышал, как Филле и Рülle захрипели, словно им не хватало воздуха, и он понял, что они увидели наводящий ужас

оска́л мѹмии, кото́рая покѹбилась на поду́шке. Одрна́ко о́ни не вскри́кнули и не брѹсались наутѹк, а то́лько дыша́ли как-то ст́ранно.

— Ах, да э́то прѹсто кѹкла... — нерешѹтельно сказа́л Фѹлле.

— Но тогда́ объясни́, — сказа́л Ру́лле, — как э́та кѹкла сюда́ попала́! Она́ ведь то́лько что была́ в прихо́жей и́ли э́то друго́я?

— Да, ст́ранно, — согласи́лся Фѹлле. — А кто́ же храни́т?

Но э́того Фѹлле так и не уда́лось вѹяснить, пото́му что послы́шались приближа́ющиеся шаги́. Ма́лыш сра́зу узна́л тяжѹлую по́ступь фре́кен Бок и разволновале́ся. Что сейча́с бу́дет! Како́й подни́нется крик! Постра́шнее гро́ма!

Но ниче́го ужа́сного не произошлѹ.

— Быстрѹе в дегарѹб! — прошепта́л Фѹлле.

Ма́лыш и огляну́ться не успе́л, как ѹба жу́лика оказа́лись в е́го гардерѹбе.

Тут Ка́рлсон сно́ва оживи́лся. Перека́тываясь как ѹжик, он двину́лся к гардерѹбу и за́пер е́го на ключ. Потѹм он та́к же ло́вко и бы́стро припо́лз наза́д под крова́ть. И в ту́ же секунду́ в ко́мнату вошла́ фре́кен Бок, сама́ похо́жая на приви́дение в бе́лой руба́шке и со свечѹй в руке́.

— Э́то ты, Ма́лыш, ры́скал то́лько что по моѹй ко́мнате и освещале́ все углы́ фона́риком? — ст́рого сказа́ла она́.

— Нет, не я, — отве́тил Ма́лыш пре́жде, чем успе́л сообрази́ть, что он де́лает.

— А тогда́ почему́ ты не спишь? — с недовере́ием спроси́ла фре́кен Бок и доба́вила: — Почему́ ты накрывле́ся с голово́й? Я тебя́ пло́хо слы́шу.

Она́ ре́зко отки́нула покрывале́, ду́мая, что Ма́лыш натяну́л е́го себе́ на го́лову. И тут разда́лся ужа́сный вопль.

«Бѣдная фрёкен Бок, она́ ведь ещё не привыкла, как Филле и Рулле, видеть вселяющие ужас, смертоносные мумии», — подумал Малыш. Он понимал, что настало время выползти из-под кровати. Всё равно она́ его найдёт, а кроме того, нужна её помощь, чтобы как-то справиться с Филле и Рулле. Не могли же они оставаться в гардеробе!

И Малыш выполз.

— Не пугайтесь, — начал он робко. — Мамочка — существо не опасное, но вот у меня в гардеробе заперты два вора.

Фрёкен Бок ещё не пришла в себя после встречи с Мамочкой, но когда Малыш сказал, что в гардеробе сидят два вора, она́ просто разозлилась.

— Что ты несёшь! Какие глупости! Воры в гардеробе! Не болтай, пожалуйста!

Но для верности она́ всё же подошла к дверце гардероба и крикнула:

— Здесь есть кто-нибудь?

Ответа не последовало, и она́ ещё больше разозлилась.

— Отвечайте! Здесь есть кто-нибудь? Если никого нет, то ведь можно это сказать.

Но тут она́ услышала лёгкий шорох в недрах гардероба и поняла, что Малыш сказал правду.

— Смелый мальчик! — воскликнула она́. — Такой маленький, а сумел справиться с двумя взрослыми ворами! Герой!

Кровать заскрипела, и из-под неё вылез Карлсон.

— Это вовсе не он, — сказал Карлсон, — это я всё сделал!

Он кинул сердитый взгляд на фрёкен Бок и на Малыша.

— Спасибо мне, что я такой смелый и хороший во всех отношениях, — сказал он. — И такой умный, и красивый, а вовсе не толстый увалень, вот!

Фрёкен Бок чуть с ума не сошла, когда увидела Карлсона.

— Ты... ты!..— закричала она, но тут же спохватилась, что сейчас не время и не место ругать Карлсона за блины, потому что надо было подумать о серьёзных вещах.— Сбегай скорее, разбудить дядю Юлиуса, и мы будем звонить в полицию... Ой, я раздета... пойду накину халат,— сказала она, бросив стыдливый взгляд на свою ночную рубашку.

И она торопливо вышла. Малыш побежал будить дядю Юлиуса. Но прежде взял у Мамочки челюсти. Он понимал, что теперь они нужнее самому дяде Юлиусу.

В спальне мерно звучало «грр-пс-пс». Дядя Юлиус спал, как ребёнок.

Начинало светать. В ещё совсем густых сумерках Малыш с трудом разглядел на тумбочке стакан с водой. Он опустил туда челюсти, послышался тихий плеск. Рядом со стаканом лежали очки дяди Юлиуса и кулёк с карамельками. Малыш взял кулёк и сунул его в карман пижамы, чтобы отдать Карлсону. Дяде Юлиусу было ни к чему его видеть, а то начнёт ещё допытываться, как он сюда попал.

У Малыша возникло смутное ощущение, что на тумбочке должно ещё что-то лежать. Ах да, конечно, часы дяди Юлиуса и его бумажник. Ни часов, ни бумажника на месте не было. Но Малыш не обратил на это особого внимания. Ему поручили разбудить дядю Юлиуса, и он приступил к делу.

Дядя Юлиус разом проснулся.

— Что ещё случилось?..

Первым делом он схватился за зубы и надёл их и только тогда сказал:

— Странно, скоро я вернусь домой, в свой Вестергётланд, там можно спать по шестнадцать часов в сутки, а здесь, здесь ночная жизнь...

«Что ж, он, пожалуй, прав», — подумал Малыш и стал ему объяснять, почему он должен немедленно встать.

Дядя Юлиус торопливо направился в комнату Малыша, Малыш бежал за ним следом, фрёкен Бок, накинув халат, тоже поспешила туда, и все они столкнулись в дверях.

— О, дорогой господин Иёнсен, представляете себе, вóры! — причитала фрёкен Бок.

Малыш сразу заметил, что Карлсона в комнате нет, а окно распахнуто.

«Должно быть, он улетел домой. Это хорошо, очень хорошо! Просто счастье, потому что незачем ему встречаться ни с Филле и Рүлле, ни с полицией. Это так хорошо, что даже как-то не верится», — подумал Малыш.

— Они заперты в гардеробе, — объяснила фрёкен Бок и засмеялась испуганно и радостно.

Но дядя Юлиус указал на кровать Малыша, где по-прежнему лежала укрытая с головой мумия, и сказал:

— Давайте сперва разбудим Малыша!

И тут же в полной растерянности перевёл взгляд на Малыша, который стоял рядом с ним.

— Раз он уже встал, как я вижу, — забормотал дядя Юлиус, — то кто же это спит в его кровати?

Фрёкен Бок содрогнулась. Она уже знала, кто, вернее, что лежит в кровати. Это было, пожалуй, даже почище воров.

— Нечто страшное, — сказала она. — Вы себе и представить не можете, до чего страшное! Нечто прямо из мира сказок.

Глаза дяди Юлиуса засияли. Он совершенно не испугался, нет, куда там, он дружески похлопал это «нечто страшное», что покоилось под одеялом.

— Нечто страшное, толстое, нечто из мира ска-

зок. Сказочное чудовище! Нет, это я должен сейчас же увидеть, а ворами займемся потом.

И он быстрым движением откинул покрывало.

— Хи-хи! — проищёл Карлсон и, сияя, приподнялся на кровати. — Как хорошо, что ты нашёл здесь не сказочное чудовище, а всего-навсего меня! Вот радость-то, верно?

Фрёкен Бок с горьким упрёком поглядела на Карлсона.

— И ночью это он нас дурачил? — спросил дядя Юлиус с обиженным видом.

— Наверно. Я ему голову оторвú, когда у меня будет время, — сказала фрёкен Бок. Потом она что-то вспомнила и испуганно дотронулась до руки дяди Юлиуса: — Дорогой господин Иёнсен, нам ведь надо звонить в полицию.

Но тут дело приняло вдруг совсем неожиданный оборот. Из гардероба раздался низкий голос:

— Откройте именем закона! Мы из полиции.

Фрёкен Бок, дядя Юлиус и Малыш совсем растерялись. Один только Карлсон не был ничуть удивлён, зато очень разозлился.

— Из полиции?.. Это вы рассказываете кому-нибудь другому, жалкие ворышки!

Но тут Филле закричал из гардероба, что они заплатят большой штраф за то, что задержали полицейских, которые пришли сюда, чтобы поймать опасного шпиона...

«Как хитро они всё повернули», — подумал Малыш.

— Откройте, пожалуйста, поскорее шкаф, и всё будет в порядке! — крикнул Филле.

Дядя Юлиус поверил и выпустил их. Филле и Рülle вышли из гардероба, но у них был такой подозрительный вид, что дядя Юлиус и фрёкен Бок по-настоящему испугались.

— Из полиции? — с сомнением в голосе переспросил дядя Юлиус. — А почему вы не в форме?

— Потому, что мы секретные сотрудники тайной полиции, — сказал Рülle. — И мы пришли сюда, чтобы его забрать, — добавил Филле и схватил Карлсона. — Это очень опасный шпион.

Но тут фрёкен Бок разразилась гомерическим смехом.

— Шпион! Это — шпион! Ха-ха-ха! Ну и потеха! Этот противный мальчишка — школьный товарищ Малыша.

Карлсон соскочил с кровати.

— И я первый ученик в классе! — горячо подхватил он. — Первый ученик, потому что умею шевелить ушами, ну и складывать я тоже умею.

Но Филле ему не поверил. Он вытащил наручники и медленно двинулся прямо на Карлсона. Когда он подошёл уже совсем близко, Карлсон засеменил ему навстречу на своих маленьких толстых ножках. Филле пробормотал что-то сердитое и стал от нетерпения прыгать на одной ноге.

— Смотри, ещё синяк будет, — предостерег его Карлсон, а Малыш подумал, что у воров всегда бывают синяки. Дело в том, что левый глаз у Филле заплыл и был совсем синий.

«Что ж, это по заслугам», — решил Малыш. Ведь он ворвался к ним в дом и хотел теперь увезти Карлсона, его Карлсона, чтобы продать за десять тысяч крон. Гадкие воры, пусть у них будет побольше синяков!

— Они не полицейские, это ложь, — сказал он. — Они воры, я их знаю.

Дядя Юлиус задумчиво почесал затылок.

— Вот это нам и надо выяснить, — сказал он.

Он предложил всем посидеть в столовой, пока не будет выяснено, кто они — полицейские или воры.

Тем временем стало почти светло. Звёзды на небе погасли — это было видно из окна. Начинаясь новый день, и Малышу ничего так не хотелось, как лечь наконец в постель и заснуть, а не сидеть и слушать, как Филле и Рулле рассказывают всякие небылицы.

— Неужели вы не читали в газете, что у нас в Вазстане появился летающий шпион? — спросил Рулле и вынул из кармана сложенную газету.

Но у дяди Юлиуса эта заметка вызвала сомнения.

— Нельзя верить всей чепухе, которую пишут в газетах, — сказал он. — Хотя я готов ещё раз это перечитать. Подождите, я только схожу за очками.

Он ушёл к себе, но тут же прибежал назад в страшном гневе.

— Ничего себе полицейские! — кричал он. — Украли у меня бумажник и часы! Извольте немедленно отдать мне эти вещи!

Но тут Филле и Рулле в свою очередь страшно рассердились.

— Опасно, — заявил Рулле, — обвинять полицейских в том, что они украли часы и бумажник.

— Это называется клеветой. Разве вы не знаете? — спросил Филле. — А за клевету на полицию недолго и в тюрьму попасть. Может, вы и этого не знаете?

Вдруг Карлсон изменился в лице и закричал точно так же, как дядя Юлиус, которого он оттолкнул. Видно было, что его просто распирает от злости.

— А мой кулёк с карамельками? — вопил он. — Кто его взял?

Филле грозно поглядел на него.

— Ты что, в этом нас обвиняешь?

— Нет, я не сошёл с ума, — сказал Карлсон. — Клеветы — это серьёзно. Но одно я могу сказать: если вы взяли кулёк и сейчас же не отдадите его назад,

то ты сейчас получишь такой же фонарь на другом глазу.

Малыш поспешно вытащил из своего кармана кулёк.

— Вот твой конфеты, — сказал он, протягивая кулёк Карлсону. — Я его взял, чтобы передать тебе.

Тогда в разговор вмешался Филле:

— Всё понятно! Хотите на нас спихнуть свою вину. Не выйдет!

Фрекен Бок всё это время сидела молча, но тут и ей захотелось высказаться.

— Кто украл часы и бумажник, мне ясно. Он только и делает, что ворует то булочки, то блины — вообще всё, что ему попадается под руку.

Она указала на Карлсона, а он словно взбесился.

— Эй, ты, послушай! — орал он. — Это же клевета, а за клевету отвечают, разве ты этого не знаешь?

Но Фрекен Бок отвернулась от Карлсона. Ей надо было серьёзно поговорить с дядей Юлиусом. По её мнению, вполне вероятно, что эти вот господа из тайной полиции. Поэтому у них такой странный вид и они так плохо одеты. Фрекен Бок всерьёз думала, что все воры ходят в лохмотьях, она ведь никогда не видела настоящего взломщика.

Филле и Рülle сразу повеселели. Филле сказал, что он с первой же минуты понял, какая эта дама умная и замечательная, и просто счастлив, что ему довелось с ней познакомиться. И он несколько раз обращался к дяде Юлиусу за поддержкой.

— Не правда ли, она удивительная, редкая? Неужели вы так не думаете?

Неизвестно, что раньше думал по этому поводу дядя Юлиус, но теперь он просто был вынужден соглашаться, а Фрекен Бок от всех этих комплиментов опускала глаза и краснела.

— Да, она́ такая́ же ре́дкая, как грему́чая змея́,— проворча́л Ка́рлсон.

Он сиде́л в углу́ рядом с Малышо́м и так энерги́чно пожира́л карамельки, что хруст был слы́шен во всей ко́мнате. Когда́ же кулёк оказа́лся пу́стым, он вскочи́л и стал прыга́ть по ко́мнате. Каза́лось, он про́сто игра́ет, но с по́мощью э́тих неле́пых прыжко́в он посте́пенно добра́лся до сту́льев, на кото́рых сиде́ли Фи́лле и Ру́лле.

— Таку́ю ре́дкую же́нщину, как вы, хо́чется внове́ увиде́ть,— не унима́лся Фи́лле, а фре́кен Бок е́щё бо́льше залила́сь кра́ской и е́щё бо́льше поту́пила глаза́.

— Да, коне́чно, коне́чно, фре́кен Бок — же́нщина ре́дкая,— согласи́лся дядя́ Юлиус,— но мне всё же хоте́лось бы знать, кто взял мой часы́ и бума́жник.

Фи́лле и Ру́лле, каза́лось, не слы́шали, что он сказа́л. Фи́лле был так увлече́н фре́кен Бок, что всё оста́льное́ для него́ уже́ не существова́ло.

— И вы́глядит она́ привле́кательно́, не пра́вда ли, Ру́лле? — сказа́л он ти́хо, но так, что́бы фре́кен Бок э́то то́же услы́шала.— Кра́сивые глаза́... и тако́й преле́стный но́сик, погляди́, тако́й но́сик хоро́ш в любя́ю по́году, пра́вда, Ру́лле?

Тут фре́кен Бок подпрыгну́ла на своём сту́ле, и глаза́ у неё пра́мо на лоб полезли.

— Что? — вы́крикну́ла она́.— Что вы сказа́ли?

Фи́лле растеря́лся.

— Да я то́лько сказа́л...— залепета́л он, но фре́кен Бок не дала́ ему́ догово́рить.

— Э́то вот Фили́ппи, я уве́рена,— сказа́ла она́ и вдруг ста́ла, как показа́лось Малышу́, похо́жа на Ма́мочку.

Фи́лле был пора́жён.

— Отку́да вы зна́ете? Вы что, слы́шали обо́ мне? Фре́кен Бок кивну́ла с го́рькой усме́шкой.

— Вы спрашиваете, слышала ли я о вас? О да, не сомневайтесь! А его небось зовут Рудольф, да? — добавила она и показала на Рülle.

— Да. Но откуда вы это знаете? Может, у нас общие знакомые? — спросил Филле, так и сияя от удовольствия.

Фрэнкен Бок снова кивнула с горькой улыбкой.

— Да, пожалуй, есть. Фрэнкен Фрида Бок, с Фрейгäten. Вы, кажется, её знаете? У неё тоже прелестный носик, который хорош в любую погоду, точь-в-точь как у меня, да?

Филле, видно, был не в восторге от сравнения носов, потому что сиять он тут же перестал. Более того, ему явно захотелось поскорее смотаться, и Рülle, видно, тоже не собирался засиживаться. Но за их

спиной стоял Карлсон. Неожиданно раздался выстрел, Филле и Рулле подскочили на месте от испуга.

— Не стреляй! — крикнул Филле, потому что Карлсон ткнул ему в спину указательным пальцем, а он подумал, что это дуло пистолета.

— Выкладывайте бумажник и часы! — скомандовал Карлсон. — А не то буду стрелять.

Филле и Рулле стали нервно рыться в своих карманах, и в мгновение ока часы и бумажник оказались на коленях дяди Юлиуса.

— Вот гадёныш! — крикнул Филле, и с быстротой молнии он и Рулле выскочили в прихожую. Никто их не остановил, они хлопнули дверью и скрылись.

Первая опомнилась фрёкен Бок и выбежала вслед за ними. Она стояла на площадке и кричала вдогонку, пока они неслись вниз по лестнице:

— Фрида про всё это узнаёт, уж поверь! Вот она обрадуется!

Она даже перепрыгнула через несколько ступенек, словно собиралась догнать их, но потом всё же остановилась и только крикнула вслед:

— И не вздумайте появляться у нас на Фрейгатен, не то прольётся кровь. Слышите, что я говорю?.. Кровь...

КАРЛСОН ОТКРЫВАЕТ ДЯДЕ ЮЛИУСУ МИР СКАЗОК

После ночи с Филле и Рулле Карлсон стал задаваться ещё больше, чем прежде.

«Вот лучший в мире Карлсон!» — этот крик будил Малыша каждое утро. И в комнату влетал Карлсон. И каждое утро он прежде всего вырывал из горшка косточку персика, чтобы посмотреть, насколько она выросла, а потом всегда направлялся к старому

зёркалу, котóрое висéло над столóм Малышá. Это бýло небольшоé зёркало, но Кáрлсон дóлго летáл во-круг негó, чтóбы как мóжно лóчше себя разглядéть. Приходíлось этó дéлать по частя́м — целикóм егó от-ражéние в нём не умещáлось.

Пока́ он летáл, он тóхо мурлы́кал себе́ под нос пёсенку, и в этóй пёсенке воспевáл самогó себя́ и всё, что с ним случíлось. «Лóчший в мíре Кáрлсон... хи-ти-ти-хи... стóит дéсять ты́сяч крон... И ещё́ он поймáл воров́ и стреля́л из пистолéта... Какóе ин-терёсное зёркало... В нём целикóм не виден лóчший в мíре Кáрлсон... Но то, что видно, красíво... хи-ти-ти-хи... И в мéру ушítанный, да, да... И хорóший во всех отнóшениях...»

Малы́ш был с этím соглáсен. Он тóже счита́л, что Кáрлсон хорóший во всех отнóшениях. И сáмое уди-вительное бýло то, что постепéнно дядя́ Юлиус тóже по-настоящему́ к нему́ привязáлся. Ведь этó Кáрлсон верну́л ему́ часы́ и бума́жник. Такóе дядя́ Юлиус скóро забы́ть не мóжет. Фрéкен Бок, напрóтив, все-гда́ на негó сердíлась, но на этó Кáрлсон не обращáл внимáния, лишь бы ему́ вóвремя дава́ли еду́, а её она́ дава́ла.

«Если́ меня́ не кóрмят, я ужé не я» — так он одна́жды вы́разился.

Фрéкен Бок мечта́ла, чтóбы Кáрлсон не проводíл у них вре́мя, но тщéтно, потому́ что Малы́ш и дядя́ Юлиус бýли на егó сторонé. Фрéкен Бок всегда́ вор-чáла, е́сли он появля́лся как раз в тот момéнт, когда́ нáдо садíться за стол, но сдéлать она́ ничегó не мо-гла́, и Кáрлсон ел вмéсте со все́ми.

Пóсле ночнóх приключéний с Фíлле и Рýлле он прилетáл регуля́рно, слóвно этó бýло нéчто самó со-бой разуме́ющееся.

Кáрлсон, видно, немно́го уста́л от всех прокáз той нóчи. потому́ что на слéдующий день́ появил́ся толь-

ко к обѣду. Он влетѣл в комнату Малыша и сразу стал приниматься, чем это пахнет на кухне.

Малыш тоже долго спал в тот день (Бимбо он взял с собой в постель) — оказывается, после целой ночи возни с ворами нужно отдохнуть — и проснулся только незадолго перед тем, как прилетѣл Карлсон. Вернее, он проснулся не сам, а его разбудил какой-то странный, необычный звук, который доносился из кухни. Фрекен Бок ходила взад-вперед и пѣла. Пѣла громко. Прежде Малыш никогда ещё не заставлял её за этим занятием и надеялся, что она и сейчас перестанет, потому что это было ужасно. По какой-то непонятной причине она была сегодня в отличном настроении. Утром она успела съездить домой, к Фриде, может, именно это её так взбодрило, что она распѣвала во весь голос.

«Ах, Фрида, это было бы для тебя лучше!..» — пѣла она, но что именно было бы лучше для Фриды, Малышу так и не удалось узнать, потому что Карлсон влетѣл к ней на кухню и закричал:

— Замолчи! Замолчи! Когда ты так орѣшь, люди могут подумать, что я тебя бью.

Фрекен Бок умолкла и стала угрюмо жарить эскалопы, а когда пришѣл дядя Юлиус, все сѣли за круглый стол обѣдать.

«Все сидят вместе и обсуждают события этой ночи, и всем очень уютно», — подумал Малыш. Карлсон тоже был доволен обѣдом и всю расхваливал фрекен Бок.

— Сегодня тебе удалось по ошибке прекрасно приготовить эскалопы, — сказал он, чтобы её ободрить.

На это фрекен Бок ничего не отвѣтила. Она только несколько раз вздохнула и плотно сжала губы.

Шоколадный пудинг, разлитый в маленькие формочки, Карлсон тоже одобрил. Он проглотил всю свою

порцию прежде, чем Малыш успел съесть ложечку от своего, и сказал:

— Да, пудинг хорош, спору нет, но я знаю, что в два раза вкуснее.

— Что? — заинтересовался Малыш.

— Два таких пудинга, — объяснил Карлсон и взял себе новую порцию. А это значило, что Фрекен Бок останется без сладкого, потому что она сделала только четыре порции.

Карлсон заметил, что у неё недовольный вид, и поднял пухлый указательный палец.

— Пойми, здесь за столом есть толстяки, которым необходимо худеть. И заметь, их не меньше двух. Имен называть не буду, но уж во всяком случае это не я и не этот вот худышка, — сказал он и ткнул пальцем в Малыша.

Фрекен Бок ещё плотнее сжала губы и не вымолвила ни слова. Малыш тревожно посмотрел на дядю Юлиуса, но казалось, он ничего не слышал. Он всё ворчал. Какая в городе плохая полиция! Он звонил в участок и сообщил о происшествии, но его слова не вызвали никакого интереса. У них за ночь случилось ещё 313 краж, сказали они, которыми необходимо заняться. Они только заинтересовались, что же всё-таки пропало.

— Тогда я им объяснил, — в который раз повторял свой рассказ дядя Юлиус, — что благодаря одному смелому и умному мальчику грабителям пришлось уйти домой с пустыми руками.

И дядя Юлиус с восторгом посмотрел на Карлсона, который приосанился, как петух, и бросил на Фрекен Бок торжествующий взгляд.

— Ну, что скажешь? Лучший в мире Карлсон пугает воров пистолетом! — воскликнул он.

Дядя Юлиус, по правде сказать, тоже испугался этого пистолета. Он явно был очень рад и благодарен,

что получил наза́д свои́ ве́щи, но всё же не счита́л, что ма́льчи́ки должны́ ходи́ть с огнестре́льным ору́жием, и когда́ Фýлле и Ру́лле удра́ли, Ма́лышу́ о́чень до́лго пришло́сь объясня́ть, что э́то игру́шка. Дя́дя Ю́лиус ника́к не мог в э́то повери́ть.

По́сле обе́да дя́дя Ю́лиус отпра́вился в гости́ную, что́бы взять сига́ру. Фре́кен Бок ста́ла убирати́ со сто́ла и мыть посу́ду, и да́же Ка́рлсон не смог сёй испóртить настро́ение, потому́ что она́ сно́ва нача́ла напева́ть: «Ах, Фри́да, для тебя́ э́то лу́чше!..» Но тут она́ вдруг обна́ружила, что нет ни одного́ полотёнца, и сно́ва рассерди́лась.

— Ума́ не приложу́, куда́ де́лись все полотё́нца, — сказа́ла она́ и в растёрянности огляде́ла кúхню.

— Вот он, лу́чший в ми́ре оты́скиватель полотё́нец! — воскликнул Ка́рлсон, ты́ча себя́ в грудь. — Ты бы попроси́ла его́ как на́до, что́бы он приложи́л свой ум, но ты ве́дь не уме́ешь ла́сково!

Карлсон сбегал в комнату Малыша и вернулся с такой огромной охапкой полотенец, что его самого не было видно. Но все эти полотенца были грязные и мятые, и фрёкен Бок рассердилась ещё больше.

— Где это ты так извозил все полотенца?! — кричала она.

— Они побывали в мире сказок, — заявил Карлсон.

Шли дни. Малыш получил открытку от мамы и папы. Путешествие было прекрасным, писали они, и они надеются, что Малыш тоже весело проводит время и что он хорошо ладит с дядей Юлиусом и фрёкен Бок.

О Карлсоне, который живёт на крыше, там не было ни слова, и Карлсона это сильно обидело.

— Я бы сам написал им открытку, но у меня нет пяти эре на марку, — сказал он. — «Хотя вам и не интересно, хорошо ли я лажу с домохозяйщицей, — написал бы я им, — хочу вам сообщить, что хорошо, потому что я стрелял из пистолета, и прогнал воров, и нашёл все полотенца, которые потеряла домохозяйщица».

Малыш был счастлив, что у Карлсона нет пяти эре, чтобы купить почтовую марку. Он понимал, что мама и папа не должны получать такой открытки.

Малыш уже давно открыл свою копилку и отдал Карлсону всё, что там было, но все эти деньги он успел истратить и теперь злился.

— Что за глупость, — ворчал Карлсон, — я стою десять тысяч кроп, а у меня нет даже монетки, чтобы купить почтовую марку! Как ты думаешь, дядя Юлиус не согласится купить мои большие пальцы на ногах?

Малыш считал, что никогда не согласится.

— А мо́жет, всё же согласи́тся? Он ведь от меня́ в тако́м восторге,— не унима́лся Ка́рлсон.

Но Ма́лыш упóрно сто́ял на своём. Ка́рлсон разо́злился и улетё́л в свой до́мик на крýше и придетё́л наза́д то́лько тогда́, когда́ Ма́лыш два́жды ему́ про-сигналил «прилета́й скорей!», потому́ что пора́ было сади́ться за стол.

«Ма́ма и па́па, ви́дно, волну́ются, как дядя́ Юли-ус уживё́тся с фре́кен Бок, раз они́ об э́том специа́льно пи́шут,— ду́мал Ма́лыш,— но они́ напрáсно бес-поко́ятся. Дядя́ Юлиус и фре́кен Бок в прекра́сных отноше́ниях». И с кажды́м днём, Ма́лыш э́то заме-ча́л, они́ всё охóтнее разгово́ривали друг с дру́гом. Они́ ча́сто подо́лгу засиживались в гостиной, и дядя́ Юлиус всё что́-то говори́л про мир сказа́нок, а фре́кен Бок отвеча́ла ему́ так ми́ло и ла́сково, что Ма́лыш её прóсто не узнава́л.

В конце́ концов у Ка́рлсона да́же возникли каки́е-то подозре́ния. С того́ са́мого дня, как фре́кен Бок ста́ла закрыва́ть дверь в гостиной. Де́ло в том, что э́той раздви́жной дверью́ у Сва́нтесонов никогда́ не по́льзовались, а гости́ную от прихо́жей отделя́ли то́лько занаве́ски. Но вот тепе́рь, когда́ фре́кен Бок и дядя́ Юлиус по вечера́м пи́ли ко́фе в гостиной, фре́кен Бок вдруг ста́ла закрыва́ть э́ту дверь. А е́сли в ко́мнату забега́л Ка́рлсон, дядя́ Юлиус отсы́лал его́, говоря́, что де́ти должны́ игра́ть в дру́гом ме́сте, а они́ хотя́т споко́йно, в ти́шине вы́пить ко́фе.

— Я то́же хочú ко́фе,— возмуца́лся Ка́рлсон,— налейте́ мне поскорее́ ко́фе и угостите сига́рой, я поси́жу́ здесь с ва́ми!

Но дядя́ Юлиус живо́ выставля́л его́ за дверь, а фре́кен Бок смея́лась от удово́льствия. Наконце́-то пере́вёс был на её стороне́.

— Я э́того бо́льше не потеря́ю! — сказа́л ка́к-то Ка́рлсон.— Я их проучу́.

На слéдующее ўтро, когда дядя Юлиус был у доктора, а фрёкен Бок пошла на ры́нок за сала́кой, Ка́рлсон влетел к нему́ в ко́мнату с большо́й дре́лю в руке. Ма́лыш ви́дел э́ту дре́ль и ра́ньше: она́ висела на стене́ в до́мике на кры́ше, и тепе́рь Ма́лышу́ не терпе́лось узна́ть, заче́м Ка́рлсон притащи́л её сюда́. Но в э́тот моме́нт что́-то опу́стили в почто́вый ящи́к, и Ма́лыш ки́нулся в прихо́жую за по́чтой. Пришли́ две откры́тки, одна́ от Бо́ссе, друго́я от Бе́тан. Ма́лыш был так рад э́тим откры́ткам и сто́лько раз их чита́л и пере́читывал, что когда́ он с э́тим покони́чил, оказа́лось, что Ка́рлсон то́же покони́чил со своим де́лом: он просверли́л большо́ую ды́рку в дверя́х гости́ной.

— Что ты натвори́л, Ка́рлсон! — кри́кнул он в испу́ге. — Ра́зве мо́жно сверля́ть ды́рки в дверя́х?.. За́чем ты э́то сде́лал?

— Как заче́м? Что́бы посмотре́ть, что они́ там де́лают! — отве́тил Ка́рлсон.

— Как тебе́ то́лько не сты́дно! Ма́ма говори́т, что га́дко подгля́дывать в замо́чную сква́жину.

— Твоя́ ма́ма о́чень у́мная. Она́ соверше́нно пра́ва. Замо́чная сква́жина существу́ет для ключа́, а не для глаз. Но э́то ведь не замо́чная сква́жина, а глазо́к. Глазо́к де́лают для глаз, э́то я́сно уже́ по самому́ сло́ву. Что ты мо́жешь мне возра́зить?

Ма́лыш не нашёл отве́та.

А Ка́рлсон тем вре́менем вы́нул изо рта́ кусо́чек жва́чки и заткну́л её глазо́к, что́бы он не был ви́ден.

— Гей-гоп! — восклиц́нул он. — Мы что́-то давно́ не весели́лись, зато́ сего́дня ве́чер не бу́дет ску́чным, я руча́юсь.

И Ка́рлсон взял дре́ль и собра́лся улета́ть.

— У меня́ ещё́ есть одно́ де́ло, — объясни́л он. — Но к сала́ке я успе́ю верну́ться.

— А что за де́ло у тебя́? — спроси́л Ма́лыш.

— Да одно небольшое дельце, хоть денег на марку раздобуду,— сказал Карлсон. И улетел.

Но как только стали коптить салаку, Карлсон вернулся, и весь день он был в превосходном настроении. Он вынул из кармана пятиэровую монетку и протянул её фрёкен Бок.

— Это тебе в виде небольшого поощрения,— сказал он.— Купи себе какую-нибудь безделушку: бусы или ещё что!

Фрёкен Бок возмущённо отшвырнула монетку.

— Я тебе покажу безделушку!— закричала она, но тут появился дядя Юлиус, и фрёкен Бок сразу же расхотелось шуметь.

— Смотри, какая она становится шёлковая, как только приходит любитель мира сказок!— шепнул Карлсон Малышу.

А фрёкен Бок и дядя Юлиус отправились в гостиную, чтобы, как обычно, выпить кофе с глазу на глаз.

— Теперь мы посмотрим, что они там делают,— заявил Карлсон.— Я сделал последнюю попытку мирно с ней поладить, но она объявила мне войну. Что ж, придётся снова заняться её низведением и куроцёнием. Пусть не ждёт от меня пощады!

К великому изумлению Малыша, Карлсон вынул из нагрудного кармана сигару. Он зажёл спичку, закурил и постучал в дверь гостиной. Никто не сказал «Войдите», но он вошёл без всякой церемонии, дымя сигарой.

— Простите, это, кажется, курительная комната,— важно сказал он.— Значит, я могу здесь выкурить сигару.

Дядя Юлиус рассвирепел. Он вырвал у него сигару, разломал её пополам и заявил, что если он ещё хоть раз увидит, что Карлсон курит, он задаст ему такую трёпку, что тот вовек не забудет. И играть с Малышом ему он тоже больше не позволит.

Карлсон обижено выпятил нижнюю губу, глаза его наполнились слезами, и он с досады слегка лягнул дядю Юлиуса ногой.

— А мы все эти дни так хорошо с тобой ладили, противный дядька Юлиус! — буркнул он и так посмотрел на обидчика, что было ясно, какого он о нём мнения.

Но дядя Юлиус в два счёта выставил его за дверь, плотно задвинул её и закрыл на замок. В первый раз.

— Сам видишь, без курощения здесь никак не обойтись, — сказал Карлсон Малышу.

Он снова забарабанил в дверь кулаком и крикнул:

— Надеюсь, ты всё же угостишь меня хорошей сигарой!

Потом Карлсон сунул руки в карманы и начал чём-то греметь. Похоже, что это были монетки. Да, в самом деле, его карманы были битком набиты пятиэровыми монетками.

— Вот повезло, стал богатым, — сказал он.

Малыш забеспокоился.

— Откуда у тебя столько денег?

Карлсон в ответ тайнственно подмигнул.

— Это ты узнаешь только завтра, — сказал он.

Малыш ещё больше встревожился. Ведь Карлсон куда-то улетал, вдруг он стащил эти деньги! Но это же не лучше, чем то, что делают Филле и Рулле, да, это ничуть не лучше, чем сложение яблок, в котором он, как сам хвастался, силен. Малыш разволновался не на шутку. Но думать об этом ему уже времени не было, потому что Карлсон тихонько, осторожно вынул жвачку из глазка.

— Вот, сами виноваты, — сказал он и припал одним глазом к просверлённой дырке. Но он тут же отпрянул, словно увидел что-то ужасное. — Какое безобразие! — возмутился Карлсон.

— Что они делают? — Малыш был заинтересован.

— Я тоже хотел бы это знать, но они исчезли. Дядя Юлиус и фрёкен Бок обычно сидели на маленьком диванчике, который прекрасно было видно в глазок. Там их и застал Карлсон, когда ворвался к ним с сигарой. Но сейчас их там не было. Малыш смог сам в этом убедиться, поглядев в глазок. Видно, они пересели на диван у окна, и это, по мнению Карлсона, было просто подло и даже коварно с их стороны. Те люди, у которых есть хоть капля совести, уверял Карлсон, всегда садятся так, чтобы их было видно в замочную скважину или в глазок.

Бедняга Карлсон! Он опустился на стул в прихожей и безутешно уставился в одну точку. На этот раз он явно проиграл. Его блестящая идея с глазком оказалась бессмысленной; это был тяжёлый удар.

— Пошли,— сказал он наконец.— Пойдём по-

ищем у тебя, может, найдём среди твоего барахла какой-нибудь инструмент для курощения.

Карлсон долго шарил в ящиках Малыша, но никак не мог напасть на то, что искал. Но вдруг он свистнул от восторга и вытащил длинную стеклянную трубочку, через которую Малыш стрелял горошинами.

— Прекрасный инструмент для курощения! — завопил Карлсон. — Теперь найти бы ещё какой-нибудь предмет, и порядок!

И он нашёл ещё предмет, отличный предмет — воздушный шар, который можно было надуть до огромных размеров.

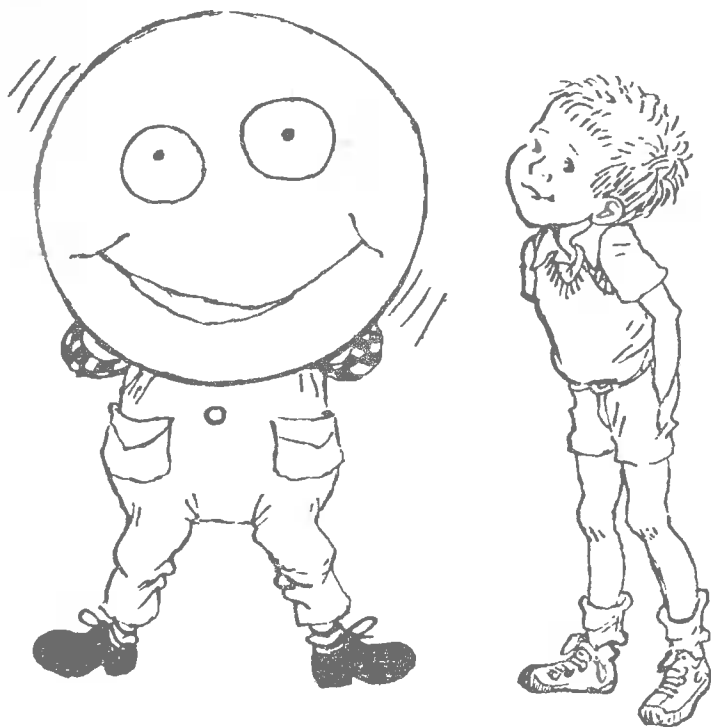
— Гей-гоп! — воскликнул Карлсон, и его пухлые ручки дрожали от нетерпения, когда он привязывал шарик к трубочке. Потом он приложил трубку ко рту, надул шар и закудахтал от радости, когда увидел, что лицо, нарисованное чёрной краской на жёлтом шаре, постепенно раздувается до невероятных размеров.

— С этим можно изображать старика, — сказал Малыш.

— Да, с этим можно изображать всё, что угодно, — уверил его Карлсон и снова выпустил воздух из шарика. — Главное, что с ним прекрасно можно курощать.

И дело пошло на лад. Пошло просто замечательно, хотя Малыш так хохотал, что чуть всё не испортил.

— Гей-гоп, — прошептал Карлсон и осторожно просунул воздушный шарик на стеклянной трубочке через глазок. Потом он стал дуть что было сил в трубку, а Малыш стоял рядом и давился от смеха. Он представил себе, как дядя Юлиус и фрёкен Бок сидят на диване у окна и вдруг видят, как у них на глазах в полутьме сумрака возникает и растёт

круглое, как пузырь, похожее на луну лицо старика. Малыш понимал, какое жуткое впечатление это должно произвести.

— Надо повесть, как привидение, — сказал Карлсон. — Подуй пока ты, чтобы шарик не спустил!

И Малыш стал дуть, а Карлсон — стонать и вздыхать, не жалея сил. Видно, те двое, что сидели запершись в гостиной, услышали эти стоны и увидели лунного старика, во всяком случае, вдруг раздался крик, которого Карлсон ждал.

— Они кричат, — радостно отметил Карлсон и тут же добавил: — Теперь главное — не останавливаться на достигнутом.

И он снова стал выпускать воздух из шарика. Раздался тихий и таинственный свистящий звук, а когда лунный старик растаял, Карлсон ловко вытащил из глазка трубочку со спущенным резиновым шариком и опять залепил дырку жвачкой, а сам, как ёжик, быстро-быстро заполз под круглый столик, покрытый скатертью, — тот самый, где они уже прятались, когда ждали жуликов. Малыш едва успел скрыться следом, как щёлкнул замок, раздвинулась дверь, и Фрёкен Бок просунула голову в прихожую.

— Я всё же думаю: дети, — сказала она.

Но за ней стоял дядя Юлиус, и он был другого мнения.

— Сколько раз я тебе уже говорил, что мы живём в мире сказок, в мире таинственного. Сказочные существа беспрепятственно проходят сквозь закрытые двери и стены, а ты не хочешь этого понять!

Фрёкен Бок покорилась и послушно сказала, что она, конечно, это тоже способна понять, если как следует подумает. Но она явно не желала, чтобы эти сказочные существа мешали ей пить кофе с дядей Юлиусом, и тут же увлекла его назад в гостиную. И Карлсон и Малыш снова оказались перед закрытой дверью.

«И смотреть в глазок было не очень-то весело», — думал Малыш. И Карлсон тоже так думал. Да, представьте себе, что и Карлсон так думал.

Тут, к счастью, позвонил телефон. Малыш подошёл. Какой-то женский голос попросил Фрёкен Бок. Малыш понял, что это Фрида с Фрейгáтен, и очень обрадовался. Теперь он имел законное право помешать Фрёкен Бок, и хотя вообще-то он был милым мальчиком, он сделал это с радостью.

— Фрёкен Бок, вас к телефону! — крикнул он и громко постучал в дверь гостиной.

Но безрезультатно.

— Скажи, что я занята! — крикнула в ответ Фрэнкен Бок из-за закрытой двери. Фрида была так же бессильна нарушить её уединение с дядей Юлиусом, как и сказочные существа.

Мальш вернулся к телефону и сказал, что Фрэнкен Бок не может подойти. Но Фрида хотела во что бы то ни стало узнать, чем так занята её сестра, что не может даже подойти к телефону, и засыпала Малыша вопросами. В конце концов он сказал:

— Лучше всего спросите её завтра сами.

Он положил трубку и поглядел, что делает Карлсон. Но Карлсона нигде не было. Мальш искал его всюду, в конце концов прибежал на кухню. Подошёл к открытому окну и увидел на подоконнике странную фигуру. Там стояло верхом на маминой любимой метле таинственное существо, готовое к отлёту. По всей вероятности, это и был Карлсон, хотя по виду существо это было похоже на маленькую ведьму: лицо, вымазанное чёрным, на голове косынка, а на плечах развеялся ведьминский плащ — мамин большой цветастый передник.

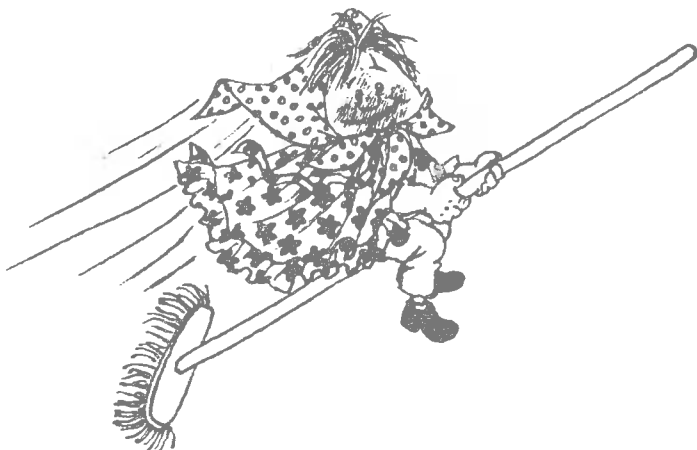
— Послушай, Карлсон, — сказал Мальш с испугом, — нельзя, чтобы дядя Юлиус видел, что ты летаешь!

— Я не Карлсон, — сказал Карлсон глухим голосом, — я ведьма, самая злая и самая страшная в мире ведьма.

— Ой! — вырвалось у Малыша.

— Да, да, я самое опасное существо из мира сказок, — не унимался Карлсон. — При виде меня у всех волосы становятся дыбом.

В голубых сумерках июньского вечера летела ведьма. Мальш глядел ей вслед, не зная, что предпринять. Потом он бросился в комнату Боссе, потому

что её окна выходили на ту же сторону, что и окна гостиной.

Ведьма увидела Малыша, широко улыбнулась и помахала ему рукой — очень кстати, а то Малышу стало уже казаться, что это настоящая ведьма, — а потом она заглянула в окно гостиной. Фрэнкен Бок и дядя Юлиус её, видно, не заметили, потому что до Малыша по-прежнему доносился ровный гул их голосов. И вдруг тишину вечера прорезал крик. Душе-раздирающий крик ведьмы (она хотела привлечь к себе внимание) — и гул голосов в гостиной тут же смолк.

А ведьма прилетела назад к Малышу, рывком сорвала с себя косынку и плащ, стёрла белой гардиной с лица сажу и разом превратилась снова в Карлсона, который швырнул метлу и ведьминские одежды Боссе под кровать.

— Знаешь что? — сказал Карлсон и, тяжело вздохнув, подошёл к Малышу. — Надо законом запретить старикам так себя вести.

— А что они делали? — спросил Малыш.

Карлсон раздражённо покачал головой.

— Он держал её за руку! Сидел и держал её за руку! Нет, представляешь, держать за руку домохозяйственницу! Ну, что ты на это скажешь?

И Карлсон посмотрел на Малыша так, словно он ожидал, что Малыш от удивления упадёт в обморок, а когда этого не случилось, крикнул:

— Разве ты не слышишь, что я говорю? Сидят и держат друг друга за руки! Есть же такие дураки на свете!

САМЫЙ БОГАТЫЙ В МИРЕ КАРЛСОН

Этот день Малыш никогда не забудет. Он сам рано проснулся: «лучший в мире Карлсон» не прилетел, чтобы его будить.

«Так странно», — подумал Малыш и побежал к почтовому ящику, за газетой. Он хотел успеть прочесть все те небывлицы, которые там будут написаны, прежде чем дядя Юлиус отнимет у него газету.

Но никаких детективных серий он там не нашёл. Малыш вообще дальше первой страницы никогда не доходил. Но тут он вдруг наткнулся на заголовок, который приковал всё его внимание:

ТАЙНА РАСКРЫТА — ЭТО НЕ СПУТНИК-ШПИОН.

А под этим заголовком была помещена фотография с видом Вестерборна и летящим над ним — да, тут ошибки быть не могло, — летящим над ним Карлсоном. Его портрет был тоже помещён в газете. Он стоял и с улыбкой указывал на свой пропеллер и на кнопку на животё.

Малыш стал читать, а когда прочёл, заплакал.

«У нас сегодня в редакции побывал странный посетитель. Этот красивый, умный и в меру ушпитанный мужчина в самом расцвете сил — так он сам себя определил — пришёл и потребовал, чтобы ему

вручили обещанное нами вознаграждение в размере десяти тысяч крон. Он сам, а не кто-то другой сумел раскрыть тайну Вазастана, как он нам объяснил, но он никакой не шпион, заявил он нам, и у нас нет оснований ему не верить.

«Я шпиону только за такими, как домомучительница и дядюшка», — заявил он. Всё это звучит по-детски и вполне невинно, и, насколько мы понимаем, этот «шпион» оказался обыкновенным толстым школьником — первым учеником в своём классе, как он нас заверил, — но у этого мальчика есть вещь, которую мог бы применить любой ребёнок, а именно: моторчик, с помощью которого можно летать, как, впрочем, это видно на картинке. Мотор этот сделан лучшим в мире изобретателем, как утверждает мальчик, но он отказался рассказать об этом более подробно. Мы сказали, что этот изобретатель стал бы мультимиллионером, если бы наладил массовое производство таких моторов, на что мальчик ответил: «Нет уж, спасибо, нельзя загрязнять воздух летающими мальчиками, достаточно нас двоих — меня и Малыша».

В этом месте Малыш улыбнулся — во всяком случае, спасибо, что Карлсон хотел летать только с ним и ни с кем другим, — а потом вздохнул и стал читать дальше.

«Надо, однако, признать, что мальчик всё же производит странное впечатление. Он говорит без умолку, как-то странно отвечает на наши вопросы и даже не пожелал назвать своей фамилии. «Моя мамочка — мумия, а отец — гном», — сказал он в конце концов, но большего нам добиться не удалось. Он немного болтает по-английски, возможно, отец его англичанин, во всяком случае, он, видимо, знаменитый летчик, если мы верно поняли болтовню мальчишки. И этот интерес к полётам явно передался сыну по

наследству от отца. Мальчик утверждает, что имеет право на обещанное вознаграждение.

«Я должен получить эти деньги, а не Филле и Рулле или какой-нибудь другой хулиган», — говорит он. И всю эту сумму он просит выдать ему пятиэровыми монетками, потому что только это, по его утверждению, «настоящие деньги». Он покинул нас, набив свой карманы пятиэровыми монетками. За остальными монетами он собирается зайти, прихватив с собой тачку. Редакция заявляет, что он может получить их в любой день. Разговор с ним был весьма любопытен, хотя и не всё, что он говорит, можно понять.

«Имейте в виду, что вы заплатили только приблизительно» — это были его последние слова, а потом он вылетел через окно и направился в сторону Вазастана.

Имя своё мальчик нам назвать отказался, боясь, что его имя попадёт в газету, «потому что Малыш этого не хочет», сказал он, и вообще создаётся впечатление, что он очень привязан к своему младшему брату. Мы не можем открыть имя мальчика, но всё же сообщим читателям, что оно начинается слогом «Карл», а завершается слогом «сон». Но если человек не хочет, чтобы его имя было напечатано в газете, то мы обязаны с этим считаться. Вот почему мы на протяжении всей статьи звали его только «мальчик», а не «Карлсон», как его, собственно, и зовут.

— Он очень привязан к своему младшему брату, — пробормотал Малыш и снова вздохнул. А потом подошёл к верёвочке у окна и резко позвонил, это был сигнал Карлсону: «Прилетай».

И Карлсон прилетел. Он так и сиял.

— В газете есть что-нибудь интересное? — спросил он, выкапывая, как всегда, из горшка персиковую косточку. — Читай вслух, если это действительно интересно.

— Ты всякий стыд потерял, — сказал Малыш. — Разве ты не понимаешь, что ты всё испортил. Нас с тобой уже не оставят в покое, никогда.

— А кому нужен покой? — удивился Карлсон, вытирая свой испачканные в земле руки о низаму Малыша. — Надо, чтобы было весело и забавно, а то я не играю. Ну, а теперь читай!

И пока Карлсон кружил по комнате, стараясь по-лучше разглядеть себя в маленьком зеркальце, Малыш читал ему вслух статью. Он пропустил слова «невероятно толстый» и вообще всё, что могло обидеть Карлсона, а остальное он прочёл от начала до конца, и Карлсон был счастлив.

— Интересное знакомство — это про меня. Да, в этой газете каждое слово — правда.

— «Он очень привязан к своему младшему брату», — прочёл Малыш и вопрошающе поглядел на Карлсона. — Эти слова тоже правда?

Карлсон перестал летать и задумался.

— Да, вообще-то да, — сказал он неохотно. — Удивительно, что можно привязаться к такому глупому мальчишке, как ты! Это только по моей доброте, потому что я самый добрый и самый милый в мире... Ну, читай дальше!

Но Малыш не смог читать, пока не проглотил комок в горле; значит, правда, что Карлсон привязан к нему! А на всё остальное тогда наплевать!

— Хорошо, что я попросил их не называть моего имени в газете, правда? — сказал Карлсон. — Я это сделал только для тебя, ведь ты хочешь держать меня в тайне, в полной тайне.

Потом он схватил газету и долго с любовью разглядывал обе напечатанные там фотографии.

— Здесь, боюсь, не видно, до чего я красив, — сказал он. — И что я в меру упитанный, тоже не видно, гляди!

Он сунул газету Малышу под нос, но тут же рванул её себе назад и горячо поцеловал свою фотографию, где он демонстрирует пропеллер.

— Гей-гоп, когда я себя вижу, мне хочется кричать «ура!», — сказал он.

Но Малыш отнял у него газету.

— Фрэнкен Бок и дядя Юлиус уж во всяком случае не должны её увидеть, — объяснил он. — Ни за что на свете!

Он сложил газету и засунул как можно дальше себе в ящик. Не прошло и минуты, как дядя Юлиус приоткрыл дверь его комнаты и спросил:

— Газета у тебя, Малыш?

Малыш покачал головой.

— Нет, у меня её нет.

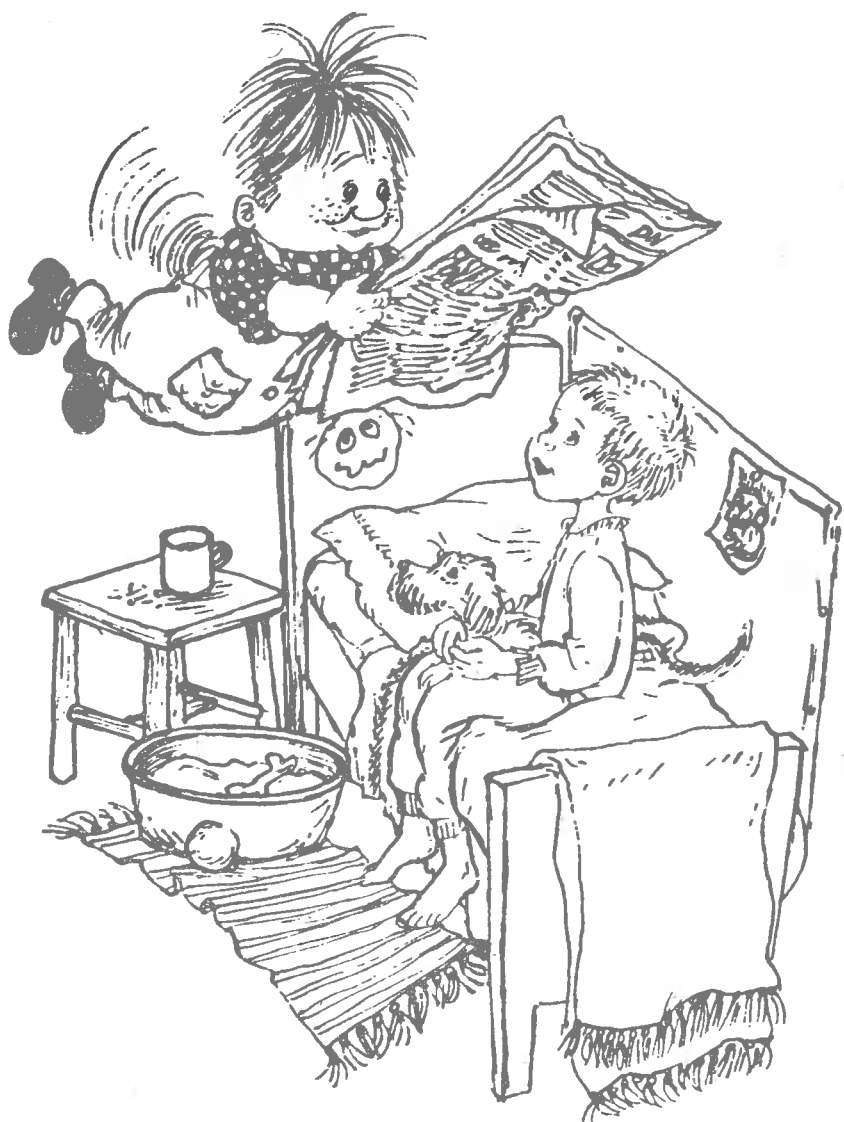
Ведь она правда была не у него, а лежала в ящике стола, оправдываясь он потом перед Карлсоном за свой ответ.

Впрочем, дядя Юлиус странным образом не проявил в тот день обычного интереса к газете. Его мысли были явно заняты чем-то другим, чем-то очень приятным, должно быть, потому что у него был непривычно счастливый вид. И потому ему надо было идти к доктору. В последний раз. Через несколько часов он уезжает к себе домой, в Вестергетланд.

Фрэнкен Бок помогала ему укладывать вещи, и Малыш и Карлсон слышали, как она его попутно наставляла: чтобы он не забыл застегнуть верхнюю пуговицу на пальто, а то ещё продует, и чтобы он осторожно переходил улицу, и чтобы не курил папосак!

— Какова домомучительница, а? — сказал Карлсон. — Ей, наверное, кажется, что она его жена!

Но этот день странным образом оказался полон сюрпризов. Не успел дядя Юлиус уйти, как Фрэнкен

Бок кинулась к телефону. И она говорила так громко, что Малыш и Карлсон невольно слышали весь её разговор.

— Алло! Это ты, Фрида? — начала она торопливо. — Ну как поживает твой прелестный носик?.. Видишь ли, это я уже слышала, но тебе больше нечего беспокоиться о моём носе, потому что я намерена его прихватить с собой, когда уеду в Вестергётланд... Ах да, я совсем забыла тебе сказать, что я собираюсь переехать в Вестергётланд... Нет, вовсе не в качестве экономки, а просто я выхожу замуж, хотя я и такая толстая... Ну, что ты скажешь? Да, конечно, ты имеешь полное право это узнать... За господина Юлиуса Иёнсена, именно за него... да, это чистая правда, ты говоришь с госпожой Иёнсен, дорогая Фрида... Я вижу, ты растрогалась... ты плачешь... Ну, ну, Фрида, не огорчайся, ты тоже ещё можешь встретить хорошего человека... Прости, но мне некогда больше с тобой говорить, мой жених сейчас придёт... Я потом ещё позвоню, Фридошка.

Карлсон глядел на Малыша широко раскрытыми глазами.

— Скажи, есть лекарства, которые лечат дураков? — спросил он наконец. — Если есть, то надо срочно дать его дяде Юлиусу, да ещё самую большую дозу!

Но Малыш ничего не слышал про такое лекарство.

Карлсон сочувственно вздохнул, а когда дядя Юлиус вернулся от доктора, он подошёл к нему и молча сунул в руку пятиэровую монетку.

— Это ещё зачем? — спросил дядя Юлиус.

— Купи себе что-нибудь приятное, — сказал Карлсон печально, — ты в этом нуждаешься.

Дядя Юлиус поблагодарил Карлсона, но он был так весел и счастлив, что не нуждался в пяти эре для

подъёма настроения. Дядя Юлиус всё повторял, что он счастлив и что никогда не забудет этих дней. А кроме того, здесь ему открылся замечательный мир сказок. Правда, он испугался, когда увидел, что мимо окна пролетает ведьма, это он отрицать не будет, но...

— Не просто ведьма, — уточнил Карлсон, — а самая ведьмистая ведьма на свете!

Но главное, что он снова окунулся в мир своих предков, гнул своё дядя Юлиус, и это его несказанно радует. Эти прекрасные сказочные дни прошли, но он завоевал сердце сказочной принцессы, и вот теперь будет свадьба.

— Сказочная принцесса! — повторил за ним Карлсон, и глаза его заблестели. Он долго смеялся, потом поглядел на дядю Юлиуса, покачал головой и снова принялся хохотать.

Фрёкен Бок хлопотала на кухне: такой весёлой Малыш её ещё никогда не видел.

— Я тоже очень полюбила ведьм, — сказала она, — потому что, если бы одна ведьма не летала у наших окон и не пугала бы нас, ты, Юлиус, никогда бы, наверное, не кинулся мне на шею, и вообще ничего бы не было.

Карлсон подпрыгнул на месте с досады, а потом пожал плечами.

— Что ж, пустяки, дело житейское! — сказал он. — Хотя не думаю, чтоб у нас в Вазастане было много ведьм.

А фрёкен Бок говорила уже о свадьбе и с каждой минутой выглядела всё счастливее и счастливее.

— Ты, Малыш, будешь у нас на свадьбе, — сказала она. — Тебе сошьют бархатный костюм, ты будешь в нём такой красивый.

Малыш содрогнулся. Чёрный бархатный костюм... Да Кристер и Гунилла его засмеют!

Зато Карлсону было не до смеха. Он всерьёз обиделся.

— Так я не играю, я тоже хочу быть на свадьбе, я тоже хочу, чтобы мне шили чёрный бархатный костюм!.. Нет, так я не играю!..

Тут настала очередь фрёкен Бок посмеяться вволю.

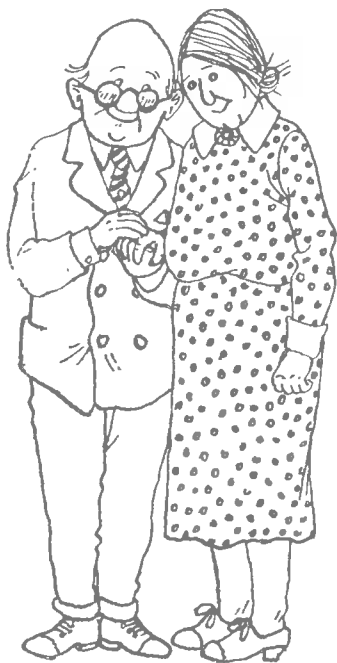
— Весёлая будет с тобой свадьба, не соскучишься.

— Я тоже так думаю, — горячо подхватил Карлсон, — я буду стоять у тебя за спиной в чёрном бархатном костюме, и кидать всё время пятиэровые монетки, и стрелять из своего пистолёта! Что за свадьба без салюта!

Дядя Юлиус был так счастлив, что ему хотелось, чтобы все были счастливы, и он тут же пригласил Карлсона. Но фрёкен Бок сказала, что тогда свадьба будет без неё.

И в тот день тоже настал вечер. Малыш сидел у Карлсона на крыльце, сгущались сумерки, и во всём Вазастане зажглись огни, и во всём Стокгольме — море огней, куда ни погляди.

Да, настал вечер, Малыш сидел рядом с Карлсоном, и это было хорошо. Как раз сейчас в Вестергётланде на маленькой станции остановился поезд и из вагона вышел дядя

Юлиус. Где-то в море плывёт назад, в Стокгольм, белый пароход, а на его палубе стоят мама и папа. Фрекен Бок была у себя дома, на Фрейгатен, чтобы ободрить Фриду. Бимбо спал в своей корзинке. Но здесь, на крыше, Малыш сидел со своим лучшим другом, и они ели свежие плюшки фрекен Бок. Всё это было замечательно. И всё же Малышу было тревожно.

Нет тебе покоя, если ты дружишь с Карлсоном!

— Я попытался тебе объяснить, как мог, — сказал Малыш. — Я оберегал тебя до сих пор, это верно. Но что теперь будет, я не знаю.

Карлсон закинул себе в рот целую плюшку и проглотил её.

— Какой ты глупый! Теперь они могут охотиться за мной, чтобы получить несколько пятиэровых монет, я всему этому положил конец; пойми, Филле и Рулле теперь нечего за мной гоняться.

Малыш тоже взял плюшку и откусил кусочек.

— Нет, это ты глупый. Теперь весь Вазастан, во всяком случае целые толпы дураков, будет ходить за тобой по пятам, чтобы поглядеть, как ты летаешь, или украсть твой мотор.

Карлсон оживился.

— Ты думаешь? Если ты прав, то мы можем сегодня хорошо повеселиться, во всяком случае.

Малыш всерьёз разозлился.

— Как ты справишься, — сказал он гневно, — как ты справишься, я тебя спрашиваю, если тебя будут осаждать толпы народа!

— Ты знаешь, есть три способа: курощение, низведение и дуракаваляние. И я думаю, что придётся применить все три сразу.

Карлсон склонил голову набок и посмотрел на него лукаво.

Карлсон выглядел так забавно, что Малыш невольно улыбнулся и повеселел. Карлсон сунул руки

в карма́ны и ра́достно позвенёл сво́ими пятиэ́ровыми монётками.

— Гей-гоп, бога́тый, и краси́вый, и у́мный, и в ме́ру упита́нный мужчи́на в са́мом расцвёте сил, э́то я, лу́чший в ми́ре Ка́рлсон, лу́чший во всех отноше́ниях, ты э́то понима́ешь, Ма́лыш?

— Да,— отве́тил Ма́лыш.

Но в карма́не у Ка́рлсона бы́ли не то́лько пятиэ́ровые монёты, но и ма́ленький пистоле́т, и прёжде чем Ма́лыш успе́л остано́вить Ка́рлсона, вы́стрел прокати́лся по все́му Вазаста́ну.

«Ну вот, начина́ется»,— подума́л Ма́лыш, когда уви́дел, что в сосе́дних дома́х раскрыва́ются о́кна, и слы́шал гул взволно́ванных голосо́в.

Но Ка́рлсон запе́л свою́ пе́сенку и большо́ими па́льцами он отбива́л такт:

Пусть всё круго́м
Гори́т огне́м,
А мы с тобо́й споём:
Ути́, боссе́, буссе́, бассе́,
Биссе́, и отдохне́м.

Пусть ты́щу бу́лочек несу́т
На день ро́ждения к нам.
А мы с тобо́й устро́им тут
Ути́, боссе́, буссе́. капу́т,
Биссе́ и тарара́м.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«В городе Стокгольме, на самой обыкновенной улице, в самом обыкновенном доме живёт самая обыкновенная шведская семья, по фамилии Свántесон». Так начинается книжка про Мальша и его «не совсем обыкновенного друга» — Карлсона, который живёт на крыше и умеет летать.

Если забраться на крышу дома Мальша, отыскать за трубой домик Карлсона с зелёными ставнями, сесть на крылечко и поглядеть вокруг, то увидишь крыши, крыши, крыши да высокие шпили городских башен. Поздним вечером звёзды над крышами такие крупные и висят так низко, что, кажется, протяни руку — и достанешь. А ранним утром из-за крыши встаёт солнце над городом Стокгольмом.

А ты знаешь, где он, этот город Стокгольм? В какой стране? Как найти его на карте?

А вот как. Если ты посмотришь на карту мира, то на северо-западе, почти у самого Северного полюса, увидишь большую мохнатую собаку, разрисованную коричневой и жёлтой краской. Только по краям немного зелёного. Это Скандинавский полуостров. На нём расположены две самые северные страны Европы — Норвегия и Швеция.

Мохнатым этот полуостров выглядит на карте оттого, что берега его очень неровные: здесь великое множество узких заливов — фьордов, скалистых полуостровов и островков — шхер. Коричневым и жёлтым он раскрашен потому, что большую часть его занимают холмы, покрытые лесами, и богатые рудой горы, а горы и плоскогорья всегда изображают на карте коричневыми и жёлтыми. И только по берегам полуострова плодородная равнина: распаханные поля, зелёные луга, на которых пасутся коровы — белые с чёрными пятнами, чёрные с белыми пятнами

и почти такие же красные, как старинные деревянные крестьянские домики, которые до сих пор ещё сохранились в деревнях Швеции.

Швеция занимает «брюхо» полуострова, похожего на собаку, и его огромную зелёную «перёднюю лапу». Вот на этой-то «лапе» — а иначе говоря, на восточном побережье Скандинавского полуострова — и находится столица Швеции город Стокгольм. Он расположен на берегах пролива, соединяющего большое озеро Меларен с морем, и на четырнадцати островах, связанных между собой высокими мостами. По мостам и улицам Стокгольма бегут трамваи, катят автобусы и автомобили, движется широкий поток велосипедистов. А в «старом городе», на острове Стаден, улицы такие узкие, что по ним и машине не проехать.

Крыши, крыши, крыши — красные черепичные, гүлкие железные... А на одной из крыш, за трубой, притаился маленький домик с зелёными ставенками, с крылечком и табличкой над дверью: «Кáрлсон, который живёт на крыше. Лучший в мире Кáрлсон». В домике у Кáрлсона — камин, верстак, заваленный всяким хламом, керосиновая лампа...

«Домик? Маленький домик за трубой? Не может быть!» — подумал один трубачист, споткнувшись о домик Кáрлсона, и тут же о нём позабыл. Разве взрослые станут обращать внимание на такие мелочи? Но уж кто-кто, а ребята о нём не забудут. Может быть, только сперва немного удивятся. Конечно, не тому, что он стоит на крыше, — это разве что взрослому непонятно. А вот что удивительно: как же это так, среди современного большого города с многоэтажными домами, в которых есть и пылесосы, и телевизоры, и мусоропроводы, оказался вдруг маленький домик, в котором нет даже самой обыкновенной электрической лампочки, а вместо неё с потолка свисает «только коловорот, и кошёлка с орехами, и пакет пистонов, и клёщи, и небольшой саквояз, и мешок сушёных вишен, — а больше ничего». Домик с камином, где пылает огонь... Кочерга, керосиновая лампа... Не удивляйтесь! Такие домики есть в Стокгольме. Один из островов, на которых раскинулся

город, занимает огромный музей — Скáнсен. Это музей под открытым небом. В него перевезли со всех концов страны старинные крестьянские дома, сараи, ульи. Над трубами вьётся дымок, над ульями кружатся и жужжат пчелы. И ребята — шведские школьники — приходят сюда, чтобы посмотреть на старую Швецию — страну лесорубов, рыбаков, земледельцев.

Вот над этой-то страной и пролетел когда-то Нильс Хольгерсон, герой сказочной повести шведской писательницы Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями». Читали вы эту книжку? Если нет, обязательно прочтите.

Верхом на белом домашнем гусе Мартине, увязавшемся за стаей диких гусей, Нильс пролетел через всю Швецию — с юга на север, до самой Лапландии, где живут оленеводы саами, где растут только мхи да лишайники, а потом обратно с севера на юг — в родную деревню, где раньше он пас гусей и учил, хоть и без особой охоты, уроки при свете керосиновой лампы. Прочитав о полёте Нильса, вы узнаете многое о прошлом той страны, где в наши дни живёт мальчик Сванте Свантесон, по прозвищу Мальшп, и его тайный друг Карлсон — герой книжки современной шведской писательницы Астрид Линдгрен.

В старину люди ездили верхом на конях, и понятно, что мальчик в сказке про те времена, превращённый в маленького человечка, летал верхом на гусе. А вот в книжке Астрид Линдгрен маленький человечек Карлсон, похожий на мальчишку, летает не верхом на гусе, и даже не на самолёте и не на вертолёте, а «сам по себе». «Стоит ему только нажать кнопку на животё, как у него за спиной тут же начинает работать маленький хитроумный моторчик. С минуту, пока пропеллер не раскрутится как следует, Карлсон стоит неподвижно, но когда мотор заработает вовсю, Карлсон взмывает ввысь и летит, слегка покачиваясь, с таким важным и достойным видом, словно какой-нибудь директор...» Правда, живёт этот маленький человечек с пропеллером на спине в старом доме, в каких всегда жили в старинных шведских сказках сказочные человечки — «чурь», но примостился его домишко на крыше большого дома в сего-

дняшнем Стокгольме. И вот Карлсон кружит над столицей — то спикирует на чей-нибудь балкон, то влетит с жужжанием в окно Малыша и приземлится посреди комнаты.

Странно только одно: почему ни мама, ни папа, ни Боссе, ни Бетан так долго не верят, что Карлсон не выдумка Малыша, а существует на самом деле. Может быть, потому, что никогда ещё ни к кому из ребят не прилетали никакие Карлсоны играть в кубики и запускать паровые машины? Но ведь чего только не случается иной раз на свете! И особенно в детских книжках — в старинных и современных сказках. Маме, папе, Боссе и Бетан хочешь не хочешь, а придётся самим во всём убедиться. А уж потом все так привыкнут к Карлсону, что и удивляться-то перестанут. «Домомучительница» фрёкен Бок даже скажет: «Пропёллер, кнопка... да мало ли что ещё может быть у мальчишки в наше время! Скоро они полетят на Луну, не начав ходить в школу!»

Очень современный человек этот летающий Карлсон. И всё время он кажется нам таким знакомым, словно похожим на кого-то. Может быть, на самого Малыша, когда тот играет в вертолёт? Только Малыш играет, а Карлсон летает по-настоящему. Может быть, па заводную игрушку — толстенького летающего человечка? Только живого.

Да и характер Карлсона, и привычки, и словечки, как они ни смешны и ни удивительны, кажутся нам почему-то знакомыми. Вот Карлсон, болтая без умолку, кружит по комнате, трогает всё, что попадает под руку, открывает и закрывает ящики, разглядывая сокровища Малыша — цветные мелки, марки, морские камешки... Вот он сердится на Малыша за то, что тот сразу нашёл его в шкафу, а не искал сперва хоть немного под кроватью... Вот он с горящими глазами бросается к горе кубиков и начинает ставить их один на другой, воздвигая «лучшую в мире» башню. Вот он стучится в ванную, где заперлась от него фрёкен Бок, и кричит: «Сейчас же отпирь! А то я не играю!»

Где-то мы всё это уже видели, слышали, когда-то всё это уже было. С кем это было? С тобой, с твоими друзьями, с дру-

зьями твоих друзей — со всеми, кому уже больше четырёх, но ещё меньше четырнадцати.

«Спорим, что моя бабушка больше похожа на бабушку, чем твоё, — говорит Карлсон Малышу, встретившись с ним после лета. — Спорим?» Но уж о том, что сам Карлсон больше всех ребят похож на всех ребят, а особенно на некоторых, и спорить нечего — это ясно всякому. Кто лучше Карлсона умеет забавляться, развлекаться, веселиться, проказничать? Кто лучше Карлсона умеет выдумывать всякие игры — в прятки, в привидения, в больного, в палатку с фонариком, в погоню, в «Вечер чудес»? Кто больше Карлсона любит мясные тефтели, шоколад, конфеты и пироги со взбитыми сливками? Кто чаще Карлсона говорит, надувшись: «Нет, я так не играю! Это несправедливо!» И кто быстрее Карлсона забывает все обиды, обрадовавшись старому фонарику, который — ура! — зажигается.

Может быть, Карлсон и вправду «лучший в мире рисовальщик петухов», «лучшее в мире привидение» и «лучший в мире внук», как утверждает он сам. Но уж во всяком случае он лучший в мире товарищ по играм. А когда дело дойдёт до серьёзных вещей, Карлсон не подведёт — и втащит за руку на крышу поскользнувшегося Малыша, слетает за бутылочкой молока для голодной Гуль-фии, «чрезвычайно заброшенного младенца», одурочив жуликов, выручит из беды простодушного деревенского паренька Оскара и, одурочив их во второй раз, спасёт кошелек и часы дяди Юлиуса. И даже — как ни боится опоздать на пирог! — не забудет принести в подарок Малышу свой любимый свисток.

Правда, он тут же предупредит Малыша, что часто будет брать у него этот свисток, даже очень часто, почти каждый день. Но Малыш на него не обидится. Стоит ли обижаться по таким пустякам? Стоит ли вообще обижаться на «лучшего в мире Карлсона»?

Нет, не то чтобы Малыш совсем уж ничего не замечал. Это в первые дни знакомства с Карлсоном он разинув рот слушал его рассказы о «тысячах паровых машин», «тысячах картин с петухами», «тысячах летающих собак» — «там, наверху». Но

когда постепенно выясняется, что все машины «вдруг взорвались», все собаки «разлетелись», а все петухи «свелись» к одному «очень одинокому петуху», он начинает кое о чём догадываться. О, к концу первой части книжки Малыш уже прекрасно разбирается в том, что имеет в виду Карлсон, когда предлагает отдать все конфеты «на благотворительные цели»!

«Хорошо, — отвечает он Карлсону, — если я получу коробку конфет, я тебе её отдам». Он уже хорошо знает, каково проигрывать или выигрывать у Карлсона спор и делить с ним сласти, знает и как надо отвечать на все вопросы, начинающиеся со слов: «Угадай, кто лучший в мире...» Ответать на них надо всегда одинаково: «Конечно, ты, Карлсон!»

Да и про читателей нельзя сказать, что они уж совсем ни о чём не догадываются. И они замечают, как похож Карлсон не только на всех ребят на свете, но и особенно, как уже было сказано, на некоторых. А главное, как эти некоторые похожи на Карлсона. С каждым разом всё смешнее вновь узнавать привычки и словечки Карлсона. Но ещё смешнее подмечать эти привычки у своих знакомых и у самого себя. А смех, как известно каждому, «лучшее в мире лекарство», вроде «приторного порошка», которым лечится Карлсон.

Одни ребята будут вырастать из Малышей — товарищей и читателей Карлсона, другие — подрастать и становиться его читателями, а толстенький человечек с кнопкой на животе так уж навсегда и останется «лучшим в мире Карлсоном» — сладёной, «жадиной», шутником, озорником, хвастунишкой. Но Малыш, и его друзья — Кристер и Гунилла, и все читатели всё равно любят Карлсона за весёлый, смелый и добродушный нрав, за беспечную предприимчивость и бесконечные выдумки. Они с улыбкой прощают «в меру убитанному мужчине в самом расцвете сил» его забавные детские слабости. И Малыш с радостью соглашается стать Карлсону «родной матерью», готовить ему «приторный порошок», подметать ореховую скорлупу в его домике, шить ему при свете керосиновой лампы «привиденческие одежды» и даже подарить на второй день рождения в году свою любимую игрушку — малюсенький пистолетик, который уме-

щается в спичечной коробке, но стреляет так же громко, как настоящий. «Ведь что ни говори, а не очень-то уютно жить одному в маленьком домике, да ещё в таком, о котором никто не слышал».

Когда книжка про Малыша и Карлсона была впервые переведена на русский язык, ребята, читатели одной московской детской библиотеки, написали Астрид Линдгрэн письма о том, что они тоже полюбили её героев — «лучшего в мире Карлсона» и Малыша, который умёт так хорошо дружить.

«Я получила твоё письмо, — писала Астрид Линдгрэн, отвечая одной девочке, — и поверь мне, очень ему обрадовалась. Я никогда раньше не получала писем из Москвы... Летом я живу в Фурусунде, который находится в стокгольмских шхерах. Мой дом стоит у самого берега моря, и я вижу пароходы, которые идут в Финляндию, а оттуда недалеко до России, где ты живёшь. Сейчас у нас светит луна, интересно, светит ли она у тебя? Я очень рада, что тебе понравился Карлсон...» Ребята просили Астрид Линдгрэн написать продолжение «Малыша и Карлсона». Всем хотелось узнать, прилетит ли Карлсон, когда Малыш вернется от бабушки. Вот что ответила Астрид Линдгрэн: «Я со временем напишу продолжение, но это будет не так скоро, потому что сначала я должна написать ещё много других книг».

Те, кто переписывались с Астрид Линдгрэн, уже выросли, а вы, ребята, будете читать «Малыша и Карлсона» сразу вместе с продолжением и ещё одним продолжением.

Малыш растёт — он уже учится во втором классе, а в третьей части книжки переходит в третий. Растёт и умнеет, но остаётся всё таким же бесхитростным и таким же верным другом. Зато Карлсон совсем не меняется. Он всё ещё не умёт читать и не знает сложения, а пишет кривыми печатными буквами с чудовищными ошибками — как дошкольник. И привычки его остаются прежними. Он всё так же кружит по комнате, высматривая, как бы позабавиться, всё так же любит тефтельки, булочки и пироги со взбитыми сливками, всё так же считает себя «лучшим в мире» и надувается, когда Малыш забывает повто-

рять ему́ это на ка́ждом шагѹ. И всё та́к же куроле́сит, как озор-
но́й ребёнок... А мо́жет, как и «чур», гном, домово́й из старин-
ной шведской сказа́нки? Да ка́кой же это «чур», гном, домово́й —
с кно́пкой на животе́ и пропе́ллером на спине́? Но как ра́ньше,
в старинных сказа́нках, «чур», гном, домово́й порови́л пошутить
над жа́дной хозяйкой и толстопу́зым скря́гой, так в сего́дняшней
сказке Ка́рлсон — «ника́кой не гном, а про́сто Ка́рлсон, кото́рый
живёт на кры́ше и уме́ет летать» — норови́т подшутить над
фре́кен Бок, решившей во что́ бы то ни ста́ло вы́ступить по
телеви́зору, и над чересчу́р уж самодово́льным дяде́й Юлиусом,
кото́рый всех поуча́ет, и над двумя́ ворю́гами — Фи́лле и Ру́лле,
охотящимися за «спу́тником-шпио́ном» ра́ди нажи́вы, и над
«краси́вым, у́мным и в ме́ру упи́танным» представителем швед-
ского телеви́дения, гоняющимся за сенса́цией, и над реда́кцией
шведской газе́ты, пу́стившей «газетную у́тку» про «спу́тника-
шпио́на», что́бы привле́чь поди́счиков... А обеща́нного вознагра́-
ждения в де́сять ты́сяч крон «за раскры́тие та́йны» Ка́рлсон
так и не взял, то́лько наби́л карма́ны блестя́щими пяти́эровыми
монётками — за остальными́ он, мо́жет, когда́-нибудь пото́м при-
е́дет с та́чкой. И «мультиллионе́ром» он стать отка́зался.
К че́му Ка́рлсону бога́тство? Ему́ ведь на́до то́лько, «что́бы было́
весе́ло и забавно́» и что́бы «ка́ждый име́л пра́во быть Ка́рлсо-
ном», то есть са́ми́м собо́й. Да и всерьёз ли «раскры́та та́йна»?
Или то́лько в шу́тку?..

Астрид Ли́ндгрэн написа́ла и мно́го други́х книг для дете́й.
Их чита́ют на ра́зных язы́ках ребя́та бо́лее чем в двадца́ти стра-
нах ми́ра. За свои́ весёлые, у́мные и до́брые кни́ги она́ два ра́за
получа́ла междунаро́дную пре́мию — меда́ль и́мени вели́кого
сказа́чника Га́нса Христиа́на Андерсена.

Когда́ вы немно́го подро́стёте, обяза́тельно прочита́йте дру-
гие её кни́жки, переведе́нные на ру́сский язы́к: «Приключе́ния
Ка́лле Блю́мквиста», «Ра́смус-бродя́га», «Пе́ппи Длинный Чу-
ло́к», «Мы — на о́строве Сальткро́ка». Они́ вам наверняка́ поцра́-
вятся!

А. Исáева

СОДЕРЖАНИЕ

Малыш и Карлсон, который живёт на крыше

Карлсон, который живёт на крыше	4
Карлсон строит башню	14
Карлсон играет в палатку	26
Карлсон держит пари	38
Продёлки Карлсона	58
Карлсон играет в привидения	75
Карлсон выступает с учёной собакой Альберг	94
Карлсон приходит на день рождения	110

Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел

Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел	130
Дёма у Карлсона	151
Карлсон шумит	160
Карлсон устраивает пир	173
Карлсон и телевизор	188
Звонок Карлсона	202
Малютка привидение из Вазастана	213
Карлсон не привидение, а просто Карлсон	225
Гордая юная девица улетает далеко-далеко!	241
Красивый, умный и в меру упитанный	254

Кáрлсон, кото́рый живёт на кры́ше, прока́зничает о́пять

Ка́ждый имéет пра́во быть Ка́рлсоном	268
Ка́рлсон вспоми́нает, что у него́ день рождéния	287
Ка́рлсон — пéрвый учени́к	307
Ка́рлсон но́чует у Малы́ша	319
Ка́рлсон устраи́вает тарара́м и блины́	331
Ка́рлсон — лу́чший в ми́ре специа́лист по хра́пу	348
Ка́рлсон — лу́чший в ми́ре почво́й прока́зник	360
Ка́рлсон открывáет дяде́ Юли́усу мир скáзок	379
Са́мый бога́тый в ми́ре Ка́рлсон	395
Послeслoвие	406

Для начальнóй шкoлы

Астрид Линдгрен

ТРИ ПОВЕСТИ О МАЛЫШЕ И КАРЛСОНЕ

ИБ № 4744

Ответственный редактор *Г. В. Кузнецова*. Художественный редактор *М. Д. Сухопцева*.
Технический редактор *И. П. Савенкова*. Корректоры *Г. Ю. Жильцова* и *Э. И. Силова*.
Сдано в набор 12.08.80. Подписано к печати 30.12.80. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр.
№ 2. Шрифт обыкновенный. Печать высокая. Усл. печ. л. 24,18. Уч.-изд. л. 18,36. Тираж
200 000 экз. Заказ № 2269. Цена 75 коп. Ордена Трудового Красного Знамени изда-
тельство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудово-
го Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Ростлавполиграфпрома Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва,
Суцёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот».

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы
об этой книге присылать по адресу:
Москва, 125047, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

Линдгрен Астрид

Л59 Три повести о Малыше и Карлсоне/ Пер. со швед. Л. Лунгиной; Послесл. А. Исаевой; Рис. И. Викланд.— М.: Дет. лит., 1981.— 415 с., ил.

В пер.: 75 к.

В эту книгу вошли три повести известной шведской писательницы про обыкновенного мальчика Сванте Свантесона, по прозвищу Малыш, и его необыкновенного друга Карлсона.

А $\frac{70802-071}{M101(03)81}$ 469—81

И(Швед)

75 коп.

О МАЛЫШЕ
И КАРЛСОНЕ

ЭЛЛИ ХОУТОН

Амстердам
Амстердам

